

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЕЙ

Перед Вами книга, которая волею человека почти полтора века пролежала под спудом. Но не в силах человека что-либо делать без участия воли Божией. Потому ныне, *во время благопотребное*, непостижимыми судьбами Господними доселе сокровенная книга является на свет.

Книга содержит полный текст рукописи жития святителя Игнатия (Брянчанинова), епископа Кавказского и Черноморского, составленного его близкими учениками. Жизнеописание святителя было издано в I томе его творений в настолько сокращенном и отредактированном цензурой виде, что настоящее издание — книга совершенно другая. Ныне волей Божией мы получили возможность, прочитав полностью это глубоко назидательное повествование, открыть для себя многие ранее неизвестные черты жизни и духовного облика святителя Игнатия.

Человеческая цензура на основании лжеименного разума сократила все то, что не могла вместить. Это хорошо становится видно при сравнении того, что было в житии изначально и что осталось. Были сокращены даже некоторые эпизоды детских лет святителя, не говоря уже о непростых моментах его взаимоотношений с оптинскими старцами и некоторыми известными иерархами, например, святителем Московским Филаретом (Дроздовым). Деятельность же епископа Игнатия на Кавказской кафедре настолько не вместились в понятия цензоров, что эти назидательнейшие в духовном и историческом отношении главы были выброшены целиком.

Личность святителя Игнатия оказалась настолько неординарной, что никак не могла вписаться в современную ему эпоху. Проще оказалось сократить все самое яркое в его характере, вычеркнуть из жития все то, что не соответствовало понятиям «человеков в футлярах», заботившихся о том, «как бы чего не вышло» (А. П. Чехов). Таким образом, изданное житие оказалось сокращенным по сравнению с рукописью в несколько раз! На бумаге остался выхолощенный, лубочный образ святителя. Но даже там, где осталось лишь «дозволенное цензурой», образ святителя удивляет, поражает, покоряет всякого, соприкоснувшегося с ним, как покоряет и само его слово.

Святитель Игнатий не был воспитан в семинарской бурсе в духе мертвящей схоластики, как он сам говорит о себе: «Об епархии думать мне невозможно... по отдельному совершенно характеру от всех архиереев. Они — воспитанники Академий, а я — воспитанник монастыря, следовательно, персона решительно отсталая, нисколько не подходящая к целому составу».* Слово святителя — его живой опыт. Это крепкое слово реет как победоносное знамя на поле битвы со страстями, собирая под своей живоносной сенью сонмы ищущих спасения. Это живое слово *острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные* (Евр. 4; 12). Его не вмещают, не могут вместить сыны века сего.

В XIX веке тщательно цензурировались, вымарывались, подчищались даже тексты святых отцов Православной Церкви, которые писались много веков назад. Везде выискивалась крамола. Из переписки святителя Игнатия с Оптинскими старцами** известно, сколько трудов нужно было положить, чтобы какой-либо перевод святоотеческой книги или житие подвижника благочестия увидели свет, хотя бы и в сильно отцензурированном и сокращенном виде. Годами рукопись передавалась от инстанции к инстанции, от одного

* Собрание писем святителя Игнатия. М.; СПб., 1995. С. 737.

** Игнатий (Брянчанинов). Странствие ко вратам вечности. М., 2001.

бюрократа к другому. Везде боялись взять на себя ответственность за публикацию. Рукописи пылились годами, многое пропало безвозвратно.

Святитель Игнатий пишет о книге писем Георгия, Затворника Задонского, которую предполагалось представить на конференцию Академии на получение Демидовской премии: «Если же Вам угодно знать мое мнение о том, может ли книга писем святого Затворника получить премию, то Вам говорю мое мнение: не может, имея значительное достоинство духовное и не имея плотского, ибо письма произнесены благодатию, не имея благоустройства человеческого слова. Слово же благодатное не может быть познано плотским человеком, который зрит только на внешность слова, и если сие внешнее слово не имеет внешнего устройства, то он всему ругается: юродство бо ему есть».*

Многие книги были изданы только благодаря вмешательству самого святителя Игнатия и других просвещенных иерархов, которые понимали значение святоотеческого слова. Святые отцы издавались вопреки цензуре, с невероятными трудностями. Творения самого свт. Игнатия были запрещены к изданию (см. настоящее издание, с. 166).

С тех пор минуло много лет. Тяжкие очистительные бури пронесли над нашим Отечеством. Ныне мы живем совсем в другой стране. Но, как писал святитель Игнатий, «Будущее России — в руках Божественного Промысла... России предназначено огромное значение».** Сегодняшняя Россия отличается очень во многом, почти во всем, от России времен святителя Игнатия. Много ушло безвозвратно. Много, но не все. Не надо предаваться печали о той «России, которую мы потеряли». В огненных испытаниях приобретено большее. Прежде всего, сонмы новомучеников и исповедников Российских — тысячи тысяч новых святых молитвенников за Русь. За ними придут другие. Возможно, среди них будут те, кто сегодня самоотверженно возрождает святые храмы, восстанавли-

* Игнатий (Брянчанинов). Странствие ко вратам вечности. М., 2001. С. 171.

** Игнатий (Брянчанинов). Будущее России в руках Божественного Промысла. М., 1998. С. 29, 54.

ливают обители. Прежняя Святая Русь, сегодняшняя и будущая Россия скованы, как звенья единой неразрывной золотой цепи, сонмами святых. Нас и наших предков объединяют прежде всего духовные идеалы. И пока это будут идеалы Евангелия и Православия, мы останемся тем же русским народом, не столько теряющим в испытаниях и оскудевающим, сколько приобретающим и обогащающимся.

Одно из прекраснейших звеньев этой золотой цепи русской святости — святитель Игнатий Ставропольский. Этот святой — величайший дар Божий России и Русской Церкви, в особенности же — российскому монашеству. Он не был понят и по достоинству оценен современниками. Время же, этот лучший судья, показало величие святителя, его мудрость, прозорливость, дар глубочайшего пророчества, простиравшегося вперед на многие века. Значение личности и письменных творений святителя Игнатия раскрывается не сразу, постепенно понимается его потомками. Вероятно, и ныне святитель еще не раскрыт и не понят до конца.

Некогда один из современников святителя Василия Великого сказал: «Если где-то встретишь изречение святого Василия и тебе будет негде его записать, запиши на своей одежде». С полным правом то же можно сказать о святителе Игнатии. Не будет никакого преувеличения, если мы назовем его Василием Великим нашего времени. После святителя Игнатия не было в нашей Церкви ни одного святого, который оказал бы такое влияние на судьбы монашества, Церкви, Православия, а значит и России в целом, т. к. Россия — это прежде всего ее Церковь.

Книги святителя Игнатия — это не только духовные, аскетические писания. Святитель — величайший художник слова, соединивший в себе лучшие черты великой русской литературы, блестящее светское образование и святость жизни, доставившую ему обширнейшие духовные познания. Слову святителя Игнатия присуща тонкая высокая поэзия. Одновременно он аскет, художник и философ. Ныне в возрождающейся России книги святителя Игнатия занимают достойное место в лучших библиотеках страны. Придет время, и они

будут изучаться в учебных заведениях наряду с произведениями великих русских классиков.

В предлагаемом ныне благочестивому читателю житии святителя Игнатия (Брянчанинова), составленном ближайшими его учениками и сподвижниками, раскрываются сокровенные черты личности великого святителя, становятся явными прежде неизвестные факты его жизни. Надеемся, что святитель сделается ближе для его многочисленных почитателей, а для тех, кто знает его поверхностно или совсем не знает, благодаря этой книге произойдет первая встреча со святым, и читателю откроется богатый, неведомый доселе мир его творений. В любом случае книга никого не оставит равнодушным.

Просим читателей помолиться за тех людей, которые сохранили для нас эту рукопись, сделали возможным ее издание: прежде всего за директора Российской национальной библиотеки Владимира Николаевича Зайцева, зав. Рукописным отделом Людмилу Игоревну Бучину и библиографов Татьяну Николаевну Семенову и Юлию Робертовну Редькину, подготовивших текст к изданию.

ОТ РЕДАКЦИИ

Рукопись “Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова” хранится в фондах Российской национальной библиотеки (С.-Петербург) в собрании отдельных поступлений (РО РНБ. Ф. 1000, оп. 2, № 531). Она поступила в РНБ в 1924 году из библиотеки Центрального района.¹ Написана писарской рукой, в переплете, объем рукописи — 451 лист, включает в себя: вступление, 17 глав текста и приложения.

Этот обширный труд совпадает в основной канве повествования с известным “Жизнеописанием епископа Игнатия Брянчанинова, составленным его ближайшими учениками”. Впервые оно вышло в Петербурге в 1881 году² и неоднократно переиздавалось в составе 1-го тома собрания сочинений. Рукопись содержит много дополнительных материалов, не вошедших в опубликованный ранее вариант. Частично материалы эти были исключены, по-видимому, по цензурным соображениям (это касается взаимоотношений святителя с высшим обществом, духовными властями и проч.). Они раскрывают тот путь внутреннего мученичества, которым шел подвижник. Другие были опущены, возможно, ради сохранения непрерывности рассказа (это относится к сочинениям самого святителя, включенным в канву его жизнеописания). Еще часть материалов была собрана после публикации первого варианта жизнеописания. Сегодня у нас есть возможность ознакомить вас с полным текстом рукописи, существенной, отличительной чертой которой является наличие в ней

большого числа творений самого епископа Игнатия (помещенных полностью или в отрывках). В них отражается внутренняя жизнь автора, его духовная “автобиография”, запечатленная глаголами неизреченной глубины и красоты.

Среди них: Рапорт высокопреосвященному митрополиту Серафиму о Валаамском монастыре (1838 г.) (известен под названием «Описание Валаамского монастыря и смут, бывших в нем»); Благополучный день (по случаю служения молебна архимандритом Игнатием в Ново-Сергиевском дворце вел. кн. Марии Николаевны 15 июня 1848 г.); Речь при отпевании капитана флота I-го ранга К. Г. Попандопуло (4 марта 1858 г.); Записка о чудотворной иконе Иверской Божией Матери в моздокской Успенской церкви (1 янв. 1860 г.), многочисленные предложения, резолюции, рапорты, деловые письма и другие материалы, относящиеся к наименее освещенному в печати периоду жизни в сане епископа Кавказского и Черноморского (1858–1861 гг.) и раскрывающие православно-церковный взгляд святителя на важные вопросы духовной и общественной жизни.

Рукопись не имеет авторской подписи, но в процессе работы над подготовкой текста к печати сложилось несомненное убеждение, что главным ее автором является родной брат святителя Петр Александрович Брянчанинов (в монашестве Павел). Это подтверждается воспоминаниями племянницы братьев Брянчаниновых А. Купреяновой, которая упоминает о жизнеописании святителя, “составленном Петром Александровичем” (Богосл. вестн. 1914. № 6. Июнь. С. 265). Обильно цитируются в рукописи неизданные “Записки” присного друга святителя Игнатия схимонаха Михаила (Чихачева), скончавшегося в 1873 году, задолго до завершения работы над книгой. Известно, что “Жизнеописание”, вышедшее в 1881 году, составлено под редакцией и при непосредственном участии ученика святителя, сменившего его на посту настоятеля Сергиевой пустыни, архимандрита Игнатия Малышева³.

Принимал участие в составлении жизнеописания и архимандрит Апполос, духовный сын святителя Игнатия, с 1841 г. — наместник Троице-Сергиевой пустыни, с 1846 г. — строитель Старо-Ладожского Николаевского монастыря, “образцовый монах нашего времени”, по слову самого епископа. Сохранилось письмо схимонаха Михаила к о. Аполлосу от 6 апреля 1866 г., где о. Михаил пишет: “Петр Александрович Брянчанинов был здесь (т. е. в Троице-Сергиевой пустыни — *ред.*), взял Ваше описание жизни преосвященного. Может быть, мы из всего, говорит, составим нечто полное...”⁴. Из этого письма мы узнаем, что желание Петра Александровича составить жизнеописание возникло еще при жизни владыки. Рассказ о последнем периоде содержит воспоминания многих учеников, живших со святителем на Бабайках. Петр Александрович Брянчанинов в 1870-е годы обращался с просьбой написать биографию брата к известному духовному сочинителю и составителю акафистов Андрею Федоровичу Ковалевскому⁵. Хотя тогда тот отказался, но мог впоследствии принять участие в редактировании, т. к. был весьма близок святителю в последние годы жизни.

Исследователь О. Шафранова автором жизнеописания предполагает П. П. Яковлева — старинного знакомого святителя Игнатия, делопроизводителя Троице-Сергиевой пустыни (см. примеч. № 48). Эта версия представляется не вполне обоснованной. Хотя П. П. Яковлев мог принимать участие в собирании и обработке материалов, но вряд ли именно ему, как светскому лицу, более занимавшемуся внешними делами, принадлежит описание внутренней жизни подвижника. Таким образом, жизнеописание, основанное на личных воспоминаниях, стало результатом совместного труда и любви многих духовно преданных святителю Игнатию людей, прежде всего его созданием мы обязаны П. А. Брянчанинову.

Сохранив последовательность текстов и полный объем рукописи (за исключением приложений), редакторы стремились приблизить пунктуацию и орфографию к нормам совре-

менного русского языка. Написания строчных и прописных букв большей частью унифицированы. Указания на источники текстов Священного Писания и святых отцов принадлежат самому святителю Игнатию. Цитаты из его произведений и ссылки на тексты его сочинений даются по изданию: Святитель Игнатий Брянчанинов: В 7 т. / Моск. Дон. монастырь. М., 1993; цитаты из писем — по изданию: Собрание писем святителя Игнатия Брянчанинова, епископа Кавказского и Черноморского / Сост. игум. Марк (Лозинский). М.; СПб., 1995. Книга снабжена краткими примечаниями, касающимися лиц, духовно близких владыке, или мест, связанных с его жизнью, а также именным указателем. Краткое содержание глав введено издательством.

В конце текста рукописи следуют приложения (лл. 439–451). Они написаны рукой другого переписчика и не помещены в данное издание “Жизнеописания”, т. к. не являются его неотъемлемой частью, кроме того, все они неоднократно переиздавались:

1. Письмо преосвященного Феофана, бывшего епископа Владимирского и Суздальского к преосвященному Игнатию и ответ последнего на вопросы Феофана: чем убедился преосвященный Игнатий в истинности учения, излагаемого в его сочинениях, о вещественности сотворенных существ невидимого мира и почему он называет человеческую душу эфирной? (Собрание писем. 1995. С. 66–68, 842–843).

2. Отношение христианина к страстям его — статья, не вошедшая в первое издание сочинений святителя Игнатия (СПб., 1865–1867), во всех последующих изданиях включена в 1-й том (СПб., 1886; 1905; М., 1993; 1996; 1998).

3. Воспоминание о Бородинском монастыре — (Игнатий (Брянчанинов). Странник. М.; СПб., 1998. С. 273–276 и др. изд.: см. примеч. № 83).

Едва выйдя в свет, первый вариант жизнеописания сразу привлек внимание читателей. Журнал “Странник” поместил на своих страницах рецензию: “...Перед нами живой и сияющий лик подвижника, недавно умершего, жизнь и учение кото-

рого неопровержимо доказывают, что “иночество русское” еще не вымерло”. Заканчивается она словами: “И счастлив тот народ, у которого есть такие люди, — неведомы они миру, но их строго подвижническая жизнь, их пламенная святая вера в Верховную Правду и Высшее благо... открывают путь к их уединению...”⁶.

Игуменья Усть-Медведицкого монастыря Арсения писала П. А. Брянчанинову: “Жизнеописание владыки нашего я получила и читала. Читала с большим удовольствием, с душевным утешением и назиданием. Дороги слова самого владыки, его собственное свидетельство о себе. Сказать о нем слово может только тот, кто возвысился до понимания всех его деяний... По-моему, очень довольно сказано и для настоящих, и для будущих почитателей и учеников владыки. Пусть бы еще и еще печаталось это издание...”⁷.

И сегодня, когда святитель Игнатий Брянчанинов признан одним из лучших, если не самым лучшим, аскетическим писателем последнего времени, когда он прославлен в лике святых Русской Православной Церкви, Российская национальная библиотека и Издательство имени святителя Игнатия Ставропольского рады предложить вам новый, более полный вариант его жития. Рукопись публикуется впервые.

Примечания

¹ Краткий отчет Рукописного отдела за 1914–1938 гг. / Гос. Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; под ред. Т. К. Ухмыловой, В. Г. Геймана. Л., 1939. С. 78.

² Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова, составленное его ближайшими учениками и письма преосвященнейшего к близким ему лицам. СПб., 1881. 288 с. разд. паг., 1 л. портр.

³ Эти сведения даны в: Рус. Старина. 1883. Т. 40, №10. С. 268.

⁴ РО РНБ. Ф.124, ед. хр. 4755 (собр. Вакселя).

⁵ Савва (Тихомиров). Хроника моей жизни: Автобиограф. зап. высокопреосв. Саввы, архиеп. Твер. и Кашин. Сергиев Посад, 1904. Т. 5. С. 546.

⁶ Новые книги: Жизнеописание епископа Игнатия... // Странник. 1882. Июнь. С. 328–333.

⁷ Путь немечтательного делания: Игуменья Арсения и схимонахиня Ардалиона. Изд. доп. М., 1999. С. 360.

Помните наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их.

(Евр. 13; 7).

Истекло 12 лет со дня мирной кончины приснопамятного святителя-инока Церкви Русской XIX века преосвященного епископа Игнатия Брянчанинова⁸. Ближе еще время его к нам, живы еще многие его современники, сподвижники, ученики, а между тем светлая личность святопочившего святителя Божия высоко уже стоит над нами, светло светит нам светом христианских его добродетелей, подвигами строго-иноческого его жития и аскетическими его писаниями. Краса иночества нашего века, святитель является деятельным учителем иноков и не только в писаниях своих, но и во всей жизни своей представляет дивную картину самоотвержения, близкого к исповедничеству, борьбы человека со страстями, скорбями, болезнями; картину жизни, которая при помощи и действии обильной благодати Божией увенчалась победой, привлекла к подвижнику многие редкие дары Св. Духа.

С благоговением следя за этим многострадальным и многоскорбным шествием подвижника к преуспению духовному и ясно созерцая при этом особое водительство Промысла Божия во всей его жизни, невольно ощущаешь живое познание веры в отеческое попечение о нас Бога, Творца и Спасителя нашего, и проникаешься желанием подражать по мере сил этому современному нам образцу совершенства христианского. В настоящее время мы решились предложить

возможно полное собрание данных⁹, совокупность которых самим поведением их может дать возможно верное понятие о духовно-нравственной стороне и о всежизненном характере деятельности в Бозе почившего преосвященного Игнатия.

При составлении этого жизнеописания мы пользовались: а) записками родного брата его Петра Александровича Брянчанинова¹⁰, глубоко преданного ему в отношении духовном, разделявшего с ним уединение последних лет жизни его на покое в Николо-Бабаевском монастыре¹¹ и пользовавшегося полным доверием и любовью блаженного святителя; б) записками сподвижника и духовного друга его от ранних лет юности и до глубокой старости, Сергиевской пустыни схимонаха Михаила Чихачева¹², с которым он начал свой подвиг иноческий и вместе с ним проходил его до самого епископства, — друга, перед которым святитель не таил многих дивных событий своей жизни; в) оставшимися по смерти епископа рукописными данными и, наконец, главное: г) собственными повествованиями святопочившего о своих немощах, борениях, скорбях, чувствах и благодатных ощущениях, которые изложены им в его творениях. Все сочинения вообще, а духовно-нравственные преимущественно обладают тем свойством, что в них вполне точно выражается внутренняя жизнь их авторов.

Таким образом, сочинения дают обильный материал биографу для начертания характеристики лица, этой существенной части жизнеописания; но чтобы в возможно верных чертах изобразить жизнь преосвященного Игнатия, надлежит самому изучить иноческую жизнь, как изучал ее он, и собственным опытом приблизиться к его духовно-опытным познаниям. Изучение же здесь так мало доступно, опыты столь исключительны, что всего менее зависят от собственных усилий и воли человека. Кто Промыслом Божиим поставлен на подобную дорогу и отчасти введен в горнило подобных испытаний, лишь тот может знать всю особенность таких опытов и с этой стороны правильнее оценить деятельность представителя их.

Жизнеописания особенно замечательных или передовых людей отличаются тем признаком, что в них преимущественно выказывается какая-нибудь одна сторона, с которой деятельность этих лиц особенно проявляется, которая отличает их резкими, характеристическими чертами и сосредоточивает на себе все внимание. Это как бы лицевая сторона всей их деятельности, скрывающая за собой все прочие. В жизнеописаниях таких личностей необходимо схватывать этот признак и проводить его вполне от начала до конца жизнеописания — тогда оно будет иметь надлежащую выдержку. В этом отношении жизнь преосвященного Игнатия имеет особенное преимущество: она представляет такую отличительную сторону, которая совершенно выделяет его личность из ряда прочих современных ему духовных деятелей. Такую сторону его жизни составляет полное самоотвержение ради точного исполнения Евангельских заповедей в потаенном иноческом духовном подвиге, послужившем предметом нового аскетически-богословского учения в нашей духовной литературе — учения о внутреннем совершенствовании человека в быту монашеском и отношениях его к другим духовным существам, влияющим на него как по внутреннему человеку, так и с внешней, или физической, стороны! Вот та особенность, которая отличает преосвященного Игнатия в ряду прочих духовных писателей нашего времени, особенность резкая, однако не всеми точно усматриваемая и верно различаемая.

Примечания

⁸Скончался 30 апреля 1867 г., в неделю Жен Мироносиц, в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии. В 1988 г. канонизирован Поместным Собором Русской Православной Церкви (6–9 июня 1988 г., Троице-Сергиева Лавра). Его св. мощи почивают в Свято-Введенском Толгском монастыре Ярославской епархии, память 30 апреля/13 мая.

⁹Самая первая краткая биография святителя появилась в печати спустя полтора месяца после его кончины см.: Аскоченский В. И. Преосвященный Игнатий (Брянчанинов): (Биогр. очерк) // Домаш-

няя беседа. 1867. № 24 (10 июня). С. 654–665; № 25 (17 июня). С. 678–694.

Наиболее полным на настоящее время жизнеописанием, составленным на основании многих печатных и архивных материалов, является двухтомный труд профессора Киевской Духовной академии: Соколов Л. А. Епископ Игнатий Брянчанинов. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения: В 2 ч. с прил. Киев, 1915. Ч.1. 417 с.: ил., портр.; Ч. 2. 408, V, 291 с., 2 л. портр.

Другой уникальный свод документов — диссертация игумена Марка (Лозинского), которую он защитил в Московской Духовной академии 12 июня 1969 г. Игумен Марк, по совету и благословию иеросхимонаха Стефана (Игнатенко), собрал и систематизировал огромный объем опубликованных и архивных материалов. Сочинение состоит из 8 томов объемом 3235 страниц машинописи, хранится в библиотеках МДА и Оптиной пустыни. Том первый посвящен жизнеописанию святителя. Опубликована основная часть диссертации: Марк (Лозинский). Духовная жизнь мирянина и монаха по творениям и письмам епископа Игнатия (Брянчанинова). М., 1997. 304 с., а также: Собрание писем святителя Игнатия Брянчанинова, епископа Кавказского и Черноморского/Сост. игум. Марк (Лозинский). М.; СПб., 1995. 846 с., портр.

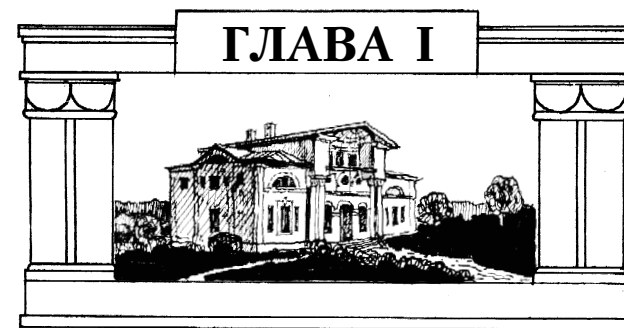
¹⁰Петр Александрович Брянчанинов (24 марта 1809 г. — 25 июля 1891 г.) — родной брат свт. Игнатия, наиболее близкий ему по духу из всей семьи. После военной службы и вице-губернаторства в Костроме и губернаторства в Ставрополе, 22 июня 1862 г. приехал на жительство в Николо-Бабаевский монастырь, где принял на себя материальные заботы о нуждах обители. Главным трудом последних лет его жизни стало собиранье и издание сочинений свт. Игнатия. Прожил в монастыре 29 лет, скончался с именем монаха Павла, похоронен напротив паперти Иверского собора.

¹¹Николо-Бабаевский монастырь Костромской епархии — расположен на правом берегу Волги, при впадении в нее р. Солоницы, основание его относят к концу XIV века. В первый раз архимандрит Игнатий прожил в монастыре одиннадцать месяцев, уволенный в отпуск из Троице-Сергиевой пустыни указом Св. Синода от 26 апреля 1847 г. Здесь же святитель провел последние годы жизни на покое, после управления Кавказской и Черноморской епархией, с октября 1861 г. по 30 апреля 1867 г. В 1930-е гг. монастырь был упразднен, главный храм во имя Иверской иконы Божией Матери, заложенный при свт. Игнатии, взорван, остальные помещения приспособлены под детский санаторий; над склепом, где был похоронен свт. Игнатий

(в больничной церкви прп. Сергия Радонежского и свт. Иоанна Златоуста), размещалась спальня для детей. В настоящее время монастырь восстанавливается. 26 мая 1988 мощи святителя были обретыны и перенесены в Ярославский Толгский монастырь.

¹² Схимонах Михаил (М. В. Чихачев, 3 апр. 1806 г. — 16 янв. 1873 г.) — с юности ближайший духовный друг свт. Игнатия. Закончил Главное инженерное училище, с 1834 г. — в Троице-Сергиевой пустыни. Пострижен в монашество с именем Мисаил 20 дек. 1860 г., принял схиму с именем Михаил 21 мая 1866 г., 39 лет трудился в клиросном послушании. Погребен в Троице-Сергиевой пустыни. В настоящее время его честные останки помещены в этой возрождающейся обители в храме прп. Сергия Радонежского для поклонения. Надпись гласит:

“Сподвижник и сомолитвенник
святителя Игнатия Брянчанинова
добродушный и нестяжательный
схимонах
Михаил (Чихачев)
скончался 16 января
1873 года 66 лет от роду”.

Преосвященный Игнатий был избран на служение Богу от чрева матери. Такое избрание — удел весьма редких и нарочитых служителей Божиих — предзнаменовалось следующим обстоятельством. Родители преосвященного сочетались браком в ранней молодости. В начале супружества у них родились двое детей, но родители недолго утешались ими, оба детища умерли на первых днях младенчества, и юная чета пребывала долго бездетной. В глубокой печали о своем продолжительном бесчадии молодые супруги обратились к единственной возможно верной помощи — к помощи Небесной. Они предприняли путешествие по окрестным святым местам, чтобы усердными молитвами и благотворением исходатайствовать себе разрешение неплодия. Благочестивое предприятие увенчалось успехом: плодом молитв скорбящих супругов был сын, нареченный Димитрием в честь одного из первых чудотворцев вологодских — преподобного Димитрия Прилуцкого¹³. Таким образом, очевидно, неплодство молодых Брянчаниновых было устроением Промысла Божия, чтобы рожденный после неплодства первенец, испрошенный молитвой, впоследствии сделался ревностным делателем ее и опытным наставником.

Младенец Димитрий родился 6 февраля 1807 года¹⁴ в с. Покровском, которое было родовым имением его отца и находится в Грязовецком уезде Вологодской губернии¹⁵. Будущий инок имел счастливую участь провести свое детство

в уединении сельской жизни, в ближайшем соприкосновении с местной природой, которая, таким образом, явилась первой его наставницей. Она вселила в него склонность к уединению: отрок часто любил оставаться под тенью вековых деревьев обширного сада и там, одинокий, погружался в тихие думы, содержание которых, без сомнения, заимствовал из окружающей природы. Величественная и безмолвная, она рано начала влиять на него своими вдохновляющими образами: она внушала его детской душе, еще незапятнанной житейской мелочностью, иные, более возвышенные стремления — стремления, какими бывает полна жизнь пустынная — они восхищали его сердце более живыми, чистыми чувствованиями, какие способно доставить только уединение. Отрок рано научился понимать этот безмолвный голос природы и предпочитать его шуму житейскому. Явления домашней жизни не действовали на него впечатлительно — он более углублялся в себя и среди изящной светской обстановки казался питомцем пустыни. Искра Божественной любви коснулась его чистого сердца. Она сказалась в нем безотчетным влечением к иночеству, к его высоким идеалам, которыми так полна родная сторона; особенным расположением ко всему священному и истинно прекрасному, сколько это доступно для детского возраста. С этой ранней поры жизни дальнейший путь ее уже определился: отрок духовно был отделен от мира.

Такое настроение малолетнего Дмитрия не могло рассчитывать на сочувствие со стороны родителей. Его отец Александр Семенович Брянчанинов¹⁶, потомок древних дворян Брянчаниновых¹⁷, фамилии весьма известной и чтимой в Вологде, был в полном смысле слова светский человек. Паж времен императрицы Екатерины II и императора Павла Петровича, он имел необыкновенно развитый вкус к изяществу в домашней обстановке и представлял собой совершенный тип современного передового русского помещика. Унаследовав от своих родителей значительное имение, он должен был истощить большую часть его на уплату огромных долгов, после чего ему осталось

около 400 душ крестьян да живописное село Покровское, издавна бывшее местопребыванием его предков, — родина будущего святителя. Супруга его, мать преосвященного Игнатия, Софья Афанасьевна¹⁸ происходила также из фамилии Брянчаниновых и, как женщина замечательного образования, весьма благочестивая, памятуя, что муж есть глава, во всем подчинялась влиянию мужа, разделяя его взгляды и понятия. Александр Семенович по справедливости считался в числе передовых образованных помещиков своего времени и любил просвещение*, а потому и детям своим старался дать по возможности основательное воспитание, чтобы приготовить из них истинных сынов отечества, преданных престолу, верных Православию. Давая такое воспитание, он не чужд был честолюбия видеть впоследствии сыновей своих занимающими высшие государственные должности, на что они по роду и состоянию имели неотъемлемое право. От пронизательности юного Дмитрия не могла укрыться эта черта его родителя, черта, совершенно противоположная намерениям и стремлениям юноши, и вот начало внутренней борьбы, начало страданий и испытаний, сделавшихся потом уделом всей жизни почившего владыки.

Все дети в семействе Брянчаниновых, братья и сестры¹⁹ Дмитрия Александровича, воспитывались вместе, связанные взаимной дружбой, но все сознавали главенство Дмитрия и сознавали не потому только, что он был старший, а вследствие особого, высшего, так сказать, склада его ума и характера, вследствие нравственного его превосходства. Дмитрий Александрович был тих, скромный, всегда во всем весьма благоразумный, внимательный и вежливый в обращении, хотя молчаливый.

Пользуясь всегдашним уважением от братьев и сестер и превосходя всех их в научных способностях и других дарованиях, Дмитрий Александрович не обнаруживал ни

* Все время жизни его в с. Покровском он содержал постоянно на полном своем иждивении приходское двухклассное училище, в котором обучалось до 50 человек крестьянских детей.

малейшего превозношения или хвастовства. Зачатки иноческого смиренномудрия высказывались в тогдашнем его поведении и образе мыслей. По нравственности и уму он был несравненно выше лет своих — и вот причина, почему братья и сестры относились к нему даже с некоторым благоговением, а он в свою очередь сообщал им свои нравственные качества.

Родной брат его Петр Александрович Брянчанинов, бывший двумя годами моложе его, вспоминая это время своего детства, рассказывает следующее: “У нас, детей, была любимая игра — бегать взапуски и бороться. Старший брат Дмитрий, вместо того чтобы по-детски показывать свое превосходство над ним, младшим и слабейшим, всегда, напротив, поощрял к неуступчивости и сопротивлению, говоря: “Не поддавайся, защищайся”. Тому же учил он и под старость, в деле духовной борьбы со страстями и их двигателями, духами отверженными,” — замечает Петр Александрович.

С возрастом религиозное настроение Дмитрия Александровича обнаруживалось заметнее: оно проявлялось в особенном расположении к молитве и чтению книг духовно-нравственного содержания. Он любил посещать церковь²⁰, а дома имел обыкновение молиться часто в течение дня, не ограничиваясь установленным временем утром и вечером. Молитва его не походила на урочное вычитывание, часто торопливое и машинальное, что так обыкновенно у детей. Он приучался к внимательной молитве, которая начинается с благоговейного предстояния и неспешного произношения слов молитвенных, и так преуспевал в ней, что еще в детстве наслаждался ее благодатными плодами.

Учась молиться внимательно, он с благоговением относился ко всему священному, внушая это благоговение и прочим своим братьям и сестрам. Евангелие всегда читал с умилением, размышляя о читанном. Любимой его книгой было “Училище благочестия”²¹ в пяти томах, старинного издания. Книга эта, содержащая краткое изложение деяний святых и избранные изречения их, весьма соответствовала настроению отрока, или, вернее, она настраивала

его дух, предоставляя святым повествованиям и изречениям духоносных мужей самим действовать на него, без посредства посторонних пояснений. Способности Дмитрия Александровича были весьма многосторонни: кроме установленных занятий в науках он с большим успехом упражнялся в каллиграфии, рисовании, нотном пении и даже музыке, притом на самом трудном инструменте, какова скрипка. Выучивая очень скоро свои уроки, свободные часы он употреблял на чтение и разные письменные упражнения, в которых также начинало выказываться его литературное дарование. Наставниками его в это время были профессора Вологодской семинарии и учителя гимназии. Домашним учителем был студент семинарии Левитский, живший в семействе Брянчаниновых. Он же преподавал и закон Божий. Левитский отличался замечательным благонравием и основательным знанием своего предмета. Он так хорошо умел ознакомить своего ученика с начальными истинами богословия, что Дмитрий Александрович сохранил навсегда благодарное воспоминание о нем.

Жизнь Дмитрия Александровича в доме родительском продолжалась до 16-го года его возраста. Этот первый период жизни уже был труден для него в духовном отношении тем, что внешние и внутренние условия домашней жизни не допускали возможности открывать кому бы то ни было заветные желания и цели, наполнявшие тогда его душу. Скрытность перед родителями простиралась до того, что сын не смел в присутствии отца допустить себе иногда самых позволительных поступков или высказать самых требовательных желаний. Доказательством этого служит один весьма обыкновенный, но резко характеризующий семейные отношения случай. Дмитрий Александрович купался однажды с родителем своим в речке Талице, которая протекает вблизи села Покровского, и так настудился от продолжительного купания, что дрожал в воде всем телом, несмотря на это, он не посмел выйти из воды прежде отца, даже не дерзнул испросить у него на то дозволения. Это купание так вредно повлияло на его здоровье, что расстроило его на весь век,

после него Димитрий Александрович, как он сам признавался, сделался очень чувствителен к простуде.

В заключение детского периода жизни автора “Аскетических опытов” весьма назидательно привести собственное его поведение о своем детстве. Вот как трогательно он говорит о себе в статье “Плач мой”: “Детство мое было исполнено скорбей. Здесь вижу руку Твою, Боже мой! Я не имел, кому открыть моего сердца, начал изливать его пред Богом моим, начал читать Евангелие и жития святых Твоих. Завеса, изредка проницаемая, лежала для меня на Евангелии, но Пимены Твои, Твои Сисои и Макарии производили на меня чудное впечатление. Мысль, часто парившая к Богу молитвою и чтением, начала мало-помалу приносить мир и спокойствие в душу мою. Когда я был пятнадцатилетним юношею, несказанная тишина возвела в уме и сердце моем. Но я не понимал ее, я полагал, что это обыкновенное состояние всех людей”.*

В конце лета 1822 года, когда Димитрию Александровичу шел шестнадцатый год от рождения, родитель повез его в С.-Петербург для определения в Главное инженерное училище²², куда он был подготовлен домашним обучением. Дорогой, близ Шлиссельбурга, отец внезапно обратился к сыну со следующим вопросом: “Куда бы ты хотел поступить на службу?” Пораженный такой небывалой откровенностью отца, сын не хотел более скрывать от него своей сердечной тайны, которой до сих пор никому не открывал. Сперва он испросил у него обещания не сердиться, если ответ ему не понравится, затем с твердостью духа, воли и силой вполне искреннего чувства сказал, что желает идти “в монахи”. Решительный ответ сына, по-видимому, не подействовал на отца, он или не дал ему значения на основании молодости отвечавшего или не хотел возражать по кажущейся несбыточности желания, которое совершенно расходилось с планами, какие он строил о будущности своего сына.

* Т. 1. Аскет. опыты. С. 553.

В Петербурге Димитрий Александрович сдал блистательно вступительный экзамен.* Благообразная наружность и отличная подготовка в науках обратили на молодого Брянчанинова особенное внимание его высочества Николая Павловича²³, бывшего тогда генерал-инспектором инженеров. Великий князь приказал Брянчанинову явиться в Аничковский дворец, где представил его своей супруге, государыне великой княгине Александре Феодоровне²⁴, и рекомендовал как отлично подготовленного не только в науках, требуемых в инженерном училище, но знающего даже латинский и греческий языки. Ее высочество благоволила приказать зачислить Брянчанинова ее пансионером. Следующим императором, Николай Павлович и императрица Александра Феодоровна продолжали оказывать свое милостивое расположение Брянчанинову.

По сдаче экзамена Димитрий Александрович был зачислен в кондукторскую роту Главного инженерного училища, а действительная служба его стала считаться со дня принесения им присяги 19 января 1823 года. Успехи по наукам**, отличное поведение и расположение великого князя выдвигали его на первое место между юнкерами-товарищами: к концу 1823 года, с переводом в верхний кондукторский класс, он был назначен фельдфебелем кондукторской роты; в 1824 году был переведен из юнкерских классов в нижний офицерский (что ныне Николаевская инженерная академия) и 13 декабря был произведен в инженеры-прапорщики. Редкие умственные способности и нравственные качества Димитрия Александровича привлекали к нему профессоров и преподавателей училища, все они относились к нему с особенной благосклонностью, отдавая явное предпочтение перед прочими воспитанниками.

* В этом году на 30 вакансий явилось 130 конкурентов. Из числа их Брянчанинов не только стал по экзамену первым, но исключительно он один удовлетворил требованиям программы для поступления во 2-ой кондукторский класс.

** В самом непродолжительном времени Брянчанинов стал 1-м учеником своего класса и сохранил это место по наукам до самого выхода из училища.

Наряду со служебно-учебной деятельностью Дмитрий Александрович имел успехи и в светском обществе своими личными достоинствами. Родственные связи ввели его в дом тогдашнего президента Академии художеств Оленина²⁵. Там на литературных вечерах он сделался любимым чтецом, а поэтические и вообще литературные дарования его приобрели ему внимание тогдашних знаменитостей литературного мира: Гнедича, Крылова, Батюшкова и Пушкина. Такое общество, конечно, благотворно влияло на литературное развитие будущего писателя. Преосвященный Игнатий до конца жизни сочувственно отзывался о советах, какие ему давали тогда некоторые из этих личностей²⁶.

Описанный круг светского знакомства, к которому принадлежала имевшая большие связи тетка Дмитрия Александровича А. М. Сухарева²⁷, только внешним образом влиял на жизнь молодого человека, внутренняя же его жизнь развивалась самостоятельно, независимо от родственных и общественных связей. Дмитрий Александрович и в шуме столичной жизни остался верен своим духовным стремлениям, какие воспитал в уединении отдаленной родины. Он всегда искал в религии живого, опытного знания и, хранимый внутренней благодатью, не поддавался ни тлетворному влиянию чуждых учений, ни приманкам светских удовольствий. Вот с какой подробностью он сам в вышеприведенной статье “Плач мой” описывает тогдашнее свое душевное состояние: “Вступил я в военную и вместе ученую службу не по своему избранию и желанию. Тогда я не смел, не умел желать ничего, потому что не нашел еще Истины, еще не увидел ее ясно, чтобы пожелать ее! Науки человеческие, изобретение падшего человеческого разума, сделались предметом моего внимания: к ним я устремился всеми силами души, неопределенные занятия и ощущения религиозные оставались в стороне. Протекли почти два года в занятиях земных: родилась и уже возросла в душе моей какая-то страшная пустота, явился голод, явилась тоска невыносимая по Боге. Я начал оплакивать нерадение мое, оплакивать то забвение, которому я предал веру, оплакивать сладостную тишину,

которую я потерял, оплакивать ту пустоту, которую я приобрел, которая меня тяготила, ужасала, наполняя ощущением сиротства, лишения жизни! И точно — это было томление души, удалившейся от истинной жизни своей, Бога. Воспоминаю: иду по улицам Петербурга в мундире юнкера, и слезы градом льются из очей...

Понятия мои были уже зреее, я искал в религии определенности. Безотчетные чувствования религиозные меня не удовлетворяли, я хотел видеть верное, ясное, истину. В то время разнообразные религиозные идеи занимали и волновали столицу северную, препирались, боролись между собою. Ни та, ни другая сторона не нравились моему сердцу, оно не доверяло им, оно страшилось их. В строгих думах снял я мундир юнкера и надел мундир офицера. Я сожалел о юнкерском мундире: в нем можно было, приходя в храм Божий, стать в толпе солдат, в толпе простолюдинов, молиться и рыдать, сколько душе угодно. Не до веселий, не до развлечений было юноше! Мир не представлял мне ничего приманчивого: я был к нему так хладен, как будто мир был вовсе без соблазнов! Точно их не существовало для меня: мой ум был весь погружен в науки и вместе горел желанием узнать, где кроется истинная вера, где кроется истинное учение о ней, чуждое заблуждений и догматических, и нравственных”.*

Примечания

¹³ Прп. Дмитрий Прилуцкий (первая пол. 14 в. — 1392) — “спостник и собеседник” прп. Сергия Радонежского, небесный покровитель Вологодской земли, основатель ряда монастырей, в том числе Вологодского Спасо-Прилуцкого (1371 г.), где почивают его святые мощи. В августе 1992 г. в Вологде состоялась международная конференция в связи с 600-летием со дня преставления прп. Дмитрия, один из дней которой был посвящен свт. Игнатию и прошел в усадьбе Покровское. В работе этого заседания принял участие Патриарх Алексий II, посетивший усадьбу, церковь и кладбище с. Покровского.

* Т.1. Аскет. опыты. С. 553–554.

¹⁴ Дата рождения указана неточно, в метрической книге Покровской церкви за 1807 г. значится: “Февраля 5-го дня родился, 6-го молитвословлен и 9-го крещен села Покровского у господина поручика Александра Семенова от жены его Софьи Афанасьевны сын Димитрий...” (Соколов. Ч. 1. С. 36.). Также в письме к Н. В. Голоушевой свт. Игнатий писал: “5 февраля день моего рождения...” (Собрание писем. 1995. С. 602).

¹⁵ Село Покровское — колыбель и начальная школа жизни свт. Игнатия, место семейного некрополя многих поколений Брянчаниновых. Достопримечательностью усадьбы является трехэтажный барский дом в стиле раннего классицизма и громадный парк с липовыми и пихтовыми аллеями. Усадьба сохранилась до настоящего времени, в ней 75 лет располагался туберкулезный санаторий “Покровское”. В 2000 году усадьба передана в ведение Вологодской епархии.

¹⁶ Александр Семенович Брянчанинов (7 мая 1784 г. — 19 апреля 1875 г.) — отец свт. Игнатия. В 1797 г. определен в императорский Пажеский корпус, в 1802 г. выпущен в Александровский гусарский полк корнетом. В последующие годы служил в Вологодской губернии, в 1814–1818 гг. — предводитель дворянства Грязовецкого уезда. В 1825 г. вышел в отставку, жил и скончался в родовом имении — селе Покровском, пережив почти всех своих детей, похоронен в семейном некрополе вблизи выстроенной им церкви. “По рассказам очевидцев, Александр Семенович всегда стоял литургию до конца и после того нес в руках данную ему просфору с непокрытой головой до своего дома. Конечно, расстояние небольшое, но прием и обычай характерный” (Соколов. Ч. 1. С. 21).

¹⁷ Фамилия Брянчаниновых принадлежит к древнейшим дворянским родам Русского государства. Некоторые исследователи считают основателем рода боярина Михаила Брянко (14 в.), оруженосца вел. кн. Дмитрия Донского, пожертвовавшего за князя своей жизнью во время Куликовской битвы. Представители рода верой и правдой служили Отечеству: отстаивали законную власть в период Смутного времени в начале XVII в., в войне с Польшей (1654–1667) при царе Алексее Михайловиче, несли службу при Петре I, защищали Россию в 1812 г. и в последующие времена.

¹⁸ Софья Афанасьевна Брянчанинова (1786 — 25 июля 1832 гг.) — мать свт. Игнатия. Воспитала 9 детей, больше всех любила старшего сына Димитрия, отличая в нем ум и красоту. Скончалась на руках любимого сына, в то время настоятеля Пельшемского Лопотова монастыря, напутствованная его молитвами. Похоронена в семейном некрополе.

¹⁹ Братья и сестры: **Александра** (р. 1808 г.), в замужестве — Жандр. **Петр** (1809 — 25 июня 1891 г.). **София** (р. 1810), в замужестве — Боборыкина. **Михаил** (23 авг. 1811 — 17 янв. 1887). **Елизавета** (р. 1813), в замужестве — Паренсова. **Александр** (1 мая 1814 — 7 апр. 1835 г.). **Семен** (3 дек. 1815 — 7 дек. 1863 г.). **Мария** (р. 1817), в замужестве — Курпянова. Глубоко православное воспитание детей определенно сказалось на их судьбе. Из пяти доживших до зрелого возраста сыновей только Семен Александрович остался в миру до конца жизни. О Петре говорилось выше, Михаил принял монашество в Оптиной пустыни, Александр умер в молодых годах, перед смертью пострижен братом-архимандритом в монахи и похоронен в Троице-Сергиевой пустыни.

²⁰ Церковь в честь Покрова Божией Матери в усадьбе Брянчаниновых построена в 1810 г. усердием владельца Александра Семеновича раньше усадебного дома. За годы советской власти была разрушена почти до основания. В настоящее время восстановлена, в Покровском создана православная община.

²¹ Мансветов Г. И. Училище благочестия или примеры христианских добродетелей, выбранные из житий святых: В 6 ч. СПб., 1813–1818. Вышло более 20 изданий, последнее — М., 1998. Ч. 1–2.

²² Главное инженерное училище создано в 1819 г., готовило офицеров инженерных войск. С 1855 г. офицерские классы преобразованы в Николаевскую инженерную академию. Располагалось в Михайловском (Инженерном) замке. Этот период жизни Димитрия Александровича и Михаила Чихачева описан в рассказе Н. С. Лескова “Инженеры-бессребреники” (1887).

²³ Николай Павлович Романов (1796–1855) — российский император с 1825 по 1855 гг. В 1817 г. был назначен генерал-инспектором инженерной части, в 1819 г. по его настоянию было открыто Главное инженерное училище, он сам ежегодно отбирал пансионеров. Выбрав Димитрия Александровича, явно оказывал ему милостивое внимание и покровительство.

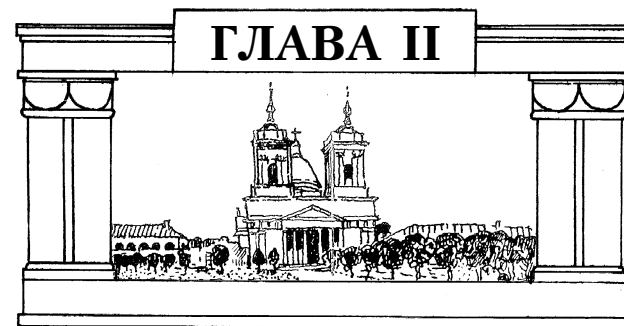
²⁴ Александра Феодоровна Романова (Фридерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина, 1798–1860) — супруга имп. Николая I.

²⁵ Алексей Николаевич Оленин (1763–1843) — археолог, историк, директор Императорской Публичной библиотеки. Его литературный салон на наб. Фонтанки, 165 (по современной нумерации 101) в годы учебы Димитрия Александровича также регулярно посещали братья Муравьевы. Со всеми четверьмя братьями у будущего святителя сложились дружеские отношения, причем для Михаила Николаевича

и Николая Николаевича с годами он стал не только другом, но и духовным наставником. Особенно близкие отношения были у него с Николаем Николаевичем Муравьевым-Карским, свидетельством чего служит их двадцатилетняя переписка: Игнатий (Брянчанинов). Будущее России в руках Божественного промысла: Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому: Изд. впервые. К истории рода Брянчаниновых. М., 1998. 143 с.

²⁶ «В молодости своей еще инженером, инженерным офицером, находясь часто в кругу современных литераторов и пользуясь особым расположением одного из них, Гнедича, преосвященный Игнатий принял за правило и часто повторял совет Гнедича: чтоб сочинения, писанные до сорока лет, без всякого исключения считать решительно неоконченными, в том убеждении, что с этих только лет в авторе может быть признаваема достаточная зрелость ума, опыта и вкуса, а потому все, вышедшее из-под пера до сорока лет, следует не издавать печатно, а оставлять до упомянутого периода жизни, в который, пересмотрев сочинение, переправить оное и тогда произнести о нем свой суд — или отдавать в печать или уничтожить. Это правило, которого держался преосвященный Игнатий, служит объяснением того, почему он, говоря о своих сочинениях, считает все, написанные им до сорока лет, как бы несуществующими, а те, которые написаны им в сорокалетнем возрасте, он признает незрелыми относительно настоящей духовной высоты его понимания» (Примеч. П. А. Брянчанинова печ. по кн.: Собрание писем. 1995. С. 845).

²⁷ Агафоклея Марковна Сухарева — родная сестра жены А. Н. Оленина, урожденная Полторацкая, родственница Софьи Афанасьевны Брянчаниновой. Видная общественная деятельница и благотворительница, председательница Женского попечительного совета о тюрьмах и Петербургского Женского патриотического общества.

Начало духовной деятельности, когда она принимается с определенной целью и становится преобладающей, чтобы затем сделаться вполне исключительной или главной и существенной деятельностью жизни, сопровождается обыкновенно внутренней бранью помыслов и страстных чувствований. Эта брань в молодом возрасте, который со свежими силами и полной ревностью вступает на новую неведомую дорогу духовного подвижничества, бывает столь сильна, что противостоять ей собственными усилиями нет никакой возможности — нужна непременно посторонняя помощь. Молодой человек, настроенный аскетически-религиозно, с явно обнаруживающимися для него духовными действиями, невольно побуждается искать себе единомысленного общества, чтобы кому-нибудь мог открыть свое душевное состояние, сколько-нибудь проверить себя по опыту другого, услышать ободряющее слово или получить наставление из опыта.

Сущность такой духовной деятельности состоит, главным образом, в молитве, которая творится внутренне, внимательно и непрестанно или, по возможности, часто. Такая молитва, образуя внутреннего монаха, настраивает соответственно себе всю душевную деятельность человека, но такой молитве необходимо правильно обучаться, что и составляет предмет монашеского душевного делания. Против этого-то душевного делания и направлена вся брань помыслов и сердечных ощущений, которую воздвигают тайно духи злобы,

они издали примечают своего борца и не дремлют, устремляются на него всеми полчищами, лишь только он задумал освободиться из-под владычества страстей с решительным намерением взяться за дело спасения, они возбуждают в душе тревогу доселе неведомых страстей. Натиск помыслов бывает столь силен, что часто заходит за пределы мысленной области, сопровождается чувственными действиями, как то: призрачными представлениями, необыкновенными телесными болезнями и пр., действует, как минутное умоисступление.

Между тем самые лица мысленных врагов остаются незримы, действия их непоняты, и юный ратоборец невидимой брани находится постоянно в опасности быть обманутым, обольщенным. Молитва обильно наделяет своего делателя светлыми мыслями, благими чувствованиями и тем невыразимо привлекает к себе; но тут-то и нужна строгая разборчивость, крайняя осмотрительность, чтобы под личной добрых чувствований не принять мысленных татей, не усладиться мнимыми духовными состояниями, за которыми открывается особенный доступ всякой прелести. Переживая такое состояние, иногда отрадное, иногда весьма томительное, молодой подвижник чувствует всю тяготу своего одиночества среди людской пустыни мирян, в которой скитается: для него достаточно одного толчка, одного малого побуждения, чтобы рассчитаться совсем с мирской суетой и ринуться в пристанище монастыря.

Вот слабое изображение того состояния, которое, быть может, переживал Димитрий Александрович, когда, ходя в военном мундире, чувствовал потребность в откровении своих помыслов.

Он занимался умной молитвой и столь рачительно упражнялся в ней, что она творилась у него самодейственно. “Бывало, с вечера, — рассказывал он впоследствии о себе, — ляжешь в постель и, приподняв от подушки голову, начнешь читать молитву, да так, не изменяя положения, не прерывая молитв, встанешь утром идти на службу, в классы”. Будучи монахом по душе и еще на 16-м году жизни испытывав благодатное действие молитвы, он, однако, не имел

видимой причины прибегать для исповеди к монашескому лицу, потому что еще не сознавал вполне особенности своего духовного состояния, по которому полная откровенность перед мирским духовным лицом, скорее, могла повредить, чем принести пользу. Опыт научил его этой истине.

Набожный юноша не довольствовался годичным приступанием к таинству Св. Причащения, а нуждался в более учащенном подкреплении себя этой духовной пищей, почему для удовлетворения своего желания он обратился к законоучителю училища, протоиерею, настоятелю церкви Инженерного замка — Алексею Ивановичу Малову — воспитаннику С.-Петербургской Духовной академии и магистру богословия²⁸. Неудачный выбор этот имел самые скорбные последствия. Исповедающийся сказал духовнику, что он борим множеством греховных помыслов. Духовник, поняв исповедь по-своему, заподозрил воспитанника в преступных политических замыслах и счел себя обязанным довести об этом до сведения начальника училища генерал-лейтенанта графа Сиверса. Лютеранин по вере, граф вместе с инспектором училища генерал-майором бароном Эльснером, совершенно не понимавшим русского языка, призвав Брянчанинова, подверг его строгому допросу: в чем именно заключаются его замыслы, которые он сам признал преступными или греховными. Немало труда стоило разъяснить немцам-лютеранам различие между преступными замыслами и греховными помыслами, но аскетические понятия не были вразумительны для лютеран, и тень подозрения была брошена на юношу-подвижника. За Брянчаниновым стали следить. Неудачный выбор духовника имел крайне неблагоприятные последствия: юноша заболел, по словам о. Михаила Чихачева, никогда уже после этого не оправлялся.

После этой столь тяжелой результатами исповеди для Брянчанинова яснее обнаружилось его душевное настроение, почему он и стал искать другого духовника, более соответствующего своему настроению. Он обратился к инокам Валаамского подворья²⁹, стал ходить туда каждую субботу и воскресенье для исповеди и Св. Причащения и, наученный

опытом, старался делать это скрытно от училищного начальства. В этом святом деле к нему присоединился товарищ по училищу Чихачев, из дворян Псковской губернии, одновременно с ним поступивший в училище и весьма любимый государем Николаем Павловичем. Дмитрий Александрович привязался к Чихачеву самой искренней дружбой, несмотря на несходство их характеров: первый был серьезен, задумчив, сосредоточен в самом себе, другой — весельчак, говорун, с душой нараспашку. Чихачев предался Брянчанинову скорее, как сын отцу, нежели как брат брату: таково было влияние Дмитрия Александровича на своего сотоварища.

Самое первое знакомство этих двух молодых товарищей полно умиления и истинно христианского характера. Однажды в дружеских разговорах Дмитрий Александрович, прервав веселую болтовню Чихачева, сказал ему: “Будь ты христианином!” — “Я никогда не бывал татаринном,” — возразил ему товарищ. “Так, — сказал первый, — да надо слово это исполнить делом и углубиться поприлежнее в него”. С того времени оба они ходили к инокам на подворье, исповедовались и причащались, молились, назидались душевспасительными беседами, подвизались. Вот как эти хождения описывает в своих записках сам Чихачев, где откровенно говорит, какое они производили на него действие: “В одну субботу слышу приглашение от товарища своего идти к священнику. “Зачем?” — “Да обычай у меня исповедаться, а в воскресенье приобщаться Св. Христовым Тайнам. Смотри и ты не отставай”. Бедная моя головушка пришла тогда в изумление и великое смятение. Страх и ужас: что и как, не готов, не могу! — “Не твое дело, а духовника,” — отвечает храбро товарищ и любовь свою влечет за собою.

Раз сделано, а на другую субботу опять то же приглашение. Хотя это делалось, по-видимому, легко, но внутренний мой состав весь потрясся. Юность и здоровье, и все внешние обстоятельства, и вся обстановка, да к тому же и внутреннее сильное восстание страстей и привычек,

разъяренных противодействием им, страшно волновали душу, и могла ли бы она своею немощию устоять, если бы не была невидимая сила, свыше поддерживавшая ее? И при всем этом, не будь у меня такого друга, который и благоразумием своим меня вразумлял, и душу свою за меня всегда полагал, и вместе со мною всякое горе разделял, не уцелел бы я на этом поприще — поприще мученичества добровольного и исповедничества”.

Иноки Валаамского подворья с любовью принимали молодых людей, потому что видели в них искреннее стремление к Богу и желание пути спасительного, но они, как люди без научного образования, по преимуществу ограничивавшиеся внешним подвигом, не могли удовлетворить вполне их духовных потребностей, почему и посоветовали молодым людям обращаться за душепазиданием к инокам Невской Лавры³⁰. Там в это время пребывали некоторые ученики старцев о. Феодора³¹ и о. Леонида³², мужей опытных в духовной жизни, получивших монашеское образование: первый — у известного старца Паисия Величковского, архимандрита Молдавского Нямецкого монастыря, а второй — у учеников его. Таковы были иеромонах Аарон, монахи Харитон, Иоанникий и другие³³.

Молодые люди стали ходить к этим инокам. Через них познакомились они с лаврским духовником о. Афанасием, который своим истинно отеческим, любвеобильным обхождением заставил их забыть неприятное впечатление, произведенное неопытностью первого духовника. Молодые люди радовались, нашедши себе истинных наставников, вполне понимавших их духовные нужды и могущих пользоваться обильно. Они усугубили свою ревность к подвигам благочестия, участили посещения свои к инокам, услаждались богослужением Лавры, которое производило на них более впечатления, потому что было величественнее и продолжительнее, чем на подворье. Они совещались с иноками как с духовными отцами обо всем, что касается внутреннего монашеского делания, исповедовали помыслы, учились, как охранять себя от страстей, греховных навыков и преткно-

вений, какими руководствоваться книгами из писаний св. отцов и т. п. Добрые иноки, особенно о. Иоанникий и духовник о. Афанасий, делились с монахолюбивыми и любознательными юношами всем, что составляло достояние их многолетней духовной опытности. Часто Димитрий Александрович удивлял их своими вопросами, которые касались таких сторон жизни духовной, какие свидетельствуют о довольно зрелом духовном возрасте. Такая тесная дружба с иноками имела соответственное себе действие. Димитрий Александрович сделался совершенным аскетом по душе, обложил себя творениями св. отцов, преимущественно подвижнического содержания, которые перечитывая с жадностью, еще более углублялся в самосозерцание и видимо охладел к светскому обществу. В “Плаче” своем так говорит он о себе:

“Пред взорами ума уже были грани знаний человеческих в высших окончательных науках. Пришедши к граням этим, я спрашивал у наук: что вы даете в собственность человеку? Человек вечен, и собственность его должна быть вечна. Покажите мне эту вечную собственность, это богатство верное, которое я мог бы взять с собою за пределы гроба! Науки молчали.

За удовлетворительным ответом, за ответом существенно нужным, жизненным обращаюсь к вере. Но где ты скрываешься, вера истинная и святая? Я не мог тебя признать в фанатизме, который не был запечатлен евангельской кротостью, он дышал разгорячением и превозношением! Я не мог тебя признать в учении своевольном, отделяющемся от Церкви, составляющем свою новую систему, суетно и кичливо провозглашающем обретение новой истинной веры христианской чрез осмнадцать столетий по воплощении Бога-Слова. Ах! В каком тягостном недоумении плавала душа моя!..

И начал я часто, со слезами умолять Бога, чтобы Он не предал меня в жертву заблуждению, чтоб указал мне правый путь, по которому я мог бы направить к Нему невидимое шествие умом и сердцем. Внезапно предстает мне мысль... сердце к ней, как в объятия друга. Эта мысль вну-

шала изучить веру в источниках — в писаниях святых отцов. «Их святость, — говорила она мне, — ручается за их верность: их избери себе в руководители». Повинуюсь. Нахожу способ получать сочинения святых угодников Божиих, с жадностью начинаю читать их, глубоко исследовать. Прочитав одних, берусь за других, читаю, перечитываю, изучаю. Что прежде всего поразило меня в писаниях отцов Православной Церкви? — Это их согласие, согласие чудное, величественное... Какое между прочим учение нахожу в них? — Нахожу учение, повторенное всеми отцами: учение, что единственный путь к спасению — последование неуклонное наставлениям святых отцов. «Видел ли ты, — говорят они, — кого, прельщенного лжеучением, погибшего от неправильного избрания подвигов? — Знай: он последовал себе, своему разуму, своим мнениям, а не учению отцов», из которого составляется догматическое и нравственное предание Церкви...

Мысль эта была для меня первым пристанищем в стране истины. Здесь душа моя нашла отдохновение от волнения и ветров. Мысль благая, спасительная! Мысль — дар бесценный всеблагото Бога, хотящего всем человекам спаситься и прийти в познание истины! Эта мысль соделалась камнем основным для духовного созидания души моей! Эта мысль соделалась моею звездой путеводительницею! Она начала постоянно освещать для меня многотрудный и многоскорбный, тесный, невидимый путь ума и сердца к Богу.

Таковы благодеяния, которыми ущедрил меня Бог мой! Таково нетленное сокровище, наставляющее в блаженную вечность, ниспосланное мне свыше от горнего престола Божественной милости и премудрости... Бог, Сам Бог мыслию благою уже отделил меня от суетного мира. Я жил посреди мира, но не был на общем широком, углаженном пути. Мысль благая повела меня отдельною стезею к живым прохладным источникам вод, по странам плодоносным, по местности живописной, но часто дикой, опасной, пересеченной пропастями, крайне уединенной. По ней редко странствует путник.

Чтение отцов с полной ясностью убедило меня, что спасение в недрах Российской Церкви несомненно, чего лишены вероисповедания Западной Европы как не сохранившие в целостности ни догматического, ни нравственного учения первенствующей Церкви Христовой. Оно открыло мне, что сделал Христос для человечества, в чем состоит падение человека, почему необходим Искупитель, в чем заключается спасение, доставленное и доставляемое Искупителем. Оно твердило мне: должно развить, ощутить, увидеть в себе спасение, без чего вера во Христа — мертва, а христианство — слово и наименование без осуществления его! Оно научило меня смотреть на вечность как на вечность, перед которой ничтожна и тысячелетняя земная жизнь, не только наша, измеряемая каким-нибудь полустолетием. Оно научило меня, что жизнь земную должно проводить в приготовлении к вечности, как в преддвериях готовятся ко входу в великолепные царские чертоги. Оно показало мне, что все земные занятия, наслаждения, почести, преимущества — пустые игрушки, которыми играют и в которые проигрывают блаженство вечности взрослые дети”.*

Примечания

²⁸ Малов А. И. (1787–1855) — известный проповедник, духовник декабристов.

²⁹ Первое Валаамское подворье в Петербурге с церковью во имя прп. Сергия и Германа монастырь открыл в 1820 г. на Мясной улице в Малой Коломне. Интересно, что утварь и иконостас пожертвовал император Александр I, любивший заходить на подворье.

³⁰ Александр-Невская Свято-Троицкая Лавра — основана в 1710 г. на левом берегу Невы, при впадении в нее Черной речки. Была центром церковной жизни столицы и резиденцией петербургских митрополитов.

³¹ Схимонах Феодор (1756–1822) — получив духовное направление в Нямецком монастыре у прп. Паисия, стал одним из возобновителей внутреннего монашеского делания в России; проживал во мно-

* Т. 1. Аскет. опыты. С. 554–560.

гих обителях, скончался в Александро-Свирском монастыре. Первое его житие было составлено послушником Димитрием Брянчаниновым в 1829 г.

³² Преподобный Лев (Л. Д. Наголкин, 1768–1841) — в 1801 г. пострижен в мантию с именем Леонид, в схиме Лев, основатель оптинского старчества, канонизирован в 2000 г., память 11/24 октября. Переписка его со свт. Игнатием опубликована в кн.: Игнатий (Брянчанинов). Странствие ко вратам вечности: Переписка с оптинскими старцами и П. П. Яковлевым, делопроизводителем свт. Игнатия. М., 2001. С. 125–148. Публ. и примеч. О. Шафрановой.

³³ Архимандрит Аарон (А. Д. Петров) — с 1821 г. иеромонах Александро-Невской Лавры, в 1826 г. назначен строителем Новгородского Перекомского монастыря, с 1842 г. архимандрит Аарон — наместник Лавры. Скончался 18 апр. 1844 г.

Монах Иоанникий — валаамский постриженник, племянник старца Феодора, в Лавре нес послушание при свечной продаже. Он весьма расположился к юношам и много рассказывал им о различных старцах, особенно о валаамских и об о. Леониде. Благодаря этим рассказам Димитрий Александрович захотел познакомиться с последним и вступил с ним в духовную переписку. В конце жизни жил в Оптиной пустыни, принял схиму с именем Леонид.

ГЛАВА III

Духовные стремления юного подвижника, его ревность, усердие к молитве выдерживали тяжкое испытание. Первыми врагами на пути спасения явились его домашние, по евангельскому слову. Александр Семенович приставил для служения к своему сыну человека, который был предан ему до самозабвения, это был старик лет 60-ти по имени Доримедонт, прослуживший век свой верой и правдой своему господину. Он был, так сказать, надзирателем всех поступков Дмитрия Александровича, от его зоркого глаза ничто не ускользало, обо всем он доносил своему барину — отцу, которого считал полномочным владыкой сына. Закаленный в крепостном быту, он почитал Дмитрия Александровича, более, чем крепостного, собственностью Александра Семеновича. По его мнению, Дмитрий Александрович без воли отца не должен был желать ничего. Этот слуга во всякое время был доносчиком и предателем своего молодого барина перед стариком отцом.

Тяжелы были эти известия Александру Семеновичу. Он вспомнил тогда о выраженном на пути в Петербург желании сына и убедился теперь, что то не был детский каприз. Он тогда же написал обо всем начальнику училища графу Сиверсу, своему бывшему товарищу по службе в пажах, и просил его наблюдать за воспитанником Брянчаниновым; написал также родственнице своей Сухаревой, прося ее отвлечь его сына от предпринятого им намерения.

Училищное начальство приняло свои меры, переведя Брянчанинова с частной квартиры в казенную, в стены Михайловского инженерного замка, под строгий надзор, а Сухарева, особа влиятельная, озаботилась довести до сведения тогдашнего митрополита Петербургского Серафима³⁴, что ее племянник Брянчанинов, весьма любимый государем императором, свел знакомство с лаврскими иноками, что лаврский духовник Афанасий склоняет его к монашеству и что если об этом будет узвано при дворе, то и ему, митрополиту, не избежать неприятностей. Митрополит встревожился, призвал к себе духовника Афанасия и сделал ему строгий выговор, воспретив впредь принимать на исповедь Брянчанинова и Чихачева.

Тяжелы были для Дмитрия Александровича эти обстоятельства, которыми стеснялась свобода его духовной деятельности; он решился сам предстать митрополиту и лично объясниться. Митрополит сначала не верил бескорыстному стремлению юноши, когда тот в разговоре объявил ему свое непереносимое желание вступить в монашество. Митрополит, предполагая в нем только честолюбивые виды, прямо объявил, что как не обладающий ученой степенью духовных академий он, Брянчанинов, выше сана архимандрита не может быть возведен в иерархии церковной. Молодой человек сказал на это, что ищет не санов, а единственно спасения души, состоящего в бегстве от мира. Митрополит говорил, что он не позволит принять его в монастырях своей епархии. Брянчанинов кротко возразил, что если и в целой России откажутся принять его в монастырь, то он найдет где-нибудь православную обитель и вне Отечества. Тогда, видя непреклонное и искреннее желание молодого человека, митрополит позволил ему по-прежнему ходить в Лавру к духовнику.

Таково было стремление Брянчанинова к жизни иноческой. Это было не прихотливое желание представлять из себя оригинала в обществе, не было оно и следствием простого разочарования жизнью, которой горечи и удовольствий он еще не успел испытать. Это было чистое намерение,

чуждое всяких расчетов житейских, искреннее, святое чувство любви Божественной, которая одна способна с такой силой овладеть существом души, что никакие препятствия не в состоянии преодолеть ее.

Практика монастырской жизни довольно указывает, что чистосердечно избирающие ее готовы на всякие жертвоания и на совершенное самоотвержение. Вот какие чувства изливаются в “Плаче”, где автор говорит:

“Охладело сердце к миру, к его служениям, к его великому, к его сладостному. Я решился оставить мир, жизнь земную посвятить для познания Христа, для усвоения Христу. С этим намерением начал рассматривать монастырское и мирское духовенство. И здесь встретил меня труд, его увеличивали для меня юность моя и неопытность. Но я видел все близко и по вступлении в монастырь не нашел ничего нового, неожиданного. Сколько было препятствий для этого вступления! Оставляю упоминать о всех, самое тело вопияло мне: «Куда ведешь меня? Я так слабо и болезненно. Ты видел монастыри, ты коротко познакомился с ними: жизнь в них для тебя невыносима и по моей немощи, и по воспитанию твоему, и по всем прочим причинам». Разум подтверждал доводы плоти. Но был голос, голос в сердце, думаю, голос совести или, может быть, Ангела хранителя, сказывавшего мне волю Божию, потому что голос был решителен и повелительный. Он говорил мне: это сделать твой долг, долг непрременный. Так силен был голос, что представления разума, жалостные, основательные, по-видимому, убеждения плоти, казались пред ним ничтожными”.*

Нелишне упомянуть и о некоторых случаях, которыми предрекалась будущая судьба юноши Брянчанинова. Однажды шел он с Чихачевым и Феодоровым, третьим товарищем своим, по Владимирской улице города Петербурга. Вдруг из ворот одного дома, против церкви Владимирской Божией Матери, выбегает женщина юродивая, жившая на пропитании у хозяина дома (имя ее Василиса), кланяется в землю Брянчанинову и говорит: “Батюшка, светлый священник,

* Т. 1. Аскет. опыты. С. 560–561.

благослови”. В другой раз Дмитрий Александрович с Чихачевым пошел навестить своего товарища, инженера прапорщика Мельтцера. У Мельтцера был денщик, благочестивый человек, глубоко уважавший Брянчанинова, он был тогда очень болен. Мельтцер предложил Брянчанинову навестить больного и по-товарищески со смехом втолкнул Брянчанинова в дверь комнаты, где лежал больной. Тот, увидав такую шутовскую выходку своего господина, стал укорять его, говоря: “Что Вы толкаете епископа, разве не видите, что он архиерей”. Таким образом, устами двух верующих в простоте сердца рабов Божиих изречено высокое призвание юноши, искавшего в монашестве единого на потребу спасения души.

Кроме случаев и обстоятельств, зависящих от воли людей, самая природа ставила препятствия благочестивым намерениям юного Дмитрия. Весной 1826 года он заболел тяжелой грудной болезнью, имевшей все признаки чахотки, так что не в силах был выходить. Государь император Николай Павлович приказал лейб-медикам Крейтону и Вилье пользоваться больным и еженедельно доносить ему о ходе болезни. Доктора неоднократно объявляли Дмитрию Александровичу об опасности его положения, сам он считал себя на пороге жизни и частыми молитвами в благодушном терпении готовился к переходу в вечность. “Я был очевидцем этого времени, — говорит в записках своих брат его Петр Александрович. — Разогнутые книги святых отцов окружали его. Он читал, сличал их, неумолимо углублялся в изучение их. Диета по предписанию медицины — желе исландского мха — составляла обязательный пост его, а молитва, благодатно действовавшая в нем уже в то время, как он сам передавал мне в последние годы жизни своей, помогала его бдению. Этот подвиг болезни уже можно считать как бы преддверием монашества, как бы опытом жизни аскетической в самых строгих условиях оной”. Но случилось не так, как предсказывали знаменитые врачи столицы: болезнь получила благоприятный переворот и послужила для больного опытным доказательством того, что без воли Божией самые настоятельные законы естества несильны воздействовать на нас.

Все благочестивые упражнения Дмитрия Александровича служили подготовкой для того решительного переворота, который он должен был совершить, чтобы осуществить свои давнишние намерения и желания. Но чтобы произвести этот переворот, т. е. чтобы совсем порвать все связи с миром, — нужен был человек, который бы содействовал этому разрыву, который бы силой своего духа увлек за собой, нужен был свой Моисей, чтобы вывести нового израильтянина из Египта мирской жизни. Таким Моисеем явился для Дмитрия Александровича вышеупомянутый иеромонах Леонид.

Отец Леонид отличался духовной мудростью, святостью жизни, опытностью в монашеском подвиге; под его руководством образовались многие истинные подвижники благочестия и наставники иночества. Об этом старце много слышан был Дмитрий Александрович от лаврских иноков. Наконец, представился случай познакомиться с ним. Отец Леонид прибыл по делам своим в Петербург и остановился в Невской Лавре. Там в одинокой беседе с этим представителем тогдашнего монашеского подвижничества Дмитрий Александрович почувствовал такое влечение к этому старцу, что как бы век жил с ним: это были великие минуты, в которые старец породил его духовно себе в сына. Под впечатлением этой первой беседы Дмитрий Александрович высказался после своему другу Чихачеву так: “Сердце вырвал у меня о. Леонид; теперь решено: прошусь в отставку от службы и последую старцу, ему предамся всею душою и буду искать единственно спасения души в уединении”. После этой первой встречи Дмитрий Александрович уже не принадлежал более миру, решительный переворот был произведен, требовалось только некоторое время, чтобы окончательно распутать мирские узы.

Вознамерившись совсем оставить службу и удалиться в монастырь, Дмитрий Александрович сперва должен был выдержать великую нравственную борьбу: с одной стороны, с родителями своими, с другой — с сильными мира сего. Эта борьба стоила ему больших усилий. Как физические

силы его подрывались постоянно болезнями, так теперь он должен был уготовиться нравственно, чтобы принять напор со стороны власти родительской и государственной, которые устремлялись подавить, сокрушить то, что для него было всего дороже и вождеденнее. Сугубую выдерживал он борьбу в молодых годах своих — физическую и нравственную; но как в первой он всегда торжествовал силой духа своего над слабостью плоти, так и во второй явился искусным и надежным борцом со стихиями земной жизни, обещавшей ему много сладостного, великого и славного. В этой последней борьбе окончательно выработался его твердый характер, необходимый для прохождения многотрудной иноческой жизни, требующей полного самоотвержения, особенной непоколебимости воли, неустрашимости, постоянства и готовности на всякую крайность. Вот та дверь, через которую приходилось вступить юному подвижнику на тесный и прискорбный путь иночества.

В июне 1826 года Дмитрий Александрович получил трехмесячный отпуск от службы и для поправления здоровья отправился в дом своих родителей, на родину. Зная честолюбивое намерение своего отца и не желая притом огорчить родителей решительным объявлением им своей воли, Дмитрий Александрович старался исподволь и осторожно приготовить их к предполагаемой перемене жизни, но и это не помогло. Александр Семенович не мог примириться с мыслью о монашестве своего первенца. Он сердился на него, отказывал наотрез, отстранял его от себя как сына непокорного. Все должен был выносить кроткий и чувствительный юноша, послушный заповеди Спасителя: *Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня* (Мф. 10; 37). С глубокой скорбью, не получив желаемого согласия, он уехал из дома родительского и в сентябре месяце возвратился в столицу. Здесь готовилась встретить его другая буря, не менее грозная: он должен был иметь дело с высшей властью, должен был отстаивать свое заветное желание даже перед монархом, которому всецело был обязан воспитанием, образованием и благодарностью за милостивое высокое к нему внимание.

Трудно ему было убеждать мирских людей в правдивости своих духовных стремлений, понятных только некоторой горсти чернецов в Невской Лавре. Тут нужна была решимость отчаянная, надо было противостоять лишь самоотвержением и силой воли, а не доводами и очевидными указаниями. Ясно, что спор был неравный: надлежало или подождать, уступить, или показать пример непобедимого мужества, доблести мученической, прямого исповедничества.

Вскоре по прибытии из отпуска Дмитрий Александрович подал просьбу об увольнении его от службы с целью по увольнении тотчас идти в монастырь. Училищное начальство нашло невозможным дать ход этому прошению и потребовало от Брянчанинова сдать окончательный экзамен и затем воспользоваться законным правом просить увольнения от службы помимо этого начальства. Это заставило Брянчанинова заняться вновь науками; в декабре он сдал экзамен, причем по числу баллов сохранил свое первенство в сравнении с товарищами по выпуску, хотя и не мог уже быть сопоставлен с ними конкурентом, так как окончательный выпуск состоялся еще в ноябре месяце. Таким образом, окончив расчеты свои с училищем, он подал вновь прошение об увольнении его от службы через Инженерный департамент.

Государь император Николай Павлович, узнав об этой просьбе и о желании Брянчанинова идти в монастырь, поручил своему августейшему брату, великому князю Михаилу Павловичу,³⁵ отговорить всеми любимого воспитанника от такого предприятия. В первых числах января 1827 года Дмитрий Александрович был потребован во дворец к великому князю. Там было собрано все высшее начальство инженерного училища. Девятнадцатилетний юноша с трепетным сердцем, но твердой волей предстал перед собранием. Великий князь сообщил ему, что государь император, зная его способности к службе, вместо отставки намерен перевести его в гвардию и дать там такое положение, которое удовлетворит и его, Брянчанинова, самолюбию и его честолюбию.

Молодой человек сказал на это, что, не имея достаточных денежных средств, он не может служить в гвардии.

“Заботы об этом государь изволит принять на себя,” — прервал великий князь. “Расстроенное мое здоровье, — продолжал юноша, — о чем известно его величеству из донесений лечивших меня медиков, поставляет меня в совершенную невозможность нести труды служебные, и, предвидя скорую смерть, я должен позаботиться о приготовлении себя к вечности, для чего и избираю монашеское звание”. Великий князь заметил, что он может получить службу в южном климате России и что гораздо почетнее спасти душу свою, оставаясь в мире. Брянчанинов отвечал: “Остаться в мире и желать спастись — это, ваше высочество, все равно, что стоять в огне и желать не сгореть”. “Я не проповедник, я не проповедник,” — отступив несколько шагов назад, сказал великий князь и, приветливо относясь к юноше, желал склонить его к покорности, но потом, видя непреклонность Брянчанинова, стал грозно кричать на него как на ослушника высочайшей воли; тот побледнел. Увидя такую перемену в лице болезненного юноши, его высочество, переменив тон, сказал: “А что? Испугался? Отказываешься от монашества?” — “Напротив, ваше высочество, — почтительно, но твердо отвечал Брянчанинов. — Прошу оказать мне милость — уволить меня от службы”.

Тогда великий князь решительно возразил ему, что, так как он остается непреклонен в своем упорстве, то объявляется ему высочайшая воля: государь император отказывает ему в увольнении от службы и делает ему лишь ту милость, что предоставляет самому избрать крепость, в которую он должен быть послан на службу. Брянчанинов отклонил от себя добровольное избрание, сказав: “Позвольте мне, ваше императорское высочество, начать мое монашество отречением от своей воли в этом избрании, предоставляя мне исполнить приказание вашего высочества”. Великий князь обратился к графу Опперману, своему помощнику по званию генерал-инспектора инженеров, тот указал на Динабург³⁶. Великий князь одобрил это указание, и в тот же вечер состоялось назначение Брянчанинова в Динабургскую инженерную

команду с приказанием в 24 часа выехать из С.-Петербурга к месту нового служения.

Начальник Динабургской команды был в то время генерал-майор Клименко. Ему сообщено было о настроении Брянчанинова и поручено иметь строгий надзор за его поведением. Товарищи по службе сперва не совсем доверчиво относились к Дмитрию Александровичу, но потом переменили свое мнение, увидев истинное благочестие, кротость и благоразумие его. Они даже сделались преданными ему, разделяя его труды по службе вследствие болезненного его состояния. Служебные занятия офицера Брянчанинова состояли в наблюдении за производством разных построек и земляных работ в крепости. Он же до того был слаб здоровьем, что принужден был по несколько недель сряду держаться безвыходно в квартире, а потому необходимо нуждался в помощи товарищей относительно служебных обязанностей. Одна только переписка с о. Леонидом поддерживала Дмитрия Александровича в этом одиночестве духовном, так как и с любимым другом своим Чихачевым он был разлучен. Осенью 1827 года великий князь Михаил Павлович посетил Динабургскую крепость и, убедившись опытно в физической несостоятельности офицера Брянчанинова к отправлению службы, склонился на его неременное желание получить отставку.

Примечания

³⁴ Серафим (С. В. Глаголевский, 1763–1843) — митрополит Новгородский и С.-Петербургский с 1821 по 1843 гг.

³⁵ Михаил Павлович Романов (1798–1849) — великий князь. Со вступлением на престол брата, императора Николая I, был назначен вместо него генерал-инспектором по инженерной части.

³⁶ Динабург — крепость, основанная в 1275 г. Ливонским орденом, разрушена Иоанном IV Грозным. В 1810-е — 1830-е гг. спроектирована и застроена вновь, в настоящее время — г. Даугавпилс (Латвия).

6 ноября 1827 года Дмитрий Александрович получил вожделенную отставку. Он уволен был с чином поручика. Немедленно выехал из Динабурга и через Петербург направился в Александровский Свирский монастырь³⁷ к о. Леониду, чтобы под его руководством начать стезю иночества. Прибыв в Петербург в одежде простолюдина, в нагольном тулупе, он остановился в квартире брата своего, где жил и Чихачев. Здесь условлено было обоим поступить в монастырь, и, по возможности, немедленно. Чихачев тотчас написал прошение, выставляя причиной домашние обстоятельства, но не получил удовлетворения и должен был еще повременить на службе.

Выход из службы Дмитрия Александровича совершился без ведома родителей, а потому, естественно, навлек на себя гнев их. Они отказали сыну в вещественном вспоможении и даже прекратили с ним письменные сношения. Таким образом, полная нищета материальная сопровождала вступление Дмитрия Александровича в монастырь. Он буквально исполнил заповедь нестяжания при самом начале иночества и вполне справедливо мог сказать с апостолом как истинный ученик Христов: *Вот мы оставили все и последовали за Тобою* (Мф. 19; 27). В "Плаче" своем он так выразил свои чувствования, с которыми вступал на этот новый путь жизни: "Вступил я в монастырь, как кидается изумленный, закрыв глаза и отложив размышление, в огонь или пучину;

как кидается воин, увлекаемый сердцем, в сечу кровавую, на явную смерть. Звезда руководительница моя, мысль благая, пришла светить мне в уединении, в тишине, или, правильнее, во мраке, в бурях монастырских”.*

На Кавказе, в Пятигорске, описывая болезнь свою, он говорит: “Я очень простудился, будучи лет 12-ти, купаясь в ключевой речке Талице, протекающей неподалеку от села Покровского, моего места рождения, Вологодской губернии, в Грязовецком уезде. О простуде моей я боялся сказать кому следует, опасаясь взыскания. Но простуда была очень сильна, и я с того времени почувствовал, что мое здоровье и самые силы изменились. Во второй раз я простудился, будучи 16-ти лет, при переходе из второго класса в высший в инженерном училище. Это случилось осенью во время слякоти, когда навалило по улицам много мокрого снега. В Петербурге тогда юнкерам, воспитывающимся в училищах, не позволено было ни носить калош, ни ездить на извозчиках. В сей болезни не столько повредила мне самая простуда, сколько, как мне кажется, неправильное продолжительное лечение. После этой болезни силы мои очень изменились; пищи я начал употреблять вдвое меньше, нежели сколько употреблял до болезни; аппетит мой с сего времени уже никогда не восстанавливался. Это было в конце 1823 года.

С того времени я почти постоянно более или менее хворал, но желание мое вступить в монашество, то есть приобрести деятельное познание христианства, так было сильно, что я не только не заботился о восстановлении моего здоровья, но желал его принести в жертву, лишь бы этою жертвою выкупить мне то село, на котором скрыто, по словам Евангелия, духовное сокровище. В конце 1827 года мне удалось выйти в отставку, и в самый день Рождества Христова, вечером, в одежде простолюдина я прибыл в Александро-Свирский монастырь к старцу иеросхимонаху Леониду, с которым и с учениками которого я познакомился в Пе-

* Т. 1. Аскет. опыты. С. 561.

тербурге. Значит, в монастырь я вступил на 21-м году моей жизни (родился я 1807 года 6-го (sic.) февраля)³⁸”.

Беспрекословное послушание и глубокое смирение отличали поведение послушника Брянчанинова в монастыре. Первое послушание было назначено ему служить при поварне. В самый день вступления в поварню случилось, что нужно было идти в амбар за мукой. Повар сказал ему: “Нужно, брат, пойдем за мукой!” и бросил ему мучной мешок так, что его всего обдало белой пылью. Новый послушник взял мешок и пошел. В амбаре, растянувши мешок обеими руками и прихватив зубами, чтобы удобнее было всыпать муку, он ощутил в сердце новое, странное чувство, какого еще не испытывал никогда: собственное смиренное поведение, полное забвение своего “я” так усладили его тогда, что он всю жизнь поминал этот случай.

Проходя послушание трапезного, он однажды ставил блюдо с пищей на последний стол, за которым сидели послушники, и мысленно произносил следующие слова: “Примите от меня, рабы Божии, это убогое служение”. Вдруг почувствовал он необыкновенное молитвенное действие, так что пошатнулся: в грудь его запало сладостное утешение и не оставляло дней более 20-ти. Воспоминание об этом случае неизгладимо напечатлелось в его душе, и он изложил его в своих “Аскетических опытах”, приписывая случай этот другому лицу. В числе прочих послушников он назначен был тянуть рыболовный невод в озере Свирского монастыря. Раз как-то невод запутался в глубине. Монах из простолюдинов, заведовавший ловлей, зная, что Брянчанинов хорошо умел плавать и долго мог держаться под водой, послал его распутать невод. Несмотря на сильный осенний холод, Димитрий Александрович беспрекословно исполнил приказание. Только это было очень чувствительно для его слабого здоровья — он сильно простудился.

В другой раз случилось ему читать в трапезе поучение из творений святителя Димитрия Ростовского. Чтение Брянчанинова было столько усладительно и духовно сильно, что

все обедавшие забыли пищу и с умилением стали внимать чтению; иные плакали. Этот случай произвел столь сильное впечатление, что вся монастырская братия стала с явным уважением относиться к Брянчанинову, отдавая ему предпочтение перед прочими, чем он очень тяготился, потому что, живя в среде монастырского братства, он даже старался скрывать свое происхождение и образование, радуясь, когда незнавшие считали его за недоучившегося семинариста. Обратимся же к описанию отношений ученика к старцу. Они требуют глубоко внимательного и духовного рассмотрения.

Поступив в монастырь, Димитрий Александрович всей душой предался старцу о. Леониду в духовное руководство. Эти отношения отличались всей искренностью, прямоотой, представляли совершенное подобие древнего послушничества, которое не решалось сделать шагу без ведома или позволения наставника. Всякое движение внутренней жизни здесь происходит под непосредственным наблюдением старца. Ежедневная исповедь помыслов дает возможность тщательно наблюдать над собой; она предохраняет новоначального инока от вредного действия этих помыслов, которые, будучи исповеданы, подобно скошенной траве, не могут уже возникать с новой силой. Опытный взор старца духовника обнаруживает самые сокровенные тайники души, указывает гнездящиеся там страсти и таким образом удивительно способствует самонаблюдению. Чистосердечная исповедь, всегдашняя преданность старцу и всецелое перед ним отсечение воли вознаграждаются духовным утешением, легкостью и мирным состоянием духа, какие свойственны бесстрастию. Они не только далеко превосходят то обыкновенное спокойствие и радостное расположение, которые получают от житейского благополучия, но и совершенно разнятся от них, не подобны им.

Такой род начального подвижничества и в древнее время, когда духовными старцами обиловаляли пустыни и монастыри, был уделом немногих послушников; тем реже он встречается ныне, при современном оскудении духовного

старчества. Ныне редкий находит наставника, могущего руководить духовно, как то: принимать исповедь помыслов, давать полезные советы, разрешать вопросы и недоумения касательно внутренней жизни.

Димитрий Александрович, как сказано, во всем повиновался воле своего духовного отца; все вопросы и недоумения разрешались непосредственно им. Старец не ленился делать замечания своему юному питомцу, вел его путем внешнего и внутреннего смирения, обучал деятельной жизни.

“Однажды, — рассказывает И. А. Барков, человек весьма благочестивый и достойный всякого вероятия, — ко мне приехал из Свирского монастыря о. Леонид зимой. Был жестокий мороз и вьюга; старец приехал в кибитке. Когда вошел он ко мне, я захлопотал о самоварчике и подумал: «Не один же старец приехал; вероятно, есть какой-нибудь возница,» — и я стал просить старца, чтобы он позволил ему войти. Старец согласился. Я позвал незнакомца и немало был удивлен, когда предстал передо мной молодой, красивой наружности человек со всеми признаками благородного происхождения. Он смиренно остановился у порога. «А, что, перезяб, дворянчик,» — обратился к нему старец и затем сказал мне: «Знаешь ли, кто это? Это Брянчанинов». Тогда я низко поклонился вознице”.

Такой крайне смиряющий образ руководства в жизни был предпринят о. Леонидом в отношении ученика своего, молодого ученого офицера Брянчанинова, без сомнения, для того, чтобы победить в нем всякое высокоумие и самомнение, которые обыкновенно присущи каждому благородному и образованному человеку, вступающему в среду простецов. Старец поступал как нелицемерный наставник, в духе истинного монашества, по примерам св. отцов, он постоянно подвергал своего ученика испытаниям, и такие опыты смирения не могли не нравиться благородному послушнику, с искренней любовью к Богу предавшемуся иноческим подвигам.

Димитрий Александрович с покорностью отправлял и низкие служения. Но испытаниям, хотя бы они совершались

в духовном разуме, есть мера, свыше которой они утрачивают свою привлекательную духовную сторону, остаются при одной внешности. Усердие и ревность подвергаемого испытаниям начинают тогда ослабевать, когда не получают подкрепления в силе духовного разума, которым должны быть проникнуты такие испытания. Старец при таком образе действий должен обладать в достаточной степени этой силой, чтобы его действия были несоблазнительны и удобоприемлемы, приятны для духовного чувства обучающегося. Древние святые отцы в таких случаях действовали чудодейственной силой, и она удерживала при них послушников. Разум рождается от опытности, опытность приобретает от многих примеров; а этот пример обращения с благовоспитанным и умственно необыкновенно развитым послушником в духовной практике о. Леонида едва ли был не первый. Тщательное воспитание при всем внимании к духовно-нравственной стороне требует сообразоваться и с физическим состоянием воспитываемого, а умственное его развитие нуждается в соответственном себе упражнении. Трудно предположить, чтобы все это соблюдалось при помянутых испытаниях, а описанный пример прямо говорит противное.

Спустя год первая горячность, с какой Димитрий Александрович предался в руководство старца, стала остывать. К этому присоединилось недовольство его старцем. Некоторые поступки старца казались ему не согласными с учением св. отцов, а также о. Леонид не мог удовлетворительно отвечать на все его вопросы, разрешать все его недоумения. Вероятно, эти вопросы касались более возвышенных сторон жизни духовной, которая в высших своих проявлениях в каждом подвижнике представляет свои особенности, а потому неудивительно, что о. Леонид, при всей своей мудрости духовной, не мог удовлетворительно разрешить такие вопросы.

Примеры такой неудовлетворительности существовали еще тогда, когда старчество процветало во всей силе и новоначальное иночество представляло поразительные, неподражаемые образцы совершенного послушания. В отеческих писаниях

встречаются указания на случай такой неудовлетворительности. В “Руководстве к духовной жизни” прпп. Варсонофия и Иоанна, в ответе 501: “Если какой брат, живя со старцем, будет угнетаться помыслами по причине неудовлетворительности ответов старца, то он должен обратиться к другому старцу за разрешением, если не без ведома, то с согласия своего старца, и не должен соблазняться на своего, что тот не имеет такого дарования духовного; если же брат не имеет возможности спросить и другого старца, то пусть потерпит, моля Бога помочь ему”.³⁹

Во время своего жительства на покое в Николо-Бабаевском монастыре в откровенной духовной беседе с братом своим П. А. Брянчаниновым преосвященный Игнатий говорил ему, между прочим, что во всю жизнь Господь не приводил его встретиться с духовно-опытным старцем, которому он мог бы открыть вполне свою духовно-деятельную жизнь, — так особенна и недоступна общему пониманию была эта жизнь. Впрочем, с признательностью и уважением вспоминал он всегда о наставнике духовном своего новоначала, старце о. Леониде, и впоследствии чем мог старался быть ему полезен.⁴⁰

В “Плаче” своем объясняет он отчасти причины неудовлетворительности для него современных ему наставников духовных: “Отцы первых веков Церкви особенно советуют искать руководителя боговдохновенного, ему предаться в совершенное, безусловное послушание; называют этот путь, каков он и есть, кратчайшим, прочнейшим, боголюбознейшим. Отцы, отделенные от времен Христовых тысячелетием, повторяя совет своих предшественников, уже жалуется на редкость боговдохновенных наставников, на появившееся множество лжеучителей и предлагают в руководство Священное Писание и отеческие писания.

Отцы, близкие к нашему времени, называют боговдохновенных руководителей достоянием древности и уже решительно завещают в руководство Священное и Святое Писание, поверяемый по этим Писаниям, принимаемый с величайшею осмотрительностью и осторожностью совет современных и сожительствующих братьев. Я желал быть под руководством наставника, но не привелось мне найти

наставника, который бы вполне удовлетворил меня, который был бы оживленным учением отцов.

Впрочем, я слышал много полезного, много существенно нужного, обратившегося в основные начала моего душеназидания. Да упокоит Господь в месте злачном, в месте прохлады, в месте света и блаженства почивших благодетелей души моей! Да дарует большее духовное преуспеяние и кончину благополучную текущим еще по поприщу земного странствования и труженичества!”.*

Примечания

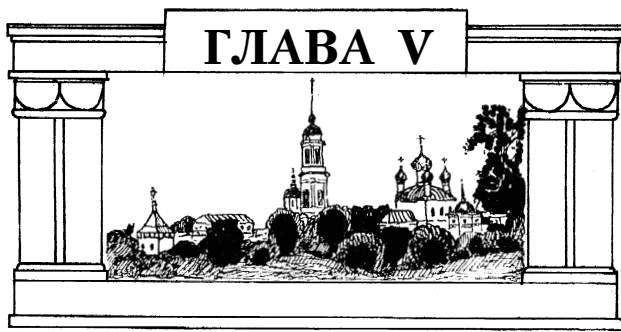
³⁷ Александро-Свирский монастырь — основан на реке Свири (Олонецкий уезд) прп. Александром Свирским в 1506 г. Ныне возрождается. Здесь зимой 1828 г. послушником Димитрием было написано одно из первых известных его сочинений — “Дерево зимою пред окнами келии”.

³⁸ См. прим. 14 к главе I.

³⁹ Точный текст ответа на 501 вопрос “Руководства к духовной жизни” прп. Варсонофия Великого и Иоанна таков: “Если брат знает, что авва его действительно заботится о пользе души его, то смело должен сказать ему: “Меня смущают помыслы, как рассудишь, что мне делать?” И как человек, у которого болен сын, с заботливостью приводит его к врачу, и не только приводит, но и платит за него, так и тот старец сам с радостью приведет ученика своего к человеку, имеющему дарование рассуждения духовного, или пошлет к нему. Если же брат знает, что старец его не может понести сего, то ничего не должен говорить ему; но когда найдет удобное время и Бог подаст возможность, пусть спросит о своих помыслах другого духовного старца, прося того, чтобы не узнал о сем его авва, иначе он возбудит в нем страсть зависти и то, что брат спросил другого без его ведома, причинит ему большую скорбь. Впрочем, брат не должен соблазняться о своем авве, что он не имеет такого дарования, ибо оно не всем дается; и, рассудив внимательно, непременно найдет, что авва его имеет другое дарование, потому что дарования Духа различны (1 Кор. 12; 4) и различно разделяются людям: иному дается то, а другому иное. А пока брат тот не находит времени спросить, пусть потерпит, моля Бога помочь ему”. Преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни. М., 1995. С. 325–326.

* Т. 1. Аскет. опыты. С. 561.

⁴⁰ Когда в 1839—1840-е гг. усилилось гонение на старца Леонида за святоотеческое делание откровения помыслов и шли слухи о переводе его в Соловецкий или Боровский монастырь под надзор, ученики его (о. Макарий) обратились за помощью к архим. Игнатию. Благодаря заступничеству последнего, старца оставили в покое. См.: Леонид (Кавелин). Жизнеописание оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Сергиев Посад, 1991. С. 99–101.

Спустя год представилась необходимость о. Леониду со всеми учениками переселиться из Свирского монастыря, по причине многолюдства этой обители, в другое место; он направился в Площанскую пустынь⁴¹ Орловской епархии. Димитрий Александрович в числе прочих учеников следовал за старцем. На пути он заехал в Петербург, где остановился у друга своего Чихачева. Свидание и откровенная беседа с ним благотворно повлияли на болезненного телом и скорбного духом Димитрия Александровича: ему поверил он думы свои, печали свои и встретил в нем полное и отрадное для себя сочувствие. По новизне предмета Чихачев не знал, чем утешить, ободрить товарища своего, и жалобам его на неудовлетворительность старца противопоставлял глубокую преданность свою и любовь; он верил ему, понимал его скорбь, видел в нем живое участие к себе и платил ему взаимностью. Друзья о Господе горели желанием соединиться и вместе неразлучно шествовать путем подвижничества.

Проводив товарища в путь, Чихачев вторично подал прошение об увольнении от службы, которое в этот раз и получил в Бобруйской крепости, куда был командирован. Немало не медля, взял он почтовых лошадей и поспешил в Площанскую пустынь, куда прибыл 11 января 1829 года. Он застал Димитрия Александровича еще более изнеможенным телом от болезни, духом от разных скорбных недоумений и неустройств, которые все более умножались в его духовных отношениях со старцем о. Леонидом. В Площанской пу-

стыни общество учеников старца, ходивших к нему для откровения помыслов своих, увеличилось. Собрания их в келье старца, при многолюдстве, не обходились без некоторой молвы и рассеянности. Лишние иногда разговоры невольно приводили к празднословию и осуждению и тягостно отзывались в душе Димитрия Александровича, особенно стремившегося и прилежавшего к уединенному безмолвию, внутреннему и внешнему.

О. Леонид, замечая, что он скорбит и томится душой, приписывал неудовольствие его то болезненному его состоянию, то внутреннему превозношению против других, чего он был совершенно чужд, ибо видел и ощущал свою только немощь и опасался лишь своего крушения, что, однако, ускользнуло от пронизательного старца и образовало ошибочность взгляда его на душевное состояние ученика. Обрадовавшись прибытию к себе товарища, он несколько ободрился. Первое время было проведено друзьями в радости свидания, в благодарении Бога за избавление их от сетей мира, в ознакомлении Чихачева с порядком и уставами новой его жизни. Он тоже поступил в число учеников о. Леонида и стал ходить к нему на откровение помыслов.

Площанская пустынь имела в то время до двухсот человек братии, отличалась чинностью и продолжительностью богослужения церковного, благорастворенным климатом и уединенным положением среди леса, представлявшим все удобства для любителей безмолвия. Настоятелем ее был в то время строитель иеромонах Маркеллин, управлявший монастырем заглазно, ибо вместе с настоятельством он был экономом при Орловском архиерейском доме, где по большей части и проживал. В Площанской же пустыни управлял наместник его, благорасположенный к старцу Леониду и его ученикам. В это же время проживал в Площанской пустыни иеромонах Макарий (Иванов)⁴², ревнитель подвигов духовных, изучавший подвижнические писания святых отцов и сблизившийся с о. Леонидом и его учениками. Димитрий Александрович нашел в о. Макарии человека, сочувствовавшего его стремлениям, близко с ним познакомился и до конца жизни состоял с ним в приятельных отношениях.

Вообще братья Пловчанской пустыни очень благоволили к молодым послушникам Брянчанинову и Чихачеву: они имели отдельную уединенную келью в саду монастырском и полное удобство безмолвствовать на свободе. По прежнему обычаю своему начали они еженедельно приступать к Причащению Святых Христовых Таин и во внимании себе прилежать молитве. Димитрий Александрович, как уже преуспевший в подвигах духовных, напитанный притом учением святых отцов и по ним руководивший жизнь свою и товарища своего, все более и более убеждался в необходимости для них отделиться от общества остальных учеников старца о. Леонида, ибо видел, что товарищ его Чихачев, от природы склонный к рассеянности, стал увлекаться беседами, которые обычно возникали в приемной келье о. Леонида, где ученики ждали очереди своей идти к старцу на отповедь и, пользуясь свободным временем, иногда между собой празднословили. Задумав отделиться от старца, он желал уединенно устроиться с товарищем своим в отведенной им келье, на правилах жизни скитской, т. е. жить вдвоем с общего совета и друг друга тяготы носить ради Христа. Путь жизни этой, средний между безмолвием и общежитием, похвально святыми отцами по многим своим преимуществам.

Изложив желание свое перед старцем о. Леонидом, Димитрий Александрович встретил с его стороны несогласие на такое отделение их от него. Несогласие это повергло в большую скорбь подвижника Божия. Он видел, что его не понимают, и не хотят понять, и превратно судят намерение его, в основе которого лежало истинное благо для него и товарища его. Старец называл желание его преждевременным и опасным и, чтобы отвлечь мысли его от этого желания, дал ему послушание составить жизнеописание блаженного старца монаха Феодора⁴³, что он и исполнил.*

* Жизнеописание это отличается правильностью взгляда писателя на иночество и на присущее ему занятие молитвой Иисусовой, которое признается основанием всякого богоугодного делания и жительства и довольно подробно излагается в повествовании о жизни и подвигах блаженного старца Феодора как делателя и учителя этого святого делания.

Скорбь душевная, неудовлетворенность положением своим, опасение за товарища, доверчиво предавшегося по его примеру на подвиги иноческие, чем сделал его как бы ответственным за душу свою, почему должен был он блюсти не одного себя, но и его от гибели вечной, — все это болезненно отозвалось на его телесном организме. Он постоянно болел, изнывал душой и не переставал умолять Господа устроить судьбами Своими жизнь их по общему их желанию, чтобы знать им только келью свою да церковь и довольствоваться друг другом. В одно утро, разбудив товарища своего Чихачева, послал его в церковь к утрени; сам же остался в келье, ибо по болезни не мог в то время даже в церковь ходить. Возвратившись от утрени, Чихачев застал его бодрым, веселым и ни следа болезни в нем не было заметно.

“Что с тобой необычайное сделалось?” — спросил Чихачев. “Милость Божия великая,” — сказал он и поведал бывшее ему видение, не во сне, а в тонкой дремоте: виделся ему светлый крест во весь его рост и надпись на кресте таинственная и ему непонятная. Над крестом виделись ветви и длани Христа Спасителя, при кресте благоговейно стояли он и товарищ его Чихачев. И был от креста Голос к нему: “Знаешь ли, что значат слова, написанные на кресте?” “Нет, Господи, не знаю”, — отвечал он. “Они значат искреннее отречение от мира и всего земного, — продолжал невидимый Голос. — А знаешь ли, почему ветви и длани Христа Спасителя наклонены на сторону ту, где стоит твой товарищ?” — “И этого не знаю, Господи!” — отвечал он. Тогда Голос ясно и значительно произнес: “Это значит, что он должен участвовать в твоих страданиях”.

На этом видение прекратилось, оставив в душе видевшего его глубокий мир, благодатное утешение и обильное умиление духовное, невыразимое словами. По замечанию Чихачева, с тех пор товарищ его получил особую духовную силу разума, удобно постигал и разрешал трудные вопросы и недоумения духовные и являл в себе многие свойства благодатные, нередко приводившие Чихачева к благоговейному удивлению. Видение было передано старцу о. Леониду, который

увидел из него, что нет воли Божией удерживать ему Брянчанинова при себе. Он благословил ему жить отдельно от него вместе с Чихачевым и избрать себе другого духовника — общего монастырского.

Отделившись от о. Леонида, молодые подвижники начали жить вдвоем весьма уединенно, избегали многолюдных собраний, не заводили знакомств, всячески охраняли себя от празднословия. Выходы их были только в церковь и трапезу; в субботы исповедовались они и приобщались Святых Христовых Таин. Редко кто из братии нарушал уединение их: их оставили в полном покое, и они радовались этому покою и благодарили Бога, даровавшего им такую уединенно-безмолвную жизнь. Думали они, что так и навсегда останутся они жить в Площанской пустыни. Келья их, отдельно стоявшая в саду, сделалась для них несказанно дорога своим уединением, своим удобством к богомыслию и молитве⁴⁴. Так провели они зиму 1829 года.

По обычаю своему, любил Димитрий Александрович созерцать картины природы, изучать духовный их смысл, благоговейным размышлением читать великую книгу природы, которая, как и Священное Писание, содержит учение Духа Божия и открывается только умам чистым и сердцам непорочным, предочищенным молитвой. Так, однажды сидел он зимой на крыльце своей кельи и вглядывался в обширный монастырский сад, покрытый снеговой пеленой. Внезапно как бы завеса какая спала с очей ума его: перед ним открылась чудная книга природы, и в ней прочел он сильное, изображенное действием учение о воскресении мертвых.

“Если б мы не привыкли видеть оживление природы весною, то оно показалось бы нам вполне чудесным, невероятным, — пишет он в своих «Аскетических опытах», вспоминая это событие. — Не удивляемся от привычки; видя чудо, уже как бы не видим его! Гляжу на обнаженные сучья дерев, и они с убедительностью говорят мне своим таинственным языком: мы оживем, покроемся листьями, заблагоухаем, украсимся цветами и плодами, неужели же не оживут сухие кости человеческие во время весны своей?

Они оживут, облекутся плотию, в новом виде вступят в новую жизнь и в новый мир. Как древа, не выдержавшие лютости мороза, утратившие сок жизненный, при наступлении весны посекаются, выносятся из сада для топлива, так и грешники, утратившие жизнь свою — Бога, будут собраны в последний день этого века, в начатке будущего вечного дня, и ввергнуты в огонь неугасающий.

Если б можно было найти человека, который бы не знал превращений, производимых переменами времен года; если б привести этого странника в сад, величественно покоящийся во время зимы сном смертным, показать ему обнаженные древа и поведать о той роскоши, в которую они облекутся весною, то он вместо ответа посмотрел бы на вас и улыбнулся — такую несбыточную басню показали бы ему слова ваши! Так и воскресение мертвых кажется невероятным для мудрецов, блуждающих во мраке земной мудрости, не познавших, что Бог всемогущ, что многообразная премудрость Его может быть созерцаема, но не постигаема умом созданий. Богу все возможно: чудес нет для Него. Слабо помышление человека: чего мы не привыкли видеть, то представляется нам делом несбыточным, чудом невероятным. Дела Божии, на которые постоянно и уже равнодушно смотрим, — дела дивные, чудеса великие, непостижимые.

И ежегодно повторяет природа пред глазами всего человечества учение о воскресении мертвых, живописуя его прообразовательным, таинственным действием!”*

Хорошо, покойно было молодым подвижникам Христовым в Площанской пустыни: полное уединение, полное удобство к богомыслию и молитве не оставляли желать им лучшего места жительства; но недолго могли они им пользоваться: им готовилось искушение, вынудившее их поневоле быть странниками, искать приюта вне стен обители Площанской. Между строителем Площанским Маркелином и старцем о. Леонидом возникли неудовольствия, вынудившие о. Леонида с учениками своими в апреле 1829 года оставить Площанскую пустынь и переселиться в скит Оптиной Введенской пустыни Калужской губернии.⁴⁵

* Т. 1. Аскет. опыты. С. 177–178.

Брянчанинов и Чихачев, как жившие отдельно от о. Леонида и не находившиеся последнее время под его старчеством, полагали, что их оставят в покое — жить в прежнем уединении. Но строитель предписал наместнику своему и старшей братии объявить им, чтобы они немедленно выбыли из обители и “отправились куда угодно”! Не без сожаления отнеслась старшая братия Пощанской пустыни к столь суровому решению своего строителя в отношении молодых послушников, благонравное поведение которых приобрело им всеобщее расположение и любовь братства. Иноки сетовали на несправедливость строителя и проводили изгнанников не без скорби, оказав им посильную денежную помощь пятью рублями, собранными их добровольной складчиной.

Со скорбной душой расстались иноки с приютившей их пустынной обителью, где так ненадолго нашли себе столь отрадный покой. Оставленные родителями без всяких материальных средств, недолго и недалеко могли они странствовать с тощим кошельком; к тому же, довольствуясь друг другом, не искали они себе тогда особенно опытного наставника, не прельщались желанием видеть того или иного старца, стремились только где-либо приютиться уединенно в святой обители, чтобы продолжать образ жизни, принятый ими в Пощанской пустыни. Они направили путь свой к Белобережской пустыни той же Орловской губернии, по дороге заезжали в Свенский монастырь.

Там в то время безмолвствовал в башне монастырской ограды ученик Паисия Величковского иеросхимонах Афанасий⁴⁶, изобиловавший многими благодатными дарами, делатель умной молитвы, стяжавший дарование слез духовных, старец жизни высокой и святой. По выходе из Молдавии он некоторое время пустынножительствовал в Смоленских Рославльских лесах; потом уединился в Свенском монастыре, где словом и примером своей подвижнической жизни назидал ревнителей подвижничества. К нему зашел в келью Димитрий Александрович и получил от него душеполезнейшее наставление, которое глубоко напечатлелось в его душе.

Старец говорил юноше из блаженного опыта своего о смирномудрии, о низложении горделивых помыслов, об опасности самомалейшего самомнения при занятии молитвой умной, о благотворности плача, оберегающего от самомнения, причем сказал о себе: “В тот день, в который я не плачу о себе как о погибшем, считаю себя находящимся в самообольщении”. Этот отзыв блаженного делателя плача и молитвы, отзыв глубокой мудрости духовной и высокого смирения преосвященный Игнатий впоследствии приводил в своих сочинениях в доказательство истинно благодатного мудрствования истинных подвижников Божиих.*

Побывав в Белобережской пустыни, Брянчанинов и Чихачев не могли там приютиться и отправились в Оптиную пустынь, где в то время пребывал старец о. Леонид со своими учениками. Здесь настоятель игумен Моисей долго колебался принять молодых людей на жительство в свою обитель и только по просьбе старших братий, сжалившихся над бедственным их положением и просивших его не отгонять их от своей святой обители, согласился принять их.

В мае 1829 года поселились они в Оптиной пустыни и по-прежнему вдвоем начали жить уединенно в отведенной им келье. Многоскорбно было, однако, пребывание их в Оптиной пустыни, где не встретили они особого сочувствия к себе в тамошней братии и сам настоятель смотрел на них не совсем благосклонно; к тому же тамошняя грубая пища, приправленная постным маслом дурного качества, начала производить вредное влияние на здоровье Димитрия Александровича. Оберегая от нее себя и товарища своего, решил он ее не употреблять, задумал изготавливать в келье своей похлебку из круп без масла и этим питаться. С немалым трудом выпрашивали они в трапезной монастырской несколько крупы и картофеля, добыли кастрюльку и в ней начали готовить себе похлебку. Ножом служил топор, а Чихачев взял на себя труд изготовления, что по непривычке причиняло ему немало неприятных хлопот.

* Т. 2. Аскет. опыты. С. 162.

Скудная пища, лишения всякого рода и скорби очень ослабили телесные силы обоих друзей. Дмитрий Александрович почти постоянно болел, едва на ногах держался от слабости; но Чихачев, более крепкий здоровьем, некоторое время бодрился, прислуживал больному товарищу, пока сам не захворал жестокой лихорадкой, уложившей его на одр, с которого не имел сил подниматься. Положение обоих было самое горестное, самое безвыходное. Вдали от родины и родных, забытые всеми, без средств и оба больные, в одном Боге находили они себе отраду и утешение. Иноки оптинские редко посещали их, а если кто и зайдет, бывало, в их келью, то ограничится лишь словесным утешением; помочь же или послужить больным никто не думал. Дмитрий Александрович едва ходил, Чихачев лежал пластом; ухаживать за вторым приходилось первому и нередко случалось, что ухаживавший тут же и сваливался с ног от слабости.

Но Господь призрел на великую скорбь и болезни Своих рабов: в минуты полного безнадёжия для них увидели они на себе действие Промысла Божия и тем укрепились в вере, что Бог не забыл их, не оставляет их Своим попечением. Слухи о болезненном положении Дмитрия Александровича достигли до его родителей. В это время родительница его Софья Афанасьевна сама тяжело болела и была близка к смерти. Она всегда особенно любила своего первенца; материнская любовь ее усугубилась к нему на одре смертном.

Она начала упрашивать супруга своего простить сына, не препятствовать стремлениям его служить Богу и написать ему слово примирения с предложением возвратиться в дом родительский для поправления своего здоровья и посещения матери, больной и жаждавшей его видеть. Бог умягчил на этот раз твердое сердце Александра Семеновича, слова больной супруги склонили его на милость. Он согласился исполнить ее желание: написал сыну, призывал его приехать, обещал не препятствовать ему в избранном им пути, выразил намерение выстроить ему отдельную келью близ церкви в родовом их селе Покровском, пригласил взять с собой и больного товарища его Чихачева.

Письмо это было отрадной вестью для обоих молодых послушников; они не знали, как благодарить Бога за столь благовременное призрение их. Брянчанинов поспешил ответить родителю своему, изъявляя готовность возвратиться домой при тех условиях, которые благосклонно были предложены ему в письме. Вскоре за тем прислал родитель за ними в Оптину пустынь крытую бричку. Простившись со старцем о. Леонидом и с иноками оптинскими, Дмитрий Александрович уложил в эту бричку больного Чихачева, сам поместился подле него и таким образом двинулся в путь на родину.

По дороге они заезжали в Троице-Сергиеву Лавру и в Ростовский Спасо-Яковлевский монастырь, чтобы поклониться святым мощам преподобного Сергия Радонежского и святителя Дмитрия Ростовского. В Ростове Чихачев почувствовал заметное облегчение своей болезненности — и именно после того, как выслушал молебен в Спасо-Яковлевском монастыре и с верой приложился к святым мощам святителя Дмитрия, благодатной помощи которого и приписал это облегчение. Затем прибыли они в с. Покровское, под кров родительского дома.

Встреча сына со стороны родителей была довольно сдержанная в отношении выражения чувств. София Афанасьевна тогда уже выздоравливала, была вне опасности. Поэтому прежней причины к излианию чувств родительских уже не было, и родители сохранили серьезное обращение с сыном, виновным перед ними по их убеждениям мирским. Дмитрий Александрович в свою очередь сохранял характер самостоятельного непреклонного стремления своего — предпочитать любовь к Богу любви родительской и при всем должном уважении к ним и сыновней любви неуклонно шел путем Евангельских заповедей, не согласовавшихся с видами и желаниями его родителей. Впрочем, они первое время, особенно родительница, были с ним очень ласковы, больного товарища его Чихачева окружили тоже всевозможным попечением и участием в его положении. Его лечили, окружили всеми удобствами, при которых молодой человек

быстро стал поправляться и сохранил навсегда к Александру Семеновичу и всей семье его живейшее чувство признательности.

Молодым людям был отведен особый отдельный флигель при доме, где пользовались они полным уединением. Церковь приходская была вблизи дома. Священник с полной готовностью по желанию молодых людей совершал для них богослужение, что дало им возможность взяться опять за еженедельную исповедь и причащение Святых Христовых Тайн. Скитская жизнь обоих друзей снова началась для них, как и в Площанской пустыни, но недолго могла продолжаться безмятежно: мир и мирские понятия людей, их окружавших, все более и более вторгались в заветный круг духовного их безмолвия, все более и более нарушали порядок уединенной жизни их в с. Покровском.

Были и внешние причины, понуждавшие молодых людей помышлять о том, как бы поместиться им на жительство опять в монастырь. Для Димитрия Александровича главной побудительной к тому причиной было то, что родитель его, освободившись от впечатления, произведенного на него болезнью жены, опять задумал возвратить первенца своего на служение миру, начал настаивать на поступлении его на службу и по-прежнему причинял сыну много скорбных испытаний своими требованиями оставить тот путь, по которому он решился идти невозвратно.

Родительница его в это время уже внимала словам сына-подвижника об истинном христианстве и спасении нашем в Господе Иисусе Христе, сочувственно относилась к его стремлениям духовным; но как она не имела особенно сильного влияния на супруга своего, то и не могла предотвратить возникновение новых неприятных отношений отца к сыну. Последний убедился, что единственное средство сохранить остаток мирных отношений было переместиться ему опять в монастырь на жительство. Мнение это разделял с ним и Чихачев, видевший, что и ему самому в доме Александра Семеновича, имевшего взрослых дочерей-невест, не совсем ловко было оставаться.

Прожив в с. Покровском зиму с 1829 года на 1830 год, в феврале 1830 года, в начале Великого поста, поехали они оба в Кирилло-Новоезерский монастырь. Поездка эта совершилась с согласия родителей, которые даже отправили с ними для прислуги юношу из крестьян Феодосия, прилепившегося к ним неллицемерной преданностью и любовью.

Кирилло-Новоезерский монастырь Новгородской губернии, стоящий на острове довольно большого озера Нового в 30 верстах от г. Белозерска, в то время имел довольно многочисленное братство, им управлял тогда игумен Аркадий; но жив был еще и жил там на покое именитый старец времен императрицы Екатерины II архимандрит Феофан⁴⁷, ученик спостника и духовного друга Паисия Величковского — игумена Тисманского монастыря Феодосия, перешедшего потом в Софрониеву пустынь Курской губернии, процветшую духовно под его настоятельством. Сам о. Феофан, бывший долгое время келейником у митрополита С.-Петербургского Гавриила, мужа богоугодного, ревнителя и покровителя подвижничества иноческого, в должности этой оказал немалые услуги процветанию подвижничества в России, и сам, назначенный потом настоятелем Новоезерского монастыря, обновил его и внешне, и внутренне духом истинного подвижничества, прочно укоренившегося там его стараниями.

Игумен Аркадий, присный ученик старца Феофана, им самим избранный и поставленный правителем монастыря, во всем следовал указаниям старца и отличался сам простотой нрава, незлобием и вместе с тем довольно опытною духовной, ибо проходил путь подвижнический под правильным руководством в послушании у духовноопытного старца. Брянчанинов и Чихачев нашли в обители его радушный прием, скоро ознакомились с братством новоезерским, из числа которого особенно сблизился с Димитрием Александровичем молодой человек из дворян Ярославской губернии Павел Петрович Яковлев⁴⁸, впоследствии известный делопроизводитель Троице-Сергиевой пустыни, куда перешел при настоятельстве новоезерского знакомого архимандрита Игнатия.

Но пребывание в Новоезерском монастыре не могло быть продолжительным для Брянчанинова. Сырой климат

обители этой, стоящей среди вод, окруженной болотными испарениями окрестных низин, очень вредно повлиял на его здоровье. Жестокая лихорадка три месяца мучила его, средств медицинских для пользования не было, силы его телесные все более и более ослабевали; начали, наконец, пухнуть ноги, так что он не мог уже встать с постели.

В июне 1830 года родители прислали за ним экипаж и перевезли его в г. Вологду, где он поместился у одного из близких родных и начал пользоваться. Медицинские средства прервали мучительную лихорадку, но следы ее остались навсегда в организме. С тех пор начал он нуждаться в калошах. Чихачев, тоже приболевший в Новоезерском монастыре, не решился на этот раз следовать за товарищем; он остался в Новоезерске, а оттуда вскоре отправился на свою родину, в Псковскую губернию, для свидания и примирения со своими родителями. Таким образом, молодые друзья расстались, вынужденные к этому обстоятельствами, в которых ясно виделась воля Божия: каждому своим отдельным путем в единоборстве с миром испытать свои духовные силы.

Примечания

⁴¹ Площанская Богородицкая Казанская пустынь — древняя обитель, возобновленная в 1613 г. Духовная жизнь в ней складывалась под влиянием многочисленных пустынножителей, подвизавшихся в брянских лесах. Свт. Игнатий до конца дней не терял связи с площанскими монахами, которые не раз обращались к нему за помощью (сохранились их письма к архимандриту Игнатию по поводу увеличения штата обители; они приведены в диссертации игумена Марка (Лозинского)). Неоднократно святитель характеризовал Площанскую и Белобережскую пустыни как лучшие в духовном устройении монастыри. Здесь зимой 1829 г. им были написаны сочинения: “Сад во время зимы” и “Жизнь схимонаха Феодора”. Ныне обитель возрождается.

⁴² Преподобный Макарий Оптинский (М. Н. Иванов, 1788–1860) — прожил в Площанской пустыни 23 года, в 1834 г. перешел в Оптинский скит, по смерти о. Леонида стал его преемником в деле духовного окормления братии, занимался изданием св. отцов; переписывался

со свт. Игнатием до конца жизни, переписка их опубликована в кн.: Игнатий (Брянчанинов). Странствие ко вратам вечности: Переписка с оптинскими старцами и П. П. Яковлевым, делопроизводителем свт. Игнатия. М., 2001. С. 54–124. Публ. и примеч. О. Шафрановой. В 1858 г. принял схиму. Канонизирован в 2000 г., память 7/20 сентября.

⁴³ “Жизнь схимонаха Феодора” — первое из всех жизнеописаний старца, которое, однако, было опубликовано лишь недавно в кн.: Богословские труды. М., 1996. Сб. 32. С. 270–297. Более поздние известные жизнеописания: Порфирий (Григоров). Жизнь и подвиги схимонаха Феодора. М., 1839; Леонид (Кавелин). Жизнь и подвиги схимонаха Феодора. М., 1845; Ковалевский А.Ф. Схимонах Феодор // Схимонах Феодор. СПб., 1997. С. 47–77. (Валаамский патерик).

⁴⁴ В записках М.В. Чихачева есть замечательно поэтическое и проникновенное **“Воззвание к моей келье, а с нею вместе и ко всему видимому миру”**, написанное Д. А. Брянчаниновым в Площанской пустыни: “Келья моя, келья моя! Убежище мое безгласное и бездушное! Свидетельница моих тайн греховных! Одушевься и скажи мне, что видела ты или слышала в продолжение всего пребывания моего в тебе? Молчишь ты теперь, но восстанешь некогда, как бы оживясь, и покажешь дела мои тайные. Обличишь грешника пред всеми. Сокрыться от обличений твоих не будет возможности. И тогда вместо тебя покроет меня стыд, страх, трепет, скрежет зубов, отчаяние, невероятная скорбь, нестерпимое уничижение, лютая нищета, лютейшая же всех — отлучение от всего доброго и светлого и заключение со всеми злыми во тьму, светом никогда не проницаемую.

О келья моя, келья моя! Оживляйся ныне, пока есть время. Оживляйся и представляйся мне в том виде, в каком будешь при обличении. Когда придет мне желание грешить, желание сделать из тебя, благодетельницы моей, лютейшего врага, скажи грозно, не убойся. Скажи силою Слова — Живого Бога: остановись, злодей! Что делаешь? Опомнись и воспряни! Воззови к Могущему тебя спасти! За таким словом последует само дело. И будешь ты, келья моя, истинною моею благодетельницею, покрывшею меня здесь от бед и бурь житейских, благодатию Спасителя моего, Господа нашего Иисуса Христа и Пречистой Матери Его, Богородицы Марии. Когда совлекусь всего тленного, скажу: воистину слава, сила и благодарение Великому Господу, покрывшему меня Своею богатою милостию! Дарующему мне вместо тебя Свою изобильную любовь, удовлетворяющую во всем; Свое высокое смирение, сознающее огромное мое недостойнство великих Его благодетельств, и Свою пресветлую утешительность, исполняющую меня веселия и радования неизглаголанного” (Соколов. Ч. 1. С. 82–86).

На месте сада и кельи сегодня расположены огороды местных жителей.

⁴⁵ Скит при Оптиной пустыни был устроен в 1821 г. епископом Калужским Филаретом (Амфитеатовым), будущим митрополитом Киевским. Первым строителем скита был назначен подвижник Рославльских лесов Тимофей Путилов, в 1822 г. постриженный в монашество с именем Моисея. 5 февраля 1822 г. в скиту освятили церковь во имя Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Впоследствии свт. Игнатий писал: “Скит ее, находящийся в 100 сажнях от самой пустыни, огражденный со всех сторон вековыми соснами, на песчаном грунте, недоступный для женского пола, может удовлетворить благочестивым желанием отшельника в наш век” (Собрание писем. 1995. С. 692).

⁴⁶ Афанасий, иеросхимонах, — из сенатских секретарей; жил на Афоне и в Молдавии у старца Паисия. Принес в Россию перевод “Добротолубия”, сделанный прп. Паисием. Скончался в Свенском монастыре в 1811 г.

⁴⁷ Феофан (Ф. Соколов, 1752–1832) — архимандрит и возобновитель Кирилло-Новоезерского монастыря. Из письма от 1833 г. к П. П. Яковлеву узнаем о непосредственном участии игумена Игнатия в исправлении и дополнении жития о. Феофана, скончавшегося 3 декабря 1832 г.: “...Будучи Вам известно, что житие о. Феофана мною довольно тщательно переправлено.... Знайте, что его нравоучение, в житии помещенное, прибавкою мною сделанною, такой получило вид, что для людей, имеющих вкус и знание, кажется весьма связным, простым, сильным отрывком. Сие нравоучение вместе с описанием его нравственности и кончины составляют всю красоту сего жизнеописания. Ограда же, ризница и проч. суть предметы, наименее занимательные в жизни человека, прославившегося возвышенною нравственностью, смирением и презрением всего суетного!” (Собрание писем. 1995. С. 817).

Впрочем, существует и другое мнение свт. Игнатия, выраженное им спустя 28 лет (в 1861 г.) в письме к игумену Антонию (Бочкову): “В 1829 году, при жизни старца Феофана, я приехал в Новоезерск, пожив в Оптиной и Площанской... Беседовал я несколько раз со старцем: он прямо отвергал душевное делание как очень удобное к переходу в прелесть и высказал очень малую начитанность. Проводил он жизнь постную, к службам ходил неопустительно, вставал до утра ни за час и вычитывал в келии правило; сложения был атлетического, росту малого. Сообразно собственному направлению он руководил и других: как новоезерское братство, так и горицкие чужды духовного делания, все их внимание устремлено на благовидность

наружного поведения и на телесный подвиг. Известно, что таким жительством вводится в душу самомнение и развиваются душевные страсти, которых телесный делатель и заметить в себе не может и даже не подозревает присутствия их. Ему нельзя избежать самомнения: ему нельзя не видеть своего благовидного поведения и своих подвигов и наружных дел”. (Собрание писем. 1995. С. 109–110).

⁴⁸ Павел Петрович Яковлев — из вологодских дворян, в 1830 г. жил в Кирилло-Новоезерском монастыре, когда туда приехал будущий архимандрит Игнатий. В 1834 г. П. П. Яковлев прибыл к нему в Троице-Сергиеву пустынь и стал одним из главных помощников в строительстве монастыря, исполнял должность делопроизводителя и секретаря Строительной комиссии пустыни в 1846–1849, 1854–1861 гг. Им написана брошюра по истории пустыни: Яковлев П. П. Исторический очерк первоклассной Троице-Сергиевой приморской пустыни С.-Петербургской епархии. СПб., 1884. 24 с. Опубликовано 15 писем свт. Игнатия за 1830–1867 гг. “К своему другу П. П. Яковлеву” (Собрание писем. 1995. С. 810–821); Полностью переписка опубликована в кн.: Игнатий (Брянчанинов). Странствие ко вратам вечности: Переписка с оптинскими старцами и П. П. Яковлевым, делопроизводителем свт. Игнатия. М., 2001. С. 177–255. Публ. и примеч. О. Шафрановой.

Рука Промысла, доселе невидимо покрывавшая бесприютного скитальца, коснулась сердца преосвященного Стефана, епископа Вологодского⁴⁹. Архипастырь проник в духовное стремление Брянчанинова, расположился к нему и принял в нем живое участие.

Оправившись от недуга, Димитрий Александрович не пожелал возвратиться на жительство в дом родителей своих, но испросил позволения преосвященного Стефана поместиться в Семигородской пустыни⁵⁰ Вологодской губернии. Климат и местность, в которой расположена пустынь, воздух, вода благотворно влияли на восстановление потрясенного его здоровья. Здесь в уединении келейном прилежал он умному деланию и молитве, возрастал духовно в мужа совершенна, о чем свидетельствует написанное им в это время душеназидательное сочинение “Плач инока”*, отчасти пополненное им в последние годы его жизни, в котором ясно просвечивает духовное преуспеяние семигородного отшельника. Многолюдство этой пустыни понудило Брянчанинова перепроситься в более уединенную обитель — Глушицкий Дионисиев монастырь⁵¹, куда и перемещен по благословию преосвященного Стефана 20 февраля 1831 года и зачислен послушником.

Водворившись в Глушицком монастыре, он, однако, не оставлял навещать по временам излюбленную им пустынь

Семигородную. В одну из этих поездок Димитрий Александрович познакомился с богобоязненным и ревновавшем о спасении своем юношей, сыном вологодского купца, по имени Петр, впоследствии настоятелем Николо-Угрешского монастыря Московской губернии архимандритом Пименом⁵². Встреча и знакомство их достопримечательны по тому сильному духовному впечатлению, которое будущий епископ произвел на душу будущего архимандрита.

Во время литургии в Семигородней пустыни благоговейное предстояние в храме Божиим Димитрия Александровича обратило на него особенное внимание Петра. Одетый в простой овчинный тулуп, крытый желтой нанкой, стоял он вдали от толпы, прямо и неподвижно, всецело погруженный в молитву: ни разу во всю литургию не обернул он головы, не пошевелил ногами, точно замер в благоговейном созерцании совершавшегося богослужения. По окончании литургии ему поднесена была просфора. Выходя из церкви, подошел он к Петру, дал ему эту просфору и пригласил его к себе в келью.

Это весьма удивило Петра, потому что Брянчанинов совсем его не знал, не был с ним до того знаком, между тем как бы духом постиг внутреннее влечение его служить Богу и посвятить себя на подвиги иноческие, чем невольно возбудил в нем благоговейное уважение к себе. Уважение это еще более в нем увеличилось, когда приглашенный в келью Димитрия Александровича, провел он с ним весь тот день и целую ночь в беседах духовных, в которых высказалась высокой степени духовная мудрость и подвижническая опытность Брянчанинова, являвшего уже тогда в юном теле старца богопросвещенного⁵³.

Одушевленный любовью к Богу, Димитрий Александрович с особым участием и любовью обращался всегда с теми ближними своими, в которых примечал искру той же любви Божественной. Он старался укреплять, поддерживать, возгревать боголюбивые чувства подобных ближних своих советами любви братской о Христе, основанными всегда на Слове Божиим и писаниях святоотеческих, которые особенно

* Т. 5. Приношение современному монашеству. С. 387–464.

действенно звучали в его устах и производили благие действия в душах слушателей.

В настоящем сближении своем с юношей боголюбивым высказал он эту любовь не от мира сего к ближнему во всей полноте, так и впоследствии всегда высказывал он при сближении с людьми боголюбивыми, которых умел отличать от миролюбивых, хотя и прикрытых личиной боголюбия. Нужно сказать, что вообще подвижник Божий при сближениях своих с людьми, даже и боголюбивыми, не допускал движений крови и никогда не позволял себе особенно разгоряченного выражения своих чувств, любовь его выражалась иначе, чем у людей плотских — выражалась она постоянной готовностью с полным самоотвержением служить и делом и словом ближнему в его нуждах, особенно духовных, с кротостью, милостью, заботой о душе.

В последние годы жизни своей преосвященный Игнатий говаривал ближним своим ученикам: “Душу человека я всегда помню, очертание же лица не напечатлевается в памяти моей”. Так осторожен был он в отношении себя и так старался всегда, чтобы плоть не брала у него перевеса над духом, поэтому-то и отношения его к ближним проникнуты были особой духовностью, особым влиянием, производившими чудное впечатление на души человеческие.

Между тем родитель Брянчанинова не переставал преследовать его беспощадным требованием своим, чтобы оставил он монастырскую жизнь и снова поступил на службу мирскую. Больно было молодому отшельнику видеть столь упорное и жестокое в отношении себя требование родителя. Одинок стоял он в родной семье, не находил в ней поддержки и сочувствия к его духовным влечениям, ибо, хотя родительница и некоторые из братьев и сестер его были с ним ласковы, но, находясь под сильным влиянием родителя, относились к нему более с болезненным сожалением, чем с сочувствием духовным. Утомленный борьбой с упорством родителя, он видел ясно, что единственный исход из этого тягостного для него положения будет скорейшее произнесение им обетов

иноческих, чем навсегда прекратятся посягательства родителя возратить его на служение миру.

Это вынудило его просить преосвященного Стефана оказать ему милость и ввиду особых обстоятельств семейных поспешить пострижением его в иночество. Преосвященный, хорошо ознакомленный с образом мыслей и духовным направлением Брянчанинова, решился исполнить его просьбу о пострижении. Исходатайствовав на это разрешение Св. Синода, вызвал он Дмитрия Александровича из Глушицкого монастыря к себе в Вологду и приказал ему готовиться к пострижению, но вместе и хранить это в тайне от родных своих и знакомых, так как во избежание каких-либо притязаний со стороны родных Брянчанинова решился постричь его неожиданно для них. Стеснительно было положение молодого послушника в столь важное для него время: вызванный из Глушицкого монастыря в Вологду, не имел он в городе места, где главу приклонить, и должен был остановиться на постоялом дворе и в этой среде молвы мирской готовиться к пострижению.

28 июня 1831 года преосвященный Стефан самолично постриг Дмитрия Александровича в мантию в Вологодском Воскресенском кафедральном соборе, назвав его в пострижении Игнатием в честь священномученика Игнатия Богоносца, епископа Антиохийского⁵⁴, мужа апостольского, память которого совершается Св. Церковью 20 декабря и 29 января. В этот второй день памяти его праздновал впоследствии инок Игнатий день своего ангела. Восприемником его от Святого Евангелия был тогдашний ректор Вологодской семинарии архимандрит Евтихиан.

Родные Брянчанинова, прибывшие в собор к богослужению архиерейскому, глубоко были изумлены, когда совершенно неожиданно сделались свидетелями священного обряда, которым родственник их вступил невозвратно в духовное воинство Христово. После пострижения одинок оставался инок Игнатий в соборе. Семигородский знакомец Петр пригласил новопостриженного инока к себе провести этот день, а затем Брянчанинов нашел себе приют в загородном доме

своего дяди и крестного отца Димитрия Ивановича Самарина. Одна же из родственниц его, госпожа Воейкова, снабдила его небольшой суммой денег, потому что по тогдашним отношениям к родителям своим он оставался совершенно без всяких средств.

Весть о пострижении сына глубоко опечалила Брянчаниновых, особенно Александр Семенович никак не мог примириться с мыслью о том, что воля его в отношении его первенца не исполнилась, чего в душе своей долго он ему не мог простить. Софья Афанасьевна легче и снисходительнее отнеслась к этому событию, и благодаря ее влиянию отношения родителей к иноку Игнатию стали мало помалу улучшаться.

5 июля 1831 года инок Игнатий рукоположен преосвященным Стефаном в иеродиакона, а 20 июля того же года в иеромонаха, причем временно оставлен был при Вологодском архиерейском доме, который в Вологде находится при кафедральном соборе, в одной с ним ограде, образуемой стенами Кремля времен и постройки царя Иоанна Васильевича Грозного. Для обучения священнослужению он был назначен в городской храм Спаса обыденного под руководство настоятеля этого храма священника Василия Нордова, впоследствии настоятеля Вологодского кафедрального собора. Познакомившись с ним в это время, будущий святитель очень любил благоговейного священника и с тех пор до конца дней своих находился с ним в близких духовных отношениях⁵⁵.

Таким образом совершалась воля Божия над подвижником Божиим: слова петербургской юродивой Василисы, еще в мундире офицера назвавшей его “светлым священником”,

* В то же время при Спасо-обыденной церкви г. Вологды находился диаконом Александр Петропавловский⁵⁶, вскоре затем принявший на себя юродство Христа ради, в котором и пребывал до кончины своей в 1876 году. Истинный раб Божий, он обладал благодатными дарами — прозорливостью и сильным, умиляющим словом. Скончался в хижине, где привитал в подгородней слободе, почтен был торжественным многолюдным погребением, которое совершил сам епархиальный епископ Феодосий. В Вологде его очень чтили, и преосвященный Игнатий говаривал, что “не напрасно”, ибо признавал подвиги его благодатными.

сбылись над ним во всей точности, он стал служителем алтаря Господня, совершителем Таинств Божественных и не мог не отнестись самым серьезным образом к новому своему высокому званию. Между тем внешняя его обстановка в Вологде при архиерейском доме совсем не соответствовала духовным влечениям его души: многие родные и знакомые стали часто посещать его, требовали себе взаимных посещений, что вовлекало его в рассеянность мирскую. Молодой годами, красивый наружностью иеромонах обратил на себя внимание всего высшего вологодского общества. Все говорили о нем, искали познакомиться с ним, тогда как ему совсем не желанны были эти мирские знакомства, отвлекавшие его от духовных занятий священноиноческого сана.

Соскучившись городской молвой, пустыннолюбивый инок просил покровителя своего преосвященного Стефана отпустить его в Глушицкий монастырь, но преосвященный, прозревая способность его быть добрым настоятелем, готовил ему иное назначение и не спешил отпустить его от себя. В это время, т. е. в конце 1831 года, скончался строитель Лопотова Пельшемского монастыря иеромонах Иосиф. По распоряжению преосвященного обряд погребения почившего строителя поручено было совершить иеромонаху Игнатию, а 6 января 1832 года архипастырь не усомнился назначить его строителем означенного монастыря, при чем возложил на него набедренник. Напутствованный благословением преосвященного Стефана, отправился строитель Игнатий в порученную ему обитель⁵⁷.

Примечания

⁴⁹ Преосвященный Стефан (С. Л. Романовский, 1787–1841) — с 1828 г. епископ Вологодский. Был весьма расположен к свт. Игнатию.

⁵⁰ Семигородная Успенская пустынь в Кадниковском уезде — расположена в глуши лесов, называлась “церковь Пречистыя Богородицы на семи горах”. Основана в начале XV века иноками Глушицкого монастыря. В ней провел Димитрий Александрович конец 1830-го и

начало 1831-го гг., здесь из глубины его смиренной души “вылился” покаянный “Плач инока”, о котором современник свт. Игнатия писал: “Кто с небольшим в 20 лет мог восплакать *плачем инока*, тот был совершен и без седины опытности и старости, и никто кроме преосвященного Игнатия не мог в таком раннем возрасте высказать такие мысли. Едва ли кто и поверит, что эта книга написана почти несовершеннолетним юношей” (Соколов. Ч. 1. С. 380).

⁵¹ Глушицкий Дионисиев монастырь Кадниковского уезда — основан преподобным Дионисием Глушицким в 1413 г. В настоящее время монастырь возрождается.

⁵² Архимандрит Пимен (П. Д. Мясников, 1810–1880) — прп., прославлен в лике местночтимых святых Московской епархии, память 17 августа (ст. ст.). Настоятель Николо-Угрешского монастыря, вологодский уроженец. Впервые Петр, будущий архимандрит Пимен, услышал о молодом подвижнике Димитрии Брянчанинове в конце 1820-х гг. от вологодского приходского священника о. Александра Юшкова, крестившего младенца Димитрия в с. Покровском и дружившего с семейством Брянчаниновых. Эти рассказы укрепляли желание юноши Петра сделаться монахом. Искренние отношения связывали архим. Пимена со свт. Игнатием на протяжении всей жизни, они описаны в его воспоминаниях, в которых, в частности, имеется: “Известие о кончине преосвященного Игнатия Брянчанинова 30 апр. 1867 г.”, см.: (Пимен (Мясников). Воспоминания архимандрита Пимена, настоятеля Николаевского монастыря, что на Угреше. М., 1877. С. 406–407).

⁵³ “...Эта продолжительная беседа его со мной меня еще более утвердила в моем намерении удалиться из мира и вступить в монашество”, см.: (Пимен (Мясников). Воспоминания архимандрита Пимена, настоятеля Николаевского монастыря, что на Угреше. М., 1877. С. 23–24).

⁵⁴ Священномученик Игнатий Богоносец — епископ Антиохийский. По преданию, был одним из тех детей, которых держал на руках Господь Иисус Христос, поэтому и назван “Богоносцем”. В житии его рассказывается и о том, что он непрестанно творил Иисусову молитву и имя Сладчайшего Иисуса запечатлелось на его сердце, в чем убедились его мучители, достав сердце после его мученической кончины. В переводе с греческого языка Игнатий означает — огненный. В честь этого священномученика был наречен князь-инок Игнатий Прилуцкий, мощи которого покоятся в Спасо-Прилуцком монастыре рядом с мощами преподобного Димитрия Прилуцкого.

⁵⁵ Василий Иванович Нордов (1797–1883) — священник Вологодской Спасо-обыденной церкви. В 1841 г. стал протоиереем и настоятелем Вологодского Воскресенского кафедрального собора.

⁵⁶ “Руководителем иеродиакона Игнатия в обучении диаконскому служению был знаменитый среди вологжан в свое время и доселе своей праведной жизнью, юродством и прозорливостью Петропавловский диакон Александр Воскресенский, предсказавший иеродиакону Игнатию еще ранее монашества епископство” (Соколов. Ч. 1. С. 99).

⁵⁷ Пельшемский монастырь — основан в 1426 г. В [1833] г. свт. Игнатий писал: “...Наш монастырь каким-то скитком представляется — на манер южных пустынь. — Тихо! Безмолвно! Бесхитростно! Любовно! Радостно! — Мытареве слово! Не чаем и не отчаиваемся! Блажен, кто может сказать: течем да постигнем. С нами Бог!” (Собрание писем. 1995. С. 815).

ГЛАВА VII

Лопотов монастырь, основанный преподобным Григорием Лопотовым*, по реке прозванный Пельшемским, находится в Вологодской губернии, Кадниковском уезде, в 40 верстах от Вологды и в 7-ми от Кадникова, расположен на берегу реки Пельшмы, впадающей в Сухону, в местности лесистой и болотистой. В то время монастырь этот был полуразрушен, крайне беден, имел весьма мало братии и вообще клонился к полному упадку, так что предположен был к упразднению. Храм Божий и здания монастырские крайне обветшали, требовали поддержки и обновления, братия была распущена, средств к жизни и доходов было очень мало, нужда в самом необходимом нередко чувствовалась в этой обители, так что новому настоятелю ее предстояли немалые труды и заботы, чтобы привести ее в достойный порядок, за что взялся он с усердием и ревностью.

Бог помог ему в этом. Много помогали ему средствами своими и благочестивые жители Вологды, с усердием жертвовавшие на возобновление древней обители чтимого ими чудотворца Григория. Иноки и послушники тех монастырей, где проживал во время послушничества своего строитель Игнатий, начали понемногу стекаться в его обитель и в непродолжительном времени образовалось братство до 30 человек, улучшилось богослужение в ней и пение церковное,

* Из рода дворян Лопотовых Костромской губернии Галичского уезда.

установился строгий порядок благоустроенных монастырей. Обитель, таким образом, начала и внешне обновляться столь успешно, что в самое относительно короткое время стала неузнаваема против того положения, в котором ее принял Брянчанинов. Здесь уместно привести рассказ очевидца, посетившего строителя Игнатия в зиму 1832 года.

“В то время, — пишет он, — монастырь был весьма беден, опущен и во всех отношениях в большом упадке. Кроме каменной церкви все прочее строение было деревянное и ветхое, а настоятельская келья, и вовсе разрушавшаяся, была в таком состоянии, что новый строитель принужден был разобрать ее, и временно, пока строилась другая келья, он поместился в сторожке у святых ворот.

Посетив его в Лопотове монастыре на первой неделе Великого поста, я застал его живущим в этой сторожке, она была по одну сторону святых ворот, выстроенных наподобие башни с тесовой остроконечной крышей, весьма обветшавшей, а по другую сторону ворот была деревянная братская трапеза и поварня. Войдя к о. Игнатию, — рассказывает он дальше, — я нашел его сидящим у большого стола за самоваром, перед ним лежали простые черные сухари и какое-то начатое стихотворение, которое он вероятно писал во время чая, чтобы и это время не пропадало даром, келья была не просторна и стены от времени совершенно потемнели”.*

Назначение иеромонаха Игнатия строителем Лопотова монастыря не могло не польстить самолюбию родителя его: он стал снисходительней обращаться с сыном-строителем, который сделался нередким гостем родительского дома. В это время родительница его опять стала болеть и видимо приближалась к переходу в вечность. Сын священноинок старался приготовить ее к этому переходу беседами духовными о том, что единственное спасение наше состоит в живой вере в Искупителя и Спасителя грешных — Господа Иисуса Христа, в надежде на крестные Его заслуги и в любви к Нему нелицемерной,

* Из воспоминаний архимандрита Пимена, настоятеля Николо-Угрешского монастыря.

которую и старался возгревать в сердце своей родительницы, всецело предавшей его духовному руководству. Немалое утешение доставляла сыну столь благая перемена в матери: он благодарил Бога и Ему Единому приписывал изменение ее сердца.

Действительно, духовные понятия Софьи Афанасьевны сделались неузнаваемы: она не знала, как благодарить Бога, сподобившего ее счастья видеть своего первенца принятым Царем царствующих, Господом, Творцом и Спасителем нашим в служение Ему священноиноческое, тогда как прежде почитала это великим для себя несчастьем и горем. 25 июля 1832 года, с залогом спасения в душе, перешла она в вечность, напутствованная молитвами сына священника. Строитель Игнатий сам совершал обряд погребения над телом почившей своей родительницы в храме села Покровского. Ни одной внешней слезой не обнаружил он внутреннего своего чувства при совершении печального обряда над бездыханным телом всегда тепло любимой им матери. Тихо и спокойно, с глубокой думой на челе отдал он ей последний долг как священнослужитель и сын, чем невольно изумил присутствовавших при погребении.

Впоследствии времени ту же необыкновенную силу духа и мужественную твердость характера и воли, ту же сдержанность чувства и невозмутимое спокойствие внешнее, при внутренней скорби, сохранил священноинок Игнатий, когда в 1835 году в сане архимандрита погребал он в Сергиевой пустыни послушника этой пустыни, меньшего, горячо любимого им брата Александра Брянчанинова⁵⁸. Все братство любило почившего юношу. Сослужившие архимандриту при отпевании иеромонахи рыдали, иеродиакон от слез с трудом провозглашал ектеньи, один архимандрит Игнатий тихо и величественно совершал обряд погребения, без слез и смятения отдавая последний долг любимому существу. Глубину же святых чувств своих он излил в небольшой статье, которую озаглавил “Воспоминание о умершем”. Его собственные слова дадут нам безошибочное понятие о настроении его внутреннего человека в эти многознаменательные служения его,

когда он богослужебным обрядом провожал в вечность людей, им многолюбимых.

Он говорит:

“В лютой скорби моей покоряю сердце мое и помышления мои Тебе, Господу Богу моему. Ты даровал мне дар и Ты отъял его. Буди воля Твоя благословенна отныне и до века. Воля Твоя свята. Все действия Твои святы и премудры. Велик Ты в благодеяниях Твоих человеку, велик Ты и в казнях, которыми караешь его: *ибо не оправдается пред Тобою никто из живущих* (Пс. 142; 2), и Ты всегда побеждаешь, как Всесовершенный, на суде, на котором Ты судишься с совестью человека. Благоговейно преклоняю главу мою пред Тобою я, недостойное Твое создание, Твое отдаю Тебе. Прими почившего в Твое вечное блаженство! Отъяв у него смертью блага временные, сторицею ущедри его благами вечными. Даруй мне остаток земной жизни провести Тебе благоугодно, в вечную пользу души моей и души почившего и горькую разлуку временную вознагради вечным союзом для вечного блаженства.

А ты, душа, драгоценная для моего сердца, стряхнув с себя бремя плоти, лети в высокий и светлый Едем. На пути твоём к Небу никто да не дерзнет остановить тебя! Да отворятся тебе двери рая! Да встретят тебя радушно небожители! Присоединись к их святому сонму и наслаждайся вечно лицезрением Бога. Но, когда придешь в рай и стяжешь дерзновение у Господа, вспомни о земном друге твоём, неутешно оплакивающим разлуку с тобою, умоли милосердного Бога, чтобы даровал мне, пожив благочестиво, прийти к тебе, в твое светлое селение, там в блаженном святом соединении с тобою забыть мое страшное горе и утешиться утешением, для которого уже нет измены”⁵⁹.

Люди плотские не могли понимать состояния души деятеля Евангельских заповедей в подвиге иноческом и судили о нем по-мирски, тогда как он, действуя в разуме духовном, любовь плотскую поборог любовью Божией, которая помогла ему скорбь лишений растворить упованием на милость Божию к душе отшедшей.

Со смертью матери сократились поездки строителя Игнатия в дом родительский, где не видел он уже духовной нужды своего присутствия, ибо сердце родителя не принимало его духовного участия. Слышать слова духовно-христианского участия из уст сына священноинока казалось Александру Семеновичу предосудительным, нарушающим его родительское достоинство, почему отношения его к строителю Игнатию остались чисто внешними, довольно холодными.

Вскоре затем Господь утешил о. Игнатия возвращением к нему преданного ему товарища Чихачева. Жизнь его так тесно соединилась с жизнью о. Игнатия, что невозможно не сказать несколько слов об обстоятельствах оной, предшествовавших их новому соединению в Лопотовом монастыре. Проводив товарища из Новоезерска, Чихачев недолго пробыл там один. Пешком отправился он на родину в Псковскую губернию, в Порховский уезд, прибыл в Никандрову пустынь, где и проживал некоторое время. Потом посетил своих родителей, примирился с ними, жил по-монастырски в доме родителей, наконец, уединился в отдельной усадьбе своей тетки, где пустынножительствовал на правилах жизни скитской, переписывался с товарищем своим и другом о Господе Брянчаниновым и по его советам устраивал свою жизнь, наконец, уладив свои домашние и семейные обстоятельства, приехал к нему в Лопотов монастырь.

Свидание друзей было довольно сдержанное в отношении изъявления радостных чувств. О. Игнатий, как мы видели, умел подавлять в себе кровяные движения плоти, а Чихачев, видя друга своего уже священнослужителем и настоятелем обители, естественно удержан был чувством благоговейного уважения, которое и прежде к нему имел, теперь же еще более им проникся. Впрочем, отношения друзей по-прежнему были самые откровенные и сердечные. “Увидавшись с товарищем в его монастыре, — пишет в записках своих Чихачев, — хоть и обрадовался, но не так, как предполагал, чему сперва удивился, но впоследствии очень сделалось понятно, что прежде мы только друг друга знали, а теперь у него попечение о целом

общежитию было, следовательно, силы сердечной любви распространялись не на одного меня, а на всех чад его”.

Чихачев сделался деятельным помощником строителя при благоустройстве и обновлении Лопотова монастыря. Вскоре затем семейные обстоятельства вынудили его опять поехать на родину в Псковскую губернию, где, однако, на этот раз недолго пробыл, по дороге заехал в Новгородский Юрьев монастырь, представился его настоятелю, знаменитому архимандриту Фотию, в келиях которого познакомился с графиней Анной Алексеевной Орловой-Чесменской⁶⁰, принявшей теплое участие в судьбе обоих друзей, Брянчанинова и Чихачева, о которых еще прежде слышала много хорошего в Петербурге. Она очень обласкала Чихачева, пожертвовала несколько книг для Лопотова монастыря и восемьсот рублей денег и даже на свой счет отправила его на почтовых в Вологду.

С тех пор Брянчанинов и Чихачев пользовались особым расположением графини до самой ее кончины. Старанием нового строителя, при вышесказанном пособии от графини, в Лопотове монастыре воздвигнуты два деревянные корпуса братские, поправлена и обновлена церковь, пополнена ризница святыми сосудами, Евангелиями и облачениями, приобретены новые книги для церкви и для чтения в трапезе, куплена пара лошадей. “Спорки были деньги графини, видно, что с усердием пожертвованы”, — говорит в записках своих Чихачев.

Нужно сказать, что Чихачев обладал отличным голосом, знал основательно церковное пение, нотное и простое, которым и занимался в Лопотове монастыре, завел там так называемый Киевский напев, что начало привлекать в монастырь многих богомольцев. Строитель Игнатий облек его в рясофор и деятельно руководил его к преуспеянию духовному. Вспоминая об этом в своих записках, Чихачев говорит: “Действие благодати было таково, что, несмотря на мою греховность, когда пойдешь на исповедь к настоятелю, то нельзя сказать, как утешиться, так что совестно было это ощущать, слишком развеселишься”. Богоугодно было настоятельство строителя

Игнатия в Лопотове монастыре, ибо во всем и всегда руководился он единственно волей Божией, изображенной в Евангелии, объясненной святоотеческими писаниями, в которых неуклонно он пребывал помыслами своими.

Благая деятельность о. Игнатия, кроме видимого процветания вверенной ему обители, засвидетельствована свыше явлением преподобного Григория Пельшемского чудотворца благочестивому крестьянину, проводившему жизнь духовную. Крестьянин этот, по имени Карп, проживал в соседнем монастырю поселке и часто приходил к строителю Игнатию советоваться с ним о своей жизни духовной. Ему было открыто в видении, будто иноки Лопотова монастыря, бывшие там до строителя Игнатия, стоя в водах реки Пельшмы, жаловались стоявшему на берегу ее преподобному Григорию, что строитель Игнатий делает им притеснения: в церковь не велит ходить с заплетенными волосами, на клиросе запрещает нюхать табак, красных кушаков не велит носить, по деревьям запрещает ходить и прочее тому подобное. Преподобный, обратясь к Карпу, сказал: “Ты слышишь их жалобы, могу ли их послушать? Настоятель делает, как надо, и если пребудет в заповедях Божиих до конца, причтен будет с нами”. На этом кончилось видение, которое Карп потом сообщил Чихачеву, сохранившему рассказ его в своих записках.

Чтобы уяснить отчасти дух и стремления строителя Игнатия при настоятельстве его над иноками не уместно будет здесь привести отрывок из его “Плача”, в котором прекрасно начертал он современное положение монастырей российских и верно указал способы, которыми иночество приводится к своему истинному назначению:

“Скажу здесь о монастырях российских мое убогое слово, слово — плод многолетнего наблюдения. Может быть, начертанное на бумаге, оно пригодится для кого-нибудь! — Ослабела жизнь иноческая, как и вообще христианская, ослабела иноческая жизнь потому, что она находится в неразрывной связи с христианским миром, который, отделяя в иночество слабых христиан, не может требовать от монастырей сильных иноков, подобных древним, когда и христи-

анство, жительствовавшее посреди мира, преизобиловало добродетелями и духовною силою. Но еще монастыри, как учреждение Святого Духа, испускают лучи света на христианство, еще есть там пища для благочестивых, еще есть там хранение Евангельских заповедей, еще там — строгое и догматическое и нравственное Православие, там, хотя редко, крайне редко, обретаются живые скрижали Святого Духа. Замечательно, что все духовные цветы и плоды возросли в тех душах, которые в удалении от знакомств вне и внутри монастыря возделали себя чтением Писания и святых отцов, при вере и молитве, одушевленной смиренным, но могущественным покаянием. Где не было этого возделания, там — бесплодие.

В чем состоит упражнение иноков, для которого и самое иночество? Оно состоит в изучении всех заповедей, всех слов Искупителя, в усвоении их уму и сердцу. Инок содевается зрителем двух природ человеческих: природы поврежденной, греховной, которую он видит в себе, и природы обновленной, святой, которую он видит в Евангелии. Десятисловие Ветхого завета отсекало грубые грехи, Евангелие исцеляет самую природу, болезнующую грехом, стяжавшую падением свойства греховные. Инок должен при свете Евангелия вступить в борьбу с самим собою, с мыслями своими, с сердечными чувствованиями, с ощущениями и пожеланиями тела, с миром, враждебным Евангелию, с миродержителями, старающимися удержать человека в своей власти и плене. Всесильная Истина освобождает его (Ин. 8; 32), освобожденного от рабства греховных страстей запечатлевает, обновляет, вводит в потомство Нового Адама всеблагий Дух Святой”.*

Тщательного исполнения Евангельских заповедей строитель Игнатий требовал всегда и от себя самого и от подчиненных ему иноков, на Евангельских заповедях основывал он деятельность свою настоятельскую, почему и имела она особую прочность и благотворность. Иноки вверенных ему монастырей скоро преуспевали под его духовным руководством.

* Т. 1. Аскет. опыты. С. 561–562.

Не нравилось оно плотским людям, вызывало в них ропот и неудовольствие, но это никогда не останавливало его идти путем, предсказанным в Святом Евангелии, объясненным святыми отцами в их богодухновенных писаниях, которыми он руководствовался всегда и во всем. Преосвященный Вологодский Стефан, видимо, ценил труды и заботы строителя Игнатия по возобновлению внутреннему и внешнему Лопотова монастыря: 28 мая 1833 года возвел он его в сан игумена.*

Были, впрочем, недоброжелатели у игумена Игнатия в числе должностных лиц, окружавших вологодского владыку, ставшие поколебать к нему расположение архипастыря. Это тягостно действовало на впечатлительного и болезненного Игнатия, который все чаще и чаще стал недомогать, ибо сырой и болотистый климат Лопотова монастыря весьма вреден оказался для его здоровья. Неприятности консисторские, а особенно вредный климат, разрушительно повлияли на его здоровье, значительно надорванное предшествовавшими болезнями и, наконец, уложили деятельного настоятеля на одр⁶¹.

Чихачев увидел опасность положения своего друга, томившегося телом от болезни, духом от непрерывно тяготевших извне притеснений и скорбей, и сам, не меньше томившийся его страданиями, решил предложить ему свою мысль — переселиться из Лопотова монастыря куда-либо в другое место. Игумен Игнатий одобрил эту мысль, и решено было Чихачеву ехать на свою родину в Псковскую епархию и хлопотать там о перемещении их в один из тамошних монастырей.

В это время вышеупомянутый благочестивый крестьянин Карп снова имел откровение о том, что игумен Игнатий послужит обители близ Петербурга, в которой будет соборная церковь во имя Святой Троицы, причем показан ему был самый иконостас церкви, показаны также и все те иноки,

* При этом случае выразилось к строителю Игнатию живое чувство его семгородского знакомого — юноши Петра. Ко дню возведения строителя Игнатия в сан игумена он устроил игуменский посох, который и передал через своего родителя, не имея возможности отложить выезд свой из Вологды, вынужденный его делами.

которые перейдут туда за игуменом из Лопотова монастыря, а также и те, которых застанут они там при своем приезде и которые виделись Карпу как бы изумленные этим. Слушая рассказ Карпа и помышляя о намерении своем искать приюта в Псковской епархии, Чихачев спросил его, не знает ли он, как близко от Петербурга будет эта показанная ему в видении обитель, верст четыреста, например? — “О нет, — отвечал Карп, — гораздо ближе, совсем близехонько”.

Пророчественное видение это относилось к Троице-Сергиевой пустыни⁶² близ Петербурга, куда Промысл Божий готовил в настоятели игумена Игнатия, чего тогда ни он, ни Чихачев отнюдь не могли предполагать, и что, однако, в точности исполнилось в свое время. Напутствованный благословением игумена, на монастырской повозке в одну лошадь, отправился Чихачев в преднамеренный путь на родину свою. По дороге он заехал в Петербург, где долго не имел, где главы приклонить, ибо прежние знакомые его под разными предложениями отказали ему в приюте, не нашел он его и в Невской Лавре, куда, было, обратился.

Вспомнив о милостивом внимании к нему графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской, явился он к ней и объяснил незавидное свое положение в столице. Боголюбивая графиня приняла в нем живое участие, приютила его у себя в доме, снабдила всем необходимым и деятельно начала хлопотать о том, чтобы осуществить желание обоих друзей — переместиться куда-либо из Лопотова монастыря. По желанию Чихачева, искавшего приютиться именно в Псковской епархии, вблизи своих родителей, графиня сперва обратилась к псковскому архиепископу Мефодию, лечившемуся в то время от глазной болезни в Петербурге, и просила его дать игумену Игнатию настоятельское место в одном из монастырей его епархии, но в этом получила от него отказ, прикрытый неимением свободной настоятельской вакансии. То же самое ответил ей и митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Серафим, к которому она обращалась с той же просьбой.

Видя свою неудачу и соскучившись рассеянной жизнью в столице в кругу знатного общества, посещавшего графиню, Чихачев намеревался уже возвратиться обратно в Лопотов монастырь, но графиня его удержала и посоветовала ему представиться Московскому митрополиту Филарету⁶³, тоже находившемуся тогда в Петербурге. Не без боязни отказа явился Чихачев на Троицкое подворье к митрополиту Московскому, который весьма милостиво принял молодого послушника, отечески ласково выслушал его откровенный рассказ о бедственном положении игумена Игнатия, предлагал ему вопросы, из которых тот заключил, что владыке не неизвестны прежняя их жизнь, а также и достоинства игумена Игнатия, которому он и предложил через Чихачева настоятельство в Николо-Угрешском третьеклассном монастыре Московской епархии, и то на первое лишь время, обещаясь потом доставить ему еще лучшее место.

Чихачев, поблагодарив милостивого архипастыря, выразил перед ним опасение, что игумену Игнатию неудобно будет самому проситься к переводу из Вологодской епархии, потому что он пострижение иноческое принял от руки самого вологодского архипастыря, епископа Стефана, который может оскорбиться подобным поступком своего постриженника. “Хорошо, — сказал московский владыка, — я делаю предложение об этом в Синоде и надеюсь, что мне не откажут”.

Так и случилось: на другой день был послан из Синода указ в Вологду к преосвященному Стефану о перемещении игумена Лопотова монастыря в Николо-Угрешский монастырь, куда по сдаче монастыря и предписывалось ему немедленно отправиться. Преосвященный Стефан с миром и любовью отнесся к этому событию. Напутствовав игумена своим благословением на новое поприще служебное, он в официальном отношении своем от 28 ноября 1833 года к митрополиту Московскому сделал об игумене самый похвальный отзыв.

“Игумен Игнатий, — писал он, — по пострижении в 1831 году, по указу Святейшего Правительствующего Синода, в

монашество, состоя в числе братства третьеклассного Глушицкого монастыря, похвальными своими качествами и образованностью своей в науках всегда обращал на себя особое мое внимание, почему взят был в Вологодский архиерейский дом и, по рукоположении во иеродиакона, а потом во иеромонаха, употреблен был для соборного богослужения, где более и более замечая в нем отличительные способности, украшаемые похвальным поведением, в 1832 году, января 6-го определил его, Игнатия, на место умершего в Лопотове монастыре строителя иеромонаха Иосифа строителем и, будучи он в сей новой, возложенной на него должности, образом примерной своей жизни, учреждением в монастыре порядка согласно правилам и уставам монастырским, точным наблюдением должного в монастыре благоприличия, обращая на себя от публики особенное внимание, успел возродить в почитателях святой обители усердие и тем достиг возможности Лопотов монастырь, пришедший уже в совершенный упадок и расстройство, привести ныне в короткое время в наилучшее состояние, как-то:

1) заведением многоценных серебряных святых сосудов, Евангелия и облачений и многих других для благолепия церковного служащих вещей и 2) устройением настоятельских и братских келий, а потом поправкой многих ветхих монастырских строений, каковая его, Игнатия, полезная для обители святой служба, а притом и отзывы публики о похвальных его качествах убедили меня сего года мая 28-го дня, для поощрения его к дальнейшей таковой же службе, произвести в игумена с оставлением его в том же заштатном Лопотове монастыре настоятелем, о каковой его, игумена Игнатия, отлично похвальной службе за нужное почел довести при сем до сведения вашего высокопреосвященства”.

Чихачев, обрадованный столь успешным исходом своего ходатайства, отправился из Петербурга на родину свою в Псковскую губернию, чтобы навестить своих родителей. Здесь вскоре по приезде своем, получает он письмо от графини

Орловой-Чесменской, в котором она извещала его, что все события жизни игумена Игнатия и его самого дошли до сведения государя императора Николая Павловича и что его императорское величество изволил вспомнить бывших своих воспитанников и приказал митрополиту Московскому вызвать игумена Игнатия не в Москву, а в С.-Петербург для личного представления ему, причем прибавил, что если Игнатий ему так же понравится, как и прежде, то он его митрополиту Филарету не отдаст.

Высокопреосвященный Филарет во исполнение этой высочайшей воли официальным письмом от 15 ноября 1833 года на имя Вологодского епископа Стефана просил его, как можно скорее отправить игумена Игнатия прямо в Петербург, а частным собственноручным письмом своим к игумену Игнатию требовал, чтобы он, нисколько не медля, прибыл к нему в Петербург на Троицкое подворье. “Это распоряжение должно быть исполнено безотлагательно, — писал митрополит, — потому что это воля не моя”. 27 ноября игумен Игнатий сдал Лопотов монастырь своему казначею, а 30 ноября выехал в С.-Петербург. К этому времени возвратился туда и Чихачев, с нетерпением ожидавший приезда своего игумена. Приехав в столицу, игумен Игнатий немедленно представился митрополиту Филарету, который приютил его на своем Троицком подворье, где и ожидал он времени, когда будет ему назначено явиться в Зимний дворец к государю.

В назначенный день и час игумен Игнатий представился императору в Зимнем дворце. Государь обрадовался, увидев своего воспитанника, а “радость предстать любимому царю, полнота благодарного чувства за все его монархии милости, — пишет Чихачев, — доводили до благоговейного восторга теплую душу инока верноподданного”. После некоторых объяснений государь изволил сказать: “Ты мне нравишься, как и прежде! Ты у меня в долгу за воспитание, которое я тебе дал, и за мою любовь к тебе. Ты не хотел служить мне там, где я предполагал тебя поставить, избрал по своему произволу путь — на нем ты и уплати мне долг твой.

Я тебе даю Сергиеву пустынь, хочу, чтобы ты жил в ней и сделал бы из нее монастырь, который в глазах столицы был бы образцом монастырей”.

Затем он повел игумена на половину к государыне императрице Александре Феодоровне. Введя к ней, спросил, узнает ли она этого монаха. На отрицательный ответ он назвал игумена по фамилии, государыня очень милостиво отнеслась к своему бывшему пансионеру и заставила его благословить всех детей ее. Государь тут же изволил послать за обер-прокурором Синода Нечаевым⁶⁴, который доложил, что Сергиева пустынь имеет особое назначение, она отдана викарному епископу при С.-Петербургском митрополите и доходами ее пользуется епископ взамен содержания от духовной администрации. Тогда государь приказал справиться, как велика сумма дохода, получаемого викарным епископом от монастыря, и в этом размере производить ему выдачу суммы от кабинета, а монастырь сдать в полное управление назначенного настоятеля.

Обер-прокурор объявил Святейшему Синоду высочайшую волю, и преосвященному Венедикту, бывшему тогда викарным, дан указ Синода сдать пустынь игумену Игнатию, а самому получать 4000 рублей ассигнациями содержания от Кабинета, что и поныне остается неизменным. Тогда же по распоряжению Синода игумен Игнатий возведен в сан архимандрита, что исполнено было в Казанском соборе 1 января 1834 года, а 5-го числа того же месяца новый настоятель выехал в свою обитель в сопровождении Чихачева и только что принятого в келейники двадцатидвухлетнего юноши Иоанна Малышева⁶⁵, который впоследствии через 23 года сделался преемником своего старца в настоятельстве обители с саном архимандрита.

Примечания

⁶⁴ Александр Александрович Брянчанинов (1814–1835).

⁶⁵ Впервые опубликовано под названием “Молитва о умершем” в кн.: Богословские труды. М., 1971. Сб. 6. С. 232–233.

⁶⁰ Анна Алексеевна Орлова-Чесменская (1785–1848) — духовная дочь архимандрита Фотия, известная благотворительница, ее пожертвованиями были восстановлены многие русские монастыри и храмы, в том числе Троице-Сергиева пустынь, приняла тайно монашество с именем Агнии.

⁶¹ В 1834 г. архим. Игнатий писал из Троице-Сергиевой пустыни о Лопотове монастыре: “В сей обители вологодской местоположение низменное, атмосфера наполнена гнилыми испарениями — все сие вместе с большим вредом действовало на мое здоровье, при слабом состоянии которого был я до избытка обременен трудами телесными...” (Собрание писем. 1995. С. 90).

⁶² Троице-Сергиева пустынь — основана архимандритом Варлаамом (Высоцким), настоятелем Троице-Сергиевой Лавры, духовником императрицы Анны Иоанновны. В 1764 г. отделилась от Лавры. Расцвела духовно и материально при архим. Игнатии. Здесь им написаны статьи, составившие 1-й и 2-й тома “Аскетических опытов”, а также большое число писем. Возрождается с 1993 г.

⁶³ Святитель Филарет (В. М. Дроздов, 1782–1867) — митрополит Московский и Коломенский. Канонизирован в 1994 г., память 19 ноября/2 декабря.

⁶⁴ Стефан Дмитриевич Нечаев (1792–1860) — до 1836 года обер-прокурор Св. Синода, 25 июня 1836 г. получил чин тайного советника и остался в звании сенатора в Москве, до конца жизни был президентом Московского комитета о просящих милостыни. Состоял в дружеской переписке со свт. Игнатием, которая опубликована (Собрание писем. 1995. С. 474–511). Др. изд.: Игнатий (Брянчанинов). Письма аскета: Из переписки архим. Игнатия Брянчанинова с С. Д. Нечаевым. СПб., 1895; СПб., 1993.

⁶⁵ Архимандрит Игнатий (И. В. Малышев, 1811–1897) — первый келейник и духовный ученик свт. Игнатия в Троице-Сергиевой пустыни, впоследствии, с 1857 г. ее настоятель. Художник и архитектор, автор проекта храма Спаса на Крови в С.-Петербурге. Опубликованы его воспоминания: Игнатий (Малышев). Из воспоминаний архимандрита Игнатия, первого келейника епископа Игнатия, ныне настоятеля Сергиевой пустыни // Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова и письма преосвященнейшего к близким ему лицам. СПб., 1881. Прил. С. 121–137. Др. изд.: СПб., 1996; а также его жизнеописание, где немало страниц посвящено поре его ученичества у свт. Игнатия: *Ты мой Бог, я Твой раб...* Жизнеописание настоятеля Троице-Сергиевой пустыни архимандрита Игнатия (Малышева). СПб., 2000. В на-

стоящее время его честные останки помещены в храме прп. Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой пустыни для поклонения. Надпись гласит:

“Ты мой Бог, я Твой раб.

Настоятель Свято-Троицкой Сергиевой пустыни
ближайший ученик и наперсник свт. Игнатия Брянчанинова
архимандрит

Игнатий Малышев

2/15 мая 1898 г. 87-ми лет от роду.

65 лет подвизался в обители.

40 лет был в ней настоятелем”.

Намерение игумена Игнатия переселиться из Лопотова монастыря имело в основании чисто физическую причину. Его надломленному организму нужен был климат, если и не южный, то, по крайней мере, сухой, а не болотистый. Счастливый вниманием московского владыки и не ища почести и славы, он довольствовался бы Николо-Угрешским монастырем, но державная воля вызвала его на более широкую деятельность.

Местность Сергиевой пустыни в климатическом отношении не представляла даже тех удобств, какими обладал Лопотов монастырь. Береговая полоса Финского залива, волны которого разливаются в виду самой обители, никак не могла служить к восстановлению физических сил. В духовно-нравственном же отношении новое место жительства представляло гораздо более неудобств сравнительно с прежним, оно требовало сугубого духовного подвига, так как более было обставлено тернием житейской молвы и суеты, которое неминуемо должно было убодать духовного человека. Только живая вера в Промысл Божий и добрая совесть в исполнении иноческого обета послушания, какое о. Игнатий оказывал царской воле, могли подкреплять его при вступлении на это новое поприще.

Он вступал туда как истинный монах, с бесстрашием и самоотвержением, и хотя обладал всеми преимуществами, чтобы обставить свое новое поприще деятельности самыми

блестящими успехами служебными, но не в его духовном характере было пользоваться этим положением в смысле преуспеваний мирских. Враг личных интересов, он заботился единственно о благе вверенной ему обители. Как верно-подданный и инок, он твердо решил исполнить волю возлюбленного монарха, сделав вверенную ему пустынь образцовой обителью во всех отношениях.

Сергиева пустынь, основанная в 1734 году и расположенная близ самого Петербурга, немного в сторону от нынешней Петергофской железной дороги, находилась, как сказано, под управлением викарных епископов. Такое административное положение далеко не благоприятствовало ее материальному состоянию, а близость столицы делала ее перепутьем для проезжающих столичных жителей, что весьма невыгодно влияло на духовный быт братства обители. Здания монастыря, начиная с церкви преподобного Сергия⁶⁶ до последних монастырских служб, были давно запущены. В церкви, когда приступлено было к ее поправке, оказались годными только одни стены, настоятельский корпус почти не существовал, стоял запертым и неотопленным, помещения новопривышему настоятелю вовсе не было, он принужден был остановиться в инвалидном доме, устроенном при монастыре иждивением графов Зубовых⁶⁷ и состоящем на их содержании. Там ему отведены были две комнаты, в которых он и поместился с 8-ю человеками братии, прибывшими вместе с ним.

Все братство обители состояло из 13 человек: 8 монашествующих, 3 послушников и 2 подначальных. И, несмотря на такое незначительное число братии, в среде их не было порядка, приличествующего монастырю. Запущенность в материальном, распущенность в нравственном отношении царили во всей силе. В таком положении застал Сергиеву пустынь новый настоятель.* Обитель требовала такого настоятеля: судьбами Промысла Божия или молитвами преподобного Сергия, через сто лет от основания, началось ее восстановление, как вещественное, так и духовное.

* Замечательно, что прибытие о. архимандрита Игнатия в Сергиеву пустынь случилось в самый юбилейный год ее столетнего существования.

Представительная по образованию личность настоятеля, его аскетическая духовность вполне соответствовали цели, с которой государю угодно было назначить архимандрита Игнатия настоятелем этой обители. Но труды и заботы по внешнему возобновлению и благоустройству и отношения всякого рода к высшим и низшим скоро положили печать свою на болезненного и строго-подвижного инока. По собственному его признанию, скорби от человеков, постигавшие его доселе, были умеренные.

“Чтоб испытать их,— говорит он в своем «Плаче»,— нужно было особенное поприще. Непостижимыми судьбами Промысла Божия я помещен в ту обитель, соседнюю северной столице, которую, когда жил в столице, не хотел даже видеть, считая ее по всему не соответствующею моим целям духовным. В 1833 году я был вызван в Сергиеву пустынь и сделан ее настоятелем.

Негостеприимно приняла меня обитель — Сергиева пустынь. В первый же год по прибытии в нее я поражен был тяжкою болезнью, на другой год другою, на третий третьею: они унесли остатки скудного здоровья моего и сил, сделали меня изможденным, непрестанно страждущим. Здесь поднялись и зашипели зависть, злоречие, клевета, здесь я подвергся тяжким, продолжительным, унижительным наказаниям, без суда, без малейшего исследования, как бессловесное животное, как истукан бесчувственный, здесь я увидел врагов, дышащих непримиримою злобою и жаждою гибели моей”.*

Из этого очерка вступления архимандрита Игнатия в новую обитель видно, что его настоятельская деятельность с самого начала должна была делиться на две отрасли: по внешнему устройству и внутреннему благочинию. Первым делом настоятеля было возобновление храма преподобного Сергия и капитальное исправление корпуса настоятельских келий. Вот что он писал в 1834 году в прошении своем к тогдашнему С.-Петербургскому митрополиту о дозволении произвести в обители необходимые постройки и исправления:

* Т. 1. Аскет. опыты. С. 565.

“Обозревая монастырские здания, я нашел оные безисключительно в весьма неблагоприятном положении. Такое состояние видели предместники мои в управлении монастырем преосвященные епископы Ревельские и потому приготовили заблаговременно денежную сумму до 50 тысяч рублей ассигнациями и значительное количество кирпича, имея непременно целью починку ветхих и постройку новых зданий”.

Работы были начаты с разрешения Синода, который дозволил употребить собранные 50,000 рублей ассигнациями и заготовленный кирпич. Графиня Орлова также много помогала своими щедрыми даяниями. Церковь и корпус настоятельских келий, как однофасадные здания, были соединены новым двухэтажным корпусом, в верхнем этаже которого весьма удобно устроена была обширная братская трапеза, а в нижнем расположены кухня, пекарня и другие хозяйственные помещения.

Во время производства этих построек, в том же 1834 году, летом, совершенно неожиданно посетил обитель государь император. Приехав из Петергофа около 6 часов пополудни, он один вошел в церковь и спросил встреченного монаха: “Дома ли архимандрит? Скажи, что прежний товарищ хочет его видеть”. Пришел архимандрит в сопровождении неизменного товарища его о. Михаила Чихачева. Милостиво и ласково обошелся с ними государь, спрашивал о третьем их товарище Феодорове, вместе с ними поступившем в монастырь, и на ответ, что Феодоров возвратился в мир и поступил вновь на службу, заметил: “Видно, ему монастырский хлеб сух показался, а тебе,— обратился он к Чихачеву, значительно пополневшему,— пошел впрок”.

В это время приехали государыня императрица и государь наследник. Народу, естественно, собралось много, и весь этот народ был свидетелем того отеческого внимания, которое всегда составляло отличительную черту в отношениях покойного императора к почившему владыке. Затем государь изволил подробно осматривать производившиеся

постройки и нашел необходимым возобновить соборный храм, для чего велел архимандриту представить смету в порядке служебных инстанций. Представленная смета утверждена 25 декабря 1835 года, и по государственной росписи назначено было выдать из казначейства С.-Петербургской казенной палаты 96,808 руб. 19 коп. ассигнациями на исправление и обновление Троицкого соборного храма⁶⁸. Возобновление было окончено в 1838 году, а в 1842 году в этом храме были устроены богатые клиросы на сумму, пожертвованную государыней императрицей Александрой Феодоровной.

Первой заботой настоятеля по внутреннему духовному благосостоянию обители было установление во всем строгого порядка, согласно монастырским уставам: церковное богослужение стало совершаться в стройном чине, с величием и торжественностью, которое дополняли привлекательное пение клиросное, внятное чтение, чинное стояние, поклонение по положению и, вообще, благообразные движения, благочинное пребывание в трапезе, весьма приличная одежда, а опрятность и чистота во всем придавали всей обстановке вид изящества, соединенного с простотой, которые облагораживали самые нравы иноков.

Настоятель вникал в келейную жизнь каждого, настраивал к спасительному препровождению времени в чтении монашеских книг, к несению посильных трудов по послушаниям, проводил дух истинного монашества в братство, располагая всякого ко вниманию, к принятию совета и назидания в духовно-нравственной жизни, к устройению себя по руководству святоотеческих писаний. Он сообщал братству свой образ мыслей и взгляды на монашество, был отцом и наставником всех, принимая к себе на откровение помыслов для созидания и настроения духовного. Двери келий о. архимандрита были открыты, к нему входили свободно все — от престарелых монахов священнослужителей до юных послушников, вследствие чего все братство стало составлять одну великую семью, управляемую одним отцом, связанную союзом согласия и духовного единения, одушевляемую и

руководимую высоким учением отца-наставника. “Особенно, — говорит Чихачев, — помогало деятельности настоятеля его умение выбирать людей и его знание сердца человеческого, которым он умел привязывать людей к делу, им доверяемому. Он искал развить в человеке преданность поручаемому ему делу и поощрял ее одобрениями и даже наградами и повышениями. Окружая себя людьми со способностями и силами, он быстро достигал своих целей и приводил намерения свои в точное исполнение”.

Духовное возрождение обители сделалось видным для всех: прежние обитатели пустыни изумлялись внезапной перемене, удивлялось ей и духовное начальство, оно смотрело на управление архимандрита Игнатия как на небывалую новость. Столичное общество всех слоев также обратило свои взоры на возрождающуюся обитель, увидело новые порядки, новые правила, внешнее и внутреннее благолепие, быстроту, с какой все возникало и развивалось — и недоумевало.

Но не все могли понимать и ценить совокупность совершавшихся изменений, не все смотрели на них одинаково благосклонно. Были лица, неблагоприятно смотревшие на небывалое явление — благосклонное расположение государя к монашеству и особенно в лице столько даровитого человека, каков был архимандрит Игнатий, породило зависть многостороннюю — явились интриги и со стороны людей светского общества и со стороны духовной администрации.

Нерасположение пустило в ход наговоры, клевету, обвинения, сплетаемые с подробностями, измышленными злобой, а интриги и козни лиц, которые своим положением в обществе имели возможность вредить архимандриту, сделались неразлучными спутниками на всю его жизнь. Нерасположение же духовной администрации стало выражаться непрерывными притеснениями, прикрытыми иногда правдами по законам человеческим, а в иных случаях и вполне явными.

Так враг человеческого спасения преследует всякое благое дело, а особенно духовное благоустройство иноков, он направляет, главным образом, против руководителей их свои стрелы, разжигая злобу людей века сего. Для таких орудий

зла все казалось позволительным, что могло служить ко вреду и осмеянию настоятеля и обители. Самые обыкновенные распоряжения и случаи старались перетолковывать по-своему, в обвинение настоятеля. Сергиева пустынь сделалась для многочисленной части общества мишенью, в которую пускались язвительные стрелы, облеченные по преимуществу в самую утонченную насмешку.

В те годы государь проводил лето в Петергофе. Сергиева пустынь была перепутьем, в которое заезжали все, или значительное число, ехавших из Петербурга ко двору. Заезжали в угоду государю и государыне, заезжали по любопытству, заезжали с умышленным недоброжелательством, с преднамерением осудить виденное. Как пример таких посещений может служить неожиданно выразившееся настроение одного весьма высокопоставленного лица.

5 июля, в день преподобного Сергия, в новой обширной трапезе обедали все посетители монастыря за общим столом вместе с братией. В числе гостей было немалое число сановников, принадлежавших к высшей администрации. Во время обеда один из самых почетных посетителей отнесся к настоятелю с вопросом, сказанным таким тоном голоса, который выражал дух речи: “Как согласить, отец архимандрит, Ваши обеты монашества с той обстановкой, в которой Вы живете?”, — указывая глазами на великосветское общество, окружавшее архимандрита.

Настоятель отвечал: “Очень просто: оно объясняется послушанием воле государя императора, которому угодно было меня взять из вологодских болот, где я жил в уединеннейшем монастыре, и поставить здесь, на перепутье большого света, чтобы говорить вам слово истины настолько, насколько позволят это ваши гнусные приличия света”.

В другой раз в монастыре у своего подъезда архимандрит садился в карету, чтобы ехать в Невскую Лавру к духовнику своему. Из близ стоящей кучки мирян некто не оставался с насмешкой сказать слушателям своим так громко, что слова его были ясно слышны архимандриту: “К любовнице едет!” “Это мне передавал сам преосвященный Игнатий, —

говорил Петр Александрович и добавил, — в карету садился мученик невидимый, чтобы ехать к духовнику и в таинстве исповеди предстать лицу Божию и найти отраду язвам сердца своего, а мир провожал его своим судом и осуждением”.

Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может (1 Кор. 2; 15) — говорит апостол, а другой духоносный отец сказал: “Страшно определять свой суд на действия духовного человека”. Этим подтверждается справедливость слов Чихачева, отзывающегося о своем старце-подвижнике таким образом: “Самые действия его, архимандрита Игнатия, были непонятны многим, чтобы не сказать всем, тем более мне, простяку. В нем вмещалось многое, и одно другому не мешало, т. е. глубокое знание писаний св. отцов с монашеским деятельным опытом, и внешний навык, и способность обращаться со всякого рода людьми, тонкое постижение нравов, знание человека со всеми его причудливыми немощами, умение различать благонамеренность от зловредной, ухищренной гибкости, умение проникать в умысел. При таком искусном руководителе все с Божией помощью улаживалось, все вынесено: и сносное, и казавшееся по немощи человеческой несносным”.

Много было трудов, препятствий, неудач, скорбей и искушений как для самого настоятеля, так и для окружавшей его, пришедшей с ним братии. Самое неудобство местоположения монастыря, стоящего на бойком перепутье загородных жилищ столицы, было для них тяжелым внутренним крестом, незримым для очей мира. Здесь о. Игнатий опытно обучал своих чад духовных внутреннему крестоношению, которое бывает уделом всякого благочестивого христианина, а тем более инока. Он сам служил для них примером благодушного терпения и безропотного несения креста своего, в чем, при содействии благодати, достиг столь великой духовной силы, что такое крестоношение во многих случаях было для него любезно.

Так, продолжая вышеприведенную статью “Плача”, он говорит о себе: “Здесь милосердный Господь сподобил меня познать невыразимые словом радость и мир души; здесь

сподобил Он меня вкусить духовную любовь и сладость в то время, как я встречал врага моего, искавшего головы моей — и соделалось лице этого врага в глазах моих как бы лицом светлого ангела. Опытно познал я таинственное значение молчания Христова пред Пилатом и архиереями иудейскими. Какое счастье быть жертвою, подобно Иисусу! Или нет! Какое счастье быть распятым близ Спасителя, как был некогда распят блаженный разбойник, и вместе с этим разбойником, от убеждения души, исповедовать: *достойное по делам моим принял, помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое* (sic. Лк. 23; 41, 42)*.

В “Слове утешения к скорбящим инокам” духовный крестоносец так поучает основному началу, которое составляет, можно сказать, насущный хлеб истинного монашеского жительства: “Последуем Христу! Смиримся подобно Ему! Подобно Ему не откажемся прослыть льстецами и умоиступленными, не пощадим чести нашей, не отвратим лица от заплеваний и ланит от заушений, не будем искать ни славы, ни красоты, ни наслаждений, принадлежащих миру сему, совершив земное странствование как странники, не имеющие, где главу подклонить, примем, примем поношения, унижения и презрение от людей как неотъемлемые принадлежности избранного нами пути, будем явно и тайно бороться с помыслами гордыни, всеусильно низлагать эти помыслы нашего ветхого человека, ищущего оживить свое «я», под различными правдоподобными предложениями. Тогда Сын Божий, сказавший: *вселюсь в них и буду ходить* (2 Кор. 6; 16), явится в сердце нашем и дарует нам власть и силу связать крепкого, расхитить сосуды его, наступить на аспида и василиска, попрасть их.

Отвергнем ропот, отвергнем жалобы на судьбу нашу, отвергнем сердечную печаль и тоску, от которых слабые души страдают более, нежели от самих скорбей. Отвергнем всякую мысль о мщении и воздаянии злом за зло. *Мне отмщение, Я воздам*, — сказал Господь (Рим. 12; 19).

Хочешь ли переносить скорби с легкостью и удобством? — Смерть за Христа да будет вожделенна тебе. Эта смерть да

* Т. 1. Аскет. опыты. С. 565–566.

предстоит непрестанно пред очами твоими. Умерщвляй себя ежедневно... живописуя смерть твою. Нам дана заповедь последовать Христу, взяв крест свой. Это значит: мы должны быть всегда готовы с радостью и веселием умереть за Христа...

Желающий умереть за Христа какой напасти, какого оскорбления не претерпит великодушно?)*.

Высшее духовенство, с весьма немногими исключениями, неприязненно относилось к архимандриту Игнатию. Эта неприязнь стала выражаться в различных требованиях, которыми стеснялась его настоятельская деятельность, начавшая привлекать в монастырь множество богомольцев и обращать на себя благосклонное внимание многих влиятельных особ из петербургского общества. Вскоре от Консистории последовали один за другим три указа в вышеупомянутом характере. Они поставили настоятеля в весьма затруднительное положение.

Первым указом требовалось послать из монастыря трех иеромонахов на флот, тогда как всех их было только шесть, несмотря на то, указ был исполнен, посланы были люди благонадежные, но в числе их был один престарелый, так как третьего молодого из недолжностных иеромонахов не было. Второй указ объявлял настоятелю выговор за посылку на флот престарелого иеромонаха. Третьим указом предписывалось архимандриту и братии пустыни не иначе ездить в город, как испросив предварительно отпусковой билет из Консистории. Митрополиту доложил секретарь, что об этом было высочайшее повеление.

Настоятель, изложив в рапорте невозможность исполнить такой указ, потому что провизия и всякая нужная безделица покупалась в городе, поехал к митрополиту, которого не мог убедить принять рапорт, но получил от него позволение искать высочайшего разрешения ездить ему и братии по-прежнему без билетов от Консистории теми путями, кои признает себе более удобными. Тогда архимандрит, взяв с собой Чихачева, отправился в Царское Село, где тогда пребывала царская фамилия. При выходе из кареты у самого

* Т. 1. Аскет. опыты. С. 351–352.

подъезда дворца им встретился государь цесаревич Александр Николаевич. Он спросил архимандрита о причине приезда. “Мне необходимо видеть государя”, — ответил архимандрит. “Хорошо, — сказал наследник, — я доложу ему о Вас, а Вы подождите ответа на квартире у Кавелина”.

Пришел Кавелин, по поручению государя расспросил все обстоятельно и, возвратясь от его величества, передал архимандриту разрешение ездить ему и братии по-прежнему без билетов консисторских и объявить митрополиту об этом его разрешении, которое Кавелин в то же время официально сообщил обер-прокурору Синода. Отпустив Чихачева в пустыню, архимандрит поехал к митрополиту, который одобрил действия архимандрита Игнатия и прибавил, что через это разрешение можно будет и другим сделать облегчение, но рапорта об отмене консисторского указа принять не хотел. Секретарь Суслов, тут присутствовавший, увидев, какой оборот принимает дело, сказал: “Действительно, это с нашей стороны ошибка”.

Тогда митрополит принял рапорт и разрешил сергиевским по-прежнему ездить в Петербург. Ошибка секретаря состояла в том, что он к обитателям Сергиевой пустыни применил общий закон о получении билетов из Консистории на случай командировок или отпусков увольняемым из монастырей братьям и закон этот назвал высочайшим повелением.

Мирские люди завидовали тому расположению государя и государыни, которым пользовался архимандрит. Другие досадовали на его независимый характер и отсутствие всякой человекоугодливости, относя это к гордости. Один светлейший князь, правитель области, выразился в разговоре об архимандрите Игнатии, что он не желал бы служить в одном управлении с таким епископом, каков архимандрит Игнатий, а на вопрос: “Почему?”, отвечал: “Да ему на ногу не наступишь”.

Такие отношения высокопоставленных духовных и светских лиц обставивали архимандрита Игнатия часто безвыходным положением — множеством неудовольствий и неприятностей всякого рода, а он, как мужественный боец и покорный носитель ига Христова, свыкался с такой

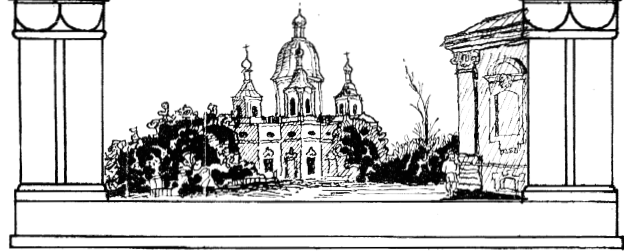
теснотой житейской и большую часть скорбей таил в себе. Под конец жизни, уже живя в Николо-Бабаевском монастыре, он открывал окружающим некоторые обстоятельства и случаи, с целью своим опытом примирить слушателя с его скорбями.

Примечания

⁶⁶ Церковь прп. Сергия — первая деревянная церковь пустыни. Освящена в 1735 г. архим. Варлаамом, несколько раз перестраивалась. При архим. Игнатии в 1854 г. архитектор А. М. Горностаев приступил к полной реконструкции храма в византийском стиле. Закрыт в 1920-е гг., сохранился в измененном виде. В настоящее время богослужения в нем возобновлены, продолжается его реставрация.

⁶⁷ Инвалидный дом графов Зубовых — построен в память Валерияна Зубова, скончавшегося в персидском походе от ран, его братьями в 1809 г. Над могилой покойного была возведена церковь мч. Валерияна с инвалидным домом на 30 человек увечных воинов. Здание уцелело в сильно переделанном виде.

⁶⁸ Троицкий соборный храм — строительство начато П. Трезини, окончено Б. Растрелли в 1760 г. Капитально перестроен при архим. Игнатии. Часть икон в храме была написана послушником Иоанном, будущим архим. Игнатием (Мальшевым), а запрестольный образ Пресвятой Троицы — академиком К. Брюлловым. Взорван в 1962 г.

Вместе с необходимыми постройками и учреждением порядков внутри обители настоятель Игнатий должен был обратить свою деятельность и на другие отрасли ее благоустройства, именно, на поземельную собственность и сельское хозяйство. По вступлении в управление монастырем он не нашел ни одного межевого знака на монастырской земле. По делопроизводству обители оказалось, что всей землей, которая была приобретена покупкой еще основателем пустыни, пользовались незаконно экономические крестьяне деревни “Подмонастырской слободы”, монастырь же имел лишь 25 $\frac{1}{2}$ десятин, занимаемых огородом и покосом, и что все хлопоты монастыря о восстановлении его прав на эту землю, несмотря на неоспоримость его документов, остались безуспешными.

В 1835 году архимандрит вошел с прошением о восстановлении на монастырской земле межевых знаков и о скорейшем разборе прав на владение землей, неправильно присвоенной крестьянами, а также о наделе монастыря лесным участком, согласно объявленному 4 июня 1835 года высочайшему повелению, в силу которого монастыри, в видах поддержания их в способах существования, должны быть наделены для устройства земледельческого хозяйства примерно от 100 до 150 десятинами земли.

Спорное с крестьянами дело о земле решено в 1836 году тем, что хотя земля признана принадлежащей монастырю, но в видах затруднения выселиться с нее крестьянам,

основавшимся на ней с 1765 года, положено, по соглашению с настоятелем, разделить землю на две части: восточную сторону, на которой стоит монастырь, по линии от севера к югу отдать ему, а западную, на которой поселились крестьяне, уступить им. Согласие на эту уступку прекрасно выражено настоятелем в письме его к бывшему статс-секретарю по принятию прошений князю Голицину:

“Ваше сиятельство, — писал архимандрит, — обычное снисхождение Ваше внушает мне смелость беспокоить Вас покорнейшею просьбою, впрочем, весьма для Вас легкою. Она состоит в следующем: наша обитель давно ведет процесс о земле по купчим, плану и межевой книге генерального межевания, ей принадлежащей, но оспариваемой казенными крестьянами, которые насильственно на ней поселились.

Министр финансов, рассмотрев дело, хотя и нашел, что земля по всей справедливости принадлежит Сергиевой пустыни, однако, затрудняясь переселением крестьян, положил землю разделить так: сторону, на которой стоит монастырь, отдать монастырю, а на коей поселились крестьяне — крестьянам. Сие мнение его поступило в Комитет министров.

Думаю, что преподобный Сергей лучше бы согласился уступить часть достояния своего, чем причинить огорчение крестьянам переселением их, чему простые сии люди не иначе повинуются, как предаваясь неутешной печали и горьким слезам. Посему и я, поверенный преподобного Сергея, как в сем деле, так и в прочих, до обители его касающихся, должен соображаться с благоутробием своего Настоятеля и решением министра финансов быть довольным. Поддержите сие решение в Комитете министров. Вот в чем состоит вся просьба к Вашему сиятельству от поверенного обители преподобного Сергея”.

Во время ведения дела о поземельном владении, настоятель положил хозяйственные начала тем, что прекратил отдачу в арендное содержание участка земли, оставшегося во владении обители, завел на ней огородничество, улучшил садоводство. Отрезанная в монастырское владение земля, с самого начала тяжбы оставшаяся без всякого возделывания,

поросла кустарником и обратилась в болото. Очистка и осушка болота была делом одного года.

Задумав обеспечить содержание монастыря введением рационального сельского хозяйства, архимандрит Игнатий просил у митрополита Серафима разрешения занять из капитала Комиссии духовных училищ 45,000 руб., с рассрочкой уплаты капитала и процентов на восемь лет. Сумма эта нужна была на заведение скотоводства, земледельческих орудий, рабочих лошадей, найма людей и другие хозяйственные нужды и постройки. По высочайшему разрешению Комиссия отпустила только 30,000 руб. и тем стеснила все планы архимандрита, который вследствие этого принужден был приступить к обработке лишь 60 десятин и предвидел большие затруднения к своевременной уплате процентов и капитала, но вклад о. Михаила Чихачева, пожертвовавшего 40,000 руб. ассигнациями в личное безотчетное распоряжение архимандрита, дал средство окончить это дело и достигнуть возможного расширения и улучшения садоводства и всего сельского хозяйства.

Огородными овощами монастырь стал пользоваться круглый год из своих огородов, ржаного хлеба нередко доставало на весь год, несмотря на значительно увеличивавшееся число братии, на огромный расход его для раздачи богомольцам в праздничные дни и на продовольствие всех монастырских рабочих; овса и сена было столько, что ежегодно продавалось на сумму от 1 до 1½ тысячи рублей. Скотоводство доставляло для братской трапезы в изобилии молочные продукты, фруктовый сад снабжал яблоками с осени до нового лета, и часто они поставлялись на трапезе и свежие, и моченые. Кроме хуторных земледельческих построек, стоивших до 20,000 руб. ассигнациями, с ригой, молотильной машиной, сараями для клевера, были сделаны и другие при обители необходимые деревянные постройки.

Улучшения и распространения хозяйства и доходы от богомольцев, во множестве стекавшихся в обитель, дали возможность содержать большее число братии, нужду в которой усиливали как сами богомольцы, так и частые назначения начальства на флотскую службу иеромонахов. Архимандрит

стал просить в 1836 году епархиальное начальство об увеличении штата монашествующих шестью иеромонахами. Святейший Синод, на усмотрение которого представлено было это дело, 23 мая 1836 года постановил следующее определение:

“Принимая в рассуждение, — писал Синод, — что Сергиева пустынь, находясь близ столицы, посещается многими богомольцами, что в ней при управлении нынешнего настоятеля нравственное состояние братии, благочестие и порядок между ними и в самом церковном служении ощутительно улучшаются, и что монашествующие ее нередко командуются во флот для морских кампаний, Святейший Синод нашел справедливым и полезным, вместо предполагаемого епархиальным начальством только увеличения в этой пустыни штата иеромонахов шестью человеками, возвести оную из второго в первый класс с присвоением ей штата людей и содержания, общего для монастырей первоклассных, и тем доставив пустыни способ приуготовлять большее число хороших монашествующих, поддержать достоинство ее во мнении народа, для богомоления туда стекающегося”.

Это постановление, которым выражается признание высшим духовным правительством современного преуспевания обители Сергиевской, было по всеподданнейшему докладу высочайше утверждено 3 июня 1836 года. Следствием этого было быстрое увеличение числа братии, дошедшего в 1837 году уже до 42 человек. Недоставало помещения для многих.

Промысл Божий явил скорую помощь: около этого времени поступил в пустыню происходивший из петербургских купцов Макаров, скончавшийся в этой пустыни схимонахом.* Он пожертвовал в пользу обители весь свой благоприобретенный капитал, составлявший 50,000 руб. ассигнациями. На эту сумму был выстроен в 1840 году внутри монастырской ограды большой деревянный, на каменном фундаменте, корпус братских келий, весьма красивый по внешности, удобный по внутреннему расположению помещений, которых было в нем устроено на 20 человек иноков.

* Имеется в виду схимонах Макарий, в миру Макарий Макаров, родной брат архим. Игнатия Мальшева — *ред.*

Круг деятельности архимандрита Игнатия расширялся поручениями духовного начальства по делам судебно-следственным. 31 января 1838 года он был командирован Синодом, по предложению обер-прокурора графа Протасова⁶⁹, для производства следствия в Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, по доносу заштатного игумена Варлаама и монаха Иосии на настоятеля того монастыря Вениамина и наместника иеромонаха Иринарха о допущенных ими беспорядках⁷⁰.

Следователь обнаружил отсутствие правильного духовного управления и руководства монашествующими, вследствие чего возникли беспорядки и пороки, как частные некоторых лиц, так и общие, объявшие всю обитель. В особенном рапорте своем по этому делу к митрополиту Серафиму архимандрит изложил свои замечания и мысли о Валаамском монастыре, подлежащие исключительно взору архипастыря.

В этом рапорте он сопоставил против всех выведенных делом обстоятельств и действий лиц учение святых отцов, наставников монашества, коим объяснялись духовные причины их виновности и те духовные меры и средства, кои следует принять к уврачеванию обнаруженных недугов и к восстановлению общего благоустройства. Он же заметил и указал в этом рапорте на одного из числа валаамской братии как способного восстановить благостояние монастыря (ныне уже умершего бывшего игумена Дамаскина⁷¹, который вполне оправдал это указание). Рапорт этот приводим во всей полноте как представляющий особый интерес по строго иноческому, взгляду на дело.⁷²

“Вашему высокопреосвященству благоугодно было поручить мне исследование смут, волнующих ныне Валаамскую обитель, и обозрение оной во всех отношениях. С благоговейным усердием приняв сие послушание и исполнив оное сообразно скудным моим силам, представил я в Консисторию при рапорте подлинные допросы следователей и показания ответчиков; и здесь имею честь изложить пред Вашим высокопреосвященством в шести статьях те мои замечания и

мысли о Валаамском монастыре, кои подлежат единственно взору архипастыря.

СТАТЬЯ 1-я

Древность Валаамского монастыря. Местоположение. Почва. Произведение царства растительного. Рыба. Климат. Строения монастырские. Средства улучшения оных. Средства содержания.

Основание Валаамского монастыря относят к веку равноапостольной княгини Ольги. В ее время, говорит предание, два греческие инока, преподобные Сергей и Герман, освятили благочестивыми подвигами пустыни Валаама. История безмолвствует о подробностях их жизни, но нетленные их мощи громко возвещают, что жизнь сия состояла из деяний, благоугодных Богу. После них Валаам был постоянным жилищем иноков.

Неоднократно мирные хижины монахов были разоряемы шведами и самые иноки предавались острию меча. Однако удобность места опять привлекала к себе любителей уединения. Здесь обучался монашеской жизни преподобный Александр Свирский, отсюда преподобный Савватий отправился к берегам Белого моря и положил основание пустынножитию на Соловецком острове.

Скалы, состоящие из дикого камня, называемого в сем месте лудою, подымаясь из глубокого Ладожского озера, образуют остров, имеющий до тридцати верст в окружности и на двадцать пять отстоящий от ближайшего берега. Местоположение острова живописное, но дикое: повсюду торчат обнаженные камни. Грунт на всем острове есть сплошной камень, на пол-аршина или и менее прикрыт землею.

Лес, состоящий наиболее из сосны и ели, не достигает надлежащего роста, напрасно корни дерева, ища большей пищи, стараются проникнуть в глубину земли: ее нет, и они принуждены тянуться и переплетаться по поверхности. Но

сей тонкий земляной слой очень плодороден: камни, испускающие из себя влагу в самую сильную и продолжительную жару, вполне предохраняют почву от засухи. Сена может быть собрано до десяти тысяч пудов. Хлеба сеется немного, но, судя по множеству удобных к пашне мест и по плодородию земли, при устройстве хозяйства Валаамский монастырь может довольствоваться своим хлебом. Равно и сенокос может быть усилен.

На скате горы близ монастыря, к полудню, очень удачно разведен фруктовый сад: деревья свободно выносят зимние морозы и дают обильный урожай: в прошлом году снято было до четырнадцати тысяч яблок. Также и огород щедро вознаграждает труды, доставляя годичный запас всякого рода овощей. Рыба не в каждое время года ловится при берегах острова, но когда ловится, то в таком количестве, что значительный запас оной солится и оставляется впрок. Во множестве ловится осенью сиг, но менее обыкновенного ладожского, и кроме домашнего употребления отправляется в Петербург, где продается под именем валаамки.

Итак, монастырь имеет следующие хозяйственные предметы свои: дрова, рыбу, сено, некоторую часть хлеба, овощи. Для строения имеет следующие материалы свои: дикий камень и бревна, кирпич при своих дровах обходится не более 12-ти рублей за тысячу, известь удобно достается водою и получается без платы с казенных мраморных ломей. Не нужен под строения бут, он здесь природный, и воздвигнутые на нем здания стоят без всякого повреждения.

Монастырь выстроен на губе Ладожского озера, на высокой обнаженной каменной скале. План его состоит из двух четверугольников, из коих один помещен во внутренности другого. По линии внутреннего четверугольника идут следующие здания: холодный собор Преображения Господня, пятиглавый, при нем колокольня с большим колоколом в 550 пудов. Под ним — церковь преподобных Сергия и Германа, где их мощи почивают под спудом в серебряной раке.

Сия церковь очень низка, но собор весьма пропорционален и великолепен: имеет внутри четыре столба, поддержи-

вающие средний купол, иконостас старинный, нижний ярус коего украшен богатыми ризами. Один недостаток, по моему мнению, в архитектуре сего храма: он донельзя испещрен разноцветною росписью, в особенности, плафон отделан в самом глубоком вкусе. На левом углу внутреннего четверугольника находится теплая церковь Успения Божией Матери, в которой зимою отправляется богослужение, по простоте своей и удобству настоящая монастырская, а на правом — небольшая церковь во имя святителя Николая.

Теплая церковь соединяется с холодным собором посредством широкой и длинной галереи, освещенной с обеих сторон окнами с прочными железными решетками. Это ризница. Посредине стоят в два ряда шкафы, отверстиями к окнам, наполненные богатыми ризами, и в значительном количестве сосудами и прочей утварью изобильно. Здесь хранится и сумма, сообразно узаконениям. При теплой церкви находятся келии пономарей, далее расположена братская трапеза, довольно просторная и без пощады расписанная, с трапезою соединяется кухня, весьма тесная.

Против собора помещены настоятельские келии, весьма тесные, низкие, неудобные. Они состоят из двух комнат, из коих одна служит спальнею, а другая приемною, в сей последней настоятель не может принять более десяти или двенадцати братьев — так она мала, хотя и вдвое более спальни. Четвероугольник оканчивается линиею, параллельной трапезе, перпендикулярной к собору и настоятельским покоем, заключающей в себе братские келии, тесные, низкие, в нижнем этаже сырые, губительные для здоровья. Сырость на Валааме резкая, испаряется из камней и, сильно проникая в тело, производит жестокие ревматизмы, коими многие из братьев страдают.

В наружном четверугольнике келии несколько лучше. В оном помещены: близ святых ворот, с одной стороны гостиница, с другой рухольная, а против собора библиотека, имеющая много редчайших отеческих книг, частью старинной печати, частью письменных, кои ныне игуменом Вениамином запечатаны. В числе прочих книг увидел я письменную свя-

того Феодора Студита — это такая редкость, которую в первом монастыре встречаю. Над воротами устроен храм во имя Петра и Павла, в симметрию оному — больничная двухэтажная церковь с приделами Живоносного Источника в нижнем и Пресвятой Троицы в верхнем этажах. Итого церквей в монастыре пять, приделов семь. Внутренний четвероугольник строен отцом игуменом Назарием, а наружный игуменами Иннокентием и Иоанном. От пристани к монастырю ведет широкая и длинная каменная лестница, устроенная игуменом Вениамином. Церкви и часть келий покрыты железом, другая же часть сих последних имеют деревянные крыши.

Климат на Валааме весьма суровый, суровость оного умножается, во-первых, ветрами с озера, свободно действующими на монастырь по его высокому и открытому положению, во-вторых, испарениями из камней, отчего осенью стоят почти непрерывные туманы, а летом в самые сильные жары нельзя доверять обманчивой благотворительности воздуха, простудные болезни очень сильно действуют на Валааме.

Существенным вознаграждением суровости климата и места, полагаю, благоразумное устройство келий. Уже и ныне некоторые из них распространены и улучшены соединением двух келий в одну. Сие средство тем удобнее, что пустых келий имеется много. Для уменьшения сырости в нижнем этаже, полагаю нужным и удобным полы приподнять и устроить слуховые окна, дабы воздух, проходя свободно в летнее время под полом, выносил гнилую сырость. Крыши, полагаю, постепенно покрывать железом, как сие уже и делается. Настоятельские покои необходимо умножить хоть одною комнатою достаточной величины для приема братии. Все сие улучшение можно произвести легко: каждый год от расхода остается до десяти тысяч рублей экономии.

Полезно было бы устроить гостиницу вне монастыря или, по крайней мере, заградить входы в нее из внутренности монастыря. Ныне она находится в ограде, останавливаются в ней посетители обою пола, что для благоустроенного монастыря неприлично и служит причиною пустых слухов и соблазнов.

Обширность острова, покрытого лесом, в коем больших плотоядных зверей нет, дальнейшее расстояние от селений, домашние вспомогательные средства к содержанию, денежный доход, простирающийся до сорока тысяч в год и возрастающий от непредвиденных случаев тысяч на десять и на двадцать, доставляют Валаамскому монастырю возможность процветать и в нравственном монашеском отношении, и по наружному устройству.

СТАТЬЯ 2-я

Бедность прибрежных финнов. Связь их с подначальными. Вред от сих последних. Средства к отвращению сего вреда.*

Берега Финляндии, приближающиеся к Валаамскому острову, представляют картины дикой природы более разительные, нежели сам Валаам. В двадцати верстах от Кексгольма начинаются обнаженные каменные горы, прерываемые озерами, и провожают путника почти до самого Сердоболя. Вы едете несколько верст, не видите даже кустарника — одни камни, свидетели бесплодия страны и бедности народной. Эта часть берега Ладожского озера, богатая камнями, очень богата и нищими.

Летом озеро покрывается челнами, несущими нищих по бурной пучине. Зимой, едва встанет лед, целые стаи спешат в монастырь, несмотря ни на дальность расстояния, ни на лютость мороза — за укрухом хлеба, в иной месяц перебивают их в монастыре до 10 тысяч. Идут и женщины с грудными младенцами, и дети, и старики увечные. Переход через озеро очень опасен для полуобнаженных бедняков, и нередко несчастные замерзают среди озера. Достигши Валаама, они рассыпаются по острову, ходят по братским келиям, по пустыням, стоящим уединенно в лесу, в скит — и таким образом безвременностию частых посещений не только нарушают спо-

* Подначальные — сосланные в монастыри духовным начальством с целью исправления — ред.

койствие иноков, но и вносят двоякого рода соблазн: соблазн деятельного греха и соблазн подозрения в грехе.

Зло сим не ограничивается: некоторые из них завели связь с подначальными и доставляют им вино. Сей промысел столь усилился, что пьянство на Валааме не есть редкость, напиток приносится в лес в условленное место, спешат с разных сторон, увлекая с собой слабоумных братьев, и предаются влечению постыдной страсти. Промысел вином столько сделался известным для прибрежных финнов, что зимою доставляется оно на лошадях, а летом на лодках.

Начальство монастырское сначала старалось принять меры к прекращению сего пагубного промысла, расставляло по берегу караул из братьев и наемных работников, кои отнимали вино у привозивших оное финнов. Финны взяли свои меры: они приезжают вооруженные, и если б кто покусился отнять вино у финна, сей хватается за ружье и стреляет. Так дважды стреляли по нарядчику монаху Пахомию, хотевшему прогнать финнов, причаливших к берегу Валаама с вином. Настоятель не имеет средств удерживать финнов, жаждущих продать, и подначальных, жаждущих купить: в монастыре Валаамском нет ни штатных служителей, ни военной команды для средств против насилия, каковые здесь необходимы.

Дабы упрочить благосостояние и тишину Валаамского монастыря в сем отношении, кажутся мне нужными и полезными следующие меры:

1. Общежительный монах не имеет не только вещественной собственности, но и воли, следовательно, по своему произволению он и милостыни подать не может и не должен, а подает оную от лица своего общежития начальник — чрез тех братьев, коим вверено сие послушание. И потому, кажется мне, для нищего гораздо удобнее, а для монастыря гораздо спокойнее, для братии душеполезнее, милостыню раздавать в Сердоболе, на имеющемся там монастырском подворье, отделяя на сие ежегодно сумму сообразно возможности и объявив о таком распоряжении чрез земскую

полицию береговым жителям. В монастыре же отнюдь ничего не давать, чем нищие скоро отучатся от опасных для себя и вредных для валаамской братии путешествий на челнах и по льду.

О сем предмете так рассуждает святой Исаак Сирианин, сей великий наставник монашествующих (Слово 13): «Если милостыня, или любовь, или милосердие, или что-либо почитаемое сделанным ради Бога препятствуют безмолвию, обращают око твое на мир, ввергают тебя в попечения, отвращают тебя от памятования о Боге, прерывают твои молитвы, вводят тебя в смущение и непостоянство помыслов, препятствуют заниматься Божественным чтением, которое есть оружие, избавляющее от парения ума, ослабляют хранение твое, делают так, что ты, прежде будучи связан, начинаешь ходить свободно и, прежде уединившись, возвращаешься в общество людей, пробуждают на тебя погребенные страсти, разрешают воздержание чувств твоих, воскрешают тебя, умершего для мира, низводят тебя от ангельского делания и поставляют тебя на стороне мирских людей, — да погибнет такая правда».

Если же поместится в общежитии брат, имеющий собственность, и захочет часть оной раздать нищим, то обязан сию часть вручить настоятелю, а отнюдь не раздавать сам, как о сем повелевают и правила святые: «Не давай, — говорит Симеон Новый Богослов, — без отца твоего по Богу милостыню от имений, которые ты принес».

2. Благосостояние монастыря еще более требует удаления из оного подначальных, которые и сами приходят в состояние отчаяния, и подают резкий пример безнравственности братьям, соблазняют их беседами злыми и ослабляют в благочестивых подвигах. Как попечения, имеющие целью милосердие, столько похвальные для человека мирского, могут быть вредными для инока уединенного, так и пример порока и беседа злая несравненно резче действуют на монаха, нежели на человека светского.

«Как сильный иней, — говорит св. Исаак в 69 слове, — покрыв едва выросшую из земли зелень, пожигает ее, так и беседа с людьми пожигает корень ума, начавший произво-

дять знак добродетелей. И если обыкновенно вредит душе беседа с людьми, в ином воздержными, а в ином имеющим только малые недостатки, то тем более вредны беседа и свидание с людьми невежественными и глупыми, не говорю уже — с мирскими». Подначальный, живя противу воли на Валааме, не перестает скучать, негодовать на продолжительность службы, на строгость устава, суровость места, износить языком разврат и кошуны, живущие в его сердце, уныние свое и расстройство переливать в душу ближнего.

Ужасным и достойным сожаления образцом отчаяния служат два подначальные иеродиакона — Иосиф и Матфей: никогда они не исповедаются, не причащаются Святых Таин, никогда, ниже в светлый праздник Пасхи, нельзя их принудить прийти в церковь, живут как чуждые Бога и веры, предаваясь гнуснейшим порокам. Лица их — подобные только случалось мне видеть между каторжными в Динабургской крепости. Прочие подначальные, может быть, в других монастырях оказали бы более плодов исправления, нежели на Валааме. В отдаленных монастырях, скудных монашествующими, могли бы они нести некоторые обязанности и принести себе и обществу хотя малую пользу.

Таковыми полагаю:

1. Иеромонаха Германа первого,
2. Иеромонаха Германа второго Черемнецкого,
3. Иеромонаха Ираклия,
4. Иеромонаха Варлаама,
5. Иеродиакона Сергия,
6. Монаха Палладия,
7. Монаха Иоакима,
8. Священника Сергия,
9. Диакона Иоанна Николаева Сергиева,
10. Диакона Тимофея Вещезерова.

Сии десять братьев служат по духу своему бременем для Валаамского монастыря, в Олонецкой же и Вологодской губерниях, в коих обители мне известны, они могут быть даже нужны и полезны. Отбытие их для Валаамского монастыря нисколько нечувствительно: в оном имеется указного братства 115 человек, кроме живущих по паспортам. Сверх того, слух

об удалении подначальных из Валаама скоро распространится по обителям российским, и многие ревнители подвижнической жизни при сей благой вести потекут в недро монастыря, славного удобностию своею к исполнению монашеских обетов. Что же касается до иеродиаконов Иосифа и Матфея, то полагаю необходимым препроводить их в такие места, где мог бы над ними быть бдительный военный караул.

Вообще Валаам, лишенный штатных служителей военной команды, отдельного приличного места для содержания людей, предавшихся буйным страстям, не может быть исправительным и ссылочным местом, и, по мнению моему, существенно нужно исходатайствовать как для сей обители, так и других благоустроенных монастырей постоянное положение, коим бы воспрещалось помещение в оную людей порочной нравственности и подначальных. Для сих последних можно определить особенные монастыри на особенных правах, по тому образцу, как было в горе Синайской.

Там, описывает святой Иоанн Лествичник в статье о покаянии, находится отдельная от прочих обитель, называемая «темница», которая, однако, подчиняется монастырю, называемому «светильник светильников». О сей же темнице говорит он в статье о послушании: «На расстоянии одного поприща от той великой обители было место, называемое неутешной темницей, где никогда не видно было ни дыма из печи, ни вина, ни еля на трапезе и где никогда ничего, кроме хлеба и малого количества огородных растений не употреблялось в пищу. В этом месте игумен заключает безвыходно тех, кто после вступления в иночество впал в какие-либо значительные грехи. Он поставил над ними наместника, мужа знаменитого, по имени Исаак, который требовал от порученных ему почти непрестанной молитвы и возделывал много деревьев, из ветвей которых они для прогнания лености плели корзины».

Подобно сему установлению горы Синайской, где и ныне показывают место темницы, кажется, можно было бы и в России некоторые монастыри предназначить для подначальных. По мнению моему, в С.-Петербургской и Новгородской епархии к сему наиболее способны монастыри древние: Кириллов большой и Иверский. Помещения в них

много, стены высокие, штатных служителей по 25 человек, Кириллов находится в уездном городе, а Иверский весьма близко к городу, почему в случае нужды оба сии монастыря могут иметь постоянно военный караул из солдат внутренней стражи, в сих городах находящейся. В Кириллове городская тюрьма помещена в монастырской стене и близ самых ворот, у коих по сей причине постоянно содержится гауптвахта.

СТАТЬЯ 3-я

Простота братии Валаамского монастыря. Люди образованные, но сомнительные в Православии ни постигнуты, ни исправлены быть не могут валаамскими старцами. О ереси на Валааме.

Рассматривая формулярные списки указной братии Валаамского монастыря, нашел я в числе 115 братьев: из духовного звания 8, всех не кончивших курса и вовсе не бывших в семинарии, кроме иеромонаха Аполлоса; из дворян — 4, знающих только читать и писать; из купцов — 4, кое-как знающих читать и пописывать. Итак, только 16 человек из таких сословий, в коих достигают значительной внешней образованности, из сих 16-ти образованный человек только один — иеромонах Аполлос, образованность прочих простирается не далее, как до знания почитать и пописывать. Прочие 99 братьев или из мещан, или крестьяне, или вольноотпущенные лакеи, имеется отставных солдат 7 человек.

Из сего можно заключить о простоте и невежестве, столько натуральных валаамским старцам. Они ревнуют по Православию, требуют для еретиков тюрьмы, цепей (так выражались игумен Варлаам и монах Иосия), сами возмущаются и возмущают образованных людей, к ним присылаемых, которые, видя их ревность, переходящую в жестокость и неистовство, соблазняются их православием. В сем фальшивом

положении находится иеромонах Аполлос и, сколько видно, находился архимандрит Платон.

Упомянутый иеромонах соблазняется небратолюбием валаамских старцев, их интригами — и по справедливости. Валаамские старцы тоже справедливо соблазняются его ученостию, некоторыми выражениями, так что из девятилетнего его пребывания на Валааме нельзя вывести решительного результата, православен ли он или нет.

И дабы разрешить сей вопрос, нужно поручить, по моему мнению, отца Аполлоса духовному лицу образованному, имеющему довольно времени для узнания его мыслей и довольно благоразумия и кротости для истребления в нем ложных понятий, если оные есть. Тетрадь монаха Порфирия на осьми листах, на которую доносители ссылаются как на собственноручное уличительное письменное доказательство ереси сочинителя, находится в оригинале при деле. В сей тетради доносители находят, что Порфирий называет таинства проформой, что, по его мнению, Моисей в Церкви чтется, а покрывало на лице его лежит, что в Церкви одна наружность, что Церковь подобна синагоге иудейской, лишенная духа.

По самой же вещи, в сей тетради находятся следующие мысли:

1. что игумен Варлаам и его партия, состоящая из семи человек, хотя и священнодействуют и приобщаются Святых Таин, но, находясь во вражде со многими лицами монастыря, занимаясь ложными доносами, священнодействуют и приобщаются в осуждение — только для одной формы;

2. что доносители хотя и занимаются чтением Св. Писания, однако духа любви, заповеданного Писанием, пребывают чужды, и потому в Церкви чтущийся Моисей для них сохраняет покров на лице своем;

3. что они, скитяне, занимаются одною наружностью и далеки от постижения сущности, или духа, религии;

4. что они, скитяне (а не Церковь), подобны синагоге иудейской, гонившей установить свою правду, в правде Божией погрешившей, Начальника жизни осудившей на смерть

и обagrившейся кровию множества святых. Когда, собрав сих старцев, показал я им тетрадь Порфирия, «вот она! — воскликнули некоторые из них, — вот она, в ней таинства названы формою, а Церковь синагогою». Не хотелось бы верить, как уверяют иные, что все эти клеветы суть следствия злобы, впрочем, отвергнув сие последнее, нельзя не признать крайней безрассудности.

В доказательство ереси архимандрита Платона приводят валаамские ревнители приезд в Валаамский монастырь крепостного человека г. Рудовицкого и тайную беседу архимандрита с сим посланным в лесу — обстоятельство, в коем сам о. Платон сознавался. Надо заметить, что о. Платон во время помещения своего в Валаамский монастырь был совершенно предан учению и лицу г. Рудовицкого, что доказывает собственный письменный его отзыв.

Уже к концу его пребывания на Валаамском острове, достиг в сию пустыню достоверный слух о варварском обращении г. Рудовицкого с его дочерями, о его неистовом и утонченном вожделении, что вполне оттолкнуло от него архимандрита, наконец, дерзкое и безумное требование г. Рудовицкого уничтожило и последнюю тень доверенности и расположения в архимандрите — требование, чтобы о. Платон признал в нем, Рудовицком, Бога.

Валаамским старцам неизвестны были сии обстоятельства. Они только знали, что приезжало на Валаам подозрительное лицо, что архимандрит имел с ним сношение. Смущение их по сему предмету почитаю довольно натуральным.

Сомнение о ереси до того распространилось в ревнителях, что они почитают еретиком всякого брата, занимающегося в келье какими бы то ни было выписками. Истец, монах Иосия, просил комиссию обыскать келию послушника Алексея Попова, который, по его мнению, есть самый злой еретик. Келья членом комиссии при депутате со стороны настоятеля обыскана: найденные в ней записки, приложенные к делу, только служат доказательством невежества и безрассудной ревности монаха Иосии.

«Блюди, — говорит Великий Варсонофий некоторому иноку, — да не покажут тебе помыслы твои комара верблюдом и камешка утесом». Сие бы можно было посоветовать и тем семи или осьми валаамским старцам, кои подозревают в ереси игумена и до шестидесяти братьев. Когда я спросил их, на чем основывают они свое подозрение, то монах Иосия отвечал: «На том, что игумен и соборные иеромонахи были ласковы к архимандриту Платону и иеромонаху Аполлосу, значит, что они и сами еретики». Вот вся ересь Валаамского монастыря. Должно было употребить довольно времени на объяснение ревнителям, что не в духе нашей Церкви еретиков жечь на кострах, томить в оковах и употреблять прочие меры, свойственные веку, лицу и религии Сикста V.

Снисходя такой простоте валаамских старцев, для прекращения и предупреждения смущений о ереси полагаю необходимым постановить следующие правила:

1. Не принимать на Валаам людей ученых, сомнительных относительно Православия, иеромонаха же Аполлоса вывести.

2. Вытребовать из библиотеки все книги, переведенные с иностранных языков, хотя бы они и пропущены были цензурою, книги же святых отцов, письменные и печатные, ныне игуменом Вениамином у братии отобранные и запечатанные, распечатать и давать для чтения братии, хотя они в цензуре и не были. Запечатаны патерики скитские, цветники и прочие книги отеческие, в пользу коих и Православии никто не сомневается.

3. Запретить настрого братии составление записок собственного сочинения, а кто имеет расположение заниматься письмом, может, по благословию настоятеля, переписывать отеческие книги, коих в печати нет, например Великого Варсонофия, святого Симеона Нового Богослова, святого Исаака Сириянина и других. Это занятие очень душеполезно как соединяющее в себе дело для ума и рук, оным занимались преподобные Афанасий Афонский, Симеон Новый Богослов и многие другие святые отцы. В наши времена

в южных российских монастырях сие рукоделие в общем употреблении, в особенности процвело оно в Молдавском Нямецком монастыре.

4. Святой Библии отнюдь не давать новоначальным, разрешая им чтение книг Нового Завета, а из книг Ветхого Завета только одной Псалтири, равно не давать новоначальным и книги Добротолюбия, как по самому назначению своему имеющей исключительную одностороннюю цель: священное трезвение и умную молитву — делания, приличные преуспевшим в монашеском подвиге, непрístupные для новоначальных, служащие для сих последних наиболее причиною прелести.

О сем так говорит святой Исаак Сирианин, сей великий наставник монахов, в 55 слове, составляющем послание его к преподобному Симеону Чудотворцу: «Уразумеем поругание бесов, жаждущих погибели святых, и да не пожелаем невовремя мысли о высоком жительстве, да не посмеяны будем от лукавого супостата нашего». Сочинения сего святого мужа исполнены подобных предохранительных советов.

СТАТЬЯ 4-я

Общежитие Валаамского монастыря. Послушания. Старцы и ученики. Самочиние. Прелесть. Церковный устав. Средства к исправлению недостатков.

Образцом общежития признается Святою Церковию первое общество верных в Иерусалиме, о коем говорит евангелист Лука в Деяниях (4; 32): *У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее.* — С сожалением видел я совсем противный сему дух в Валаамском монастыре, где согласие утрачено, где иноки боятся, подозревают, поносят друг друга. От ссор и личностей возгорелись доносы, как в этом сознались сами доносчики.

Что может быть для инока несвойственнее тяжбы, говорит святой Симеон Новый Богослов, между тем как Господь пове-

лел отдать и самую срачицу для избежания судилища! Вопиет апостол Павел к тяжущимся коринфянам: *И то уже весьма унижительно для вас, что вы имеете тяжбы между собою. Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения* (1 Кор. 6; 7). Напрасно трубят игумен Варлаам и монах Иосия, что они готовы на крест: это слова неопытности. «Не веруй, — говорит небоявленный Василий, — что в великих подвигах могут просить те, кто малодушествует в малых скорбях». Гораздо ближе раздраженное состояние духа, в коем находятся доносители, смиренно назвать искушением, сознание в этом несколько раз вырывалось у отца игумена Варлаама в его беседе со мною.

В общежитии первенствующей Иерусалимской Церкви, повествует евангелист (Деян. 4; 35), *каждому давалось, в чем кто имел нужду.* Не так думают о сем ревнители валаамские. Они, устраняя рассуждение, сию царицу добродетелей по единогласному признанию всех святых отцов, требуют буквальной безразборчивой общины, забыв, что в общежитии апостолов *давалось каждому, в чем кто имел нужду.* Сколько люди различествуют между собою крепостию телесного сложения, привычками, насажденными воспитанием, умственными способностями, столько должны различествовать и своими нуждами. О сем подробно рассуждает Василий Великий в писаниях своих и запрещает ратовать естество.

Некоторый отец называет общежитие земным раем, а добродетель — святое послушание — деревом жизни, посреди сего рая насажденным, от которого питающийся инок не умрет смертью греховною. Искусство в монашеской жизни настоятеля, способность его с терпением и кротостию носить немощи ближнего составляют необходимое условие доверия к нему братии, доверие есть условие послушания, которое без доверенности превращается в лицемерие, пред глазами человекоугодливое и льстивое, за глазами ослужное и самочинное. Искреннего послушания мало заметил я в Валаамской обители.

Вторая из важных причин сего недостатка есть неправильное понятие о старцах и учениках. Никто не противоречит приведенному игуменом Варлаамом примеру управления общежитием: он указывает на Моисея, управлявшего народом израильским при помощи семидесяти старцев. Но старцы должны быть помощниками настоятелю, а не составлять каждый отдельной партии, члены которой уже не хотят знать настоятеля и больше судьи его, нежели подчиненные. Так на Валааме ученики пустынного монаха Амфилохия (в числе коих и монах Иосия) все находятся в сильном раздражении против игумена.

Третьею, равновесною по важности своей, причиною полагаю самочиние, т. е. многие из братий живут совершенно по произволу, берутся за высокие делания и впадают или в прелесть, или в пьянство, или прочие слабости. Таковы следствия неумеренного, самочинного подвига, всегда сопряженного с высоким о себе мнением и презрением всякого совета. «Обе крайности, — говорит преподобный Моисей святым Кассиану и Герману, — равно вредят: и чрезмерный пост, и чрезмерное насыщение чрева. Ибо знаем неких, непобежденных чревобесием, но низверженных чрезмерным постом, и затем впавших в ту же страсть чревобесия по причине немощи, приходящей от чрезмерного поста».

Относительно прелести были на Валааме разительные случаи: при игумене Иннокентии некоторый самочинный подвижник, многими почитаемый за великого святого, видел различные явления якобы ангелов и угодников Божиих. Однажды после такого явления взошел он на колокольню и, когда братья выходили из трапезы, вдруг подвижник бросается с колокольни и, ударившись о помост, разбивается до смерти. Ныне не заметил я прельщенных в сильной степени, один монах Пахомий, нарядчик, показался мне сомнительным. Во-первых, заметны в нем самолюбие и гордость в сильной степени, во-вторых, рассказывает он, что чувствует в сердце сладость, в-третьих, следующее видение, о коем он мне сообщил, вполне есть видение прельщенного. О. Пахомий говорит, якобы он, стоя в церкви во время

молебна, видел игумена без лица, и некоторый невидимый дух подошел к нему, Пахомию, и приказал: когда будешь подходить ко кресту, то возьми оный из рук игуменских своими руками и приложись, а из рук игуменских не прикладывайся. Когда сие Пахомий исполнил, то явилось в нем столь сильное сладостное чувство, что если бы дух приказал ему тут же прибить игумена, то он откатал бы его немедленно. Это собственные слова Пахомия.

Относительно устава никаких важных перемен не сделано, если и сделано, то такие, кои уставом церковным предоставлены воле настоятеля. Например, жалуются на воскресные утрени, кои по зимам отправлялись вместо всенощных бдений. Устав предоставляет сие воле настоятеля, говорит: «аще настоятель изволит». Ревнителю столько увлеклись привязанностью к своему уставу, что с презрением говорят о пении Киевской Лавры, посему можно бы подумать, что валаамское пение несколько не отступает от печатных обиходов и ирмологов — и напрасно! Ропщут на то, что игумен Вениамин изменил пение, т. е. приказал неотступно держаться знаменного напева по печатным церковным книгам.

Их собственное пение валаамское есть нечто свое, есть искажение знаменного, оно слывет в южных российских общежитиях под именем самодельщины. Кто желает сподобиться слышания сей самодельщины, может пожаловать в скит, там ревнителю устава валаамского сохраняют и сию святыню во всей нерушимости: дерут отвратительно в нос без всякого согласия и чина, столько свойственных в церкви — сем земном небе. Киевская Лавра есть такая обитель, в коей церковный устав исполняется неопустительно от иоты до иоты. Устав, принятый Церковию, есть устав Лавры Саввы Освященного, а валаамский устав есть список с саровского сочинения какого-то иеромонаха Исаакия: аллилуйя двоит заодно с раскольниками, пред всенощным бдением вычитывает (канон) полунощницу, в Светлую седмицу вычитывает каноны и акафисты.

Великие российские светильники Антоний, Феодосий Печерские, Сергей Радонежский не выдумывали своих уставов!

Повинуясь сыновне Матери Церкви, с благоговением лобызали ее святой устав. Сей устав святой как подробен, как удовлетворителен! Казалось бы, нечего и прибавлять, но мы, новейших времен настоятели, скудные добродетелию и богатые напыщенностию, желая выставить свое я, хотим быть славными не пред Богом послушанием, а пред человеками своим кичащимся разумом.

В южных обителях — Площанской, Оптиной, Белых Берегах, Софрониевой, Глинской — церковный устав наблюдается с точностию, подобно Киево-Печерской Лавре. Сии обители, кроме Софрониевой, отставая средствами к содержанию от Валаама, чином церковного богослужения, чином трапезы, чином послушания далеко опередили Валаам. Вознесши свой устав превыше всего и им превознесшись выше всех, валаамцы отступили от единства церковного. Мир сей, верный признак благословения свыше, отъялся от их обители: с 1817 года ездит туда синодство за следствием по доносам или о государственных преступлениях или о пороках смраднейших.

При внимательном наблюдении ясно видно, что причиною всех доносов, всего зла на Валааме есть их устав. Если устав сей и благословлено соблюдать преосвященными митрополитами Гавриилом, Амвросием и Михаилом, то благословлено потому, что в оном избраны разные статьи из сочинений Василия Великого и других святых отцов, соображение с коими полезно, а не с тем, чтоб уничтожить устав святой Вселенской Православной Церкви и дозволить на Валааме раскол.

Для исправления сих несовместностей полагаю нужными следующие средства:

1. Отец игумен Вениамин, проведя тридцать лет в беспрестанных трудах хозяйственных, занимался возобновлением и украшением Новоезерского монастыря по поручению почтеннейшего старца архимандрита Феофана, который по подобию праведного Иова, предоставив занятие внешними предметами о. Вениамину, сам занимался непрестанно молитвами и словом Божиим.

Я был в Новоезерской обители и видел работы, произведенные о. Вениамином, из коих удивился особенно ограде. Она основана на сваях, вбитых в озеро при глубине воды, доходящей местами до трех сажен, таковых свай опущено до 20 т., по ним в два ряда идет тесаный дикий камень, и на сем цоколе возвышается прекрасная каменная ограда. Все постройки Новоезерского монастыря по ценам петербургским стоят не менее миллиона рублей.

В Валаамском монастыре устроена им от пристани к монастырю великолепная каменная лестница из целых плит дикого камня, часть келий покрыта железом и заготовлено вновь до трехсот пудов для постепенного продолжения сих работ. Устроена вновь церковь на сумму, пожертвованную купцом Набликовым, хозяйство ведется в лучшем порядке и с большею расчетливостию, нежели прежде. В пятилетие его управления монастырский капитал увеличился на сорок тысяч рублей билетами и наличными деньгами.

Соображая, с одной стороны, его хозяйственные труды и способности, с другой стороны, полагая почти невозможным, чтобы валаамская братия к нему примирилась, почитаю весьма полезным и уместным доставить ему такое настоятельское место, которое бы могло служить наградой его многих трудов и где бы способностями своими он мог быть полезнее, нежели в Валаамском монастыре, устроенном и лишь требующим некоторых поправок.

2. Хотя наместник иеромонах Иринарх по следствию и оправдался, но по причине нареkania в столь гнусном пороке он не может более оставаться в своей должности и в обители. Казначей иеромонах Иринарх, обвиненный в подобных пороках доносом при игумене Варлааме, а в сем последнем доносе монаха Иосии, оказавшийся первым и единственным сообщником сего последнего, должен быть также лишен своей должности и выведен из монастыря. При увольнении из числа братства Валаамской обители как наместника, так и казначея, полагаю непременно нужным постановление, чтобы и впредь никогда не принимать их в монастырь сей. При том нужно повторить строгое запрещение

нанимать мальчиков финнов в работники Валаамского монастыря.

3. Заштатного игумена Варлаама полагаю непременно вывести из обители, как потому, что он в бумагах своих был дерзок в выражениях о начальстве, так и потому, что он уже не может быть спокоен в Валаамской обители и не вмешиваться, как сам сознается, в управление, к которому совершенно не способен, что доказано опытом. В подобных обстоятельствах был игумен Назарий, возобновитель Валаамского монастыря: живя уже на покое, он не мог не входить в дела управления монастырем, и епархиальное начальство нашлось принужденным вывести его из Валаама. Принимая в уважение старость о. Варлаама и то, что во всем деле он только орудие для других, полагаю, переместить его в Оптин скит Калужской епархии с тем, чтобы Калужское епархиальное начальство поручило живущему там иеросхимонаху Леониду обратить особенное внимание на его душевное устройство. Игумен Варлаам сознавался мне, что он чувствовал много пользы от советов упомянутого иеросхимонаха. Оптин скит есть прекраснейшее место, яко рай земный. Показав столько отваги на диких скалах валаамских, старец успокоится и по душе и по телу в климате более нежном. Хотя он и сбирался храбро на крест, но желательно, чтобы и сию легкую исправительную, вполне снисходительную меру перенес, не предавшись малодушию. Мера сия необходима: его ревность доходила до буйства.

4. Иеромонах Амвросий, монахи Иосия, Пахомий и Амфилохий должны быть выведены из Валаамского монастыря, и поелику они люди трезвые, то с пользою могут быть употреблены для белорусских монастырей в разные должности, могущие доставить пищу деятельности и некоторую рассеянность, которая в особенности двум последним нужна для истребления признаков пустосвятства.

5. Иеромонаха Арсения, на коего падает подозрение в искании игуменства валаамского, полагаю сообразно его прошению уволить из монастыря.

6. Для прекращения самочиния и неповиновения, для предохранения по возможности от прелести, наилучшим средством нахожу учредить, как и в Нямецком монастыре учредил знаменитый Паисий, от 4-х до 6-ти духовников и им вручить всех новоначальных. Духовники сии должны быть в духовном союзе с настоятелем и в полном у него повиновении, тогда точно они будут некоторое подобие семидесяти старцев, помощников Моисея в руководстве Израиля к земле обетованной.

Способными к сей должности полагаю: Дамаскина, скитоначальника, который один показался мне довольно искусным монахом во всем Валааме, и доколе не сформируются способные к сему люди, по настоящей нужде — иеромонахов Дионисия и Варсонофия и монаха Афанасия пустынника. Сим учреждением уничтожатся партии, водворится единение, и вся братия будут иметь духовное наставление по заповеданию святых отцов.

Прочим же братьям настрого запретить самочинное наставление ближнего, в числе прочих и старцу монаху Антонию, в коем прелести я не вижу, а учение его признаю слишком возвышенным и потому вредным для новоначальных, долженствующих деянием входить в видение. Полагаю полезным не допускать деланий резко отличительных, например, совершенного молчания, как сие на Валааме водится.

«Находясь среди братии, — говорит прп. Иоанн Лествичник, — внимай себе и отнюдь не старайся ни в чем показаться праведнее других. Ибо иначе ты соделаешь два зла: братию соблазнишь лицемерным твоим благочестием, и себе дашь повод к высокоумию. Будь добр и ревностен в душе, нисколько не выказывая сего ни внешним обращением, ни видом, ни словом, ни знаком». Святые отцы советуют благовременное молчание, и сами старались хранить оное, полное же и всегдашнее молчание сохраняли только те угодники Божии, кои от множества благодати были в непрестанном ужасе. «Совершенство безмолвия, — говорит св. Исаак, — есть молчание о всем». Так замолчал Великий Варсонофий,

имевший дар пророчества и дар чудес, молчание человека страстного весьма подозрительно в шарлатанстве.

7. Нахожу необходимо нужным, чтоб вся братия занимались посильными трудами и избегали всячески праздности, матери пороков. Одаренные здоровьем могут трудиться в кухне, при погребе, в столярне, в хлебне, в просфорне, в прачечной и в прочих подобных послушаниях.

Слабого здоровья люди могут иметь келейное рукоделие, как-то: шить белье, клобуки, камилавки, вязать сети для рыбной ловли, готовить серные спички, резать ложки, писать по уставу, писать иконы и прочее тому подобное. По сей части заметил я упущение — многие здоровые люди перстом не хотят ни к чему прикоснуться, требуют даже, чтобы работник принес дров к печке, извиняются приверженностью своею к безмолвию и умному деланию, а к вечеру странно видеть сего умного делателя в нетрезвом состоянии.

8. Полагаю существенно полезным учредить послушание вратаря, который был в общежитиях св. Иоанна Лествичника на горе Синайской, св. Серида близ Газы, в Киевской Лавре при преподобном Феодосии Печерском, а ныне имеется в Белобережной пустыни. Его обязанность не пускать безвременно братию за ворота для прогулки и для посещения гостиницы. Инок, желающий посетить кого в гостинице или выйти прогуляться, должен получить на то позволение настоятеля или благочинного, а без сего позволения вратарь из монастыря не выпустит, чем предупреждается много зла.

9. Для успокоения обители необходимо вышеупомянутый устав, сей кодекс аристократии и источник ссор в Валаамском монастыре, отобрать в архив Консistorии, предоставив руководствоваться уставом великого во святых Саввы, принятым всею Церковию, в нравственном же отношении руководствоваться отеческими книгами.

10. Наконец, полагаю монаха Порфирия за его упорство и безвременное учительство, коим он многих соблазнил, переместить в Старо-Ладожский монастырь по настоящей

нужде сего монастыря в братии, поведения он трезвого и скромного.

СТАТЬЯ 5-я

Скит

В трех верстах от монастыря имеется скит с церковью⁷³, окруженную келиями, отстоящими одна от другой и от церкви на вержение камня. Келии в скиту необыкновенно худы и нездоровы, ни в одном российском монастыре подобных я не видал: пол на земле, до окон стены сложены из дикого камня, отчего необыкновенная убийственная сырость. Полагаю непременно должным и весьма дешевым перестроить их по образцу келий Оптинского скита, т. е. на имеющемся уже каменном фундаменте надстроить деревянные и расположить так, чтобы каждый флигель имел две или три келии для двух или трех братьев, а одному не позволять жить, разве пришедшему в значительные лета и в особенный духовный успех.

Египетского Скита великие отцы, особенно любившие безмолвие, как-то: Арсений, Даниил, имели при себе учеников. Св. Иоанн Лествичник, живя в пустыни, имел ученика Моисея и во второй степени книги «Лествицы» написал: «Жительство монашеское разделяется на три вида: отшельничество, безмолвие с одним или, по большей мере, с двумя подвижниками и общежитие, требующее терпеливого пребывания друг с другом. *Не уклонись*, — говорит Екклесиаст, — *ни направо, ни налево* (Прит. 4; 27), но иди царским путем. Средний из этих образов жизни многим был приличен. *Горе одному*, — восклицает тот же Екклесиаст, — *ибо когда впадет он в уныние, или сон, или лень, или отчаяние, то нет человека, который может его воздвигнуть. А где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них*, — сказал Господь» (Мф. 18; 20). В скиту совершается неусыпаемое чтение Псалтири с поминовением усопших братий и благодетелей обители.

На Валаамском острове имеются пустынники, живущие каждый отдельно в хижине, построенной в лесу. Устройство пустынных хижин, по моему мнению, должно быть также улучшено, и самое жительство пустынников приведено под правила Святой Церкви. Как в общежитии Валаама господствует дух самочиния, так и в скиту и в пустынях они не хотят следовать правилам святых отцов и уставляют везде свои.

Это кажется причиною того, что во всем монастыре едва обретается один инок, имеющий несколько искусства. А между пустынниками ни одного нет искусного, т. е. такого, который бы имел надлежащие понятия о страстях, о брани с помыслами, о искушениях душевных и телесных, о умном и сердечном делании.

Иннокентий, ученик преподобного Нила Сорского, путешествовавший со своим старцем в Палестину и Святую Афонскую гору, заставший в сей горе учеников великого наставника монахов святого Григория Синаита и обучившийся там систематически монашеской жизни, что доказывается писаниями и его и святого Нила, возвратившись в Россию, жалуется на тогдашних пустынников, совершенно схожих с пустынниками валаамскими.

«Святые отцы, — говорит он, — только на три чина разделяют все монашеское жительство:

1. общежитие,

2. царским, или средним путем, называют они жительство вдвоем или троим, когда подвижники вместе приобретают необходимое, имеют общую пищу и одеяние, общий труд и рукоделие и всякую заботу о жизни, над всем же должно стоять отсечение своей воли, повиновение друг другу в страхе Божиим и любви,

3. уединенное отшельничество, которое есть дело совершенных и святых мужей.

Ныне же некии, не внимая силе Св. Писания, изобрели для себя четвертый чин жития — не по воле и не по преданию св. отцов: строят кельи кто где хочет, далеко или

близко, живут уединенно, каждый предпочитает свою волю и стремится к стяжанию и попечениям. И по такому своему чину и жительству уподобляются отшельникам; по определению же святых отцов и их страшному запрещению всем недугующим душевными страстями дерзать в отшельничестве единоборствовать с бесами, они подобны самочинникам и претыкающимся по своему своеволию, ибо сами себе выдумали житие, сами на нем и претыкаются, не в силах мирно и постоянно его проводить».

Тот же, кто внимательно исследует книгу святого Григория Синаита, найдет, что там называется самочинным единоборством не что иное, как такое уединенное и независимое житие. Особенно же жизнеописатель сего святого показывает, что никому из своих учеников он не позволил одному жить в келье, ни вблизи, ни на более далеком расстоянии, но, соединив в трех лаврах и двух башнях множество старых и юных иноков, предал им чин отсечения своей воли и послушания.

И сам сей блаженный старец, изрекая многие и страшные слова против желающих жить уединенно, но еще пребывающих в страстях, и великую похвалу царскому пути, говорит: «Сей чин и устав принят во Святой горе Афонской, где и доньше сами древние и новые постройки келий всем показывают как живой образ царского пути, ибо все кельи с церковью или каливы без церкви вмещают двух или трех человек, а не одного».

Некоторые валаамские пустынники, к коим можно с сожалением приложить слова св. Григория Синаита: «только по причине возраста и бесполезного жительства в пустыне и сладостном безмолвии возомнили, что они нечто», приводят в свое оправдание следующее: дальше от людей, дальше от греха.

Сим и во времена Иннокентия оправдывались самочинники: «На это таковые говорят, — пишет сей старец, — да не прогневаю брата, да не прогневаюсь на него, живя один, уклонюсь от осуждения и празднословия. Не ведаешь ли, друг, что то, что ты сказал и подобное этому, более смиряет и посрамляет человека, а не возвышает его; как

сказали отцы: юности полезно падать. Тщеславие же, мнение и лукавство, и тому подобное более надмевают и питают гордость. Поэтому лучше, живя с братом, познавать свою немощь и меру и, за это себя зазирая, молиться, каюсь пред Господом, и очищаться вседневной благодатию Христовой, нежели, нося в себе тщеславие, мнение и лукавство, прикрывать их и питать уединенным житием; по причине их, как повелевает Лествичник со всеми великими отцами, не следует к безмолвию уединенному стремиться.

И самое сие уединенное житие обычно немалый вред причиняет страстному. «Ибо безмолвие, — сказал Варсонофий Великий, — может служить причиной высокоумия; если же и самые страсти душевные принуждают его к безмолвию, то какая есть надежда дерзать на таковое единоборство, не повинаясь учению святых отцов о том, что царский путь — безмолвствовать вдвоем или втроем».

Надо заметить, что старец Иннокентий жил в тот век, в который дух самочиния и грубости созрел в России и готовился выразиться в нелепостях раскола. Вред от такого самочинного, противного учению святых отцов, жительства обнаружен был в Валаамском монастыре многими несчастными опытами, из коих довольно упомянуть о двух, случившихся после 1825 года.

Был пустынный Порфирий, живший, как и прочие валаамские пустынники, самочинно, занимался умною молитвою и пришел в высокое о себе мнение, якобы он свят. Однажды осенью, посетив скитских старцев, хотел возвратиться в свою пустыню и сказал старцам: пойду чрез озеро. Они не советовали ему пускаться по озеру, которое только лишь встало, но он отвечал: «А как же древние святые отцы ходили по водам, ведь и я уже легок стал». Сколько ни уговаривали его старцы, он не хотел послушаться. Спустился на озеро, сделал несколько шагов, лед под ним подломился, и он потонул, прежде нежели могли подать ему руку помощи.

Другой старец Серафим хотел устроить себе келию непременно в скале, в таком месте, где озеро имеет до двадцати сажен глубины, упал в пропасть, и тело его едва могли отыскать для погребения.

Святой Кассиан Римлянин в слове о осьми страстных помыслах говорит следующее: «Последующим Божественному закону подобает всеми силами подвизаться против духа гнева и против скрывающегося внутри нас недуга, а не от людей, пребывающих в ярости, уходить в пустыню и уединение, так как там нет подвигающего нас на гнев и так как в уединении удобнее исправлять добродетель долготерпения. Ибо хотим отойти от братии вследствие гордости и нежелания себя укорять и видеть причину своего смущения в нерадении. До тех пор, пока причину нашей немощи мы приписываем другим, невозможно нам достигнуть совершенства долготерпения.

Ибо начало нашего исправления и мира происходит не от долготерпения ближнего по отношению к нам, но от нашего терпения по отношению к нему. Когда же мы, удаляясь от подвига долготерпения, отходим в пустыню и уединение, то несем туда страсти не уврачеванные. Ибо пустыня и отшельничество, если человек не избавился от страстей, знают не только, как хранить их, но и как их прикрывать, и попускают то, чтобы человек не ощущал их в себе, и не понимал, какой страстью побеждается.

Напротив, она подбрасывает таковым мечтание добродетели и уверяет их, будто они достигли долготерпения и смирения, пока нет раздражающего их. Когда же будет некая причина, подвигающая и внезапно возбуждающая скрытые, прежде затаившиеся страсти, они, как необузданные кони, выскочат из своей упряжки и, напившись в долгом безмолвии и праздности, более яростно и свирепо повлекут своего всадника к гибели. Ибо сильно в нас свирепеют страсти, не обученные от людей».

Сие можно видеть на самочинных валаамских пустынниках, из коих большая часть необузданной вспыльчивости. Упомянутый уже иеромонах Амвросий-пещерник пришел однажды в такое неистовство во время настоятельства о. Варлаама, что при всей братии в трапезе, весь дрожа от ярости, кричал игумену: мы думали о тебе, что ты блажен муж,

а теперь видим, что в тебе вскую шаташася языцы; свиней бы тебе пасти, а не людей, и прочие подобные нелепости.

С сожалением обнаруживаю событие сие, дабы обстоятельства Валаама были ясны, и должен заметить, что оно есть одно из самых легких. Странное, достойное слез зрелище: постник, пустынный, пещерник, затворник, старец предается гневу до исступления. Но вникнув в учение св. отцов, найдешь сие естественным. «Присмотримся, — говорит св. Иоанн Лествичник (степень 8), — и увидим, что многие гневливые усердно упражняются во бдении, пощении и безмолвии, ибо у беса такое намерение, чтобы вещество, питающее страсть, представить причиной покаяния и плача». Сей святой Иоанн советовал некоторым безмолвникам, как сам пишет, из уединения выйти в общежитие, дабы им не претвориться из людей в бесов.

Причина всех таковых несообразностей на Валааме есть отступление от пути отцов святых и самочиние. «Я, — говорит св. Авва Дорофей, — не знаю иной причины падения монаха, кроме того, что он верит своему сердцу. Некоторые говорят: от того падает человек или от другого. Я же, как уже сказал, иной причины падения не знаю, как только от этого. Видел ли ты падшего? Знай, что он последовал себе, ибо нет ничего более тяжкого, как последовать себе, нет и ничего более губительного».

По сим причинам полагаю дозволить, как и прежде, пустынножитие на Валааме, но с тем, чтобы старцы безмолвствовали вдвоем или втроем, а отнюдь не в одиночестве. Отшельничество же дозволить только совершенному в монашеской жизни, помня то, что способного к отшельничеству и в древние времена история церковная представляет весьма редко, а погибших на сем возвышеннейшем пути самочинников весьма часто, как и св. Иоанн Лествичник замечает (Слово 27): «Редки такие люди, которые в совершенстве изучили бы мирскую премудрость. Я же говорю, что еще меньше таких, которые знают истинное любомудрие безмолвия. Тот, кто Бога истинно не знает, неспособен к безмолвию и, пребывая в нем, подвергает себя многим бедствиям. Безмолвие погубляет неискусных».

Св. Исаак так говорит об отшельничестве Великого Василия и Григория Богослова: «Блаженный Василий и блаженный Григорий пришли к безмолвию не когда были свободны от делания заповедей, но прежде пожили мирно и, соблюдая заповеди, которые подобает соблюдать живущим со многими людьми, достигли чистоты души и сподобились видения духовного. Я истинно верю, что, когда они жили в городах, то принимали странников, посещали больных, одевали нагих, трудящимся умывали ноги, и если кто принуждал их идти с ним одно поприще, шли два.

И когда сохранили заповеди, которые должно соблюдать пребывающим среди людей, ум их начал ощущать неподвижность и Божественные, таинственные видения; и тогда они поспешили отойти в безмолвие пустыни и с тех пор претерпели, пребывая во внутреннем своем человеке, чтобы обрести духовное зрение, и пребыли в видении духовном, до тех пор пока не были призваны благодатью в пастыри Церкви Христовой». Надо заметить, что св. Исаак был и сам отшельник.

«Да идет в пустыню, — говорит св. Кассиан, — только совершенный и очищенный от всякой страсти. Только тот, кто до конца пожил в общежитии среди братии, истощив и отвергнув все свои неправды, может идти в пустыню, не от малодушия убегая туда, но ради стяжания Божественного зрения, желая совершенного и светлого видения Господа Бога. Ибо это в уединении доступно только совершенным. Если же инок занесет с собою в пустыню страсти, то всякая страсть только скроется в нем, но не будет истреблена. Ибо пустыня открывает вход к веселью и теплоте, и видению светлых Ангелов только исправленным в своем житии, а во всех тех, кто не исправлен в житии, не просто сохраняет злобу, но превращает ее в более лютую».

Знаменитый в отшельниках Онуфрий Великий сперва жил в одном из общежительных египетских монастырей и, будучи уже 60-ти лет, сподобившись видения Божественного света, удалился в пустыню. Святой Петр Афонский уже имел дар чудотворения, призванный Промыслом, уединился на горе Афонской в пещере отшельнической. Св. Арсений

Великий, хотя и поставлен был в монашескую жизнь Божественным гласом, однако вступил в послушание к преподобному Иоанну Колову наставляться его учением, и когда сей, пишется в скитском патерике, подробно познакомил его с монашеским художеством, тогда благословил жить в особенной хижине. Хотя случались весьма редкие примеры, что прямо из мира некоторые переходили к пустынному отшельничеству, как например Мария Египетская, однако сии исключения не уничтожают общего правила. «Чин действий Промысла, — говорит св. Исаак, — отличается от обыкновенного чина человеческого. Ты же держись общего чина. Если предварит в тебе благодать, то сие — ее дело; если же нет, то путем, обычным для всех людей, постепенно восходи на вершину духовной башни».

Остается мне заключить сие замечание повторением прежде сказанного, именно: что корень всех смут на Валааме есть их устав, коим воспитывается в братстве валаамском дух своеволия, самочиния, грубой гордости, раскола. Их настоятель есть вместе и их подчиненный, каждый ему кланяется и каждый указывает, будучи к сему допущен уставом. Хотя устав сей и подписан тремя митрополитами, но плоды оно заставляют говорить против него с правдивою ревностью: он есть произведение людей, коих святость ничем не доказана.

Устав общежития есть сочинение иеромонаха Исаакия, устав скита и пустынь есть сочинение игумена Валаамского монастыря Иннокентия. Если же оный будет сохраняться в Валаамской обители, то никогда нельзя в ней ожидать ни спокойствия, ни устройства нравственного, ни успехов в монашеском жительстве. Повергая сии замечания на благорассмотрение Вашего высокопреосвященства, имею честь представить устав Валаамского монастыря в подлиннике”.

Возвращаемся к поведению:

В этом же 1838 году, 18 апреля, архимандрит Игнатий был награжден орденом св. Анны 2-й степени, а 22 июня

назначен благочинным всех монастырей С.-Петербургской епархии, которую должность исполнял до самого дня выбытия из Сергиевой пустыни.

В следующем 1839 году, мая 24-го, опять по предложению обер-прокурора, по постановлению Синода, архимандрит Игнатий был назначен депутатом с духовной стороны к следствию, производимому по предложению министра внутренних дел членом Совета министерства, действительным статским советником Коптевым об убийстве архимандрита Парфения, настоятеля Моденского монастыря Новгородской епархии.

По этому поручению, сделанному через два года после совершившегося преступления, уже после двух произведенных следствий, не только не открывших виновников, но неправильными действиями затруднивших открыть их, непосредственными действиями и распоряжениями архимандрита Игнатия открыты как виновные в убийстве, так и виновные в сокрытии следов преступления при первых действиях следователей. Дело это решено судебным производством 28 мая 1845 года. В апреле этого года архимандрит Игнатий награжден императорской короной на орден св. Анны 2-ой степени.

Возрождение пустыни не могло не радовать благочестивых поклонников, число которых особенно стало возрастать с 1840 года. Многие из жителей петербургских стали погребать в недрах обители своих усопших родственников и, вследствие этих близких для сердца их залогов, приносили ей, кроме денежных, разные пожертвования ценными церковными и ризничными вещами. Время от времени появлялись и такие благотворители из знатных и богатых людей, которые на собственное иждивение воздвигали в обители новые храмы, превосходные по великолепию и изяществу.

В 1843 году князь М. В. Кочубей начал строить церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Основание ее положено вблизи разобранный для того башни, занимавшей юго-восточный угол монастырской ограды. Под всей церковью

устроен обширный, хорошо освещенный склеп, в передней части которого предано земле тело супруги князя Кочубея, рожденной княжны Барятинской. Ход в склеп устроен во внутренности церкви, спуском под солею, которая по этой причине вместе со всей алтарной частью поднимается очень высоко над остальным уровнем церковного пола.

Эта церковь довольно значительного размера, нормандского стиля, богато отделанная снаружи и внутри, окончательно отстроена и освящена в 1863 году. Сумма, израсходованная на нее, как сказывают, доходит до весьма значительной цифры 250, 000 руб., она строилась без всякого участия в распоряжениях со стороны монастыря.

Давно нуждалась обитель в пространной зимней церкви, так как прежняя была слишком мала для вмещения всего числа богомольцев, стекавшихся в обитель на богослужения, особенно в дни Великого поста, но для постройки такой церкви обитель не имела достаточно собственных средств. На это важное для пустыни дело первая подала руку помощи княгиня З. И. Юсупова, пожертвовавшая на постройку 40,000 руб. С этой суммой приступлено было к делу. В 1844 году разобрана была до основания церковь преподобного Сергия, выстроенная на средства Сергиевой Лавры и существовавшая около 100 лет.

На месте ее был заложен новый двухэтажный храм, почти втрое большими размерами против прежнего; в нижнем этаже его предполагалось устроить два небольшие придела церкви и усыпальницы для погребения усопших, в верхнем — теплую церковь во имя преподобного Сергия. Но так как для построения всего храма сумма, пожертвованная княгиней Юсуповой, была недостаточна, то архимандрит Игнатий обратился к знакомым ему благодетелям обители и получил от них значительные пожертвования деньгами и строительным материалом. Чтобы сократить расход сумм, какой требовался для осуществления всего проекта строящегося храма, принимались всевозможные экономические способы: кирпич выделывался на собственном монастырском заводе, так как на монастырской земле была найдена очень хорошая глина.

Кроме того, иеромонах Игнатий, нынешний архимандрит, настоятель этой пустыни, под надзором которого производилась постройка, в ближайших окрестностях монастыря нашел превосходного качества гранит, послуживший в значительных размерах, по количеству и величине изделий, к украшению сооружаемого храма. При знании строительного дела как самим настоятелем, инженером по образованию, так и по практической опытности наблюдавшего за работами, при благоразумно принятых ими экономических мерах, нисколько не изменяя полноты проекта, расход исчисленных по смете сумм был сокращен наполовину. Постройка была завершена, был приготовлен изящный мраморный иконостас, но весь храм окончательно отделан и освящен уже при нынешнем настоятеле.

В 1855 году положено было основание еще одной церкви — во имя святого Григория Богослова, у северо-восточного угла монастырской ограды. Небольшая одноглавая византийского стиля церковь эта весьма изящна по внешней и внутренней отделке. Между прочими ценными материалами, употребленными на внутреннюю отделку, пошло немало мрамора, из которого сделан помост церковный. Стоимость этого храма, строившегося под непосредственным распоряжением архитекторов или подряжаемыми мастерами и рабочими ими же заготовленными материалами, простирается до 75, 000 руб. Он освящен в 1857 году и воздвигнут над прахом генерал-лейтенанта графа Кушелева иждивением супруги его. К числу возобновленных зданий относятся и две часовни, находящиеся при въезде в монастырь у Петербургской шоссеиной дороги.

При возобновлении и сооружении храмов архимандрит Игнатий озаботился и о приобретении приличной их благолепию церковной утвари, священнослужительских облачений и других церковных принадлежностей. В его время ризница обогатилась многими драгоценными вещами, приобретенными частью на монастырскую сумму, частью от благотворителей: образа, кресты, сосуды, евангелия, митры, одежды

и разные другие предметы в золоте, в серебре и в драгоценных камнях, стоящих многих тысяч рублей. На постройку и исправление различных зданий церковных, жилых и хозяйственных, а также на обработку земли и сельскохозяйственное обзаведение за все время управления монастырем архимандрита Игнатия Брянчанинова (23 года 10 месяцев) употреблено всей суммы до 420,000 рублей.

Возвращаюсь к поведению: В Великий пост 1839 года Андрей Николаевич Муравьев⁷⁴, служивший тогда в Синоде за обер-прокурорским столом, приехав к архимандриту в пустынь, известил его, что французский посланник при Русском дворе Барант желает быть в наступающее воскресенье в монастыре и присутствовать при богослужении. Муравьев просил архимандрита принять его с возможной приветливостью и даже показать ему, ознакомить его с внешним строем православно-монастырского быта. В этих видах был нарочно приготовлен на братской общей трапезе обед, хотя без рыбы, но такой, чтоб иностранный гость не затруднился принять в нем участие.

В воскресенье жданный гость приехал с сыном своим и двумя другими спутниками из лиц, состоявших в посольстве. Их сопровождал Муравьев. Все иностранцы стояли во время богослужения благоговейно, после литургии прошли в келии настоятеля, где посланник расспрашивал архимандрита об истории монастыря, о его уставе, о некоторых обрядах при священнодействии в литургии, причем с свободой выразил свое мнение, что наша Церковь ближе к древней, чем римско-католическая.

Приглашенный к обеду, Барант последовал за настоятелем в трапезу, где по обычной молитве сел и он за общим братским столом на предложенное ему место по правую руку архимандрита, кушал охотно и, когда встали из-за стола, после затрапезной молитвы, весьма благоговейно поклонился братии, благодарил в самых теплых выражениях настоятеля за радушный прием и отбыл из монастыря, весьма довольный всем, что видел и слышал. В высшем

столичном обществе повторялись отзывы Баранта о стройном пении сергиевских монахов и о благоустройстве монастыря вообще.

Почти через год, в рождественские праздничные дни, архимандрит с Чихачевым был в доме Т. Б. Потемкиной⁷⁵, где встретили и супругу посланника Баранта, которая пригласила их к себе обедать на 6-е января. В сам день Богоявления съехались приглашенные к этому обеду: архимандрит Игнатий с Чихачевым, А. П. и Т. Б. Потемкины, Тургенев, А. Н. Муравьев и готовившийся в аббаты француз, бывший домашним учителем в доме Закревского. Сначала разговор коснулся французской книги, которую очень одобряла супруга посланника и спрашивала о ней мнение архимандрита Игнатия, очевидно с желанием слышать одобрение и похвалу книге, но архимандрит, сказав свой взгляд, сумел остаться при своем, высказанном им, мнении. Готовившийся в аббаты начал с разгорячением говорить о религии, сопоставляя разности исповедания греческой и римской Церквей.

Архимандрит, сказав аббату, что он приглашен сюда не для богословского спора, добавил: “Впрочем, чтоб вести такой спор необходимо, чтобы обе стороны знали оружия своих противников — те основания, на которых предпринимаемый спор должен быть законно веден, а потому позвольте Вас спросить, господин аббат, читали ли Вы такие-то и такие книги св. отцов Вселенской Церкви?” И на ответ аббата, что он их не читал, архимандрит Игнатий заметил, что, следовательно, об этом предмете и речи быть не может, потому что они друг другу верить не будут, а основания у них совершенно разные. И разговор о религии сам собой прервался, а архимандрит Игнатий прочитал Баранту (переводя из книги) отрывок из жизнеописания Георгия, затворника Задонского⁷⁶, в чем ему помогал Тургенев.

Барант отозвался, что тут видна истинно святая простота, без всякой примеси. Этим кончилась беседа и трапеза, и званые разъехались по домам. Через несколько времени

в Великий пост был вызван архимандрит Игнатий к митрополиту, где при собрании всех членов Синода и обер-прокурора ему объявлено было именное высочайшее повеление, коим ему воспрещался выезд из монастыря впредь до разрешения государя.

Государю было доложено, что на обеде у Баранта архимандрит вступил в спор с аббатом о религии и оборвался, а потому с позором для Церкви и ее российских представителей должен был прекратить разговор. Торжественность обстановки была так внимательно соображена, что даже не был забыт доктор, которого пригласили на случай необходимости подания помощи медицинской, если наказание по рассчитанному эффекту. Но доктор не понадобился в этот момент, архимандрит привез в пустыню сердце, поврежденное ударом нервным, началом аневризма сердца, которым впоследствии окончилась его жизнь. Он слег и несколько недель не мог выходить из кельи.

Говорят, что причиной этого высочайшего повеления было то, что императорский Российский двор был не в ладах с двором Французским, но в сущности тут были совсем другие причины. Нельзя не предположить, что государь лично гневался на архимандрита и что, заметив это, обер-прокурор воспользовался этим настроением императора, чтобы сокрушить архимандрита.

Около этого времени, т.е. в конце 1839 года, знаменитая красавица того времени, фрейлина большого двора В. Нелидова, обратила на себя внимание государя. В начале января 1840 года, приехав в Сергиеву пустыню, она открылась об этом архимандриту и спрашивала у него как бы успокоения своей совести по отношению к ожидающему ее падению, оправдывая таковое величием того лица, которое участвует в ее грехе, влечет ее к нему, причем сообщила, что духовник государя В. Б. Бажанов уверял ее, что в этом нет ничего особенно грешного, и оставила архимандрита весьма недовольная тем, что архимандрит, напротив того, Словом Божиим доказал ей, что высота внешнего положения человека, впавшего в грех этот, усиливает тяжесть

греха, а никак не оправдывает ни ту, ни другую из согрешающих сторон.

С другой стороны, в таком исходе Барантовского обеда немаловажное значение имела перемена отношений обер-прокурора графа Протасова к архимандриту. Протасов в начале своего обер-прокурорства был очень расположен к архимандриту Игнатию. Он знал его еще юношей, был очень хорошего мнения о его образовании и духовной учености, соединенной с опытом жизни, и имел даже мысль сделать его ректором С.-Петербургской Духовной академии, но этому воспротивился митрополит Филарет Московский.

Однажды в откровенном разговоре архимандрит Игнатий выразил графу свою скорбь, что в Синоде развито взяточничество, развита симония, так что всякое дело, чтоб шло успешно, непременно должно быть оплачено. Граф вспыхнул, потребовал доказательств. Архимандрит не остановился привести их. Затем один из учеников архимандрита Игнатия, движимый завистью, донес Протасову, что архимандрит намерен гласно обличить его, Протасова, в превышении и злоупотреблении своей властью, тот поверил, и завязались надолго неприязненные отношения между тем и другим.

Когда шла речь о назначении на Варшавскую епархию епископа, который бы соответствовал требованиям этой страны, то государь сказал графу, что у него есть человек на это место, и указал на архимандрита Игнатия. Протасов ответил, что он молод еще, между тем, стал действовать решительно и сумел отклонить это назначение. Обстоятельство разговоров за обедом у Баранта докладывал он не по постановлению Синода, которому передал только высочайшее повеление к исполнению.

Нельзя не верить молве, что впоследствии состоявшееся постановление Синода о том, чтобы не возводить в сан епископа лиц, не кончивших курса наук в одной из Духовных академий, имело исключительной целью заградить эту дорогу архимандриту Игнатию.

В то же лето необходимость заставила митрополита спросить у государя, можно ли архимандриту Игнатию

выезжать из монастыря своего для объезда монастырей епархии по его должности благочинного. Государь ответил, что он ему не запрещает бывать везде, когда того требует нужда или обязанности, лежащие на нем по его служебной деятельности. С тех пор архимандрит стал пользоваться прежним правом выезда из монастыря. Но так как это разрешение было дано и объявлено на словах, а воспрещение существовало на бумаге и в форме высочайшего повеления, то недоброжелатели приберегали этот документ и не преминули воспользоваться им при удобном случае, который вскоре и представился.

По смерти митрополита Серафима его место заступил митрополит Антоний⁷⁷. Ему показали эту бумагу и уверили, что она имеет ту же первоначальную силу. Это злоумышление обнаружилось следующим образом. С.-Петербургский военный генерал-губернатор Кавелин пригласил митрополита освятить его домовую церковь и архимандрита Игнатия в числе сослужащих митрополиту. Тогда преосвященный Антоний объявил Кавелину, что сергиевский архимандрит не может быть у него в доме по вышеуказанной причине.

Кавелин разъяснил все дело: он изложил все обстоятельства государю, и его величество тогда же лично объявил митрополиту в присутствии всех собравшихся у Кавелина, что он, “желая только охранить архимандрита и сбегать его, поступил так, а если это его распоряжение кем иначе принято, то значит, его не поняли”, и тут же всем рассказал, как он давно знает и любит архимандрита Игнатия, потому что он всегда стоял и стоит этого.

Живя на Бабайках, преосвященный Игнатий передавал своему брату Петру Александровичу, что вскоре затем обстоятельства потребовали представиться ему лично государю в Зимнем дворце. “Я вошел в залу, — говорил преосвященный, — и увидел чрез две залы, в дверях третьей, самого государя, который стоял и, грозя мне указательным пальцем поднятой кверху руки, смотрел на меня столь гневно, что, делая ему поклон, я стал мысленно молить

Господа помиловать меня в будущей жизни, когда здесь на земле я обвиняюсь в том, в чем не виноват, и наказуюсь без помилования. Пройдя следующую половину залы, я, по обычаю, опять поклонился — лицо государя стало изменяться, и когда после двух еще обычных поклонов я приблизился к нему, то он обнял меня, с великою милостию отнесся ко мне и отпустил меня так неожиданно благосклонно, что мне стало даже страшно, что я по малодушию своему дерзнул молить Господа о земном помиловании, которое с такою очевидностью и быстротою было даровано мне. Тут положил я себе завет впредь не дерзать молить Господа ни о какой земной отраде”.

Примечания

⁶⁹ Николай Александрович Протасов (1799–1855) — граф, генерал от кавалерии, член Гос. Совета, с 1836 г. обер-прокурор Св. Синода.

⁷⁰ В соответствии с определением Св. Синода настоятели Валаамского монастыря назначались из тамошних монашествующих и, когда в настоятели был прислан о. Вениамин из Коневского монастыря, валаамские монахи не приняли его и его действий, считая их несоответствующими уставу обители, на Валааме началась смута (Валаамские подвижники / Спасо-Преображен. Валаам. монастырь. 2-е изд. испр. и доп. СПб., 1997. С. 36).

⁷¹ Игумен Дамаскин (Дамиан Кононов, 1795–1881) — пострижен в монашество в 1825 г. С 1826 по 1838 гг. о. Дамаскин проходил скитскую и пустынную жизнь на Валааме. В 1838 г. благочинным монастырей и настоятелем Сергиевой пустыни архим. Игнатием был рекомендован в настоятели Валаамского монастыря. Дружеская переписка со свт. Игнатием продолжалась до конца жизни последнего. Часть писем опубликована.

⁷² Этот рапорт архимандрита Игнатия митрополиту Серафиму лег в основание определения Св. Синода от 17 октября 1838 г. о ликвидации многолетней смуты на Валааме. “Так при участии архим. Игнатия закончились валаамские беспорядки, и жизнь этой обители приняла то направление редкого трудолюбия и строгого подвижничества, которым Валаамская обитель до наших дней имеет воспитательное влияние на мятущийся внешний мир” (Соколов. Ч. 1. С. 156). Опубли-

ликовано в изд.: Игнатий (Брянчанинов). Полное собрание творений. М., 2001. Т. 3. С. 394–419. Далее: ПСТ.

⁷³ Архимандрит Игнатий принимал участие в освящении церквей Большого скита — нижней во имя Всех святых (18 авг. 1849 г.) и верхней во имя Небесных Сил Бесплотных, или Девяти Чинов Ангельских (18 июля 1850 г.).

⁷⁴ Андрей Николаевич Муравьев (1806–1874) — брат Н. Н. Муравьева-Карского, духовный просветитель-публицист, способствовал назначению свт. Игнатия на епископскую кафедру.

⁷⁵ Татьяна Борисовна Потемкина (1797–1869) — духовная дочь свт. Игнатия, была известна своим благочестием и широкой деятельностью на поприще благотворительности, на ее средства восстановлено много церквей и монастырей, в т. ч. Троице-Сергиева пустынь и древняя Святогорская обитель на Дону в ее имении Харьковской губернии. По словам свт. Игнатия, она: "...отказавшись от всех светских увеселений, занимается обильным подаванием милостыни, упражняясь в чтении святых отцов и молитве. Ее глаза как два неиссякающие источника слез..." (Собрание писем. 1995. С. 97).

⁷⁶ Монах Стратоник (Георгий Алексеевич Машурин, 1789–1836) — подписывался своим мирским именем, под которым и стал известен. Свт. Игнатий неоднократно советовал разным лицам читать его письма, в частности, он отмечал: "...Вот духовный писатель, ушедший далеко от всех духовных писателей нашего времени. Дворянин, воин, он сложил с себя оружие вещественное, чтобы вступить в поприще брани духовной, провел в неисходном затворе семнадцать лет и скончался в 36-м году, будучи 47-ми лет от роду, духовным успехом заменив лета многа. С пера его текут струи благодатные, недостаточество внешнего образования заменяется обильным достоинством духовным. Книжка сия сделалась одною из моих настольных" (Собрание писем. 1995. С. 480).

⁷⁷ Антоний (Г. А. Рафальский, 1789–1848) — митрополит Новгородский и С.-Петербургский с 1843 по 1848 гг.

Любовь к служению иночеству собственным примером и писаниями в архимандрите Игнатии была благодатным даром, возвращенным в нем судьбами Божиими. Промысл Божий с самого раннего детства оставил его в доме родительском так, что независимо от направления воспитания и классического образования, которое тщались дать ему родители, самое это тщание, главным образом, повлияло на развитие любви к жизни внимательно-духовной и к безмолвию. Пятнадцати лет, т. е., кончая курс наук приготовительных в доме родителей, он уже ощутил благодатное пришествие мира духовного. "Несказанная тишина, — говорит он в «Плаче» своем, — возвеяла в уме и сердце моем. Но я не понимал ее, я полагал, что это — обыкновенное состояние всех человеков".*

Впоследствии, как мы видели, искреннее произволение, при содействовавших ему обстоятельствах жизни и болезнях, утвердили его в вере в призвание его свыше к этому служению, и он твердой, мужественной волей принял на себя этот подвиг как свой крест, ему указанный перстом Божиим. Всеусильными трудами с редким по нынешнему времени самоотвержением вступил он на путь тесный Евангельский, чтобы в делании заповедей Христовых усугублять данный ему талант. Поэтому любовь к своему служению в нем преодолевала все препятствия, торжествовала над всеми превратностями жизни.

* Т. 1. Аскет. опыты. С. 553.

В нем витал дух живой веры в Промысл Божий, что было ощутительно для всех знавших его и ясно свидетельствуется его творениями. Он признавал, что жизнь человека, всецело предающего себя водительству Провидения, располагается по некоторому Божественному плану, первообраз которого начертан в священных событиях избранного народа Божия. Смотря на иноческую жизнь как на странствование по земной пустыне и приготовление ко входу в обетованную землю вечности, он учил, что надо соглядать эту вечность еще при настоящем земном существовании, чтобы обеспечить себе блаженное вступление в нее за пределами гроба. Это было не простое, поверхностное уподобление, а сознание, приобретенное духовной деятельностью, разительные удостоверения чего он видел на себе самом.

Часто, когда естественный источник его благих желаний иссякал от зноя страстей и бурь житейских, в нем неожиданно являлись новые ключи благодатных мыслей, внезапно истекавшие и обновлявшие изнемогшие силы; горечи жизни растворялись благодатной силой терпения и перерабатывались в ощущения духовно-радостные, приятные для духовного вкуса.

Он имел особенный дар смотреть на все духовно: малейшие случаи, ничтожные, по-видимому, обстоятельства часто получали у него глубокий духовный смысл и всегда находили отголосок в нравственном учении, которым он руководился, они доставляли обильную пищу его уму и сердцу и нередко в дивной гармонии слова изливались из его духовно-поэтической души. Таковы его произведения “Блажен муж”, “Чаша Христова”, “Песнь под сению креста”, “Плач инока” и многие другие.

Из таких особенностей духовного призвания и настроения явствует, что высказываться письменно было душевной потребностью архимандрита Игнатия. Тщась раскрыть сущность монашеского жительствова, архимандрит Игнатий подвизался олицетворить в себе самом и живописью слова изобразил другим духовную красоту нравов древнего египетского монашества, которое было образцом и целью его духовного подвига.

Иночество по учению и примерам святых отцов, преимущественно египетских, было с детства заветной его мыслью. Руководимый этим учением, он питал беспримерную в наше время любовь к киновиальному иночеству, и эта любовь была вполне осмысленная. Он смотрел на новоначалие иноческое как на основание аскетической науки, где зарождаются и развиваются монашеские нравы, а вообще на монашество как на науку из наук.

В таком духе он наставлял всякого расположенного ко вступлению в иночество и силой собственного стремления к своим высоким образцам производил могущественное влияние на юные, не испорченные жизнью души. Он охотно принимал таких в духовное родство с собой и руководил опытным словом своим, которое столь было действенно, что обращало сердца, изменяло нравы многих.

Способностью принимать исповедь помыслов, что составляет весьма редкое явление в наше время, архимандрит Игнатий обладал в совершенстве; многосторонняя опытность, глубокая проницательность, постоянное и точное самонаблюдение делали его искусным в целении душевных струпьев, к которым он всегда прикасался самым тонким резцом духовного слова. Умея владеть собой во всяких случайностях жизни, не падая духом в самых стеснительных обстоятельствах, он сообщал ту же твердость и тем, которые исповедовали ему свои помыслы: угнетавшая печаль после исповеди у него казалась им пустым призраком.

Правильное воззрение на страстную природу человека, плод многолетнего самонаблюдения, изложенное им в статье “Отношение христианина к страстям его”⁷⁸, служило источником утешения для духовных питомцев, оно заставляло их при откровении помыслов высказываться с полной свободой, доверием и безбоязненно, они всегда слышали ответ, вполне примиряющий их с самими собой. Часто пример из собственной жизни, приводимый старцем, или указание на какое-либо в книгах описанное событие так близко подходило к исповедуемому случаю, что не оставалось

никакого сомнения или недоумения в душе исповедующегося — ученик всегда уходил с утешением от старца.

Исповедь помыслов новоначальным иноком старцу всегда лежала в основах монашеского жительства, она входила как неперемennое условие в круг духовного воспитания архимандрита Игнатия.

Борьба с помыслами мучительна, особенно в начале подвига, когда еще нововступивший не навьк ратовать против них орудием молитвы. Настроение себя по назиданию книги полезно и необходимо, но недостаточно. Трудно юному управить себя по духовной стезе, не имея в виду примера, а враг особенно сильно ратует именно на тех, которые избирают монастырь с прямой целью спасения, отвергая все мирские преимущества и выгоды, для таких-то духовное руководство живым словом, при исповеди помыслов, истинная находка, оно служит оплотом против наветов врага и делает собственную волю устойчивой. Все это хорошо в том случае, когда старец настолько мудр и опытен, что в состоянии уразумевать открываемые помыслы и постигать их причины и следствия, иначе его совет будет действовать разрушительно, как неверно поданное лекарство.

Благоустроению духовного быта новоначального содействует и то обстоятельство, когда старец его находится во главе управления. Где многоначалие или зависимость старца, там несвобода духовных отношений. Архимандрит Игнатий соединял в себе и то и другое, т. е. и мудрость духовную и внешнюю власть, а потому жительство под его руководством и в его обители было драгоценным приобретением для искавших монашествовать разумно.

Несмотря на свою болезненность, он принимал на себя труд ежедневно выслушивать исповедь помыслов, у учеников его было даже обыкновение вести дневную запись их, и они открывали свои помыслы чистосердечно, с прямоотой, потому что старец был способен принимать такую исповедь бесстрастно. Польза от исповеди помыслов была для всех очевидна. При этом старец не подвергал учеников своих тягостным испытаниям, а сообразовался с фи-

зическими способностями каждого и умственным развитием, так что состояние под его духовным водительством было даже льготно, как в физическом, так и в нравственном отношениях.

Вот мнение самого архимандрита Игнатия об исповеди помыслов, основанное на строгом следовании учению святых отцов: “Все отцы согласны в том, что новоначальный иннок должен отвергать греховные помыслы и мечтания в самом начале их, не входя в прение, ниже в беседу с ними. В особенности надо так поступать по отношению к блудным помыслам и мечтаниям.

Для отражения греховных помыслов и мечтаний отцы предлагают два орудия: 1) немедленное исповедание помыслов и мечтаний старцу, 2) немедленное обращение к Богу с теплейшей молитвой о прогнании невидимых врагов. Преподобный Кассиан говорит: завсегда наблюдай главу змия, т. е. начала помыслов, и тотчас сказывай их старцу. Тогда ты научишься попирать зловерные начинания змия, когда не постыдишься открывать их, все без изъятия, своему старцу. Этот образ борьбы с бесовскими помыслами и мечтаниями был общий для всех новоначальных иноков в цветущее время монашества.

Новоначальные, находившиеся постоянно при своих старцах, во всякое время исповедовали свои помышления, как это можно видеть из жития преподобного Досифея, а новоначальные, приходившие к старцу своему в известное время, исповедовали помышления однажды в день, вечером, как это можно видеть из Лествицы и других отеческих книг. Исповедание своих помыслов и руководство советом духоносного старца древние иноки признавали необходимостью, без которой невозможно спастись.

Наставления духоносного старца постоянно ведут новоначального инока по пути Евангельских заповедей, и ничто так не разобцает его с грехом и началом греха — демоном, как постоянное и сильное исповедание греха в самых его началах. Такое исповедание уставляет между человеком и демоном спасительную для человека непримиримую вражду.

Такое исповедание, уничтожая двоедушие или колебание между любовью к Богу и любовью ко греху, дает благовому произволению необыкновенную силу, а потому преуспеянию инока — необыкновенную быстроту, в чем можно убедиться опять из жития преподобного Досифея. Те иноки, которые не могли действовать против греха постоянной и учащенной исповедью греховных помыслов, по неимению старца, действовали против него постоянной и учащенной молитвой”.*

Кроме духовного руководства архимандрит Игнатий занимался со своими учениками развитием их способностей в искусствах и сообщением научных познаний, сообразно их положению. Так, заметив в послушнике Иване Малышеве склонность к художествам, он дал ему возможность учиться живописи в Академии художеств, которая развила в нем познания и вкус настолько, что этот послушник, ныне архимандрит Игнатий, настоятель Сергиевой пустыни, имеет известность знатока-специалиста как по живописи, так и по архитектуре церковной.

Другому послушнику, Ивану Татаринovu (ныне архимандрит Иустин⁷⁹, настоятель Николо-Бабаевского монастыря), поступившему к нему под руководство с шестнадцатилетнего возраста, обладавшему прекрасным голосом тенора, доставил возможность изучить пение и музыку под руководством именитого русского маэстро Глинки, который выработал из этого даровитого юноши замечательного певца и композитора духовных песнопений в чисто православном духе. Вообще, трудами и всесторонним просвещенным вниманием этого духовного отца и наставника развились в монастырских послушниках вкус и любовь к образованию и занятиям научным.

Обращение архимандрита Игнатия с посторонними лицами было проникнуто особого характера духовностью: он относился ко всем умеренно, одинаково, как бы знатность и пол не имели на него никакого влияния. Он всегда вникал в душевное расположение человека, наименее обращая

внимание на его внешность, и не раз повторял близким своим, что душу человека он всегда помнит, очертание же лица не напечатлевалось в памяти его.

Такому хранению себя от излишних впечатлений научил его внутренний подвиг, требовавший строгого самонаблюдения относительно всяких страстных ощущений, а потому подвижник подавлял в себе те кровавые движения, которые происходят обыкновенно при радостях встреч, удовольствиях беседы с разными лицами и обнаруживают страстные чувствования.

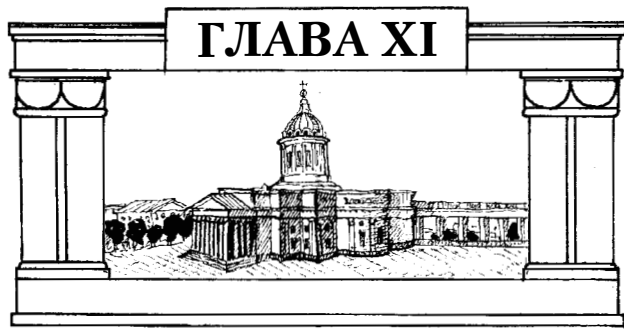
Вообще, по природе своей близкий к сангвиническому темпераменту, он тщательно наблюдал за охранением своего душевного мира, подавлял всякие излишние порывы и строго разбирал свойство каждого душевного влечения. Поэтому в его “Аскетических опытах” нередко упоминается о кровавых движениях, препятствующих духовному состоянию, о ревности, происходящей от кровавого разгорячения, о разнообразных действиях крови в разных страстях и тому подобное, что указывает на глубокое и всестороннее наблюдение старцем духовной человеческой природы и влияния на нее плоти и крови.

Примечания

⁷⁸ “Отношение христианина к страстям его” — статья, не вошедшая в первое издание сочинений святителя Игнатия (СПб., 1865–1867), во всех последующих изданиях включена в 1-й том (СПб., 1886; 1905; М., 1993; 1996; 1998).

⁷⁹ Архимандрит Иустин (И. Г. Татаринov, 1827–1890) — преданный духовный ученик и последователь свт. Игнатия. В 16 лет поступил в Троице-Сергиеву пустынь, стал старшим келейником архимандрита, вместе с ним поехал на Кавказ, а затем в Николо-Бабаевский монастырь, где был настоятелем. В письме к брату П. А. Брянчанинову свт. Игнатий писал: “...О. Иустин есть единственное лицо, вступившее со мною в единение по духу, имеющее самоотвержение и способное носить немощи ближних” (Собрание писем. 1995. С. 747).

* Т. 5. Приношение современному монашеству. С. 338–339.

Сословное происхождение кладет свой типичный отпечаток на духовную природу личности, сообщая ей те сословные свойства, вследствие которых она сохраняет свою кастовую отдельность, в какую бы обстановку не переставлялась рукой Промысла. Одни, личности целостные, сохраняют такие сословные отличия во всяких положениях жизни, другие утрачивают их в большей или меньшей мере, будучи поставлены в иные среды общества, они в них сглаживаются окружающей средой и потому они легче сживаются с ней.

В архимандрите Игнатии резко обозначался сословный тип. Его всегдашнее стремление к самостоятельной деятельности по собственным убеждениям и мыслям, независимо от постороннего влияния, явственно выказывает тот характер действий, который в родном его сословии, вообще, выражался в личном произволе, составлявшем отличительную нравственную черту дворянства, современного архимандриту по воспитанию и служебной деятельности.

Такая самостоятельность была природным свойством архимандрита Игнатия, вместе с тем она подчинялась его религиозной деятельности и ей вполне руководилась. Уважение к собственной личности, эта неизгладимая черта родового происхождения, было также присуще его нравственной природе, оно отнюдь не имело в нем характера эгоизма и всегда согласовалось с монашеским смирением, исключало только низкую человекоугодливость и все, унижающее достоинство духовного человека.

Вследствие таких нравственных преимуществ своего сословного происхождения, усовершенствованного святоотеческим учением, которое ввело в самую жизнь его делание Евангельских заповедей, архимандрит Игнатий выделялся из той среды, к которой принадлежал по своему сану: его развитая, закаленная самоотвержениями личность не могла не проявляться везде и всегда в своей откровенной простоте, в своей не могущей изменяться, подлаживаться природе.*

По причине этого сословного несходства большая часть высшего духовенства, за немногими исключениями, чуждались архимандрита Игнатия. Они объясняли его поведение гадательно, с самой неблагоприятной стороны: духовные совершенства человека объясняли страстными движениями падшего естества, его духовную свободу, его прямоту считали гордостью, более, оскорбительной дерзостью, его внешнюю обстановку, его сдержанное обхождение и изящный во всем вкус, эти видимые выражения сословного навыка, называли тщеславием и роскошью, строгую дисциплинарность порядков, это наследие военной школы, странным нововведением.

Нерасположение митрополита Антония к архимандриту Игнатию не было тайной для всех его окружающих. Зависть работала, чтобы разжечь это настроение петербургского владыки. Отовсюду строились ковы, везде искали потемнить, очернить доброе имя архимандрита, чему немало благоприятствовало то, что в пустыни в это время были кроме настоятеля еще два Игнатия, из них тогда особенно замечен был Игнатий, прозванный в обители “большим”,⁸⁰ наместник пустыни, впоследствии архимандрит и настоятель Никандровой пустыни Псковской губернии.

* Протопресвитер В. Б. Бажанов в 1867 году отзывался о епископе Игнатии брату его Петру Александровичу Брянчанинову не совсем в мирном духе: “Да, братец Ваш — это железной воли человек!” — сказал он, подняв кулак правой руки кверху.

Владея сильным тенором, с необыкновенно благообразной наружностью, он был весьма благолепен в богослужении, и, как человек умный, ловкий, бойкий от природы, имел способность снискивать благорасположение людей вообще. В новоначалии своем он нес послушание старшего келейника при архимандрите, где сделался известен всем, посещавшим настоятеля, что и облегчило ему впоследствии, когда он был возведен на степень священнослужителя и наместника, поддержать и распространить свои знакомства.

В обществе смешали лица и все, говоренное об Игнатии наместнике, приписывали Игнатию архимандриту. Злобная молва работала в своем духе осуждения и клеветы, а делатель заповедей Евангельских не позволил себе ни действий, ни слов, коими бы ему всегда было легко оправдать себя.

По инициативе митрополита Антония в Синоде был составлен протокол о переводе настоятеля Сергиевой пустыни архимандрита Игнатия настоятелем же в Соловецкий первоклассный ставропигиальный монастырь, чтобы под видом возвышения выслать его из Петербурга как лицо, подающее повод к соблазну. Архиепископ Псковский Гедехон⁸¹, бывший тогда на чреде в Синоде, остановил это предприятие, говоря: “Мы хотим похвалу и украшение нашего монашества сослать по каким-то земным изветам и, подобно Синедриону, приговорить праведного к казни за то, что он по отношению к нам действует несогласно с нашими понятиями, не ждет нас по несколько часов в прихожей, когда не застанет дома, и делает тому подобные оскорбления нашему понятию о нашем достоинстве, понятию, которое не сходится с его понятиями о его обязанностях относительно нас”. Этот протест преосвященного Гедехона повлиял, и постановления не состоялось.

Другая причина нерасположения духовенства к архимандриту Игнатию заключалась в несходстве научного образования, от которого зависят понятия, взгляды, убеждения,

образ мыслей и весь строй как умственной жизни, так и самой деятельности внешней. Получив образование в светском учебном заведении и затем перейдя к самостоятельному изучению святоотеческих писаний в монастырском уединении при деятельной монашеской жизни, архимандрит Игнатий отделялся от собратий своих в ученом духовенстве своей богословской научностью. Она вся основывалась у него на опытном знании аскетической жизни и отчасти проникалась началами светской учености, именно физико-математическими. Ни физика, ни математика не входили еще тогда в программы духовных образовательных учреждений.

Строго держась православного направления, архимандрит Игнатий твердо исповедовал, что Слово Божие, писанное по внушению Святого Духа, должно быть и объясняемо людьми, обновленными действенной благодатью Святого Духа, каковы были святые отцы православного Востока, а потому совершенно отвергал самовольные толкования, исходящие из душевного разума всех инославных писателей о предметах богословских. Причем, понятия его о некоторых религиозных предметах, заимствованные из опытного аскетического учения святых отцов Востока, отличались материализмом, свойственным уму, развитому в изучении естественных наук и просвещенному собственным аскетическим опытом, и чуждые уму идеалиста-мечтателя, не привыкшего свои понятия о предметах проверять или подчинять законам, указываемым положительной, точной наукой. Отсюда происходит то неприязненное отношение, какое существует между естественнонаучными воззрениями и отвлеченно философскими.

Сравнивая те и другие, составитель “Аскетических опытов” говорит: “Естественные науки непрестанно опираются на вещественный опыт, им доказывают верность принятых ими теорий, которые без этого доказательства не имеют места в науке. Философия лишена решительного средства к постоянному убеждению опытом.... Какой дан в философии простор произволу, мечтательности, вымыслам, велере-

чивому бреду, нетерпимым наукою точною, определенной! При всем том философия обыкновенно очень удовлетворена собою”.*

Поэтому, если богослов-математик в основу своего суждения берет, например, геометрические аксиомы, то ум его зиждет свою систему, как бы по чертежам, согласно со всеми научными истинами, и его положения и выводы, в целом своем, тождественны с их началами — иначе он не может рассуждать, посторонние же суждения, опровергающие такие выводы, по кажущейся несообразности с понятиями произвольными, мечтательными, будут всегда неточны, погрешительны против истин научных. Спорные мнения здесь происходят, главным образом, от неудобоприемлемости математических истин для незнакомых с математикой.

Вследствие такого несходства в научном образовании вообще и в богословском в частности, было недоверие в значительной массе ученого духовенства к сочинениям архимандрита Игнатия как не сходящимся с духом академической образованности, несмотря на их чисто православный характер.

По распоряжению высших лиц духовенства было приказано цензорам духовным так исправлять сочинения, которые будет представлять архимандрит Игнатий, чтобы отбить у него охоту отдавать в печать свои духовные творения. Это распоряжение было сделано по поводу вышедшей из печати брошюры его “Чаша Христова”⁸². Она разошлась моментально — платили под конец по десяти рублей за экземпляр, но второго издания уже не было возможности сделать по причине цензурных исправлений, искаживших статью неузнаваемо. Об этом распоряжении духовного начальства цензор архимандрит Аввакум сказывал в интимном кругу, оправдываясь в ответ на вызванные по этому поводу укоризны. С трудом, при личном старании Сенковского, прошли тогда две статьи, напечатанные в его журнале “Библиотека для чтения”: “Иосиф Прекрасный” и “Валаамский монастырь”⁸³. Затем долгое время все труды

* Т. 1. Аскет. опыты. С. 555–556.

архимандрита Игнатия ходили в рукописях между лицами, пользовавшимися его духовными советами.

Описывая свою юность, автор “Аскетических опытов” говорит, что “ум горел желанием узнать, где кроется истинная вера и истинное учение о ней, чуждое заблуждений догматических и нравственных”. При такой жажде к обретению познаний истинной веры он пошел к ним отдельной стезей, объединив свое духовное образование в самостоятельном труде изучения святоотеческих писаний в монастырском уединении при деятельной монашеской жизни. Потому духовные писания его существенно отличаются от сочинений лиц, получивших воспитание в Духовных академиях.

Не говоря о собственно аскетических статьях, содержание самих его церковных проповедей почерпнуто им из опытного аскетизма и может быть ясно понимаемо только теми, которые сами изведывают на себе то внутреннее духовное возрождение, в духе которого писана его “Аскетическая проповедь”. Когда одному старцу, подвизавшемуся в затворе Святогорского монастыря, иеросхимонаху Иоанну, было прочитано несколько строк из “Плача инока”, то он воскликнул: “Как тут все верно сказано, вот я не могу только выразить по-ученому, словами, а тут вот, в сердце, все так чувствуется, что там говорится”. При этом нелишне заметить, что этот прославленный святостью подвижник был малограмотен. Таков общий характер всех духовных творений епископа Игнатия.

В статье “О монашестве: Разговор между православными христианами, мирянином и монахом”^{*} автор, высказывая свой взгляд на духовное образование, доставляемое духовно-учебными учреждениями и монастырской жизнью, выясняет причину своего образа действий, говоря, между прочим, следующее:

“Между учением, преподаваемым в духовных училищах, и учением, которое преподается или должно преподаваться в монастырях, находится величайшее различие, хотя

* Т. 1. Аскет. опыты. С. 453–494.

предмет того и другого учения один — христианство... Первое учение — теоретическое, второе — практическое... Первое учение можно уподобить основанию здания, а второе — самому зданию, воздвигнутому на этом основании. Как невозможно строить здание без фундамента к нему, так и один фундамент не послужит ни к чему, если не будет на нем воздвигнуто здание...

Духовные училища сделались существенной потребностью для Православной Церкви... надо представить в ясности православному христианину, особенно тому, который готовится быть пастырем, и истинное учение Православной Церкви и всю победоносную борьбу ее с тайными и явными врагами, с прикрытыми и открытыми, борьбу, продолжавшуюся 18 столетий, разгорающуюся более и более... Изучение богословия требовало краткого времени в первые времена христианства, оно требует ныне времени продолжительного, прежде могло быть преподано в поучениях, произносимых в храме Божиим, нуждается ныне в систематическом преподавании в течение нескольких годов. Доставка этого изучения в полном его объеме — вот цель наших духовных семинарий и академий: они преподают познания о христианстве основные, вводные, как назвал их преподобный Марк Подвижник (Слово 4), преподают их юношеству, еще не вступившему в общественное служение, приготовленному к нему лишь теоретически, не знакомому с познаниями, сообщаемыми опытом жизни.

На теоретических познаниях о вере должны быть назданы познания деятельные, живые, благодатные. Для приобретения этих познаний дана земная жизнь человеку. Христианин, живущий среди мира по заповедям Евангелия, непременно обогатится познаниями не только опытными, но и благодатными в известной степени. Несравненно более должен обогатиться ими тот, кто, оставя все земные попечения, употребит все время свое, все силы тела и души на богоугождение, то есть монах. Он-то назван в Евангелии *имеющим* заповеди Господа, потому что заповеди Господа составляют все достояние его...

По этой причине ревностнейшие христиане всех веков, окончив образование свое в училищах, вступали и доселе вступают в монашество для стяжания того образования, которое доставляется монашеством... Для личного преуспевания христианского нет нужды в учености человеческой, нужной для учителей Церкви, многие неграмотные христиане, между прочими и преподобный Антоний Великий, вступив в монашество, достигли христианского совершенства, разливали свет духовный на современников примером, устным учением, благодатными дарованиями своими”.*

Примечания

⁸⁰ Архимандрит Игнатий (Ф. М. Васильев, 1806–1870) — пострижен в монашество в 1837 г. в Троице-Сергиевой пустыни. С июня 1847 г. по июнь 1848 г. управлял пустынью по случаю увольнения архимандрита Игнатия в отпуск. Скончался в сане настоятеля Никандровой Свято-Благовещенской пустыни Псковской епархии. Опубликованы 45 писем к нему свт. Игнатия, который называет его в письмах “истинным, бесценным другом” (Т. 7. Письма. М., 1993. С. 224–282).

⁸¹ Гедеон (Г. И. Вишневецкий, 1797–1849) — архиепископ Полтавский и Переяславский (в рукописи ошибочно назван архиепископом Псковским).

⁸² Чаша Христова. СПб.: тип. К. Крайя, 1849. 16 с. Редкое издание, отсутствует в РНБ, имеется в библиотеке Оптиной пустыни.

⁸³ В журнале “Библиотека для чтения” были опубликованы не две, а три статьи архим. Игнатия, подписанные криптонимами: 1. Валаамский монастырь//Б-ка для чтения. 1847. Т. 82. Науки и художества. С. 66–90. Подп.: *И. И. И.*; 2. Воспоминание о Бородинском монастыре//Там же. 1847. Т. 87. Науки и художества. С. 121–122. Подп.: *И.*; 3. Иосиф: Свящ. повесть, заимств. из кн. Бытия//Там же. 1849. Т. 96. Рус. словесность. С. 115–156. Подп.: *И.*

* Т. 1. Аскет. опыты. С. 460–463.

Когда предложение митрополита Антония перевести, или, вернее, сослать, архимандрита Игнатия в Соловецкий монастырь не состоялось, тогда желание выжить его из епархии повело епархиальное начальство к иному образу действий: к непрерывной привязчивости, к обвинениям по слухам лживым и в сущности мелочным, но болезненно отзывавшимся в душе мученика-настоятеля, потому что общее направление этого образа действий клонилось к расстройству самой обители, к воспрепятствованию развития ее духовно-нравственного строя. Митрополит Антоний заболел и передал управление епархией своему викарному епископу Нафанаилу, лично ненавидевшему архимандрита, который, принимая чашу страданий, как чашу Христову, в терпении и молчании, не вынес телом тех мучительных скорбей, перед которыми дух его не только не падал, но и не преклонялся.

С ноября 1846 года болезнь приковала архимандрита к одру, к келье, в которой он провел безвыходно всю зиму. В конце зимы 1847 года он подал прошение об увольнении его по болезни на покой в Николо-Бабаевский монастырь Костромской епархии. Действие это было то именно, которого желали и митрополит и его викарный. Неблагоприятное положение епархиального начальства к настоятелю Сергиевой пустыни не могло быть тайной по настойчивости самого преследования. Огласилась и подача архимандритом

прошения на покой и дошло до сведения некоторых из лиц императорского дома, которые довели все обстоятельства до государя и приняли открыто покровительственное архимандриту участие в ходе этого дела, вследствие чего преосвященный Нафанаил через Консисторию предложил архимандриту вместо увольнения на покой 11-ти месячный отпуск в указанный просителем монастырь для излечения болезни.

Отношения этого времени епархиального начальства к архимандриту Игнатию вернее всего определяются в письме архимандрита к архиепископу Курскому Илиодору⁸⁴, присутствовавшему в 1847 году в Святейшем Синоде. Оно, вместе с тем, свидетельствует, как искренно желал и просил архимандрит совершенного удаления на безмолвие. Приводим полностью его содержание:

«Ваше высокопреосвященство,
милостивейший архипастырь и отец!

Приношу Вам искреннейшую сердечную признательность за милостивое христианское участие в моих обстоятельствах. Видя такое Ваше участие, позволяю себе беспокоить Вас этими строками. По самому участию Вашему примите их благосклонно, рассмотрите изложенное в них при свете духовного рассуждения, которым Господь одарил Вас.

В указе Консистории прописана мне следующая резолюция преосвященного викария С.-Петербургского с требованием от меня отзыва: “Консистория имеет спросить настоятеля Сергиевой пустыни архимандрита Игнатия: не пожелает ли он воспользоваться временным отпуском для излечения, и в таком случае архимандрит Игнатий в отзыве своем имеет рекомендовать то лицо, которому благонадежно может быть вверено исправление лежащих на нем, архимандрите, обязанностей впредь до возвращения его по выздоровлении”.

Каждое дело, по мнению моему, имеет свойственный ход, от которого уклониться трудно, которому споспешествуют самые препятствия. Вы меня не осудите, если скажу, что

вижу в делах человеческих невидимое, но мощное действие Промысла Божия, который, по учению преподобного Исаака Сирского, особенно бдит над оставившими суетный мир для взыскания Бога Спаса своего: *Судьбы Твоя помогут мне*, — воспевал боговдохновенный Давид.

В резолюции преосвященного викария я нашел и нахожу указание, чтоб я дал именно тот отзыв, который мною дан, отзыв, согласный с прошением об увольнении меня, поданным не в минуту душевного волнения, но надуманным годами и оттого имеющим характер твердости и основательности. Тем, что представляется мне указать на лицо, благонадежное для управления монастырем во время моего отсутствия, оставляются на мне заботы о благосостоянии монастыря и ответственность за все, могущее встретиться. При назначении такового лица мне невозможно обидеть моего наместника устранением его от поручения. Невозможно устранить его потому, что он один мог бы при благоприятных обстоятельствах поддержать Сергиеву пустынь в том виде, в котором она теперь. Невозможно указать на него по известным к нему отношениям преосвященного викария, который может своими распоряжениями связать, исказить все его распоряжения, расстроить монастырь, а вину расстройства, им самим произведенного, возложить на наместника. По подобным распоряжениям его преосвященства, если бы даже болезненность моя не вынуждала меня к удалению, и мне нельзя долее остаться настоятелем Сергиевой пустыни.

Сказав это, останавливаюсь распространяться! Весьма рад, что болезненность моя дает мне полновесный повод к удалению и избавляет от отвратительного многословия, должствующего состоять из оправданий и обвинений, что так противно учению Христову, что мучит душу, хотя несколько вкусившую сладость мира, истекающего из соблюдения заповедей кротчайшего Господа нашего Иисуса Христа.

Резолюция преосвященного викария сохраняет по самому естественному ходу дела, обнаруживающему, впрочем, залог сердечный, общий характер его поведения относи-

тельно меня. Это — фигура, это — слова, из которых образуется какая-то маска, при первом поверхностном взгляде кажущаяся чем-то. Вглядитесь в нее поближе — увидите безжизненность, картон, белила, румяна, неблагорасположение, неблагонамеренность. Опять оставляю распространяться. *Да не возвестят уста мои дел человеческих*, да не пресмыкается мысль моя в земном прахе, да не блуждает в соображениях человеческих, темных и производящих одно смущение, да помянет она *чудеса Божии и судьбы уст Его. Ибо Он Бог наш, и по всей земли судьбы Его.*

Скажу Вашему высокопреосвященству просто и прямо: болезненность моя требует совершенного удаления моего из Сергиевой пустыни навсегда. Обстоятельства содействуют удалению. Вижу в этом судьбы Божии, вижу благодетельствующую мне руку Божию, ведущую меня в уединение, *да увижу грех мой и попечусь о нем*. В глазах моих люди в стороне. Действует Промысл Божий, в деснице которого люди — орудия, орудия слепые, когда благоволят о слепоте своей. От зрения Промысла Божия сердце мое сохраняет глубокий мир к обстоятельствам и людям. А мир сердца — свидетель святой истины!

Когда в день преподобного Сергия Вы, святой владыка, находились в Сергиевой пустыне для священнодействия, тогда в духовной, искренней беседе я сказал Вашему высокопреосвященству, что имею непрременное намерение уклониться от должностей в безмятежное уединение. С тою целью оставил я мир, с таковою постоянною целью совершаю двадцатый год в монастыре. Я всегда желал глубокого уединения, боялся его, признавая себя несозревшим к нему, боялся самочинно вступить в него. Но когда указывается оно Промыслом Божиим, то благословите меня, грядущего во имя Господне.

Как уже оставляющий настоятельство Сергиевой пустыни могу с откровенностию сказать об отношениях сердца моего к этой обители. Четырнадцатый год провожу в ней, и ни к чему в ней не прилепилось мое сердце, ничто мне в ней не нравится. Только к некоторым братьям питаю истин-

ную любовь. Кажется, едва выйду окончательно из Сергиевой пустыни, забуду ее. Я занимался устройением ее как обязанностию, принуждал себя любить Сергиеву пустыню, как в инженерном училище принуждал себя любить математику, находить вкус в изучении ее сухих истин, переходящих нередко в замысловатый вздор.

Стоящая на юру, окруженная всеми предметами разнообразного, лютого соблазна, обитель эта совершенно не соответствует потребностям монашеской жизни. Быть бы тут какому-либо богоугодному заведению и при нем белому духовенству! Не по мысли мне монастырь — Сергиева пустыня! И я ей был не по мысли: поражая меня непрерывными простудными и геморроидальными болезнями, производимыми здешними порывистыми ветрами и известковою водою, она как будто постоянно твердила мне: ты не способен быть моим жителем, поди вон!

Всякое решение Святейшего Синода приму с благоговением и благодарностию: уволят ли совершенно на покой, скажут ли, что увольняют впредь до выздоровления — за все благодарен. Одного прошу, чтоб развязали меня с Сергиевой пустыней. Я мог однажды привести ее в некоторый порядок, другой раз к такому труду не способен! Нужно было образовать сердца, воспитать новых монахов из юношей, ими заменить старожилы, окостеневших в своих навыках. Для этого нужно время, нужны годы, нужны нравственные и телесные силы: они истощились, повторение такого же труда для них невозможно!

Изможденное болезнями тело требует отдохновения, спокойствия, душа, насмотревшись на суету всего временного, хочет быть сама с собою, пред ней открывается вечность, она готовится в путь отцов своих, находит нужду, крайнюю нужду к этому приготовлению. Сократилось, исчезло пред нею время остальной моей жизни. В вечность! В вечность! Туда и взоры, и мысли, и сердце!

Некоторые страшат меня теми неудобствами, с которыми бывает сопряжена жизнь на покое не только настоятелей, но и архиереев. Отвечаю: нет рода жизни без своих

скорбей, но я высмотрел жизнь монастырскую подробно, не только сверху, но и снизу, проведя многие годы послушником. Точно, пришлось видеть и некоторых настоятелей, живущих будто бы на покое, но по самой вещи на беспокойстве в полном смысле. Опять видел других настоятелей, для которых оставление должности и жительство на покое было средством к достижению сугубого спокойствия и по душе и по телу. В пример последних могу представить почившего в Бозе, известного по благочестию отца Феофана, архимандрита Новоезерского: я имел счастье его видеть, имел счастье с ним беседовать.

По моему мнению, заимствованному из учения преподобных наставников монашества, утвержденному собственными наблюдениями, настоятель, живущий на покое, если возлюбит поучаться в законе Божиим, если изберет в жребий свой часть Марии, остережется от всякого участия в части Марфиной, то проведет тихо, безмятежно дни свои, особенно в монастыре пустынном и общежительном.

Есть у меня советник, которого советом я руководствуюсь в моем поведении при настоящих обстоятельствах. Пленяюсь его советом, увлекаюсь им! “Блаженны, — говорит он, — те, кто ради любви к Богу, для моря скорбей препоясал чресла свои простотою и непытливим нравом и не обратился в бегство. Они скоро спасаются в пристань Царствия и почивают в селениях добре потрудившихся, и утешаются от злострадания своего, и радуются в веселии надежды своей... А большая часть тех, кто составляет много умствований и хочет быть очень мудрым, предается замедлению в помыслах и боязни, предуготовляет себя и хочет предвидеть вредоносные причины, оказывается всегда сидящей при дверях своих домов, подобно сказавшим: *Там видели мы сынов исполинов и были пред ними, как саранча* (Числ. 13; 34). Это те, кто во время кончины своей оказываются еще в пути, всегда желая быть премудрыми, но отнюдь не желая положить начало. А невежда, пускаясь в плавание, переплывает с первою горячностью, отнюдь не прилагая попечения о теле.

Внимай себе, да не будет у тебя избыток мудрости по ползновению души и сетью пред лицом твоим, но, уповая на Бога, мужественно положи начало пути, который исполнен крови, чтобы не оказаться тебе всегда скудным и лишенным разума Божия. Ибо боящийся и ожидающий ветра не сеет. Поэтому не мудрствуй излишне, но дай место вере в уме своем и помни о многих днях в будущем и о неисповедимых веках после смерти и Суда, и никогда не придет к тебе расслабление. С мужеством начинай всякое доброе дело и не приступай к нему с двоедушием, не усомнись в сердце своем, что милостив Господь и взыскающим Его дает благодать как Воздаятель, не по деланию нашему, но по усердию душ наших и по вере. Ибо Он говорит: *Как ты веровал, да будет тебе* (Мф. 8; 13)” (Св. Исаак Сирский. Слово 58).

Мое настоящее положение очень похоже на то, в каком я был при оставлении мирской жизни. Многие судили и рядили о нем, но редкие при правильном взгляде на предмет. Отречение от мира может ли быть понято, истолковано теми, которые вполне пленены миром, погружены умом, сердцем, телом в наслаждения мира? Чтение отцов Церкви извлекло меня из мира, оно помогало в терпении скорбей от мира, оно зовет в уединение, чтоб там всмотреться в вечность прежде вступления в ее неизмеримые области. Читаю, вижу в себе, что, побыв в уединении, сделаюсь окончательно неспособным ко всякого рода наружным должностям!.. Уединение действует как отравя: умерщвляет.

Вы являете столь обильное расположение ко мне, что я считаю излишним просить Вас о чем-либо. Открывая пред Вашим высокопреосвященством мое состояние по душе и телу, я предоставляю все прочее на Ваше рассуждение. Вы, как имеющий практические духовные сведения, столь чуждые людям одного лишь светского образования и направления, можете оказать мне существенную помощь, сообщив моим обстоятельствам направление, соответствующее моим целям, облегчить мне стремление к ним, а посему и

самое достижение их. Этим сделаете мне благодеяние не земное, благодеяние столь достойное святителя Христова, благодеяние, которому награда на небеси!

Испрашивая Ваших святых молитв и архипастырского благословения, с чувствами глубочайшего почтения и совершенной преданности честь имею быть Вашего высокопреосвященства и проч.».*

Вместо увольнения на покой архимандриту Игнатию разрешен был только 11-ти месячный отпуск для поправления здоровья в указанный им монастырь Бабаевский. По отъезде архимандрита в этот отпуск государь император, встретив однажды Чихачева, спросил о здоровье его товарища и приказал написать ему, что он нетерпеливо ожидает его возвращения. Такое милостивое внимание государя имело благодетельное влияние на общество иноков Сергиевой пустыни, волновавшихся недоумением, какой будет исход отъезда архимандрита Игнатия в отпуск.

Летом 1847 года архимандрит передал управление монастырем наместнику своему иеромонаху Игнатию (большому) и выехал в Бабаевский монастырь через Москву, откуда заезжал в Бородинский девичий монастырь по приглашению тогдашней игуменьи Марии⁸⁵, вдовы генерала Тучкова, убитого в 1812 году на этом самом поле в знаменитом Бородинском бою. Здесь, по желанию игуменьи, архимандрит вечером имел беседу с инокинями всего монастыря о монашестве вообще, как о пути к совершенству христианскому и ко спасению вечному, и затем по ходатайству игуменьи обратил особое внимание на белицу, проживавшую в обители с больной матерью и сестрой, девицу Елизавету Шахову⁸⁶, имевшую некоторую известность в литературном мире.

Шахова, вследствие душевных потрясений, была на краю отчаяния, она хотела утопиться, но покушение ее было отвращено рукой Промысла Божия. Архимандрит успокоил ее словом духовного назидания и потом во все время своей жизни оказывал ей покровительство, поддерживая ее и

* Собрание писем. 1995. С. 50–56.

духовным советом и материально. Первое она принимала к сведению, находя всегда в самом совете оправдание своему уклонению от него, а вторым пользовалась, тщеславясь милостью милостивейшего из людей.

Здесь же познакомился он и с нынешней игуменьей Московского Алексеевского девичьего монастыря Антонией⁸⁷, бывшей тогда келейной послушницей игуменьи Марии Тучковой.

Прибыв в Николо-Бабаевский монастырь, архимандрит Игнатий ездил в Кострому представляться епархиальному епископу Иустину, виделся с князем Суворовым, временно управлявшим Костромской губернией на особых правах, по случаю предшествовавших пожаров от поджигателей, и затем, поселившись безвыходно в обители, занялся серьезным лечением. Ему отведены были келии, состоявшие из четырех небольших комнат, в отдельном мезонине над келиями настоятеля. Помещение это, разобщенное с прочими жилыми помещениями, представляло большое удобство для безмолвия. С одной стороны из окон кельи открывался величественный вид обширной местности, орошаемой рекой Волгой, с другой окна обращены были во внутренность монастыря. Здесь архимандрит Игнатий написал много духовно-назидательных писем к разным лицам. Здесь написана была статья “Бородинский монастырь” по поводу вышесказанного посещения его.

Быстро прошло время отпуска для безмолвника. Весной 1848 года архимандрит Игнатий, выехав из Бабаевской обители, направился к Вологде, чтобы в с. Покровском поклониться почившим предкам своим и своей родительнице и свидеться с родителем своим и другими из ближайших родных. Здесь угостил он обедом всех крестьян и этим посещением своим простился навсегда с местом родины своей. Тут на могилах прародителей своих написал он статью “Кладбище”, помещенную в 1-м томе “Аскетических опытов”.*

В определенный срок прибыл архимандрит в Сергиеву пустынь. Продолжительное пустынножительство в безмолвии Бабаевском усилило в нем расположение к полному отшель-

ничеству. Передавая брату своему о вышеупомянутом намерении Синода перевести его в Соловецкий монастырь, он сказал: “Думали меня наказать, а я думал, сделали бы они великое благодеяние мне, которому петербургские зимние ночи были коротки для молитвенных бдений”.

В лето 1848 года, 15 июня, ее императорское высочество великая княгиня Мария Николаевна удостоила архимандрита Игнатия приглашения служить молебен в Ново-Сергиевском загородном дворце⁸⁸ ее по случаю получения ее высочеством части мощей преподобного Сергия. По этому случаю архимандрит написал статью, которую озаглавил

Благополучный день.

Приводим ее здесь, так как она не вошла в собрание сочинений⁸⁹.

“Много святых произрастила земля Русская. Они сияют различными благодатными дарами с неба отечественной Церкви. Из этого блаженного сонма преподобный Сергей сияет даром помогать стране родной в ее опасностях и бурях, покровительствовать и споспешествовать ее царственному дому. Споборал он герою Донскому против несметных полчищ Мамаю, споборал он потомкам Донского против хищных, мятежных казанцев.

Во время самого тяжкого отечественного бедствия, во время смут, произведенных самозванцами и сарматами, преподобный Сергей совершил дивное знамение, знамение историческое, подобного знамения не записано на листах истории других народов. Как волны сокрушаются, рассыпаются, ударяясь о скалу гранитную, так все усилия врагов сокрушились под стенами обители преподобного Сергия, пред его молитвами, пред силою Божиею, призванною и привлеченною его молитвою. На необъятном пространстве опустошенной, мятущейся России стояла Лавра Сергия, стояла камнем краеугольным. Этот камень отразил всепоглощающие волны! Этот камень сделался основным камнем обновления и величия России.

И цари народов, видя помощь Небес, ниспосылаемую чрез предстательство преподобного Сергия, возлюбили его и его

* Т. 1. Аскет. опыты. С. 184.

обитель. Туда притекают они к нетленным мощам угодника Божия — к живым свидетелям на земли, как угодна Небу пламенная любовь к Богу, соединенная с любовью к царю и отечеству. Святой Сергей — русский народный святой. В соседстве древней столицы поживает Сергей сном воскресения, являя и предначиная свое воскресение нетлением и присутствием благодати Божией при его теле.

Чудное тело!.. Души многих не способны для присутствия в них Божией благодати, для такого присутствия способно это тело! Обыкновенно тела человеческие, разлучившись с душами, мгновенно заражаются тлением, начинают издавать зловоние, а это тело противостоит тлению многие столетия, проливает из себя благоухание! Это тело давно почившего, а дышит из него жизнь и является вечная духовная жизнь этого тела в различных исцелениях, в различных знамениях, которые совершаются над призывающими помощь преподобного Сергея, над лобызающими с верою и любовью его тело, освященное Святым Духом, над преклоняющими колена пред Святым Духом, таинственно и существенно живущим в этом священном теле.

Ныне совершилось счастливейшее событие, нынешний день должен носить наименование “дня благополучного”. Призванный благочестивою отраслю царственного дома Русского, преподобный Сергей пришел частицею своего тела, всем исполнением обильной Божественной благодати, сопричастующей его телу, пришел преподобный Сергей в обитель благочестивой и боголюбивой Марии. Давно насылось в душе ее расположение к угоднику Божию, заступнику царей, Отечества.

Основывая свою летнюю обитель на берегах Бельта, на живописном холме среди чащи развесистых вековых деревьев, Мария назвала обитель по имени преподобного Сергея. Рука ее, водимая вдохновением свыше, водимая любовью к угоднику Божию, начертала изображение храма. По собственному чертежу ее, устроенный храм стоит на оконечности двух аллей, обе они ведут от чертога царского к чертогу Божию. Преподобный Сергей воздвиг в обители

своей храм Пресвятой Троицы. Последуя в этом преподобному Сергию, Мария посвятила храм Пресвятой Троице. Что ж удивительного, если и сам преподобный Сергей пришел в обитель Марии?

До 15 июня стояла в Петербурге погода ненастная, бурная. 15-го Мария назначила молебен в своем храме Пресвятой Троицы пред мощами преподобного Сергея. С утра легкий ветер разогнал облака, благоухание лета разлилось в воздухе, на чистом синем небе сияло солнце во всем блеске. Небо казалось каким-то радостным: оно как бы приятно смотрело на дело благочестивой дочери царя русского, спешествовало ее делу благому.

К молитвословию стеклись все жители царского чертога Марии, разделяя со своею повелительницею усердие к святому, утешаясь ее усердием святым. Погруженная в глубокое, благоговейное внимание, она, со старшею дочерью своею, предстояла мощам целебным и нетленным праведника. На берегу Бельта, при шуме волн его, при шуме ветра морского, раздавались молитвенные песнопения священнослужителей, песнопения хвалебные преподобному Сергию. Песнопения хвалебные душе его, ликующей с ангелами на вечном празднике Неба, песнопения хвалебные мощам его, принесенным в обитель благословенной, благочестивой Марии.

По совершении молитвословия, по произнесении прошения благоденственных и многих лет великому царю России, богоизбранному и боговенчанному всему его семейству, освященному и возвеличенному помазанием помазанника, Мария облобызала святые мощи святого жителя, вновь пришедшего жить в ее обители. Когда она удалилась, ее домочадцы приступили к святыне с тою простою и девственною верою, которая доселе хранится в сердцах россиян и составляет их духовную существенную силу. 15 июня — день, по справедливости названный «благополучным»! В этот день сколько родилось в царственной обители Ново-Сергиевской впечатлений, ощущений, мыслей — святых, благоуханных Небу.

Да снидет благословение Неба на тебя, виновница этого дня благополучного. Да снидет это благословение на супруга твоего, на чад твоих, на весь дом твой, на дела твои, на все часы и дни жизни твоей, и земной и небесной. А новый житель твоей обители да будет хранителем, стражем твоим, как был стражем рая пламенный херувим. Тайнственно да глаголет он уму и сердцу твоему, да скажет им волю Бога, святые уставы вечности, скорую изменимость всего временного, да научает тебя высоким добродетелям Евангелия, которые очищают и просвещают душу, которые одни с почестию вступят в блаженную и славную вечность. Ты здесь радушно, с любовью приняла Сергия в твою обитель, он да споспешествует тебе в созидании нетленной обители в селениях святых и вечных горнего Иерусалима. Да умолит преподобный Сергей Бога вписать имя твое на Небе в книгу живота, а на земли начертать его на скрижалях истории в светлых лучах славы. Эти лучи испускает из себя чистая святая добродетель.

Составлено 15 июня 1848 года”.

Между тем митрополит Антоний скончался, его место занял Никанор⁹⁰, который тоже являл недоверчивость и нерасположение к архимандриту, но не настолько, как его предшественник. В 1851 году, апреля 21-го, архимандрит Игнатий был сопричислен к ордену св. Владимира 3-й степени. В этом году производилось в Новгородской епархии следственное дело по доносу священника Александра Ивановского о противозаконных действиях помещика Страхова и по встречному доносу последнего на священника за будто бы подстрекательство им крестьян Страхова к неповиновению.

Для расследования этого дела назначена была по высочайшему повелению комиссия, состоявшая из сановитых чиновников, именно: председателем был член совета Министерства внутренних дел тайный советник Переверзев, от Министерства юстиции — статский советник Афанасенко и Корпуса жандармов — генерал-майор Ахвердов, а со стороны

епархиального начальства командирован был первоначально депутатом в эту комиссию Боровичского Троицкого собора протоиерей Костров.

Ведение дела указывало на необходимость депутата со стороны духовного ведомства с сильным характером и положительным знанием дела. Обер-прокурор Синода граф Протасов, лично заручившись предварительным согласием архимандрита Игнатия на принятие этого поручения, предложил Синоду, который во внимание к важности сказанного дела 7 июля 1851 года постановил командировать к производству этого следствия настоятеля первоклассной Сергиевой пустыни архимандрита Игнатия в качестве старшего депутата, подчинив протоиерея Кострова его руководству. Распоряжение это было получено архимандритом 10 июля.

Прибыв на место производства следствия в г. Устюжну (Новгородской губернии) 16 июля, он получил 17-го сообщение от председателя комиссии, что 12-го числа постановлением комиссии порученное ей дело признано обследованным совершенно оконченным и 15-го отправлено в С.-Петербург, а остается только производство сей комиссии, которое для обозрения, если ему будет угодно, во всякое время будет ему предъявлено. 28 июля был прочитан окончательный журнал комиссии, под которым архимандрит сделал следующую запись: “Сей журнал мною выслушан, на основании 1031 ст. XV т. Свода законов имею представить комиссии мнение, а на основании 1033 ст. того же тома покорнейше прошу комиссию дозволить мне снять с сего журнала копию”.

В мнении своем он признал неправильным самый план действий комиссии, давшей донос священника Ивановского второе место, а на первый план поставившей встречный донос Страхова, обвинение комиссией священника магистра Никитина в прикосновенности к делу признал чуждым всякого основания, обвинение священника Ивановского в возмущении крестьян Страхова — голословным и обязался по приезде в Петербург представить начальству в доказательство

сказанных им положений подробную записку, что и исполнил.

Главное основание записки было то, что комиссия искажала смысл высочайшего повеления и канцелярскими оборотами дела уклонилась от исполнения высочайшего повеления, а заменила его своим умыслом в ограждение Страхова и к обвинению священника. Эти канцелярские извороты выставлены были рельефно. Сопоставленные с законами, они на каждом шагу обвиняли комиссию в намеренном извращении истины.

Записка эта была доложена государю обер-прокурором Синода, и новая следственная комиссия в 1852 году, по высочайшему повелению, при участии архимандрита Игнатия как старшего депутата с духовной стороны, открыла истину совершившихся фактов и утвердила справедливость выводов и обвинений, сделанных архимандритом Игнатием на действия первой комиссии, как в его мнении, поданном к окончательному журналу оной, так и в записке, представленной им по своему начальству.

Во время пребывания архимандрита Игнатия в Николо-Бабаевском монастыре, в Сергиеву пустынь поступил из Голутинского (sic.) монастыря Московской епархии послушник Иван Григорьевич Татарин, юноша 16 лет, тенор с замечательным обширным и необыкновенно гармонично-звучным голосом. Архимандрит взял его к себе старшим келейником, и в заботе своей о развитии этого даровитого юноши он нашел возможность познакомиться с Михаилом Ивановичем Глинкой⁹¹, нашим именитым маэстро русской национальной музыки.

Глинка с особенным участием отнесся к образованию и совершенствованию юноши. В продолжительных беседах о духе и характере православно-церковного русского пения архимандрит Игнатий передал М. И. Глинке свои духовно-опытные воззрения по этому предмету. Глинка, сознавая истинность наблюдений и замечаний архимандрита, просил его изложить эти мысли на бумаге, что архимандрит и исполнил, написав статью, озаглавленную им “Христиан-

ский пастырь и христианин-художник”, в которой изложил все, что предварительно передал устно Глинке. Приводим ее здесь полностью.

Христианский пастырь и христианин-художник

“Художник. Прихожу к тебе за искренним советом. Душа моя с детства объята любовью к изящному. Я чувствовал, как она воспевала какую-то дивную песнь кому-то великому, чему-то высокому, воспевала неопределительно для меня самого. Я предался изучению художеств, посвятил им всю жизнь мою. Как видишь, я уже достиг зрелых лет, но не достиг своей цели. Это высокое, пред которым благоговело мое сердце, кого оно воспевало, еще вдали от меня. Сердце мое продолжает видеть его как бы за прозрачным облаком или прозрачною завесой, продолжает таинственно, таинственно для самого меня, воспевать его: я начинаю понимать, что тогда только удовлетворится мое сердце, когда его предметом соделается Бог.

Пастырь. С того, чем ты кончил твою речь, начну мою. Точно, один Бог — предмет, могущий удовлетворить духовному стремлению человека. Так мы созданы и для этого созданы. Человеку дано смотреть на Творца своего и видеть Его сквозь всю природу, как бы сквозь стекло, человеку дано смотреть на Него и видеть Его в самом себе, как бы в зеркале. Когда человек смотрит на Бога сквозь природу, то познает Его неизмеримую силу и мудрость. Чем более человек приучается к такому зрению, тем более Бог представляется Ему величественным, а природа утрачивает пред ним свое величие, как проводник — и только — чудного зренья. От зренья Бога в нас самих мы достигаем еще больших результатов.

Когда человек увидит в себе Бога, тогда зритель и зримое сливаются воедино. При таком зрении человек, прежде казавшийся самому себе самостоятельным существом, познает, что он создание, что он существо вполне страдательное,

что он сосуд, храм для другого Истинно-Существа. Таково наше назначение: его открывает нам христианская вера, а потом и самый опыт единогласным свидетельством ума, сердца, души, тела. Но прежде этого опыта другой опыт свидетельствует о том же: ни созерцание природы, ни созерцание самих себя не может удовлетворить требованию нашего духа, с чем должно быть сопряжено величайшее, постоянное блаженство.

Где нет совершенного блаженства, там в сердце еще действует желание; когда ж действует желание, тогда нет удовлетворения. Для полного удовлетворения, следовательно, и блаженства, необходимо уму быть без мысли, то есть превыше всякой мысли, и сердцу без желания, то есть превыше всякого желания. Не могут привести человека в это состояние и усвоить ему это состояние ни созерцание природы самой по себе, ни человека самого по себе. Тем более это невозможно, что в обоих предметах очень перемешано добро со злом, а блаженство не терпит ни малейшей примеси зла: оно — наслаждение цельным добром.

Художник. Почему же мы не видим этой теории в применении к практике?

Пастырь. Такое применение всегда трудно найти между людьми, особенно в настоящее время. Но оно и существовало во все времена христианства и существует ныне — не примечается толпою, которая, стремясь почти единственно к материальному развитию, не может сочувствовать истинно изящному, увидеть, понять его и оценить. Люди, одаренные по природе талантом, не понимают, для чего им дан дар, и некому объяснить им это. Зло в природе, особенно в человеке, так замаскировано, что болезненное наслаждение им очаровывает юного художника, и он предается лжи, прикрытой личиною истинного, со всею горячностью сердца.

Когда уже истощатся силы и души и тела, тогда приходит разочарование, по большей части ощущаемое бессознательно и неопределительно. Большая часть талантов стремилась изобразить в роскоши страсти человеческие. Изоб-

ражено певцами, изображено живописцами, изображено музыкаю зло во всевозможном разнообразии. Талант человеческий, во всей своей силе и несчастной красоте, развился в изображении зла, в изображении добра он, вообще, слаб, бледен, натянут.

Художник. Не могу не согласиться с этим! Искусства возвысились до высшей степени в изображении страстей и зла, но, повторяю твои слова, они вообще бледны и натянуты, когда они пытаются изобразить что-нибудь доброе, тем более Божественное. Мадонна Рафаэля, это высочайшее произведение живописи, украшена очаровательным характером стыдливости. Когда является в девице стыдливость? Тогда, когда она начнет ощущать в себе назначение женщины. Стыдливость — завеса греха, а не сияние святости. Таков характер «Херувимских» Бортнянского, таковы характер «Эсфири» и «Гофолии» Расина, характер «Подражания» Фомы Кемпийского*, из них дышит утонченное сладострастие. А толпа пред ними и плачет и молится!.. Но я хочу знать, какое средство может доставить художнику изображать добродетель и святость в их собственном неподдельном характере?

Пастырь. Прекрасно уподоблено Евангелием человеческое сердце сокровищнице, из которой можно вынимать только то, что в ней находится. Истинный талант, познав, что Существенно-Изящное — один Бог, должен извергнуть из сердца все страсти, устранить из ума всякое лжеучение, стяжать для ума Евангельский образ мыслей, а для сердца Евангельские ощущения. Первое дается изучением Евангельских заповедей, а второе — исполнением их на самом деле. Плоды дел, то есть ощущения, последующие за делами, складываются в сердечную сокровищницу человека и составляют его вечное достоинство! Когда усвоится таланту Евангельский характер — а это сначала сопряжено с трудом и внутреннею борьбою — тогда художник озаряется вдохновением свыше, тогда только он может говорить свято, петь свято, живописать свято.

* Книга «Подражание» есть не что иное, как роман, подыгрывающийся под тон Евангелия и ставимый наряду с Евангелием умами темными и не отличившими утонченного сладострастия от Божественной благодати.

О самом теле нашем мы можем тогда только иметь правильное понятие, когда оно очистится от греха и будет проникнуто благодатию. Изменения тела не ограничиваются и не оканчиваются одною земною жизнью. Здесь мы видим, что оно с зачатия своего до разлучения смертию непрестанно изменяется; многие изменения его остаются для многих неизвестными, оно должно еще окончательно измениться воскресением и посредством его вступить в неизменяющийся мир или вечного духовного блаженства, если тело соделалось к нему способным, или вечной смерти, если оно во время земной жизни подчинилось греху.

Чтоб мыслить, чувствовать и выражаться духовно, надо доставить духовность и уму, и сердцу, и самому телу. Недостаточно воображать добро или иметь о добре правильное понятие: должно вселить его в себя, проникнуться им. Тем более это необходимо, что ясное понятие о добре есть вполне практическое, теория показывает только средства, как стяжать понятия о добре. Ясное понятие о добре есть уже самое добро, потому что добро, в сущности, есть мысль, есть дух, есть Бог. *Вкусите и видите* (Пс. 33; 9), — говорит Писание. Итак, духовное понятие — от духовного ощущения.

Художник. Какие мысли и соответственные им чувствования могут быть признаны достойными Бога, чтоб художник знал, что возможно ему изобразить искусством? Возьмем для большей ясности частный предмет, например, в церковном песнопении.

Пастырь. Первое познание человека в области духовной есть познание своей ограниченности, как твари, своей греховности и своего падения, как твари падшей. Этому познанию гармонирует чувство покаяния и плача. Большая часть людей находится в состоянии греховности. Самые праведники подвергаются весьма часто тонким согрешениям и, как они очень внимательно наблюдают за собою, то и признают себя грешниками гораздо более, нежели все вообще люди, притом они по чистоте ума гораздо яснее других людей видят свою ничтожность в громадности и истории мира. На этих основаниях они усваивают себе чувство

покаяния и плача гораздо более своих собратий, мало внимающих себе. И потому чувство покаяния и плача есть общее всему роду человеческому. Этим чувством преисполнены многие песнопения, начиная с многозначительной молитвы, так часто повторяемой при богослужении: «Господи, помилуй». В этой молитве все человечество плачет и с лица земли, где оно разнообразно страждет и в темницах и на тронах, вопиет к Богу о помиловании.

Однако не все церковные песнопения проникнуты плачем. Чувство некоторых из них, как и мысль, заимствованы, можно сказать, с Неба. Есть состояние духа, необыкновенно возвышенное, вполне духовное, при котором ум, а с ним и сердце, останавливаются в недоумении пред своим невещественным видением. Человек в восторге молчит всем существом, и молчание его превышает и разумнее всякого слова. В такое состояние приходит душа, будучи предочищена и предуготована глубоко-благочестивою жизнью. Внезапно пред истинным служителем обнаружится Божество непостижимым образом для плотского ума, образом, который невозможно объяснить вещественным словом и в стране вещества.

В этом состоянии пребывают высшие из ангелов — пламенные херувимы и шестокрылатые серафимы, предстоящие Престолу Божию. Одними крыльями они парят, другими закрывают лица и ноги и вопиют не умолкая: «Свят, свят, свят Господь Саваоф». Неумолкающим чрез века повторением одного и того же слова выражается состояние духа, превысшее всякого слова: оно — глаголющее и вопиющее молчание. И высоко парят чистые и святые умы, и предстоят Престолу Божества, и видят славу, и закрывают лица, и закрывают все существо свое: величие видения совокупляет воедино действия, противоположные друг другу.

В такое состояние приходили иногда и великие угодники Божии во время своего земного странствования. Оно служило для них предвкушением будущего блаженства, в котором они будут участвовать вместе с ангелами. Они передали о нем, сколько было возможно, всему христианству,

назвав такое состояние состоянием удивления, ужаса, испуга. Это состояние высшего благоговения, соединенного со страхом, оно производится живым явлением величия Божия и останавливает все движения ума. О нем сказал святой пророк Давид: *Дивно ведение Твое для меня — не могу постигнуть его* (Пс. 138; 6).

Чувством, заимствованным из этого состояния исполнена Херувимская песнь, она и говорит о нем. Им же исполнены песни, предшествующие освящению Даров: «Милость мира жертву хваления» и проч. Особенно же дышит им песнь, воспеваемая при самом освящении Даров. Так высоко совершающееся тогда действие, что, по смыслу этой песни, нет слов для этого времени... нет мыслей! Одно пение изумительным молчанием непостижимого Бога, одно чуждое всякого многословия и велеречия богословие чистым умом, одно благодарение из всего нашего существа, недоумеющего и благоговеющего пред совершающимся Таинством.

После освящения Даров поется песнь Божией Матери — и при ней выходит сердце из напряженного своего состояния, как бы Моисей с горы из среды облаков и из среды громов, где он принимал закон из рук Бога, выходит, как бы на широкую равнину, в чувство радости святой и чистой, которой преисполнена песнь «Достойно». Она, как и все песни, в это время певаемые Божией Матери, в которых воспевается Посредница вочеловечения Бога Слова, преисполнена духовного веселия и ликования. Бог, облеченный человечеством, уже доступнее для человека и, когда возвещается Его вочеловечение, невольно возбуждается в сердце радость. Остановимся на этих объяснениях.

Художник. Согрелось сердце мое, запылал в нем огонь — и песнопения мои отселе я посвящаю Богу. Пастырь! Благослови меня на новый путь.

Пастырь. Вочеловечившийся Господь уже благословил всех приступать к Нему и приносить себя Ему в словесную жертву. Его благословения тебе вполне достаточно, и я

только этому свидетель. Престань скитаться, как в дикой пустыне между зверей, в плотском состоянии, среди разнообразных страстей! Войди во Двор Христов вратами — покаянием и плачем. Этот плач родит в свое время радость, хотя и на земли, но не земную. Духовная радость — признак торжества души над грехом. Пой плач твой, и да дарует тебе Господь воспеть и радость твою, а мне услышать песни твои, возрадоваться о них и о тебе, о них и о тебе возблагодарить, прославить Бога. Аминь”.

Проникнутый стремлением осуществить эти мысли, Глинка, отправляясь за границу, надеялся найти в Вене у директора тамошней консерватории Дена много данных о древне-православных напевах Восточной Церкви, но смерть оторвала его от этого предприятия.

В бумагах епископа Игнатия осталось письмо к нему М. И. Глинка от 27 августа 1855 года, свидетельствующее о взаимных отношениях их: “Я был очень нездоров, — пишет Глинка, — и в минуты тяжких страданий жаждал более всего удостоиться принятия Святых Таин из рук Вашего высокопреподобия... желания видеть Вас, получить благословение Ваше и отраду в беседе Вашей были так сильны, что я не мог устоять против этого глубокого влечения сердца.

Сверх того, я желал сообщить Вам некоторые мои соображения насчет церковной отечественной музыки, но теперь оставляю это до приезда Ивана Григорьевича Татаринова, которого прошу по возвращении навещать меня, и тогда, сообразя еще более все, относящееся к этому предмету, буду иметь честь представить Вашему высокопреподобию плод посильных трудов моих”.

Мысль об удалении на жительство в безмолвие не оставляла архимандрита Игнатия. В переписке, оставшейся по кончине его, находим мы письмо его к игумену Валаамского монастыря Дамаскину, писанное в 1853 году сентября 25-го дня. Он пишет:

“Ваше высокопреподобие,
честнейший отец игумен Дамаскин!

В сих строках продолжаю мою беседу с Вами, начатую в святой обители Вашей. По приезде моем в С.-Петербург был я у его высокопреосвященства митрополита Никанора. Он хотя ничего не сказал определенного относительно помещения моего на покой в Валаамский монастырь, но, как видится, он не будет этому противиться, потому что спрашивал, имеется ли там удобная келья для моего помещения.

С моей стороны намерение мое оставить настоятельство, к принятию которого я вынужден был необходимостью, есть намерение решительное. Остаток дней моих желал бы провести в Валаамской обители, только в случае невозможности поселиться в ней, — имею в виду Оптину пустыню. Последняя представляет больше выгод в материальном отношении: там климат гораздо благоприятнее, овощи и плоды очень сильны и в большем количестве, но Валаам имеет бесценную выгоду глубокого уединения. Сверх того, сухие и теплые келии (так как я из келий выхожу только в хорошие летние дни, а весной, осенью и зимою почти вовсе не выхожу) могут и в материальном отношении много облегчить для меня пребывание на Валаамском острове.

Посему предоставив Самому и Единому Господу исполнить во благих желание раба Его и устроить мою судьбу по святой Его воле, с моей стороны считаю важнейшею необходимостью для благого начала и окончания этого дела войти в предварительное объяснение, а за объяснением и соглашением с Вами, отец игумен.

Как лично я Вам говорил, так и теперь повторяю, что все доброе, все душеполезное, которое по милости Божией может произойти от сего начинания, вполне зависит от нашего единодушия о Господе, то есть единодушия Вашего и моего. Господь, сказавший Своим ученикам в окончательные минуты Своего земного существования: *Мир Мой даю вам, мир Мой оставляю вам*, силен и нам даровать Свой мир, если мы будем учениками Его, стремясь исполнить Его волю, а не свою. На сем камени мира, который

сам утверждается на камени заповедей Христовых, основываясь, имею честь представить на благоусмотрение Ваше следующие мои рассуждения.

Во-первых, скажу Вам, что из всех известных мне настоятелей, по образу мыслей и по взгляду на монашество, также по естественным способностям, более всех прочих мне нравиться Вы. К тому надо присовокупить, что по отношениям служебным, как я Вам, так и Вы мне, давно известны. Сверх того, я убежден, что Вы не ищите никакого возвышения, соединенного, разумеется, с перемещением в другой монастырь, но остаетесь верным Валаамской обители, доколе Сам Господь восхощет продлить дни Ваши. Далее: как я выше сказал, по моей болезненности долговременной и сообразно ей сделанному навыку, я выхожу из келии только в лучшие летние дни, а в сырую погоду и холодную пребываю в ней неисходно, то по сему самому житье в ските было бы для меня более сродным и удобным.

Самая тишина скита, в который навсегда воспрещен вход женскому полу, совершенно соответствует требованию моего здоровья и душевному настроению. Скит защищен отовсюду древами от ветров. Это бы дало мне возможность поработывать хотя в летние дни, что существенно нужно по моему геморроидальному расположению, на ветру же я не способен трудиться, потому что при малейшем движении от крайней слабости покрываюсь испариной и подвергаюсь простуде.

При Вашей опытности Вам понятно, что вслед за помещением моим в скит многие захотят в оный поместиться. Следовательно, если Вам внушит Господь расположение поместить меня в скит, то необходимо Вам снизить немощи моей и, может быть, и других, подобных мне немощию. Испытав себя, я убедился, что одною растительною пищею я поддерживать сил моих не в состоянии, делаюсь способным только лежать в расслаблении.

Вы, конечно, замечаете, что и братия, в настоящее время живущие в скиту, отягощаются такою малопитательною пищею и к обеду наиболее приходят в монастырь. Удобное прежнему крепкому поколению соделалось неудобным для

настоящего немощного поколения. Поелику же Вам не безызвестно, что суббота, пост и прочие внешние подвиги и наблюдения установлены для человека в помощь его душевному деланию, а не человек для них, то не заблагорассудите ли ввести в скит Валаамский постановления Оптинского скита, основательность которых и благоразумная сообразность с немощию настоящего поколения доказывается тем, что Оптин скит изобилует избраннейшим братством, весьма много способствующим к цветущему благосостоянию скита и самого монастыря.

Это избранное братство состоит из нескольких настоятелей, живущих на покое, и из нескольких лиц образованного светского круга. Будучи слабее телосложением, нежели простолюдины, они не способны к сильным телесным трудам и подвигам, зато способнее к подвигу душевному и к занятиям, требующим умственного развития. Вам известно, что святыми отцами подвиг инока судится по тому, что он имел в миру и к чему он перешел, вступив в монашество, по этому расчету лица вышеупомянутые, живущие в Оптином скиту, перешли к большему лишению, нежели те, которые в монастыре имеют, пожалуй, лучшую пищу и одежду, нежели какие они имели в миру.

Также Вам известно, что отцы древнего Скита Египетского не считали уже того подвига подвигом, о котором узнавали люди, а оставляли этот подвиг, вменяя его в грех (Патерик скитский, буква “С”, в статье о Сисое Великом). Так думали и поступали святые отцы, желая приносить себя в жертву всецело Богу, а не человекоугодию и тщеславию. С сожалением я увидел, что некоторые журналы провозгласили печатно о строгости поста в Валаамском скиту в решительную противоположность Евангелию, которое повелевает, чтобы пост и прочие подвиги благочестия совершались в тайне (Мф. гл. 6), не только совершались в тайне, но и были скрываемы со всевозможною тщательностью, иначе не могут быть истолкованы слова: *А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое* (Мф. 6; 17).

Великие св. отцы весьма заботились о том, чтоб не только подвиги их, но и самые чудеса были прикрыты

неизвестностию во время их земной жизни, и позволяли ученикам своим сказывать о них только после смерти их. Св. Исаак Сирский говорит в первом своем слове, что не обретается человек, могий терпеть честь, ниже аще кто нравы равноангелен будет. Самому апостолу Павлу дадеся пакостник плоти для охранения его от превозношения.

Поступок публикующего заживо подвиги иноков подобен поступку того отца, который для доказательства и прославления целомудрия своей дочери поднял бы пред всеми подол ее платья. В самом деле, что иное пост как не обличение степени борения против блудной страсти? Мы видим, что именно те из святых мужей (как например, свв. Моисей Мурын, Иоанн Многострадальный и другие) прибегали к усиленному подвигу поста, которые особенно были боримы блудом. Св. Петр Дамаскин называет пост, бдение и другие подвиги орудиями, которыми воздвигаются добродетели, почему желающему спастись надо смотреть на них как на орудия и для снискания орудий не приносить в жертву самих добродетелей.

Преподобный Кассиан в конце слова «О рассуждении» говорит: «Отцы говорят: “Обе крайности равно вредят: и чрезмерный пост, и чрезмерное насыщение чрева, и чрезмерное бдение, и пресыщение сном, и прочие излишества. Ибо знаем неких не побежденных чревобесием, но низверженных чрезмерным постом, и затем впавших в ту же страсть чревобесия по причине немощи, приходящей от чрезмерного поста”». Сей же преподобный Кассиан в книге своей, которая имеется у меня на латинском языке, говорит, что однажды диавол очевидно предстал великому во святых Иоанну пророку и благодарил за пост, благоуходный диаволу. Сначала преподобный отец не понял, что бы это значило, но вечером, встав на молитву и почувствовав себя немощным от слабости исполнить молитвенное обычное правило, он понял, что был обманут в том при вкушении*

* Текст, выделенный курсивом здесь и ниже, пропущен в Собрании писем. — ред.

пищи пришедшим ему и принятым им помыслом, внушившим ему повоздержаться особенно и сверх обычая.

Св. Василий Великий и согласно с ним другие св. отцы утверждают, что если б нужно нам было иметь расслабленные тела, то таковыми сотворил бы их Бог, почему они заповедают меру поста именно таковую, какая необходима для обуздания плотских страстей, которая вместе с тем не расстраивала бы тел, но сохраняла их способными к исполнению заповедей Христовых, или проще сказать, к послушаниям и подвигам бдения, молитвы и коленопреклонений, к чему расслабленные тела окончательно не способны.

Все сие предлагаю, возлюбленный отец, на рассуждение Ваше, дабы Вы подвиглись к нисхождению моей немощи и подобных мне немощию. Если нынешняя братия Валаамского скита, состоящая единственно из простолюдинов, не в состоянии поддерживать силы свои исключительно растительною пищею, а для укрепления сил своих стремится к трапезе монастырской, то для истощенного моего телосложения и для телосложения людей нежного воспитания питание одною растительною пищею вполне невозможно.

Сначала и в Оптином скиту ревность учредителей его устремлялась, было, к особенному строгому посту, но, усмотрев, что при такой строгости скит должен остаться без братии, она смягчилась и дала устав для пищи более доступный, впрочем все еще гораздо более строгий, нежели устав о пище, положенный Церквию для схимника, живущего в монастыре. Однако, несмотря на такое смягчение, мало, очень мало было охотников из многочисленного братства Оптиной пустыни для жительства в скиту. Когда прибыл туда старец иеросхимонах Леонид с несколькими учениками своими, и настоятель предал ему скит в духовное управление, тогда скит начал населяться и населяться преимущественно людьми не крепкого телосложения, искавшими спокойствия в уединении. Число жившей в нем братии простиралось до 30 человек. Всему этому, то есть состоянию скита до прибытия о. Леонида и состоянию его по прибытии старца, я был очевидцем.

Старец распростер благотворное влияние на самый монастырь, поддерживая братию в расположении к настоятелю и укрепляя их в душевных бранях. Такое обилие окормления удвоило число братства в самом монастыре, а потому возвысило в нем порядок и привлекло в оный значительные пожертвования, при помощи которых монастырь отстроился и, сверх того, обеспечил свое содержание. Потому говорю я Вам так подробно о Оптином ските, что цветущее его состояние и происшедшее от него благоустройство самого монастыря суть факты, а факты составляют самое верное доказательство.

Что же касается до самого общежития, то есть самого монастыря Валаамского, то я нахожу настоящее его устройство первым в России, далеко высшим знаменитых общежитий Белобережского, Площанского, Софрониевского, даже Оптиного и Саровского, потому что в этих монастырях, гораздо более близких к миру, иноки имеют несравненно более средств сноситься с миром, заводить с ним связи, иметь свое и тем отделяться от общего тела общежития.

Общежитие Валаамское должно оставаться надолго в настоящем его виде: оно необходимо для натур дебелих, долженствующих многим телесным трудом и телесным смирением косно, как выражается святой Иоанн Пророк, ученик Великого Варсонофия, войти в духовное, или, по крайней мере, душевное делание. В материальном отношении братия Валаамского общежития снабжены несравненно обильнее вышеупомянутых общежитий и одеждою и пищею. В Пасху там братия не кушают такой ухи, какую кушают валаамские иноки в обыкновенный недельный день, также и одеждою братия Валаамского общежития снабжены гораздо удовлетворительнее, нежели братия означенных общежитий.

Начертая пред Вами состояние Валаамского монастыря и скита, какими они представляются моим взорам, взорам, впрочем, очевидца их, я перехожу теперь к начертанию моего грешного и недостойного лица пред сими св. обителями. Вам известна моя немощь — мое происхождение и нежность воспитания. Для них принятие и того устава,

который я Вам предлагаю по образцу скита Оптина, есть уже великий подвиг и распятие. Предприятие чего-либо большего превышает мое соображение.

«Да не возмутишь и не пресечешь житие твое, — говорит преподобный Исаак Сирский в 80 слове, — и, немного перетрудившись, да не оставишь и не прекратишь все течение. Ешь умеренно, чтобы не начать есть всегда и не трудись сверх сил, чтобы не впасть в постоянную праздность». За сим не угодно ли будет Вам обратить внимание на главу 36-ю иноков Каллиста и Игнатия (Доброт. Часть 2) «О рассуждении», положенную ими сряду после изложения телесных подвигов и уставопиция, подобающих безмолвствующим.

Надо заметить, что овощи и плоды средней России несравненно сильнее северных, а произведения южной России столько же сильнее среднеполосных, плоды же и овощи Цареграда и Афона, где жили св. Каллист и Игнатий, равняются питательною силою рыбе северных краев и даже превосходят ее. «Когда тело немощное, — сказал св. Исаак Сирский в 85 слове, — будешь понуждать на дела, превышающие его силы, тогда наносишь душе твоей помрачение за помрачением и еще большее смущение».

Все сие представляя на благоусмотрение Ваше, прошу Вас снизойти моей немощи и единокорных со мною братьев, которым подвигов общежития не понести и которые могут понести подвиг скитский по растворении его благоумною умеренностию. Тем более кажется, настоящего случая не должно упускать, что всячески по прошествии непродолжительного времени должно же будет учинить упомянутое снисхождение и изменение в уставопиции скитском, иначе никто не будет жить в скиту. Стали немощны, батюшка!

Притом, как я выше сказал, устав Оптинского скита о пище строже положенного Церквию для схимника. Так, когда положено уставом употребление рыбы, она поставляется на трапезе, кажется, в течение сорока дней в году разрешается на сыр и яйца, масло скоромное и молоко.

Как в Валаамском общежитии не употребляется молоко, то и в скиту не должно вводить его, а прочее все полезно бы ввести как для пользы телесной, так и для пользы душевной, ибо и св. Иоанн Лествичник вкушал от всего дозволенного чину иноческому с целию избежать душевных страстей: тщеславия, мнения о себе, человекоугодия, тайноядения, лицемерства, лукавства, лжи, которые часто являются у подвижников по плоти и соделывают для них духовное преуспеяние решительно невозможным. Бог является простоте и смирению, и нельзя соединить служение Ему со служением славе человеческой.

Чувствую себя по приезде в свой монастырь столько же немощным, как чувствовал в бытность мою в святой обители Вашей. Но при удалении моем от должности и при перемещении в уединение Вашего скита, может быть, по особенной милости Божией дастся мне время на покаяние, и я потянусь несколько годов. В таком случае Валаамский скит может понаселиться расположенными ко мне иноками, как населился Оптин при пришествии туда о. Леонида.

На сие письмо мое покорнейше прошу ответа Вашего. Сообразно ему буду заботиться о дальнейшем устройении сего дела. С понедельника думаю отправиться в Ладожский монастырь недели на три.

Вашего высокопреподобия всепокорнейший послушник.

Подлинное подписал архимандрит Игнатий
1853 года 25 сентября

1. *P. S. От братии моей я держу в секрете мое начинание, ибо если они узнают о нем преждевременно, то крайне смутятся. Если ж нужен вам кто для переписки со мною, то разве можно поверить сию тайну Вашему о. казначею с тем, чтобы он ее никому не передавал.*

2. *P. S. Чертеж келии скитской для деревянной надстройки я передаю Алексею Максимовичу. Бревна нужны четырех- и трехсаженные по мере длины и ширины каменного флигеля. Не худо бы заготовить их ныне: они бы промерзли и попросохли. Предбудущую зиму можно бы жить в покоех, из них срубленных.*

З. Р. С. При перемещении о. Леонида в Оптиный скит управлял скитом, в качестве как бы наместника, иеромонах Антоний, родной брат настоятеля, после же Антония сделан скитоначальником иеромонах Макарий, ученик о. Леонида. Отец же Леонид только упражнялся в духовном совете. И нам можно бы иметь для скита такого иеромонаха, который бы в нем начальствовал в качестве Вашего наместника. В виду есть такие люди”⁹².

30 ноября того же 1853 года игумен Дамаскин дал окончательный ответ на это предложение, убедивший архимандрита Игнатия до времени еще переждать в Сергиевой пустыне, пока обстоятельства позволят ему лично побывать в Оптиной Введенской пустыне и в тамошнем скиту обусловить себе желанный безмолвный приют.

Понеся великую утрату в кончине своего высокого покровителя государя императора Николая Павловича и не оставляя намерения переселиться на покой, архимандрит Игнатий в 1856 году предпринял путешествие в скит Оптиной Введенской пустыни с исключительной целью устроить там желанное пребывание на безмолвие. Он, было, совсем условился с настоятелем о приуготовлении ему кельи в скиту и о переделке ее, дал 200 рублей задатку и, возвращаясь в свою Сергиеву пустыню, письмом просил Калужского епископа Григория о содействии ему и инокам оптинским в деле о перемещении его к ним в обитель.

На это письмо получил ответ преосвященного, который сообщил ему, что настоятель Оптиной пустыни, сряду по отъезде архимандрита, обратился к нему от лица всего братства с просьбой явить им архиастырскую милость, оградить обитель их от переселения в оную архимандрита Игнатия Брянчанинова.* Ввиду такого обстоятельства он вынужден был на неопределенное время отложить исполнение своей мысли о переселении на покой и предать дальнейшую участь свою воле Божией.

* Несмотря на это обстоятельство, духовно-дружественные отношения епископа Игнатия с иеросхимонахом Макарием не прекращались до самой кончины старца.

В 1855 году наместник Кавказский Н. Н. Муравьев 1-й,⁹³ лично знавший архимандрита, приглашал его занять кафедру Ставропольскую, которая должна была скоро очиститься по причине обнаруженных обследованием, сделанным архиепископом Астраханским Евгением, беспорядков и злоупотреблений Ставропольской епархиальной администрации, но архимандрит, отказываясь, просил его не ходатайствовать об этом, откровенно писал ему, что в Синоде это поставят ему в вину и что успеха не будет, как на тот раз действительно и случилось. Митрополит Никанор по этому поводу на вопрос государя, почему они затрудняются согласиться на просимое назначение архимандрита Игнатия, отвечал: “Он не учился в Духовной академии”.

Вскоре затем скончался митрополит Никанор. На кафедру С.-Петербургской митрополии призван был митрополит Казанский Григорий,⁹⁴ который близко знал, понимал и был в духовном общении с архимандритом Игнатием и потому в видах пользы Церкви Божией тотчас предложил ему епископскую кафедру. Решившись не уклоняться от предлагаемого ему по судьбам Божиим, он изъявил свое согласие.

Митрополит намеревался хиротонисать его во епископа в Новгороде, и он уже готовился к этому, но вышло иначе. Новгородская кафедра была занята другим лицом (Платоном, впоследствии Костромским), а через год после этого он был возведен во епископа Кавказского и Черноморского. Предложение об этом было сделано в Синоде самим первоприсутствующим, и архимандрит принял это назначение как выражение промыслительной воли Божией, тем более что оно уже было вторичное от лица высокопреосвященного Григория.

25 октября 1857 года происходило, при значительном стечении общества, в Святейшем Синоде наречение, а 27-го совершена хиротония в Казанском соборе архимандрита Игнатия во епископа Кавказского и Черноморского при весьма многочисленном стечении народа. 28-го он совершал

литургию в Невской Лавре в митрополичьей Крестовой церкви, затем первые три дня следующего ноября месяца провел в Сергиевской пустыне. 2 ноября посетила пустыню великая княгиня Мария Николаевна, “чтобы проститься с епископом Игнатием”, как она изволила выразиться. 3 ноября был день воскресный, епископ Игнатий отслужил в пустыне Божественную литургию, участвовал в общей братской трапезе и, простившись со всеми, окончательно оставил Сергиеву пустынь и переехал в Невскую Лавру.

4 ноября, по назначению вдовствующей императрицы Александры Феодоровны, епископ Игнатий ездил в Царское Село для представления ее величеству. Государыня изволила принимать его в своем кабинете, причем пожаловала панагию, украшенную бриллиантами и рубинами, сказав: “С соизволения государя даю Вам эту панагию в память обо мне и о покойном государе”.

9 ноября епископ откланивался у великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны в Мраморном дворце, причем имел продолжительную беседу о духовных предметах с ее высочеством, а 10-го в Царском Селе имел счастье откланиваться сначала у государя, потом у государыни особо, на их половинах, при этом императрице угодно было говорить с ним очень серьезно о монастырях вообще и о Сергиевой пустыни в особенности, и она выразила сожаление, что монахи Сергиевой пустыни ведут себя несоответственно своим обетам целомудрия и нестяжательности. Епископ отвечал: “Что прикажете делать, Ваше величество, когда есть дамы, самые высокопоставленные, двора Вашего величества, которые не жалеют никаких денег, чтобы иметь любовника, монаха Сергиевой пустыни”. Государыня, закрыв лицо обеими руками, встала и быстрыми шагами ушла во внутренние покои свои.

17-го преосвященный участвовал в хиротонии Соловецкого архимандрита Александра во епископа Архангельского и Холмогорского. В этом же богослужении наместник

Сергиевой пустыни иеромонах Игнатий возведен в сан архимандрита и, по рекомендации епископа Игнатия и единодушному желанию братства, назначен настоятелем пустыни. В записках епископа Игнатия находим о его преемнике собственноручную заметку: “Игнатий — муж разумный, добрый и благочестивый”.

Из воспитанников по монашеству архимандрита Игнатия Брянчанинова Сергиева пустыня дала шестнадцать настоятелей: 10 архимандритов, пять игуменов и одного строителя.

Прожив в Сергиевой пустыне без двух месяцев двадцать четыре года, епископ Игнатий оставил ее в весьма цветущем состоянии. В его управление обитель украсилась, как мы видели, тремя новыми великолепными храмами.

Здесь уместно заметить, что, несмотря на непрестанные гонения, более или менее сильные, преследовавших лично архимандрита, отношения столичного общества как к обители, так и к настоятелю ее, выражали последовательно возрастающее расположение и доверие, являемые доверием духовному совету архимандрита Игнатия, за которым обращались к нему лица благочестивые всех слоев общества, что доказывается множеством его писем этого характера. А с материальной стороны эти отношения выражались вкладами, приношениями и особенно стремлением предавать земле близких родных в стенах этой благоустроенной и, по богослужебному чину церковному, благоговейной обители иноков.

По исчислению наместника Сергиевой пустыни иеромонаха Агафангела, помещенному в его записках о пустыне, напечатанных в журнале “Домашняя беседа” за 1865 год, в июле месяце,⁹⁵ ценность всех возведенных зданий и построек во время управления обителью архимандрита Игнатия Брянчанинова простиралась на сумму до 420,000 рублей серебром.

Переходя ко времени отъезда епископа Игнатия на Кавказ, а с тем вместе к удалению от прямых, лицом к лицу, отношений к иерархам, стоявшим и стоящим во главе

духовной администрации, находим уместным упомянуть о тех из них, особым расположением которых пользовался епископ, служа в сане архимандрита настоятелем Сергиевой пустыни.

Первое место по духовно-близким отношениям принадлежит духовному сближению с высокопреосвященнейшим Филаретом, митрополитом Киевским и Галицким⁹⁶, что свидетельствуется письмами святителя Киевского, из которых приводим одно, первое из числа одиннадцати сохранившихся, все они одного духа и настроения.

“Возлюбленный в Господе Иисусе Христе брат,
отец архимандрит!

Приношу Вашему преподобию искреннейшую благодарность за память о моем недостоинстве в день ангела моего. Примите и от моего сердца, любящего Вас, искреннейшее приветствие с Днем ангела Вашего, а паче с наступающим великим праздником Рождества Христа — Спасителя нашего и с новым летом благодати Его. Желаю и молю Господа Бога Сладчайшего Иисуса, чтобы пламенная к Нему любовь святого Игнатия Богоносца вселилась в доброе и благочестивое сердце твое, брате возлюбленне! С сею любовью и на севере не будет холодно твоей святыне. А как скоро почувствуешь холодность, возгревай недремленно сердце твое животворными словами Евангелия Господа Иисуса Христа. А имя Его сладчайшее и всеспасительное всегда носи в сердце твоем, да будет оно в сердце твоем начертано неизгладимую тростию Духа Святаго.

Многие милости аз, недостойный, получил от Господа Бога, но более всего благодарю Его благодать за две милости: что избавил меня от юности от уз мира сего иночеством и что, неведомыми судьбами Промысла Своего, сподобил иметь жительство в святой обители Пресвятыя Богородицы, Милосердой Матери иноков, при благоухающих Духом Святым пещерах преподобных отец наших Печерских.

Одно остается желание сердца моего, чтоб не лишиться части с ними в вечных обителях Отца Небесного. Желаю

скорее разрешиться и быти со Христом. Четыредесят седьмой раз отпраздновал я духовно в уединенной пустыне моей день иноческого ангела моего — пора к Отцу Небесному. Боюсь такой старости, в которой можно растерять и малый запас для вечности, а приумножить поздно. Воля Господня да будет во всех, но Господь едва ли что дарует нам без молитвы.

Не успел я написать к Вам с о. Аполлосом, ибо отправлялся в то время для обозрения епархии. Брат сей у нас вел себя весьма хорошо, может быть, что-нибудь получил и для души. Да благословит его Господь Бог на новом месте. Призывая на Вас и на вверенную Вашему попечению обитель благословение Божие, с искреннейшим почтением и пастырскою любовью есмь и буду Вашего преподобия усерднейший богомолец.

Подлинное подписал Филарет,
митрополит Киевский.
16-го декабря 1844 года. Киев”.

Епископ Игнатий, живя на покое в Бабаевском монастыре, передавал брату своему такой случай: однажды архимандрит приехал навестить митрополита. Последний, встретив его и пригласив сесть, с нерешимостью говорит ему: “Не знаю, сознаться ли?” — “В чем?” — спросил, улыбаясь, архимандрит. “Да вот, опасаясь возношения по причине почестей от человеков, ради смирения себя, сшил себе мухояровый⁹⁷ подрясник и сего дня обновил его”. Архимандрит взял полу этого подрясника, плюнул в нее, растер и сказал высокопреосвященному: “В золоте ходите, но думайте о Церкви! В этом послушание Ваше и смирение Ваше”. И по его совету митрополит снял мухояровую одежду.

Затем следует поставить добрые, милостивые и искренние отношения митрополита Новгородского и С.-Петербургского Григория, которые выражались самими действиями высокопреосвященного, настоявшего на возведении архимандрита Игнатия в сан епископа на Кавказскую кафедру.

Письма архиепископа Орловского Смарагда⁹⁸ удостоверяют в искренне благосклонном расположении этого архиерея к архимандриту. Приводим письмо его.

“Преосвященнейший
возлюбленнейший о Христе брат!

Усерднейше приветствую Вас с возведением в сан епископа Российской Церкви и вступлением на боговеренную епархию. От всей моей души желаю преуспевания во всем благом как новопоставленному достойному архипастырю, так и всей пастве Кавказской. Духовный луг Ваш долго-временно напоен был живою водою Евангельского учения и примерами святых подвижников, и я совершенно уверен в том, что он, при благодати Божией, будет ныне произрастать самые благоуханные цветы для Церкви Христовой.

Премного благодарю за писание Ваше от 20 прошедшего января и прошу снисходительного извинения в том, что, не зная времени Вашего проезда чрез Орел, отлучился я из дома только денька на три в епархию. И нужно же было в эти именно три дня потерять мне драгоценнейшее с Вами свидание! Воля Божия да будет! Епархия Ваша несколько мне известна, особенно потому, что она подлежала некогда Астрахани, где я был пастырем и имел случай получить некоторые о Кавказе и Черноморье сведения, притом и семинаристы Ваши учились еще при мне в Астрахани. Черноморье, говорят, есть лучший угол в Вашей епархии. Но, вообще, при небольшом количестве церквей: жатва многа, а делателей мало.

Господь да умудрит и наставит Ваше преосвященство, как устроить Вам Дом Божий, иже есть Церковь Бога жива, столп и утверждение Истины. Я, с моей стороны, знаю, сколь трудно пастырю в новооткрытых епархиях, ибо и сам открывал в Белоруссии Полоцкую епархию и квартировал в жидовском доме, претерпевая и все прочие происходившие от недостатка средств и людей злоключения. Уповаю, что Господь милосердый оценит некогда мозолевые труды наши при насаждении в том крае Православной Церкви!

О себе доложу Вам, что здоровье мое сокрушается уже и от старости, ибо имею шестьдесят два года от рождения — близок предел земного странствования.

Помолитесь, владыко святой, о нашем недостойнстве. А я, стоя у престола Божия, не премину забвением святого имени и лица Вашего.

Прося продолжения Вашего к себе благорасположения, навсегда пребыть имею Вашего преосвященства нижайшим благоприятным слугою.

Подлинное подписал Смарагд архиепископ.

г. Орел

1858 года февраля 11 числа”.

Митрополит Филарет Московский покровительствовал начальным шагам служебной деятельности архимандрита Игнатия и удостоивал его даже нередко беседой о делах иноческих. Однажды, говоря о послушании, на замечание архимандрита, что иноческое послушание старцу не допускает никакого рассуждения, владыка Московский заметил, что ныне уже таких послушников нет. Архимандрит отвечал, что, так как это, главным образом, зависит от воспитания, то есть и ныне послушники, хотя и редко, которые принимают это учение по образцу древних новоначальных, и сослался на келейного послушника своего, сопровождавшего его, архимандрита, в этот проезд к владыке.

Высокопреосвященный пожелал его видеть и видеть опыт такого послушания. Келейный архимандрита по имени Степан был позван и представлен владыке. Архимандрит говорит ему: “Степан, покажи язык владыке!” Тот высунул язык, не рассуждая и не конфузясь — и был отпущен.* Впоследствии митрополит Филарет стал не менее других противодействовать успешному ходу по службе архимандрита Игнатия и повлиял сильно на то, чтобы сочинения архимандрита были так изменяемы поправками цензоров, чтоб отбить у него всякое желание издавать их печатно. На него, как главного виновника этого распоряжения, указывал цензор архимандрит Аввакум.⁹⁹ В бытность епископа Игнатия на Кавказе митрополит

* Стефан скончался весьма молодых лет в Сергиевой пустыне иеросхимонахом. В схиме наречен Симоном. Кончины сподобился самой блаженной, мирной.

принял под свое покровительство партию лиц, совокупившихся для противодействия епископу, под главным руководством протоиерея Крастилевского и ректора семинарии архимандрита Епифания Избитского.

По внешним же отношениям он сохранял вид благорасположения, выражаемого постоянно ответными письмами самого вежливо-сдержанного содержания.

Архиепископы Гедеон Псковский, Илиодор Курский выразили свое расположение к архимандриту Игнатию, отстаивая его и защищая в Синоде.

Архиепископ Агафангел Волынский¹⁰⁰ был его духовным сыном во все время своего пребывания в С.-Петербурге на чреде и сохранил до конца эти духовные отношения к епископу Игнатию, которого посетил уже жившего на покое в Николо-Бабаевском монастыре, ехавши в отпуск из Вятки, где до перевода на Волынь занимал епископскую кафедру.

Примечания

⁸⁴ Илиодор (И. Б. Чистяков, 17??–1861) — архиепископ Курский.

⁸⁵ Игуменья Мария (М. М. Тучкова, 1781–1852) — основательница Спасо-Бородинского монастыря на Бородинском поле славы 1812 г. Сохранилось описание встречи и духовных бесед игуменьи Марии с архимандритом Игнатием 30 июля — 2 августа 1847 г. в Спасо-Бородинском монастыре, записанное послушницей этого монастыря, см.: Мария (Шахова). Памятные записки о жизни игуменьи Марии, основательницы Спасо-Бородинского общежительного монастыря, в мире Маргариты Михайловны Тучковой (урожденной Нарышкиной). СПб., 1865. С. 91–94. Имя архимандрита Игнатия в книге не названо.

⁸⁶ Схимонахиня Елизавета (Е. Н. Шахова, 1822–1899) — духовная дочь святителя Игнатия. В 1837 и 1839 гг. вышли два сборника ее стихов. По благословению архим. Игнатия стала послушницей Спасо-Бородинского монастыря во время игуменства Марии Тучковой, продолжала писать стихи, поэмы и прозаические жизнеописания подвижниц благочестия. В 1863 г. пострижена в мантию с именем Мария. В последующие годы подвизалась в Успенском Старо-Ладожском монастыре, была настоятельницей Виленского Мариинского монастыря, С.-Петербургской Покровской общины сестер милосердия.

В начале 1890-х гг. удалась на покой в Старо-Ладожский монастырь, где приняла схиму с именем Елизавета и там скончалась. Известно ее стихотворение: Архимандриту Игнатию Брянчанинову (настоятелю Сергиевой пустыни) (“Был в древности святой Игнатий..”) // Журн.-Моск. Патриархии. 1995. № 12. С. 73–74.

⁸⁷ Игуменья Антония (А. Н. Троилина, 1822–1897) — в 1841 г. поступила в Спасо-Бородинский монастырь, в 1858 г. пострижена в нем в монашество, с 1861 г. — игуменья Страстного, с 1871 — Алексеевского московских монастырей. Почитала святителя Игнатия как подвижника благочестия и учителя монашества, в своем игуменском служении следовала его примеру возрождения старчества с откровением помыслов и умным деланием.

⁸⁸ Мария Николаевна — великая княгиня, дочь императора Николая I (1819–1896). Ново-Сергиевский дворец — ее летняя дача, находившаяся недалеко от Троице-Сергиевой пустыни по Петергофской дороге, которую сам святитель поэтически назвал “продолжительным английским садом”. В настоящее время здесь располагается Естественно-научный институт С.-Петербургского государственного университета.

⁸⁹ Это первая публикация сочинения “Благополучный день”.

⁹⁰ Никанор (Н. С. Клементьевский, 1787–1856) — митрополит Новгородский и С.-Петербургский с 1848 по 1856 гг.

⁹¹ Михаил Иванович Глинка (1804–1857) — великий русский композитор, возрождавший в музыке национальные традиции.

⁹² В сокращенном виде письмо опубликовано в кн.: Собрание писем. 1995. С. 70–77, отмеченный курсивом текст печатается впервые.

⁹³ Николай Николаевич Муравьев-Карский (1794–1866) — принадлежал к числу образованнейших людей своего времени. Профессиональный военный, участвовал в войне 1812 г., в русско-иранской (1826–1828 гг.) и русско-турецкой (1828–1829 гг.) войнах. С 1854 по 1856 гг. был главнокомандующим и наместником на Кавказе, явился инициатором назначения архимандрита Игнатия на Кавказскую кафедру. С годами отношения свт. Игнатия и его брата П. А. Брянчанинова к Н. Н. Муравьеву перешли в глубокую дружбу. Об их переписке — см. прим. к главе 1.

⁹⁴ Григорий (Г. П. Постников, 1784–1860) — митрополит Новгородский и С.-Петербургский с 1856 по 1860 гг.

⁹⁵ Записки вышли также отдельным изданием: Агафангел (Воскресенский). Досуги инока: наместника Троице-Сергиевой пустыни игумена Агафангела. СПб., 1901. 119 с.

⁹⁶ Опубликованы 13 писем митр. Филарета к свт. Игнатию: Филарет (Амфитеатров). Письма высокопреосвященного митрополита Киевского Филарета (Амфитеатрова) к настоятелю Троицкой Сергиевой пустыни архимандриту (впоследствии епископу) Игнатию Брянчанинову, 1837–1843 гг. // Богосл. вестник. 1913. Март. С. 405–417.

⁹⁷ Мухояр — дешевая бумажная ткань с примесью шерсти или шелка.

⁹⁸ Смарагд (А. П. Крыжановский, 1796–1863) — архиепископ Орловский.

⁹⁹ В письме к брату Петру Александровичу Брянчанинову от 30 сентября 1862 года святитель Игнатий писал: «Когда я жил в Сергиевой пустыни, тогда не благоволили, чтоб мои сочинения были издаваемы печатно, имея на то свои причины. Может быть эти причины существуют доселе. ... Сначала мне не указывали прямо: на отказ употребляем был свой прием. Именно: так перемарывали рукопись и так изменяли сочинение, что рукопись делалась никуда негодною, а сочинение делалось чуждым мне и получало искаженный вид, могущий соблазнить читателя, а автора сделать посмешищем публики. Впоследствии один цензор был столько добр, что сказал о существовании тайного приказа относительно моих сочинений, после чего я не стал беспокоить цензуру представлением туда трудов моих» (Собрание писем. 1995. С. 724–725).

¹⁰⁰ Агафангел (А. М. Соловьев, 1812–1876) — архиепископ Волынский и Житомирский.

КАВКАЗ

Епископ Игнатий в продолжительное настоятельство в Сергиевой пустыни не только не скопил себе никакого капитала, но дошел до такого положения, что не имел даже средств без посторонней помощи совершить предстоявшую дальнюю дорогу. Он всегда был чрезвычайно щедр на милостыню, отказа не делал никому, если имел что подать. Когда не случалось денег, подавал вещами, так что келейные старались наделять просящих деньгами, сколько было возможно, предупреждая просителей от личных отношений к архимандриту. Поэтому, когда надобно было выехать из Петербурга, епископ вынужден был прибегнуть за денежным вспомоществованием к одному близкому ему по духовным отношениям лицу, которое и снабдило его пособием в 1000 рублей.

25 ноября он оставил Петербург и 26-го прибыл в Москву, откуда ездил в Сергиеву Лавру. 5 декабря вечером приехал в Тулу, где, будучи принят благосклонно преосвященным Алексием¹⁰¹, литургисал, и 7-го отправился в дальнейший путь. В Орле он не застал архиепископа Смарагда, явившего в бытность свою в Синоде искреннее расположение к тогдашнему архимандриту Сергиевой пустыни, и проехал до Фатежа, где по болезненности прожил трое суток в доме купца Харичкина. 13-го вечером прибыл в Курск, где 15-го служил литургию в соборе по приглашению Илиодора, архиепископа Курского и Белгородского, а 18-го переехал в Харьков, где 20-го отслужил литургию.

21-го епископ в четыре часа пополудни весьма засветло поворотил со станции “Голая Долина” в Святогорский монастырь, отстоящий в двенадцати верстах оттуда. Был один градус тепла. Ехали на колесных экипажах. Когда своротили с большой дороги на проселочную, к монастырю, поднялась сильнейшая степная снежная метель. В расстоянии сажени ничего не было видно. Ямщики сбились с дороги и ехали куда попало. Наконец, лошади упорно остановились без всякой видимой причины: оказалось, что экипаж епископа стоял на краю глубокого обрыва, над самой пропастью, и только к двум часам ночи, при ярко светящей луне и при двадцати градусах мороза, прибыл епископ в монастырь.

Следуя далее из Бахмута, он поехал в имение баронессы Кампенгаузен, пригласившей его провести у нее праздник Рождества Христова. (Имение это в сорока верстах от помянутого города). Для переезда выслан был епископу шестерик отличных лошадей. Первые двадцать верст лошади мчались быстро по летней дороге, покрытой ледяной корой. С началом других 20 верст дорога уже была покрыта снегом. Лошади пошли шагом. Чем дальше, тем снег становился глубже, шестерик остановился. Послали за другими лошадьми. Приведен был еще шестерик. Дормез, запряженный в двенадцать лошадей, тронулся, но снег становился глубже и глубже — лошади шли с трудом, часто останавливались.

Настала ночь. Кучера сбились в степи с дороги и по необходимости вынуждены были остановиться. К счастью, ночь была нехолодная. Отпрягли несколько лошадей, и верховые поехали отыскивать селения и помощь. На звук праздничных колоколов верховые приехали в село. Священник и диакон, готовившиеся служить литургию, собрали достаточное число народа, лошадей и быков и отправились выручать путника, прошедшего ночь в степи. Епископ пересел из дормеза в сани и приехал в усадьбу в седьмом часу утра. Экипаж привезли на быках. Оказалось, что сбились с дороги в семи верстах от усадьбы по причине бесследно снегом заметенной степи.

4 января 1858 года епископ Игнатий прибыл в Ставрополь Кавказский к четверем часам пополудни. Архиерейского дома не было, и новоприбывший владыка остановился в приготовленной для него квартире в доме купца Стасенкова.

Существовал небольшой домишко, более похожий на хижину, который лет за четырнадцать до того подарил ставропольский купец Волобуев для временного помещения первого епископа Иереми¹⁰². К этой хижине была пристроена столько же незатейливая половина из двух небольших комнат, названных залой и гостиной. Последняя служила вместе и моленной для архиерея, так как из нее были сделаны окошечко и входная дверь в пристроенную к этой хижине небольшую каменную церковь — Крестовую. Тогда же и этот плохой домишко пришел в крайнее разрушение, так что граждане посовестились принять в него епископа. Движимые благожеланием, они наняли для него квартиру на свой счет.

В день приезда преосвященный принимал в своей квартире духовенство кафедрального собора, граждан с хлебом-солью и начальника губернии генерал-лейтенанта А. А. Волоцкого¹⁰³. Вечером слушал дома всенощную и на другой день — воскресный — 5 января служил литургию в Рядской соборной церкви, при многочисленном собрании служащих как гражданского, так и военного ведомств и граждан города, теснившихся по стремлению присутствовать при первом богослужении нового пастыреначальника. После заамвонной молитвы епископ приветствовал паству своею словом духовного мира о Христе Господе нашем. Приводим это слово как точное выражение духа всех отношений нового пастыря к пастве его.¹⁰⁴

*“Мир граду сему
(Мф. 10; 12).*

Произношу это приветствие, возлюбленные братья, по завещанию Господа моего, пришедши с посохом пастыря в богоспасаемый град Ставрополь, да проповедую и глаголю в сем граде и в окрестных градах и весях, *ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 10; 7).

Царство Небесное, Царство Божие внутри нас есть (Лк. 17; 21). Царствие Небесное — мир Христов. В душе, в которой от покорности Богу утихли страсти, царствует Бог, царствует мир Христов.

Но мир Христов отнюдь не есть мир века сего. Подает Господь мир Свой не так, как доставляется мир обычаем падшего человечества (Ин. 14; 27). Единство пустой, даже неблагонамеренной цели, нередко водворяет между людьми временное и душепагубное согласие. Мир Христов — свят! Мир Христов — весь во Христе! Мир Христов засеивается в душе Словом Божиим, зарождается от возделывания сердечной нивы заповедями Христовыми, питается этим невидимым, но небеструдным подвигом, возрастает от него. От действия Святого Духа мир Христов объемлет ум, сердце и тело совершенного христианина, соединяет эти части, рассеченные и разъединенные грехом, воедино; человека, примиренного в себе и с самим собою, составляющего уже собою единое и целое, каким он был до падения, соединяет с Богом. Такой мир испрашиваю себе и вам, возлюбленные братья, у единого Подателя истинного и святого мира, у Господа нашего Иисуса Христа.

Мир Божий, *превосходящий всяк ум*, по живому и точному понятию апостола, да соблюдет для Христа сердца и разумения наши, да соблюдет для Него земную деятельность нашу и зависящую от этой деятельности нашу вечную участь. Аминь”.

В день Богоявления по совершении литургии освящал воду в бассейне, расположенном в середине города, при значительном собрании войск, с окроплением знамен и при многочисленном стечении народа, который принял владыку приветливо. Бассейн этот устроен в промежутке между двумя отделами бульвара, идущего вдоль всей главной улицы к Тифлисской заставе. Бульвар разделяет улицу на два пути, а бассейн составляет перекресток бульваров с улицей, идущей от лестницы из кафедрального летнего собора во внутреннюю часть города. На углах этой улицы, обращенных к бассейну, расположены с одной стороны

ряды гостиного двора с Рядской церковью над ними, с другой — угол дома, в то время занимаемого гимназией с ее двухклассным педагогическим отделом специалистов.

В день Богоявления погода была чрезвычайно теплая. Окна здания гимназии, обращенные к бассейну, были открыты, и во время водоосвящения в них толпились любопытствовавшие гимназисты-пансионеры с надзирателями и наставниками, а в ближайшем к бассейну окне помещался в числе зрителей и директор гимназии Ианнуарий Михайлович Неверов.

Крикливо-шумные разговоры со смехом и хохотом собравшихся в этих окнах гимназистов продолжались во все время богослужения, но особенно сильно раздавались они тогда, когда епископ читал молитвы освящения воды. Сатанински дикий хохот самого директора резко покрывал шум и гам всего этого общества на соблазн всех присутствовавших, так что начальник губернии генерал-лейтенант Волоцкой вынужден был послать просить остановить эти неуместные выходки учащихся. Обстоятельство это дало епископу безошибочное понятие, вполне оправдавшееся впоследствии и на деле, о злобнейшем направлении директора гимназии Неверова, ставившего основной целью воспитания юношества развитие в нем свободы мысли, не допуская ограничения этой свободы даже критикой самой основательной.

Епархия Ставропольская, учрежденная около 1840 года, не могла устроиться по особым обстоятельствам, не только воспрепятствовавшим успешному ходу этого благого правительственного начинания, но и осложнившим труд, предстоявший епископу Игнатию, необходимостью вернуть всех и каждого в правильные отношения к делу, на них возложенному, а самые правительственные учреждения и власти края — к благосклонному отношению к кафедре епископской.

Первым епископом Кавказским и Черноморским был преосвященный Иеремия — человек весьма благочестивый, но характера крутого. Из ревности к Православию он очень

строго отнесся к раскольникам, в значительном множестве населяющим станицы Кавказского линейного казачьего войска. Отвага и мужество боевых частей войска проложили им путь к возбуждению энергического противодействия епископу через свое, их ближайшее, военное начальство, по представлению которого все население Линейного казачьего войска было изъято из ведения епархиального епископа и передано в ведомство обер-священника Кавказской армии. Таким образом, в только что учрежденной епархии из пятисот тысяч душ, составлявших ее паству, ровно половина (то есть двести пятьдесят тысяч) отошла из управления епископа, который никак не подозревал даже возможности такого отделения.

Так как епархия эта была поставлена в разряд третьеклассных, то епископ ее должен был содержаться на жалование двухсот восьмидесяти пяти рублей серебром в год. Ввиду того, что такая сумма была крайне недостаточна для вновь открывшейся кафедры, требовавшей по всем частям необходимых обзаведений и устройств, Святейший Синод определил временно отпускать епископу из синодских сумм по тысяче рублей серебром в год карманных денег и по тысяче пятисот рублей — на содержание архиерейского дома, впредь до полного устройства кафедры.

Преосвященный Иеремия, весьма чтимый в обществе и народе за святость подвижнической жизни своей, действиями против раскольников возбудил против себя неудовольствие всего высшего начальства края, а потому не имел успеха во всех предприятиях своих по материальному устройству кафедры. Он скоро попросился на покой, в который и уволен, не успев сделать ничего прочного для устройства своей кафедры.

Место его заступил преосвященный Иоанникий¹⁰⁵, который впал в противоположную крайность: оставив за собой только рукоположение, он предоставил ведение дел вполне на волю Консistorии, взглядами которой руководствовался во всех своих сношениях.*

* Как образец этого добровольного, сознательного подчинения епископа Иоанникия Консistorии приводим обстоятельство, случившееся с управляв-

Консistorией же тогда управлял с полным самовластием соборный протоиерей Крастилевский, вследствие чего дела епархии вызвали формальное следствие, которое произвел Астраханский архиепископ Евгений по распоряжению Синода. Последствием этого было увольнение на покой епископа Иоанникия и оставление на рассмотрение и распоряжение имеющего прибыть нового епископа действий протоиерея Крастилевского и прочих членов Консistorии. Вследствие такого хода дел епархиальное духовенство, весьма богатое материально по причинам богатства самого края, всегда теснимое Консistorией, среди общества не могло иметь никакого влияния, в простом же народе утратило доверие.

Плодом таких взаимных залогов между духовенством и народом было со стороны последнего неуважение к священному сану, непочтение к святой Церкви, к ее уставам и обрядам. Не достойно ли было удивления и сожаления, например, такое обстоятельство, что два протоиерея, члены Консistorии, были почтосодержателями: Крастилевский по Военно-Грузинскому тракту, а Гремячинский — по Моздокскому? Хотя они не прямо от своего лица содержали станции, но действовали своими капиталами, о безопасности которых лично хлопотали и в присутственных местах и у гражданских властей.

Множество следственных дел по доносам обывателей на духовенство и обратно — духовенства на граждан — обременяли управления и служащих обоих ведомств и разжигали взаимные вражды и злобу, чем старались пользоваться подстрекатели, кляузники, находившие в этих смутах удовлетворение

шим губернией местным вице-губернатором. Он жил в приходе церкви св. великомученицы Варвары, где настоятелем церкви был священник Гавриил Орлов, пользовавшийся любовью всего прихода. Узнав, что его предположено перевести на другой приход, все прихожане и сам священник просили ходатайства вице-губернатора у преосвященного об оставлении о. Гавриила на месте.

Управлявший губернией поехал к преосвященному, которому изложил просьбу прихожан и свою, прося благосклонно принять ее во внимание. Но преосвященный очень индифферентно ответил, что это от него не зависит и предложил управлявшему губернией обратиться с его просьбой в Консistorию.

своих корыстных стремлений. Денежные средства духовенства вообще были так значительны, что при ста десяти приходах епархии священно-церковнослужители их имели на процентах в Ставропольском Приказе общественного призрения капитал, составлявший более чем 3/4 всего миллионного капитала Приказа.

Ознакомившись с текущим делопроизводством Консistorии, с лицами, ее составляющими, с отношениями их к обществу, к духовенству и к прочим управлениям края, епископ Игнатий немедленно принял решительные меры, во-первых, к восстановлению добрых и должных отношений между духовенством и обитателями города, как гражданами, так и служащими лицами и правлениями ведомств военного и гражданского, а во-вторых, к обеспечению добросовестного и бескорыстного движения дел по Консistorии. Подробное изложение мероприятий его мы приведем ниже, из его отчета за 1858 год.

Весьма естественно было епископу Игнатию желать немедленно приступить к исполнению двух неотложных, необходимейших действий: к личному обзору епархии и к своему лечению минеральными водами. С этой целью он решил в лето 1858 года объехать всю восточную половину епархии, соединив обзор с лечением в Пятигорске и его окрестностях, лечением, необходимым для возможного восстановления его здоровья, потрясенного с детства, застуженного золотухой и впоследствии окончательно поврежденного в болотистой местности Сергиевой пустыни ревматизмами, неправильным лечением и геморроем.

Выехав из Ставрополя, он направился в Георгиевск, а оттуда в Пятигорск, где по совету и, руководясь указаниями главного доктора военного госпиталя Красноглазова, пил и принял полный курс ванн серных, потом щелочных в станице Эссентукской и, наконец, в Кисловодске, укрепляющие ванны Нарзана. Из Кисловодска в первых числах августа месяца епископ совершил поездку в Георгиевск для свидания с митрополитом Исидором¹⁰⁶, перемещенным из Тифлиса в Киев. Митрополит ехал в Петербург, откуда уже

намеревался в ту же осень отправиться в Киев. Он прибыл в Георгиевск в одиннадцать часов вечера. В дневнике епископа Игнатия найдена его собственноручная заметка под 5, 6, 7 и 8 августа.

“До двух часов ночи беседовал митрополит со мною и гражданским губернатором генерал-лейтенантом Волоцким. Говорил почти один митрополит и единственно о предметах светских, говорил с большою охотою. 8-го он встал утром, в шесть часов, занялся со мною около десяти минут наедине разговором о предметах, касающихся Кавказской епархии и вообще Церкви. В это кратчайшее время он коснулся многих предметов, выказал по многим из них познания самые рядовые и даже самые недостаточные, направление ума с поверхностным взглядом и кавказскую самоуверенность. Ему лет шестьдесят — много с годом или двумя. Росту он менее, нежели среднего, но и не самого малого. Голова его сидит в плечах, шея очень коротка. В обращении мужиковат, но весьма сметлив — глаза так и бегают. Сметливостью своею он отличался постоянно на поприще своего служения. Силами еще очень свеж, хотя молва и провозгласила его повсюду весьма болезненным. Митрополит выразил свое неудовольствие на дворянство русское за медленность в увольнении крестьян”.

Епископ, сообщая митрополиту об отношениях своих к семинарии, передал, между прочим, что в видах поощрения г.г. профессоров и учащего юношества он приглашал по вечерам в праздники к себе нескольких человек преподавателей и с ними нескольких наиболее достойных юношей на чай, при этом предлагалось угощение фруктами или чем другим сладким и велись разговоры духовно-назидательного направления.

Это действие столько не понравилось митрополиту, что, несмотря на присутствие при этом начальника губернии, он не остановился осыпать епископа укоризнами, выговаривая ему за сие, как бы за какое преступление, и до такой степени увлекся своим разнузданным раздражением, что генерал-лейтенант Волоцкой счел не неприличным успокаивать

его, выставляя ему молчание епископа перед его обвинениями как причину достаточную, чтобы умерить гнев его и положить конец крикливому его выговору.

Окончив лечение в Кисловодске, епископ Игнатий направил путь свой для обзора епархии вдоль южной и потом по юго-восточной стороне Ставропольской губернии.

Чтобы уяснить, по возможности, вернее найденное им современное состояние епархии, обратимся к взгляду на нее самого епископа Игнатия, высказанному им в его годовом отчете за 1858 год, когда он уже лично осмотрел большую половину ее, но еще не видал Черномории, не успев посетить ее за поздним временем, которого много было отнято ожиданием приезда великих князей Николая и Михаила Николаевичей, посетивших в осень того года Кавказ и проезжавших через Ставрополь. **Обратимся к выпискам из годового отчета о состоянии епархии за 1858 год.**¹⁰⁷

Консистория. Личный состав Консистории. В 1858 году (то есть в год приезда епископа Игнатия на кафедру) значительно изменился. В начале 1858 года, вслед за епископом Игнатием, прибыли в Ставрополь новый ректор семинарии архимандрит Герман* и новый инспектор, соборный иеромонах Исаакий**.

Первый из них по усвоенному ректорам праву начал присутствовать в Консистории, а второй — по предложению епископа, по представлению которого это распоряжение его утверждено Синодом. В марте прибыл и новый секретарь.

Столько чувствительное изменение состава Консистории поколебало авторитет члена Консистории протоиерея Крастилевского, дотоле господствовавшего в Консистории по причине весьма хороших способностей своих, по причине опытности своей в делах, в особенности же по причине неограниченной доверенности, которую питал к нему преосвященный Иоанникий. Страх к Крастилевскому несколько ослабел в прежних членах, и член протоиерей Сухарев —

кандидат Московский академии, лицо характера правдивого — до сих пор безмолвствовавший, начал с пользой для дела подавать голос свой.

Но способности Крастилевского и знание дел именно Кавказского края не могли не привлекать внимания прочих членов и секретаря к его мнениям. Вслед за вниманием начала привлекаться и доверенность, тем более что ректор и инспектор, занятые семинарией, не могли уделять для дел Консистории столько времени, сколько эти дела требуют для основательного рассмотрения их. Превосходство в знании дела перед прочими членами, врожденная хитрость, доходящая до коварства, снова доставляли Крастилевскому первенство и преобладание в Консистории и доставили бы его, если б не было другой власти, его ограничивавшей и обуздывавшей.

В делах оказалось ощутительным столкновение, для многих неприметное: хитрый Крастилевский едва усматривал, что его противодействие становится приметным, как немедленно прибегал к уклончивой уступчивости. Но эта, при известных случаях, уступчивость не могла изменить общего направления, и столкновение сделалось ощутительным в самой административной цели, в цели нравственной и духовной. Исправление Крастилевского оказалось невозможным: удаление его из Консистории оказалось необходимым. От края епархии до другого края слышались жалобы и вопли на него.

Духовенство, привыкшее в течение десятков лет видеть в нем неограниченного властелина, трепетало перед ним. В сем 1858 году оно хотя и заметило ограничение его во влиянии и действиях, однако не доверяло этому состоянию ограничения, необычному для Крастилевского, и, зная из опыта его стойкость, ожидало с минуты на минуту вступления его в обычные ему права самовластия. Многие дела шли медленно, а иные вовсе не подвигались единственно по той причине, что лица, которым они были поручены, зная взгляд на них Крастилевского, не осмеливались действовать неблагоприятно ему.

* Ныне епископ Кавказский.

** Ныне епископ Красноярский.

Последнее обстоятельство служило весьма важным препятствием к приведению епархии в порядок, а в некоторых случаях могло бы породить самые неприятные и громкие события, как это будет фактически доказано и изображено при описании посещения епископом города Моздока. Получив такое практическое понятие о Крастилевском из рассматривания дел не только на бумаге, но и в их результатах, епископ по возвращении своем из обозрения епархии счел первой и священной обязанностью устранить из епархиальной деятельности то начало, которое в течение столь долгого времени лишало епархиальную деятельность благотворной правильности и впредь по усвоившемуся ему направлению не престоало бы служить неистощимой причиной самого вредного влияния.

На сем основании епископ по предоставленному ему праву уволил Крастилевского от присутствия в Консistorии и представил Святейшему Синоду о совершенном увольнении сего лица от звания члена Консistorии. Святейший Синод уважил сие представление.

Вместе с сим, епископ счел нужным для решительного освобождения членов Консistorии от влияния, которое должен бы сохранить на них Крастилевский, удаление его из епархиального города. Крастилевский уволен от должности кафедрального протоиерея, ему предоставлено настоятельство моздокского собора и благочиние над ним без всякого, однако ж, влияния на Успенскую загородную церковь, коей прихожане — наиболее осетины и черкесы. А так как Крастилевский счел несовместным для себя помещение в Моздок по ненависти к нему христиан-горцев, что вполне справедливо, то при открывшейся вакансии он перемещен в город Георгиевск на тех же правах, на коих был назначен в Моздок.

Место Крастилевского в кафедральном соборе и по присутствию в Консistorии занял благочинный георгиевский протоиерей Василий Попов, характера открытого, прямого, направления соответствующего характеру благонамеренности и способности, доказанных четырнадцатилетним служением в должности благочинного, которую он сохранил за собой,

несмотря на холодность к нему Крастилевского. Святейший Синод утвердил членом Консistorии протоиерея Попова, который подробным знанием многих дел не замедлил оправдать свое избрание и весьма заметно подействовал на изменение характера Консistorии, в составе которой остался только один член — протоиерей Гремячинский — с прежним направлением, но это лицо по способностям своим не могло влиять на остальной состав Консistorии. Протоиерей Сухарев оказался весьма полезным деятелем.

Таким образом, в течение 1858 года как состав лиц, так особенно и решительно изменился и характер действий Консistorии. Помощник секретаря Альбанов, на которого восходило много жалоб в Святейшем Синоде, в июне оставил службу в Консistorии, которая в обновленном составе и характере вступила в служебное поприще 1859 года. Новые члены и секретарь присмотрелись к делам и церковным потребностям края. Мера благотворной строгости, употребленная Св. Синодом относительно членов, открыто вступивших в противодействие святителю, мера, поддержанная удалением из Консistorии Крастилевского, прикрывавшего свое противодействие уклончивостью, внушила наличным членам особенное бодрствование над образом их деятельности, доставила им единодушие в стремлении к общему церковному благу. От этого бодрствования, от этого единодушия деятельность Консistorии внезапно получила особенную энергию и развитие.*

* Этот взгляд свой на преуспевание Консistorии епископ выразил и самой Консistorии предложением, данным ей 13 января 1859 года за № 2.108 Он писал Консistorии: “С сердечным утешением усматриваю я, что Кавказская духовная Консistorия в истекшем 1858 году сделала значительное преуспевание по характеру и достоинству своим, которые заключаются в правосудии, в беспристрастии, в благоразумном христианском взгляде на немощи общества, в приветливом, скромном, положительном и твердом тоне при сношениях с другими ведомствами; в осторожности, осмотрительности, устранении от разгорячения, всегда сопутствующего страстию и всегда обличающего присутствие страсти и уклонение от истины; в безостановочном, по возможности, решении дел, столько отрадном для тех, коих эти дела касаются.

Такой характер и достоинство Консistorии не могут не быть ясными и вполне ощутительными для подведомственного ей епархиального духовенства. Такой

Екатеринодарское (в Черномории) духовное правление осталось неизменным в своем личном составе. Незначительное число дел давало возможность очищать их своевременно, без задержания.

Попечительство о бедных духовного звания. Попечительство о бедных преимущественно обращало внимание на обеспечение в средствах к жизни как тем, кои по преклонности

характер и достоинство не могут не отозваться благотельно на епархиальном духовенстве, не только упрочив благоденствие кавказской Церкви и ее духовенства в административном отношении, но и возвысив духовенство в отношении нравственном.

Сего мало: характер и достоинство Консистории весьма скоро должны быть замечены прочими ведомствами края и неминуемо внушат им уважение и доверенность к духовному судилищу, что поставит Церковь в ее права, не только дарованные ей гражданскими постановлениями, но и составляющими ее неотъемлемую богоданную собственность, теряемую единственно утратою того достоинства и характера, кои одни служат верным условием обладания высоким нравственным правом. Считаю себя вполне счастливым, что прошедший год могу увенчать, а наступающий начать изъявлением моей совершенной благодарности и моего совершенного удовольствия Консистории за ее достойное похвалы и благословения служение. Всеблагий Бог да дарует ей в текущее лето преуспеть паче и паче. Объявляю мою искреннюю признательность отцам — членам Консистории, объявляю оную г. секретарю, благодарю канцелярию.

Желающие преуспевать никогда не должны быть довольны собою: они должны постоянно стремиться к преуспению, имея верным, логичным залогом предстоящих успехов успехи, ими совершенные, и забывая (по отношению к тщеславию) совершенные уже успехи, чтоб они, привлекая приятно и обольстительно внимание к прошедшему, не отвлекли внимания от предстоящего.

В видах содействия дальнейшему развитию служебного достоинства Консистории назначаю в ней присутствующим, впредь до усмотрения, протоиерея Иоанна Александровского. Как протоиереи — члены Консистории — имеют каждый свой стол, то поручаю протоиерею Александровскому специальное занятие по Консистории, именно пересмотр в литературном отношении всех протоколов, особливо должностующих поступать в Святейший Синод, также всех отпусков, поступающих в иные ведомства от лица моего, особливо же рапортов в Святейший Синод, и литературную обработку оных. Литературное достоинство актов, исходящих из Консистории, несомненно, возвысит ее достоинство пред взорами других присутственных мест и должностных лиц. Надеюсь, что протоиерей Александровский оправдает мой взгляд на него и свое академическое образование. Консистория имеет пригласить его к присутствованию на законном основании”.

лет не имели сил собственным трудом пропитывать себя, так и малолетних сирот. К ста восемнадцати семействам, получавшим пособие попечительства в 1858 году, поступило под его покровительство вновь двадцать два семейства.

В распоряжение попечительства поступали суммы: от сбора по пригласительным листам, от кружечного сбора и от выручки свечной в кладбищенских церквях. Таковым сбором покрываются все годовые расходы, а приобретенная им в прошедшие годы экономия, состоящая из шестнадцати тысяч пятидесяти рублей пятидесяти девяти копеек серебром, остается неприкосновенной в кредитных установлениях. Присутствие попечительства составляли два протоиерея и один священник, из них протоиерей Сухарев был докладчиком по делам попечительства.

Благочиния. Епископ Игнатий нашел необходимым по осмотре самой многонаселенной части своей епархии прибавить два благочиния, остальные шестнадцать переграничить соответственно местным удобствам. В г. Кизляре, значительно отдаленном от епархиального надзора, епископ учредил кроме официального благочинного конфиденциальный за духовенством Кизляра и его окрестностей надзор в лице настоятеля кизлярского Крестовоздвиженского монастыря игумена Германа, старца строгой нравственной жизни. Игумену дано было право назидать духовенство, останавливать нарушителей благоповедения, извещать епископа вообще о нравственности духовенства и в частности о тех, которые позволили бы себе поступки неприличные, несмотря на напоминание игумена, но он не имел права входить в сношения с Консисторией по сему поручению.

Протоиерей Сухарев, благочинный церковью города Ставрополя, по его просьбе уволен от этой должности по множеству его занятий как члена Консистории и законоучителя ставропольской гимназии. Одновременно с сим сделано и много других перемещений, увольнений и новых назначений благочинных.

С целью дать благочинническому надзору большее развитие епископ сделал следующие распоряжения: “Все священники, диаконы и причетники в случае желания их

переместиться из прихода в приход и при других подобных обстоятельствах обязаны представлять свидетельства о согласии на то (или о беспрепятственности к тому) благочинного, если оба прихода состоят в ведении одного благочинного. Если же приходы находятся в разных благочиниях, то требуется от просителей, чтоб они на прошения своих имели свидетельства обоих благочинных. Сверх того, диаконы и причетники обязаны представлять свидетельства своих приходских священников”.

Эта мера имела благотворнейшее влияние на дух кавказского духовенства, носящего на себе отпечаток народного характера, общего всему населению края — характера отваги и своеволия. Диаконы и причетники отселе видят на самом деле, что приходские священники суть их начальники, а духовенство благочиния видит в своем благочинном начальника. Достоинно замечания то, что все благонравные члены духовенства приняли это распоряжение с любовью, но оно не понравилось членам немощным. По причине этого распоряжения многие благонамеренные и благонравные люди сделались известными епископу и получили ход, также обнаружилось многие характеры беспокойные и недостаточной нравственности.

Для обуздания и вразумления своевольных и непокорных, за нарушение упомянутого распоряжения установлено наказание небольшой денежной пеней в пользу попечительства. Вместе с нравственной пользой эта мера принесла и другую значительную пользу: ощутительно уменьшила письменные труды Консистории.

Второй мерой для доставления определительности влиянию благочинных признано было нижеследующее: прежде назначались следователями по разным возникавшим делам разные священники (по усмотрению Консистории). Таким образом, многие дела по благочинию оставались неизвестными благочинным. Сверх того, следователи священники, особенно те из них, которым чаще других поручались следствия, нередко с устранением от следствия благочинного за доставление следствию правильного хода, эти

следователи, вполне сознавая свой авторитет, таинственно и гадательно доверяемый им, уже вменяли своих благочинных ни во что.

Для устранения этой неурядицы, так напоминающей мутную воду русской пословицы, епископ предложил Консистории употреблять для следствий по благочинию единственно благочинного. Хотя благочинные состоят наиболее при двухприходных церквях, и в случае их отсутствия по делам благочиния может заменять их по приходу их товарищ, но так как по духу времени следственные дела весьма умножились, а епархия малолюдная, раскинута на большом пространстве, то предоставлено всем благочинным избрать себе по помощнику, утверждаемому епископом, и этому помощнику поручать дела второстепенной важности (Уст. дух. Консист. Ст. 69).

Третьим средством к усилению благочиннического надзора признано сближение сношений между епископом и благочинными, коим предоставлено, между прочим, кроме официальных рапортов, получающих узаконенный ход, относиться к епископу и конфиденциальными рапортами, которые должны оставаться в кабинете епископа без огласки и предметом которых могут быть сведения, не терпящие официальности, но весьма нужные для полноты и ясности в административном отношении. Эти полнота и ясность сведений, как доставляющие правильное и определенное понятие, существенно необходимы епископу. Все упомянутые распоряжения изложены на бумаге и объявлены по епархии циркулярами с целью по возможности устранить недоумения и освободить Консисторию от излишней переписки, отвлекающей от должного внимания и занятия по делам первостепенной важности.

Общий взгляд на епархию. В период времени служения епископа Игнатия на Кавказе, край этот находился в переходном состоянии и, по-видимому, должен был оставаться в этом положении еще в продолжение значительного времени. Русское оружие постоянно теснило горцев в горы. По этой причине стратегические пункты переменились, станицы линейных казаков переносились уже к самой

подошве главного хребта Кавказских гор. Города быстро строились и начинали принимать цветущий характер, еще быстрее они пустели и упали. Военное начало господствовало в крае. Направление всех прочих начал приспособлялось к успешному достижению военных целей.

Во главе разнородных управлений наиболее стояли люди военные. В городах жили, как бы в стане. В Георгиевске, особенно в Моздоке и Кизляре, с вечера и до утра невозможно было выходить на улицы невооруженным или без сопровождения людьми вооруженными, с сумерек на всю ночь ставни и ворота затворялись накрепко. Казалось, вся и все было готово при первом требовании обстоятельств сняться и перенестись на другое место. В самом Ставрополе здания выстроены были на скорую руку. Многие из них по наружности и значительности размеров довольно благолепны, но все — очень недостаточны по прочности, расположению и в хозяйственном отношении. Частные дома выстроены с целью наибольших выгод по постройке при наименьших издержках на постройку.

Весьма естественно, что такое состояние края имело значительное влияние на состояние епархии. Епископ, Консистория, семинария витали во временных приютах, в квартирах самых неудобных. Сначала гражданское ведомство оказывало содействие ведомству епархиальному. Впоследствии оно охладело к нему, устремив все свое внимание к доставлению развития городу и обществу в европейском направлении. Граждане, приносившие охотно пожертвования в пользу Церкви, обратили свое усердие к учреждениям в духе Запада. И то надо заметить, что местное купечество в это время очень упало, потому что все почти казенные подряды и поставки перешли в руки закавказского армянского купечества.

С прибытием епископа Игнатия на Кавказ, князь наместник и управляющий гражданской частью наместничества статс-секретарь Крузенштерн обратили благотворное внимание на Кавказскую кафедру.

По поручению князя Барятинского¹⁰⁹ в 1858 году командующий Правым крылом занимался составлением проекта

о разделении Кавказского края на две области: западную и восточную. Первая, составляющая правый фланг, названа Кубанской, вторая — левый фланг — Терской.

По этому проекту Ставрополь мог бы остаться единственным уездным городом. Главный город Кубанской области должен бы встать на реке Кубани, а главный город для Терской уже имелся — Владикавказ, на Тереке. Такое разделение края, требуемое военными соображениями, должно было иметь влияние и на положение епархии. Вопрос об этом был предложен епископу в форме конфиденциального отношения. По весьма любопытному содержанию своему как вопрос, так и ответ епископа вносятся здесь в текст без сокращений.

“Совершенно конфиденциально.
Его преосвященству преосвященнейшему Игнатию,
епископу Кавказскому и Черноморскому.

Преосвященнейший владыко,
милостивейший архипастырь!

Наместник Кавказский князь Александр Иванович Барятинский в видах административных предположил весь Кавказский край разделить на две области: Кубанскую и Терскую, введя в управление областей все части разнородных администраций на особенных началах.

В Кубанскую область должны войти все Черноморское войско и часть Казачьего линейного с населением закубанскими, большая часть гражданского населения Ставропольской губернии с их управлениями, которые по составленному предположению в гражданском отношении имеют составить одно общее целое, так как остальные части края имеют войти в одно общее целое гражданского управления Терской области.

Такое разделение края, изменяя большую часть существующих отношений и зависимостей мест и лиц, требуют, естественно, вместе с тем изменения и самих пунктов пребывания правительственных учреждений. Пункты эти должны быть определены центральностью новых областей

и возможным сближением с настоящими нашими военными операционными линиями.

Неразрывность связи всех этих изменений требует соответственных изменений и устройств по управлению епархиальному.

В этом убеждении имею честь просить Ваше преосвященство взять на себя труд изложить Ваше мнение и соображения об устройстве епархии, которая бы обнимала обе области в одном управлении.

Обширность всего края, трудность путешествий в нем и необходимость частого посещения епископом непрестанно воинствующего православного населения рождает мысль или о разделении епархии или об учреждении викариатства. Эту мысль мою передаю Вашему преосвященству на ближайшее усмотрение соответственно духовным потребностям, которые Вам ближе знакомы.

По управлению Православной Церковью в поселениях линейных казаков существует ныне управление через оберсвященника. По отношению к той части этого войска, которая должна войти в состав Кубанской области, я признаю необходимость соединить управление Церковью в лице одного пастыреначальника — епископа. Это личное убеждение мое основано, между прочим, и на близком, сравнительном изучении нравов и религиозных начал казаков черноморских и линейных.

Но, считая одни убеждения видимые недостаточными, обращаюсь к Вашему преосвященству с просьбой изложить и духовные основания учреждения епархиального управления в православных поселениях, для того чтобы я ими мог поддержать факты, замеченные мной в Линейном казачьем войске. Факты эти составляют упадок православия, крепость и торжество раскола и общая безнравственность, защищаемые от мероприятий правительственных отвагой и мужеством боевых частей войск.

При этом считаю нужным обратить внимание Вашего преосвященства на истинно-скорбные последствия действий по отношению к линейным казакам-раскольникам первого

кавказского преосвященного Иеремии. Их ставят в вину православному епископу и их противопоставляют главной причиной, препятствующей восстановлению в поселениях Кавказского линейного казачьего войска этой церковной власти.

Вполне понимаю, что характер личности очень может разниться с характером и духом Церкви, но затрудняюсь в представлении оснований духовных, которые бы поддержали мои убеждения административные. А потому я бы просил Ваше преосвященство сообщить мне по этому обстоятельству Ваш взгляд и Ваше мнение.

Поручая себя Вашим святым молитвам и прося архипастырского благословения, имею честь быть Вашего преосвященства милостивейшего архипастыря и отца покорнейший слуга: Подлинное подписано начальником Правого крыла Кавказской линии генерал-лейтенантом Филипсоном¹¹⁰.

№ 719
20 Сентября 1858 года
г. Ставрополь”.

На это епископ отвечал:

“Совершенно конфиденциально.
Его превосходительству
Григорию Ивановичу Филипсону.

Ваше превосходительство,
милостивейший государь!

На письмо Вашего превосходительства от 20 сентября сего 1858 года за № 719 имею честь представить ответ в нижеследующих строках¹¹¹:

1. Совершенно разделяя мнение Вашего превосходительства, что обширность и разнообразие Кавказского края, быстрое его развитие, обещающее многозначительную будущность, особенные его требования, особливо при разделении на две области, из которых каждая должна иметь

свое отдельное и военное и гражданское начальство, указывают на необходимость изменений и пополнений и в отношении к духовному ведомству края. Я полагаю на первый случай довольствоваться доставлением в помощь епархиальному епископу епископа-викария и усилением Кавказской Консistorии. Учреждение двух епархий я признаю рановременным, основываясь на следующих фактах:

а) Кавказская епархия, обширная по пространству, весьма мало населена, по числу народонаселения своего и по числу церквей она равняется $1/4$, $1/5$, $1/6$ и даже $1/10$ других российских епархий, почему при разделении на две епархии эти епархии сделались бы непомерно малы (особливо Терская епархия), по малости своей непомерно слабы в действиях и влиянии.

б) При учреждении двух епархий понадобились бы два штата для двух архиерейских домов, две консистории, две семинарии. Все это потребовало бы двойных расходов для учреждения и двойных расходов для содержания. Между тем, существенная духовная потребность края есть именно та, которую Вы проницательно усмотрели и на которую Вы указали: потребность в частом, внимательном, отнюдь не поспешном и поверхностном посещении обширного края епископом по путям часто трудным и небезопасным. Такой потребности может вполне удовлетворить викарий.

2. Так как край находится в переходном состоянии и в настоящее время невозможно определить, где будет главный его город, даже где будут его главные города (ибо потребности края в настоящее время никак не могут быть его потребностями в его будущности), то я нахожу еще невозможным указать и того, где быть местопребыванию епархиального архиерея. Очевидно, что Ставрополь должен остаться на некоторое неопределенное время епархиальным городом.

События указывают, что он был только лагерем для главных военных и гражданских властей Кавказа — пусть он будет на время духовным станом для Кавказского епархиального ведомства. Из этого стана оно совершит первоначальные

свои распоряжения и усмотрит открываемое временем и обстоятельствами свое постоянное и прочное местопребывание. Ставрополь — центральный пункт страны. В нем уже имеет свой приют для архиерея, имеется свое помещение для Консistorии. С удалением многих правительственных мест и лиц многие здания останутся пустыми и могут служить временным помещением для семинарии и даже для епископа-викария, который, по мнению моему, чтоб быть существенно полезным, должен непременно жить в одном городе с епархиальным епископом, по примеру викариев С.-Петербургского, Московского и Киевского.

Направление и деятельность викария должны сливаться в одно с направлением и деятельностью епархиального архиерея. Сколько нужно частое посещение епархии викарием, столько же нужно постоянное пребывание епархиального архиерея при том пункте, откуда истекают все распоряжения. Тщательное наблюдение и опыт убедили меня в сей последней истине, которая, уверен, очевидна и для Вашего превосходительства.

3. Епархии в Православной Церкви Российской разделяются на три разряда, или класса. Первый класс усвоен митрополиям, второй — епархиям, особенно важным по значению в государстве, особенно обширным или многолюдным, управляемым наиболее генерал-губернаторами. Третий — епархиям, наименее значущим в государственном отношении, управляемым губернаторами.

Очевидно, что Кавказская епархия, долженствующая при новом административном разделении края совмещать в себе две области, из которых каждая будет управляться лицом, облеченным правами и властью генерал-губернатора, должна быть причислена к епархиям второго класса, как и сделано относительно некоторых епархий, например, относительно Донской, Рижской, Варшавской. Ныне Кавказская епархия состоит в третьем классе.

4. Необходимо нужно исходатайствовать Кавказской епархии штат и оклад, данный западным епархиям, по тому

решительному сходству в отношении к средствам содержания, которое имеет Кавказская епархия с западными епархиями и по решительной невозможности существовать по ныне усвоенному ей окладу.

В настоящее время ей предоставлен оклад наравне с древними российскими епархиями. Но в древних российских епархиях архиерейские дома или находятся при монастырях, имеющих особенно хороший доход, или к ним приписаны монастыри, имеющие хороший доход. Частию этого дохода пополняется ничтожный денежный оклад, издревле отпускаемый из казны архиерею и его штату.

Так, например, Курский епископ получает к своему жалованию 285 рублей серебром в год, каковая сумма составляет и годичное жалование Кавказского епископа, — 7500 рублей серебром из монастырских доходов. Соответственно епископу и лица, составляющие штат его, получают к жалованию пополнение из доходов. Подобно приведенному образцу, и в прочих древних епархиях ничтожность денежного казенного оклада вполне и обильно пополняется доходом.

Такого дохода Кавказская епархия не имеет и не может иметь, ибо чудотворные иконы и святые мощи, составляющие причину доходов в монастыре внутри России, никак не могут быть принадлежностью края, в христианском отношении совершенно нового. Следовательно, единственным средством содержания епископа и всего Кавказского епархиального ведомства должен быть отпускаемый из казны денежный оклад. А как в подобном положении находящиеся западные епархии, также не имеющие местных доходов, вознаграждены окладом, то средство сие, по логической последовательности, может и должно быть применено и к Кавказской епархии.

Нищенский — так можно выразиться со всею справедливостию — оклад служил одною из тех главных причин, по которым Кавказская епархия со времени учреждения своего в течение пятнадцати лет не только не развилась,

но, едва учрежденная, уже почти уничтожилась. Этот оклад был причиною значительных беспорядков, вторгнувшихся в Кавказское епархиальное управление: он вынудил многих членов управления прибегать к злоупотреблениям для доставления себе куска насущного хлеба. Так как за чертою, проведенною законом, лежит беспредельное пространство зла, то некоторые перешли от стремления удовлетворить необходимому к стремлению обогатиться.

Этот оклад не допускал и не допускает ни одного достойного чиновника к служению в консисторской канцелярии: там служат только те чиновники, которые по насилью обстоятельств не могут служить в другом месте. Таким образом, Кавказское епархиальное ведомство, предоставленное самому себе и нищете своей, во многих случаях послужило не назиданием, а соблазном для кавказской паствы.

Не с целью порицать какое-либо распоряжение или лицо, но чтоб дать точное понятие о настоящем положении Кавказской епархии и тем доставить повод к исправлению того, что сделано ошибочно, к пополнению того, что сделано недостаточно, я нахожу нужным сказать нижеследующее.

Кавказская епархия первоначально учреждена была для всего Кавказского края, который в географическом и статистическом отношении составляет целое. Этот характер целостности, признаваемый сокровищем для всякой страны и ведомства в административном и хозяйственном отношениях, был нарушен отчислением из епархиального ведомства церковью Казачьего линейного войска. Произведенное этим отчислением разделение совершенно отличается от ныне предположенного разделения. Ныне разделяется страна правильно, со смыслом административным и хозяйственным. Произведенное разделение епархии отчислением казачьих церквей лишено смысла, есть вместе разделение и смешение.

Пишу это, имея под рукою карту Кавказского края, на которой изображено разбросанное по краю епархиальное ведомство. Оно подобно разбитому сосуду, которого составные части все налицо, но находятся в отдельном состоянии,

который по этой самой причине негоден для употребления. На правом фланге церкви Линеинного войска глубоко вдались в епархиальное ведомство. Напротив того, начиная от центра, епархиальное ведомство рассыпано по земле Линеинного войска, подобно островам по морю. Уже сам Ставрополь составляет островок, отдельный островок составляется Георгиевским, отдельный островок — Пятигорским, большой отдельный остров — благочиниями Миловидова и Замятина. Далее опять отдельные островки: Ростовановка, Моздок, Кизляр с Таруновкою и Черным Рынком.

Во всей России нет подобной бессмыслицы. Напрасно прикрывают ее громкою фразою, говоря, что она сделана в видах административных. Это ошибочно: плодом административного соображения должно быть положение самое удобное, здесь видно противное. Распоряжение, противоположное всем правилам современной науки, уличаемое опытом в совершенной негодности, приведенное в исполнение с необыкновенною поспешностию, само сознается о себе, что оно — плод столкновения страстей.

Повторяю, что я говорю это отнюдь не для порицания кого-либо. Знаю, что ошибки и увлечения свойственны всем человекам, особенно удобны для тех, которые не наблюдают строго за своим умом и сердцем при свете Евангелия. Говорю откровенно, движимый любовью, для пользы дела и единственно в тайной беседе с государственным человеком. Утаение истины пред государственным человеком есть государственное преступление.

То же должно сказать о духовных учреждениях в Ставрополе. В избрании для них места, в самих проектах их не видно никакой системы. Все они разбросаны по разным частям и оконечностям немощного города. Сообщение между ними крайне затруднительно в течение осени, зимы и весны, между тем, лица, им принадлежащие, должны наиболее ходить пешком.

Учредители и строители должны всегда непременно иметь в виду не только построение и учреждение чего-либо,

но и доставление удобств, доставление средств к содержанию и ремонту учреждений и зданий. С этою целию разумные предки наши по большей части соединяли в одном месте и кафедральный собор, и архиерейский дом, и Консисторию, и семинарию.

Подражание этому порядку с целию пользы административной и хозяйственной необходимо особливо тогда, когда епархиальное ведомство получит возможность оставить свой временный стан — Ставрополь — и водворится в том городе, который сделается главным городом края, или, точнее, правого фланга, имеющего над левым огромное преимущество, соответственно огромному преимуществу Черного моря над Каспийским и в политическом и в торговом отношении.

Для того чтоб действия епархиального ведомства и самое существование его приняли должное развитие, необходимо нужно содействие, а не противодействие гражданского ведомства. Настоящие отношения сих двух ведомств изображаются следующими фактами:

1) На днях только получена мною данная на место, занимаемое временным приютом епископа, несмотря на то, что высочайшим повелением приказано передать это место в епархиальное ведомство еще при преосвященном Иеремии, почти вслед за открытием епархии.

2) Дача, находившаяся при открытии епархии на конце города, а теперь находящаяся на одном из лучших мест его, частью отданная городским обществом в епархиальное ведомство для постройки на ней архиерейского дома с службами, частью приобретенная покупкою, ныне находится в процессе. По наружности это процесс чиновника Крупинского, захватившего всю средину дачи, но в сущности это процесс, во главе которого стоит управляющий гражданской частью. Он, прикрываясь известною юридическою софизмою, которою всегда усиливается прикрыться хищничество — якобы желанием общественной пользы — стремится при превышении своей власти, при попрании законов, произволом похитить у архиерейского дома всю центральную часть дачи и передать ее в частные руки, чем должно уничтожиться все достоинство дачи. Сей продолжительный

и утомительный для епархиального ведомства процесс делал доселе невозможным построение архиерейского дома на определенном месте.

3) До сих пор гражданское начальство не отвело угодий, следующих по закону для содержания и поддержания архиерейского дома с его принадлежностями, что следовало бы сделать единовременно с учреждением епархии. Вместо угодий (по неимению их вблизи) кавказское епархиальное начальство ходатайствует о денежном вознаграждении. Менее значительные факты выражают одно и то же сочувствие и расположение. Такие отношения я застал сформировавшимися при прибытии моем на епархию, и трудно уже нынешнему гражданскому начальству переменить принятое им направление. Но мои личные отношения с губернатором генерал-лейтенантом Волоцким — наилучшие.

5. В письме Вашем Вы указали усмотренные Вашим превосходительством печальные последствия настоящего управления церквами Казачьего линейного войска и с логическою последовательностию обращаете наблюдательный взор Ваш к самим началам, из которых проистекли и должны проистекать таковые последствия. Ответ мой извлекаю из закона Божия, из постановлений церковных, из Священного Писания и святых отцов. Буду Вам говорить не мои собственные мнения, но буду излагать учение, признаваемое всею Православною Церковию, признаваемое ею божественным, каково оно и есть, а не человеческим.

Епископ составляет собою начало церковной иерархии. Он преемник апостолов, представитель на земле Господа.*

Он рукополагает пресвитера и диакона, он освящает храм или существеннейшую часть храма — антиминс, он освящает святое миро, этого тысячи собравшихся воедино пресвитеров совершить не могут. Он есть начало и источник

* Различие между епископом и пресвитером превосходно изложено в книге «Истинно древняя и истинно Православная Христова Церковь» (с. 81). Изложение это тем особенно важно, что оно указывает на св. отцов Православной Церкви и вместе на раскольничьи книги, говорящие о том же предмете. По сему отделу вероучения большая часть раскольников согласна с Православною Церковию.

всех христианских таинств и самого богослужения: Церковь христианская существовать без него не может.

Апостолы, проповедуя Евангелие во вселенной, по всем городам и областям поставляли епископов, а епископы рукополагали пресвитеров (священников) для полного удовлетворения потребности христиан. В церковном смысле священники суть орудия епископа: эти орудия действуют дотеле, доколе ими действует епископ. Когда он престаёт действовать ими, тогда они лишаются всей своей силы, ибо силы их и действительность не свои, а заимствованные.

Все вообще общество христиан именовалось Вселенскою Церковию, а Церковию частною и поместною именовалось и именуется общество христиан в городе или области: поместными были Церковь Римская, Иерусалимская, Коринфская, Карфагенская, Афинская.

Пресвитер никогда не был и не мог быть начальником Церкви, по той ясной причине, что он действует не собственною властью, а предоставленною, предоставляемою и прекращаемою его началом, которое — епископ. Когда пресвитер Павлин стал во главе некоторой части антиохийского народа, отделясь от епископа Мелетия, нисколько, впрочем, не отделяясь от единства веры, то Вселенская Церковь принимала все зависевшие от нее меры, чтоб устранить этот беспорядок, и называла его не иначе как расколом.*

Это обстоятельство известно в церковной истории под именем восточного раскола, так как Антиохия, столица Сирии, с сопредельными странами: Месопотамиею, Армениею и Грузиею — называлась Востоком, составляя восточную оконечность Римской Империи, Персия уже не разумелась в составе Востока.

* Расколом называется собственно отделение от Вселенской Церкви без нарушения единения в догматах.

Нарушение единения в догматах уже есть ересь. На этом основании почти все русские раскольники суть собственно уже не раскольники только, но и еретики. Западная Церковь называет восточных христиан раскольниками, как немогущая уличить их в изменении какого-либо догмата Первенствующей Вселенской Церкви, а Восточная признает папистов еретиками, как допустивших нововведение в самих догматах.

Характер, подобный характеру восточного раскола, имеет и настоящее управление церквями Линейного войска. Весьма естественно, что главные пастыри российские, составляющие собою Святейший Синод, смотрят на это обстоятельство в церковном смысле и желали бы при возможности открыться возможности устранить нарушение церковного порядка и постановления, тем более, что он служит причиной скорби для истинных сынов Церкви, причиной соблазна для весьма многих, не понимающих нужд и видов административных и начинающих на этом основании сомневаться в самой Православии нашей Церкви. Раскольники же на этом основании внутри и вне России упрекают, обвиняют и уличают нашу Церковь в отступлении от Православия.

По причине таких соблазнов, которые нередко вторгаются в Церковь под влиянием более или менее ясным Западом, многие совращаются в раскол, непрестанно растущий в нашем отечестве. Это доказывается фактически: при императоре Петре I, когда народонаселение России простиралось до 17 миллионов, раскольников было до 700 тысяч. Если бы они умножались пропорционально народонаселению, то при настоящем народонаселении в семьдесят миллионов число раскольников должно бы не превышать 3 миллионов, но число их простирается за 12 миллионов.

Так как в открытых отчетах, читаемых публикою, почти не видно совращения в раскол, а видно только одно обращение из раскола к Православию, между тем, на самом деле раскол быстро растет и уже принял гигантские размеры, то это приводит к логическому и практическому заключению: раскол распространяется в России наиболее путями и средствами, неизвестными правительству или делающимися известными только тогда, когда они совершат свое дело и принесут обильный плод. Одно из надежнейших орудий к ограничению и уменьшению раскола заключается в благоговении пред святейшими постановлениями Святой Церкви, кои суть постановления Божии, постановления Святаго Духа, в охранении их.

Протоиерей имеет только право, по церковному своему сану и значению, занимать первое место между братиею своею священниками.*

Он отнюдь не имеет церковного права управлять церквями целой области. Усвоение этого права священнику принадлежит характеру протестантизма и так понимается всеми, основательно изучившими христианскую религию.

Для всякой поместной Церкви лишение епископа есть лишение Богом установленной церковной власти, лишение религиозного начала, лишение источника таинств, источника иерархической власти и суда, источника церковного православного вероучения и нравоучения. Это — отъятие главы у тела, отъятие родителей у детей, изгнание из Церкви изображения Христова, Христова представителя. Неминуемым следствием такового разъединения должен быть упадок вероучения, от чего развиваются в стране расколы и ереси, и упадок нравоучения, от чего развивается в стране греховная, развратная и неруководимая совестью жизнь, что все усмотрено Вашим превосходительством.

Но как Православная Церковь страны не может существовать без епископа, сего единственного источника христианских таинств, то для церквей Линейного войска рукополагаются священники и диаконы, освящаются антиминсы и все прочее, для чего нужны власть и сан архиерейские, Кавказским епископом, по распоряжению Святейшего Синода, имеющему характер снисхождения к требованию обстоятельств, но не сообразно правилам и духу Православной Церкви.

По церковным правилам епископ должен производить рукоположения только в пределах своей епархии, отнюдь не вне ее. Он должен приуготовить к рукоположению лицо

* При производстве иерея в протоиерея в единственной молитве для сего обряда читается нижеследующее: «Одей Твоею благодатию брата нашего и честностию украси его в начале стояти пресвитеров люда Твоего». Вот и все значение церковное протоиерея: он при богослужении имеет право занимать первое место между прочими священниками (см. Чин хиротонии).

обильным назиданием и изучением лица, по посвящении он должен снова назидать посвященного и наблюдать за ним.*

Хиротония — великое таинство: при посредстве его человек перерождается внезапно из словесной овцы в пастыря. Совершитель этого перерождения — епископ. По причине духовного перерождения, при посредстве хиротонии, епископ вступает в духовное родство с посвященным.**

Живо ощущают это родство и совершитель таинства и тот, над которым совершено таинство. Епископ видит в посвященном духовное свое чадо, плод рукоположения, плод Духа, а рукоположенный видит в епископе своего отца, доставившего ему новое бытие, видит образ Творца своего, претворившего его из овцы в пастыря. Духовная печать, налагаемая на душу хиротониею, неизгладима, потому что она Божественна. *Что Бог сочетал*, — говорит Евангелие, — *того человек да не разлучает* (Мф. 19; 6).

Отлучение епископа от пресвитеров, им рукоположенных, отлучение епископа от паствы, для которой он исполняет все обязанности епископа, подобно насильственному отлучению родителей от рожденных ими детей немедленно по рождении их. Употребление епископа как машины для рукоположений и прочих церковных потребностей подобно употреблению родителей только для рождения детей. В одном случае — нарушение закона естественного, установленного Богом, в другом случае — нарушение закона духовного, установленного также Богом.

Упомянутое мною выше отделение пресвитера Павлина от Антиохийского епископа продолжалось долго, потому что было поддерживаемо правительством, которое нередко,

* Так заповедали действовать и действовали св. апостолы. *Три года*, — говорит св. апостол Павел пресвитерам Ефесским, — *день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас* (Деян. 20; 31).

** Епископ, рукополагая пресвитера, в молитве своей читает, между прочим, следующее: «Сего, его же благоволил еси проручествоватися от мене в непорочном жителстве и неуклонной вере, благоволи подъяти великую сию благодать Святаго Твоего Духа...», ясно выражая этими словами духовное происхождение, рождение пресвитера от епископа посредством рукоположения (см. Чин хиротонии).

в видах административных, требовало от Церкви разных уступок и, по кроткому духу Церкви, получало их, когда не сопряжено было с ними нарушение самих догматов. Но церковная история фактически свидетельствует, что самая верная и надежная административная мера состоит в тщательном охранении церковных постановлений, уклонение от них в видах административных, казавшееся первоначально полезным, впоследствии, в результатах своих оказывалось вредным, способствуя разъединению народа и ослаблению государства.

6. Весьма основательно замечание Вашего превосходительства, что характер личности, облеченной церковным саном, должен быть вполне отличен от характера, предначертанного Церковью для сана. Как в обществе человеческом, так и в частности в каждом человеке зло перемешано с добром. Такое смешение служит одним из практических неотразимых доказательств того, что человечество составляет собою разряд существ падших. Вместе с тем оно дает раскаянию и покаянию достоинство человеческих добродетелей, а очищение от зла, как частного, так и общественного, соделывает непрременным долгом человеков. Зло и добро я принимаю в самом обширном, правильном смысле, признавая злом и недостаток благоразумия и недостаток самопознания.*

Никакие земные саны, никакие высшие призвания, начиная с апостольского, не остались неоскверненными падением человечества, а потому Православная Церковь никогда не останавливалась заменять личность недостаточную или недостойную — другою личностью, более удовлетворительною. Этой участи подвергались и патриархи, и митрополиты, и епископы, словом сказать, все чины церковной иерархии, но самое чиноположение, как установление Божие, Церквию всегда свято сохранялось.

7. Вы изволили упомянуть в письме Вашем о преосвященном Иеремии, первом Кавказском епископе. Я с ним не знаком и никогда не видал его, также в здешнем консисторском

* «Великое зло — неведение, — сказал св. Иоанн Златоуст. — Неведение не ведает своего неведения. Неведение, полагая делать добро, делает зло».

архиве нет никакого дела, которое бы изображало характер его действий относительно раскольников. Вообще, должно сказать, что ревность и восторженность, всегда очень приятные для массы народной, всегда лишены правильного взгляда на православную христианскую веру. Знаменитый церковный писатель святой Исаак Сирский назвал такое направление чуждым духовного разума и указал на кротость как на признак душевной силы, могущей благотворно действовать на человеческие немощи.*

Но люди с поверхностным понятием о христианстве признают восторженность и ревность святостию. Такая ревность — самое ненадежное оружие против зараженных лжеучением. Ересь и раскол суть грехи ума. Как каждый образ мыслей сопутствуется и содействуется сообразным ему духом или состоянием сердечным, то ересь и раскол всегда сопровождаются ожесточением сердца, ревность способна усилить это ожесточение.

«Желающий успешно сражаться против ереси, — сказал некоторый духовный писатель, — должен быть вполне чужд тщеславия и вражды к ближнему, чтоб не выразить их какою-либо насмешкою, каким-либо колким или жестоким словом, каким-либо словом блестящим, могущим отозваться в гордой душе еретика, возбудить и возмутить в ней страсть ее. Помазуй струп и язву ближнего, как бы цельным элементом, единственно словами любви и смирения, да призрит милосердый Господь на любовь твою и на смирение твое, да возвестятся они сердцу ближнего твоего и да даруется тебе великий Божий дар — спасение ближнего твоего.

Гордость, дерзость, упорство, восторженность еретика имеют только вид энергии: в сущности они — немощь, нуждающаяся в благоразумном соболезновании. Эта немощь только умножается и свирепеет, когда против нее действуют безрассудною ревностию, выражающеюся жестоким обличением».

* Слово 89-е. — Здесь разумеется ревность материальная, душевная: она уличает сама себя в материальности производимым ею разгорячением крови. Духовная ревность всегда верна закону Божию и чужда разгорячения.

Таков, по мнению моему, должен быть характер деятельности православного архипастыря по отношению к ереси и расколу.

Полагаю, что в сих строках я изложил ответ на вопросы, предложенные мне Вашим превосходительством в письме Вашем, ответ настолько удовлетворительный, сколько позволили мои скудные способности и познания. Остается мне желать, чтоб милосердый Господь, Податель всех благ и начала их — благой мысли, ниспослал Вам из духовной сокровищницы Своей помышления мудрые и преподобные, да положит их в основание порученного Вам дела. С чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего превосходительства покорнейшим слугою: Подлинное подписано Игнатием, епископом Кавказским и Черноморским.

№ 205
октября 3 дня 1858 года”.

Предположение это, однако, не состоялось. В конце 1858 года получено циркулярное предписание князя наместника с изложением другого проекта, устраняющего вышеупомянутый, но еще не представлявший ничего положительного, как введенный исполнителю только в виде опыта на два года с 1-го января 1859 года. По сему последнему проекту изменялся только образ действий губернатора, епархиального ведомства он нисколько не касался.

Приведенные здесь два предположения фактически и живописно изображают переходное состояние края и тем дают возможность Св. Синоду составлять правильно свои административные соображения относительно Церкви.

Архиерейский дом. Архиерейский дом к 1858 году был, с справедливостию можно сказать, почти уничтожен.

1. Деревянная ветхая и тесная хижина, пожертвованная купцом Волобуевым преосвященному Иеремии на короткий срок, до времени построения архиерейского дома, должна была служить гораздо долее сего срока приютом епископу. Неудобство и необыкновенная простота этого приюта отни-

мали возможность у епископа заниматься епархиальными делами с должною отчетливостью. Сверх того, хижина, пожертвованная уже ветхою, в течение четырнадцати лет пришла в совершенную ветхость, начала разрушаться. Епископ должен был провести зиму с 1857 на 1858 год в частном доме. Самое место, довольно большое, но неудобное для архиерейского дома, долженствующего стоять отдельно и иметь характер монастыря, утвержденное высочайшим повелением за архиерейским домом еще в 1846 году, не было передано к 1858 году под различными предложениями в епархиальное ведомство.

2. Другое место, в лучшей части города, именуемой Воробьевскою, весьма удобное и живописное, куплено преосвященным Иеремиею у штаба. При этом месте имеется лесная дача с плитною ломкою, пожертвованная дому городом. По даче этой производится процесс с частным лицом, захватившим своевольно и насильственно значительный участок в ней и старающимся распространить свое владение. Естественно, что при таком положении этого места, при неизвестности, чем решится дело, построение на нем дома преждевременно. Был составлен проект дома, но столько недостаточный, что епископ Игнатий не решился представить его на утверждение Святейшего Синода.

3. Кавказское начальство, ходатайствовавшее об открытии на Кавказе епархии, намеревалось немедленно обеспечить содержание епископа и его дома угодиями или суммою денег за угодия, но обеспечение это до сих пор не осуществилось, как лицо, так и дом епископа оставались в самом затруднительном положении. Епископам Иеремии и Иоанникию выдавались в пособие 1000 рублей серебром в дополнение к жалованию и 1500 рублей серебром на содержание дома, последние 1500 рублей были отпущены и в 1858 году.

4. С открытием епархии даны были дому сорок четыре служителя, избранные из казенных поселян Ставропольской губернии. Дом, очевидно, не имел ни средств, ни места к поселению этих штатных служителей. Средства к содержанию

их заключались в их скуднейшем жаловании и в том скуднейшем пособии, которое мог давать им дом. По этой причине положение штатных служителей, особливо семейных, было в полном смысле бесприютное, бедственное.

Меры к извлечению Кавказского архиерейского дома из состояния упадка и уничтожения в 1858 году были приняты следующие: 1. Усиленное ходатайство пред гражданским ведомством о приведении высочайшего повеления в исполнение введением во владение участком, пожертвованным для временного приюта епископу. И дом введен во владение упомянутым участком, и выдана Гражданскою Палатою данная на владение. 2. Деревянная хижина, в которой помещался епископ, оказалась столько ветхою, что с самого фундамента ее должно было перестроить вновь. Это исполнено в течение лета, причем дому дано другое расположение, более удобное и несколько больших размеров.

Сообразно дороговизне строительных материалов в Ставрополе, новое временное помещение епископа имеет самый скромный характер, впрочем, не чуждый изящества, доставляемого зданию гармоничными архитектурными размерами, удобством и простотою. Помещенный на конце города, вдали от шума, среди сада, епископский приют напоминает собою уединенные монастыри и скиты российские: Гефсиманию, Оптину пустыню и другие подобные. Хотя этот временный приют собственно для помещения епископа недостаточно удобен, и архиерейский дом предполагается выстроить на другом, весьма удобном месте, однако приняты были все меры устроить этот приют со всею тщательностью и прочностью по двум причинам.

Во-первых, неизвестно, сколько времени он должен быть занимал епископом, так как неизвестно, когда выстроится епископский дом в Ставрополе. Эта последняя неизвестность основана на другой неизвестности: останется ли, по переходному характеру края, губернским городом Ставрополь или подвергнется участи Георгиевска, быстро поднявшегося и быстро упавшего.

Здесь более, нежели в других местах ощущается нужда в училище для девиц духовного звания, так как многие села с церквями их стоят в отдаленных степях и почти лишены всех средств к образованию. Нынешний приют епископа для такого назначения особенно удобен. Близ него находится духовное уездное училище, а с другой стороны отведено место для построения семинарии. Следовательно, наставники как семинарии, так и училища могут быть наставниками и в духовном женском училище.

Кроме того, строения епископского приюта находятся внутри сада, окружены оградой, а в саду имеются виноградные лозы и фруктовые деревья, уходу за которыми могут девицы обучаться, так как сады и виноградники приносят многим из здешнего духовенства значительные выгоды.

Чтоб приобрести средства к восстановлению епископского приюта, епископ обратился с воззванием к пастве. Первоначально воззвание сделано к ставропольскому купечеству, которое, несмотря на недавнее образование общества и скудные свои средства, представило 3975 рублей серебром. По необыкновенной дороговизне материалов в Ставрополе, особливо лесных, которые вчетверо дороже, нежели в С.-Петербурге, эта сумма оказалась недостаточною.

Переписка о доставлении суммы на первоначальное обзаведение из Святейшего Синода, которую сначала весьма живо вело кавказское главное начальство, ходатайствовавшее об учреждении епархии, впоследствии слабо была поддерживаема и не увенчалась никаким результатом. Если б эта переписка и возбуждена была с успехом в настоящее время, то плода от нее можно было бы ожидать чрез несколько лет, и плод мог быть весьма неудовлетворительным.

Между тем, нужда в помещении для епископа не терпела отлагательств: безмездное помещение ему предоставлено было г-м Стасенковым только на полугодичное время, а епископ не только не получил квартирных денег, но в сем

1858 году не получил и той тысячи рублей, вдобавок к своему жалованию, которую получали его предшественники: наем квартиры, кроме совершенной неудобности, был вполне невозможен. Такое положение само собою указывало на один способ: способ усилить пожертвование купечества другими даяниями.

Для достижения сей цели, сообразно предшествовавшим примерам в Кавказской епархии и примерам в других епархиях, епископ обратился к причтам с предложением сделать посильное пожертвование из кошелевой суммы на устройство приюта для епископа. Предложение это принято духовенством с необыкновенным сочувствием. К 1 января 1859 года поступило до восьми тысяч рублей серебром. Этого количества денег оказалось достаточно для основательной и прочной постройки.

3. Место в Воробьевской части города, находившееся в процессе с чиновником Крупинским, к 1858 году едва не отошло, при средствах неправды и насилия, в значительной степени к упомянутому чиновнику, захватившему своевольно всю средину дачи и таким образом отнявшим все достоинство дачи, которой одни окраины оставались за архиерейским домом.

При приезде епископа оказалось, по особенно счастливому стечению обстоятельств, возможным остановить своевольное отмежевание г-ну Крупинскому земли, принадлежащей дому, и препроводить все дело в Святейший Синод, на основании 306 ст. IX т. Св. закон., изд. 1842 г., коею постановляется, что никакое решение, по которому отсуждается что-либо из действительного владения монастырей и архиерейских домов, не может быть приводимо в исполнение без пересмотра дела в Сенате и без утверждения императорского величества.

Несмотря на процесс и протест, г. Крупинский владеет захваченным участком, но остановился в дальнейшем хищничестве. Между тем, кавказский наместник уже дал по сему делу в течение прошлого лета предписание Ставро-

польскому гражданскому губернатору в пользу архиерейского дома.

4. Относительно наделения дома угодиями приняты были немедленно надлежащие меры: в особенности сношения по сему предмету с наместником Кавказским князем Барятинским оказались весьма успешными. Статс-секретарь Крузенштерн уведомил епископа формальным отношением от 25 сентября 1858 года за № 3702, что князь взошел с докладом государю императору чрез Кавказский комитет о ежегодной выдаче архиерейскому дому суммы в 3800 рублей серебром вместо угодий, которых край предоставить не может.

5. Штатные служители дома, по затруднительному положению их и в отношении к дому и в отношении к самим себе, не могли оставаться долее в этом положении. Посему епископ вступил в сношение со Ставропольскою Палатою государственных имуществ о том, нельзя ли заменить служителей деньгами, притом, предложив это как временную меру, указываемую насилием обстоятельств дома, по коим он не может в настоящее время своим штатным служителям дать никакого приюта, даже никаких средств к содержанию.

По совещанию Палаты с крестьянскими обществами, на которое епископ изъявил свое согласие, сделано представление в виде временной меры князю наместнику о выдаче от Палаты архиерейскому дому вместо штатных служителей суммы в 1760 рублей серебром, считая по 40 рублей за человека в год. Мера эта удостоена высочайшего утверждения.

Семинария. Кавказская Духовная семинария не имеет своего собственного дома, но помещается на квартире в частных, выстроенных со спекулятивною целию домах, на большой улице. По этой причине невозможно в ней иметь ни той чистоты, ни тех удобств, каковые имеются в зданиях, выстроенных или приспособленных именно для семинарии. Успехи воспитанников и нравственность их много зависят от занимаемого ими помещения: уже то, что семинария

находится на лучшей улице города, при бульваре, вблизи общественных увеселений, много действует на воспитанников.

Ставрополь — город военный, город веселый. Другой квартиры, которая поместительностию удовлетворяла бы потребности семинарии и вместе не представляла вышеуказанных невыгод, не имеется. Место, отведенное для семинарии близ Варваринской церкви, хорошо, уже имеет при себе значительного объема сад, оно находится близ временного епископского приюта и очень уединенно. Относительно к удобствам и средствам успеха воспитанников и нравственность их удовлетворительны. Настоящие ректор и инспектор несравненно тщательнее исполняют свои обязанности, нежели прежнее семинарское начальство: с таким тщательным исполнением, естественно, сопряжены и большие требования к воспитанникам, что неминуемо должно принести свой плод.

По случаю предположенного построения семинарии в Ставрополе в прошлом 1858 году посланы были в Духовно-учебное управление справочные цены на строительные материалы. Необходимо заметить, что цены на материалы к 1859 году необыкновенно возвысились и посланная ведомость справочных цен в настоящее время уже вполне неправильна.

Приводим здесь данное епископом предложение от 18 февраля за № 21, в коем изложен его критический взгляд на проект здания для помещения Кавказской семинарии¹¹². Предложение это свидетельствует о степени внимания епископа к делу об удобствах помещений семинарии.

“Находя суждение Кавказского семинарского правления по журналу его от 17 февраля сего 1858 года весьма основательным, весьма зрело обдуманном, нахожу необходимо нужным представить на благоусмотрение высшего начальства кроме записанного в журнале и нижеследующее: материал, из которого возводятся все каменные здания в Ставрополе, состоит из камня весьма ноздреватого, весьма удобно проникаемого воздухом, сыростию и холодом. Каменные

здания в Ставрополе подвергаются особенно сильному влиянию сырой погоды, преимущественно же влиянию ветра и мороза. По сей причине при проектировании здания для семинарии в Ставрополе нужно иметь в виду совсем другие соображения, нежели какие имеются при проектировании зданий для постройки из кирпича.

Сверх того, Ставрополь стоит весьма высоко (т. е. находится на высоте до 250 саженей над уровнем моря), почему он подвержен действию ветров и морозов гораздо более, нежели вся его окрестность. Часто бывает, что в Ставрополе стоят морозы и лежит снег, а в степях вокруг его, даже к северу от него, весна во всем развитии, и производится пашня. Место, отведенное для постройки семинарии, живописное, весьма здоровое, но оно на возвышенном открытом холме, а потому наиболее подвержено действию морозов и ветров.

Зима 1857–1858 годов, сопровождаемая сильными морозами и ветрами, служила опытным доказательством, сколь необходимо принимать меры предосторожности, имея в виду свойство строительного материала, чтоб охранить здания от влияния атмосферы: большая часть каменных домов были пронизаны холодом, все усилия оттопить их оказались тщетными, следствием чего было значительное развитие простудных болезней в народонаселении.

На этих основаниях я нахожу, что жилые комнаты проектированного семинарского здания, особливо спальни для учащихся, должны чрезвычайно страдать от мороза и ветра. Основываясь на опытах, можно с достоверностию сказать, что при морозе в десять градусов и более — а с ветром и при гораздо меньшем морозе — в этих комнатах самым усиленным топлением невозможно будет достигнуть более пяти градусов тепла.

Комнаты второго этажа № № 5, 11, 8 и 9, равно и комнаты 1-го этажа № № 5, 6 (угловая), 12 и 13 — должны очень страдать от ветров и мороза. Вообще, все комнаты здания, относительно вышеописанных местных условий, мелки и

потребуется сильного отопления. Кроме того, что лица, которые должны будут проводить большую часть времени в холодных комнатах, неминуемо подвергнутся болезням, самое отопление здания при чрезвычайной дороговизне дров (ныне зимою они доходили до 18 рублей серебром за сажень) будет до крайности обременительно для семинарии.

Меры к избежанию вышеизложенных неудобств суть следующие: 1) Вообще, план здания должно увеличить в ширину, уменьшить в длину, чрез что комнаты сделаются глубже (они должны иметь до шести саженей глубины), следовательно, менее подверженными влиянию ветра и мороза. 2) В одной оконечности здания устроить церковь, а в другой — лестницу, таким образом, все жилые покои, в которых предназначено проводить жизнь учащимся с их ректором и инспектором, будут обращены только одною стороною к воздуху, а с трех прочих сторон будут вполне ограждены. При таком плане сохранится: 1) драгоценное здоровье жителей здания; 2) значительная денежная сумма по отоплению здания.

Сие мнение мое предлагаю правлению приобщить к делу, и, оставив с него копию в правлении, подлинник представить воззрению высшего начальства.

18 февраля 1858 года”.

Ставропольское духовное училище. Ставропольское духовное училище помещается в собственном каменном доме, находящемся близ самого епископского дома, пожертвованном при преосвященном Иеремии купцом Гниловским. Здание училища по наружности обещает гораздо больше, нежели каково оно в сущности, по общему характеру строений ставропольских. Оно не имеет удобств, необходимых и полезных для училища. Впрочем, есть возможность его перестроить и сделать более удобным.

Посещение епархии. В 1858 году епископ посетил ту часть епархии, которую занимает Ставропольская губерния, южная и восточная часть которой разбросаны, подобно островам по морю, по области линейных казаков. Островами

можно по всей справедливости назвать города: Кизляр, Моздок, Пятигорск, самый Ставрополь, они со всех сторон окружены землями, принадлежащими линейным казакам. Такое положение городов губернии, теснящихся на небольшом уголке земли посреди другого ведомства, соединено с большими неудобствами и в гражданском отношении. Епископ, посещая епархиальные города, по необходимости должен был проезжать по казачьим станицам, в которых, вследствие вновь сделанного распоряжения, входил в храмы Божии и беседовал со станичным народонаселением.

Ставрополь. Губернский город Ставрополь, как впервые виденный епископом в 1858 году, имеет право на то, чтоб описание его в церковном отношении заняло первое место в описании посещенного епископом отдела епархии. Город недавно был казачьею станицею. Недавно в ущелиях его обитали горцы. Эти сыны дикой свободы, заметив, что водворение русских здесь прочно, а жительство для горцев в их характере и направлении неудобно и даже невозможно, удалились в горы, аул заменен станицею. Когда же климат Георгиевска оказался крайне вредным для здоровья, а местность, ныне занимаемая Ставрополем, одною из лучших на Кавказе, весьма высокою (Ставрополь возвышается на 300 саж. над уровнем моря), обилующею превосходными ключевыми водами, тогда перенесен был сюда губернский город. Казачья станица с деревянною своею церковию передвинулась за Кубань.

Холм, которым увенчивается Ставропольская возвышенность, ныне занят холодным кафедральным собором во имя Казанской Божией Матери, архитектуры Тона. Издали виден храм стоящим, как бы на облаке, над всем городом. Живописен и вид на город с площадки, на которой поставлен храм. К сожалению, архиерейское служение может быть совершаемо в этом прекрасном и поместительном храме только в течение шести летних месяцев. Он холодный, и если бы был теплым, то отапливать его было бы весьма трудно, потому что зимою свирепствуют здесь сильнейшие ветры, а храм выстроен из местного, весьма ноздреватого

камня, не способного выдерживать ни холода, ни ветра. Зимою торжественное богослужение отправляется в теплой церкви, почти домовою, выстроенной над лавками гостиного двора и потому именуемую Рядскою, во имя Спасителя.

На большой улице, ведущей от Петербургской заставы к Тифлисской, в виду кафедрального собора находится Троицкий собор, также холодный, в котором, однако, производится богослужение и зимою, так как он имеет деревянный пол, не так высок, как Казанский, и стоит на местности несравненно низшей, менее подверженной непогодам. Троицкий собор — архитектуры неопределенной, которая сделалась еще неопределеннее от пристроек. Кафедральный и Троицкий соборы имеют каждый свой приход; кроме них, имеют приходы церковь великомученицы Варвары на юго-восточной оконечности города и церковь великомученика Георгия на юго-западной оконечности.

Крестовых архиерейских церквей имеется две, обе теплые: Крестовоздвиженская при временном приюте, где пребывает епископ, и во имя св. Андрея Первозванного на Воробьевских высотах, где предположено выстроить архиерейский дом. При этой церкви св. Андрея, стоящей на живописнейшем месте, поместились несколько иноков, состоящих в штате дома, прибывших из пустынных российских монастырей. Один из сих иноков, весьма опытный в монашеской жизни, сделан духовником женской Иоанно-Мариинской общины, к величайшему утешению и назиданию сестер. Домовых церквей имеется три: в гимназии, в женском приюте и в тюремном замке.

Церкви в селах. Церкви в селах Ставропольской губернии, вообще, очень достаточны, некоторые очень богаты. Такое положение церквей, естественно, произошло от особенного богатства крестьян, богатства, которое доставляется им необыкновенным обилием края, щедро вознаграждающим самый легкий труд. Многие селения имеют вид уездных городов, а народонаселения в несколько тысяч душ. Хотя хлеб родится изобильно и по удобству сбыта постоянно по хорошей цене,

но главнейшие доходы жителей получают от виноградников, потом от скотоводства, а уже частью от хлебопашества, садоводства и огородничества. Есть крестьяне, выделяющие до 10 000 ведер вина, каждое ведро продается от одного до двух рублей. Такой крестьянин имеет до 150 голов лошадей и соответственное количество прочего скота, питающегося почти ежегодно, и зимою, подножным кормом.

Примечательнейшие храмы находятся в следующих селениях: храм Преображения Господня в с. Новоселицах — каменный трехпрядельный, к сожалению, принадлежит к неопределенной архитектуре, весьма недостаточен в художественном отношении, худо расположен, оттого тесен. То же должно сказать и о главном храме в с. Воронцовке, принадлежащем князю Воронцову: этот храм еще громаднее, нежели храм в Новоселицах. Храм Вознесения Господня в с. Прасковее выстроен в характере, первоначально употребленном архитектором Тоном, в том характере, который долгое время слыл под именем византийского. Этот храм размерами не уступает холодному собору ставропольскому, расписан московскими художниками соответственно вкусу и обилию края.

Лучшим храмом во всем Кавказском крае по отношению к зодчеству должен быть признан храм Святителя Николая в обширном и богатом селе Петровском. Он — в характере первых храмов Тона, очень похож на храм Екатерины Великомученицы в Коломне и Введения в Семеновском полку в С.-Петербурге, но отделка его гораздо грубее. Размеры этого храма удалась необыкновенно, и по взаимной гармонии частей своих он превосходнее ставропольского собора, который по нем есть лучшая церковь на Кавказе в архитектурном отношении. Утварь и ризница повсюду достаточная, при многих церквях — богатая.

Вновь освящен храм во имя Трех Святителей 12 сентября в селении Отказном. Освящение совершал епископ при значительном стечении народа. Храм выстроен в вышешепомя-

нутым характере Тона на иждивение поселян казенного ведомства села Отказного.

Г. Георгиевск. В заштатном городе Георгиевске, некогда губернском — собор деревянный, обширный и прочный во имя Святителя Николая. Усердие граждан усиливалось выстроить каменный собор, но город быстро пустеет и беднеет. Благодетельное намерение граждан едва ли осуществится.

Против города Георгиевска в трех верстах от него, на левом берегу быстрой реки Подкумка, находится Чурековский аул, населенный теми горцами, которые, признавая над собою власть русского царя, изъявляли желание принять христианство. Аул состоял из горцев-христиан. В настоящее время эти горцы все без исключения магометане.

Печальное происшествие совершилось весьма недавно, во время управления краем князем Воронцовым. Рассказывают достоверные лица (хотя и рассказывают об этом конфиденциально), что горцы Чурековского аула в присутствии многих просили князя дозволить им возвращение к магометанству от христианства. Князь отвечал им, что он предоставляет это вполне их воле, лишь бы они с верностию служили государю. Следствием этого ответа было водворение магометанства в ауле, в котором немедленно выстроена и мечеть.

Неверен даже и политический взгляд, выразившийся в вышеприведенном ответе государственного лица. Распространение магометанства между горцами совершено турецкими миссионерами, наиболее в конце прошлого столетия, не столько в видах религиозных, сколько в видах политических. Горцы имеют самое недостаточное понятие о магометанской религии.

Их муллы совершенно не знакомы с языком арабским, а так как алкоран не переведен с арабского на татарский, общеупотребительный у горцев, то алкоран совершенно неизвестен не только народу, неизвестен и самим муллам, но мысль, что турецкий султан есть их единственный законный государь, насаждена и укоренена в них глубоко. Очевидно,

что сообщение этой мысли горцам наиболее интересовало турецких миссионеров, так как латинскую пропаганду наиболее интересует главенство папы. Последствия этой господствующей мысли, выражающейся фактически, ясны. В настоящее время здесь смотрят на магометанство проницательнее, и главное начальство Кавказа оказывает большее содействие к обращению магометан в христианство.

Существенная причина отпадения горцев Чурековского аула заключается в том, что горцы, особливо женский пол, не знают русского языка, а наше духовенство не знает языка горцев, между которыми язык татарский есть общеупотребительный. Общение между духовенством и горцами-христианами должно по необходимости производиться при посредстве переводчиков, а это всегда затруднительно, при совершении же таинства исповеди вполне неудобно. При скудных познаниях о христианстве, каковые по необходимости должны были иметь христиане-горцы, хладность их к христианству и отпадение от него делаются понятными.

Печальное событие — упомянутое уклонение христиан в магометанство — есть событие, не только пересказываемое очевидцами, но и доказываемое письменными актами: в церковном архиве станицы Горячеводской уцелели некоторые записки, из которых видно, что из гор присылаемы были выходцы для крещения, согласно их желанию, и поименованы священники, которым поручалось совершать над ними Св. Крещение. Аул принадлежал к Успенской церкви, находившейся в Георгиевской станице, близ города Георгиевска, впоследствии перенесенной в другое место. Исповедные росписи за 1799, 1800, 1801 и 1821 годы, принадлежавшие сей церкви, сохранились: в них обозначены имена магометан горцев, принявших христианство и причисленных к Линейно-казачьему Волгскому полку.

Г. Пятигорск. Сколько упадает г. Георгиевск, постепенно из губернского сделавшийся уездным и, наконец, заштатным, столько возрастает и начинает процветать уездный город Пятигорск, по особенно обращенному на него вниманию правительства и значительному ежегодному стечению

публики к целительным водам, находящимся в самом Пятигорске и его окрестностях. Местность Пятигорска живописна.

По долине под городом бежит быстрый Подкумок, город раскинут при подошве и по отлогам горы Машук, из которой в разных местах текут разной температуры горячие серные воды и которая имеет 240 сажен перпендикулярной высоты над Подкумком. Целительные источники бьют на высоте от 30 до 50 саженей. Гора имеет необыкновенно красивую форму, растительность на ней превосходная, местами стоят голые каменистые скалы и, доставляя картине разнообразность и разнохарактерность, возвышают ее достоинство. Рукою человека, когда он прикасается таким изящным произведениям природы, должно руководить особенное благоразумие и особенное благоговение.

Пятигорск представляет собою образчик современной цивилизации. При источниках и частью над самими источниками воздвигнуты обширные галереи, большею частью каменные, тяжестию своею подействовавшие на источники. Самый Нарзан — этот колоссальный, целительнейший ключ в Кисловодске, в 40 верстах от Пятигорска, едва не был подавлен галерею. Несмотря на гнетущую его тяжесть, он снова возник, но целебная его сила значительно ослабела. Один из нежных эссендукских ключей совершенно уничтожился под бременем галерей (в 18 верстах от Пятигорска, в станице Эссендуки, где находятся щелочные воды).

При водах как в Пятигорске, так в Эссендуках и Кисловодске разведены огромные парки, в которых по вечерам играет военная музыка. На весьма удобном месте выстроена каменная латинская церковь и обнесена каменною оградою. Православная церковь Божией Матери Всех Скорбящих, деревянная, тесная, низкая, находится в нижней части города близ бульвара. Государь император Николай Павлович, посетив в 1837 году Пятигорск, изволил заметить, что церковь Всех Скорбящих крайне тесна и не соответствует потребности города во всех отношениях, будучи в нем самое вместе с тем скромное здание.

Для составления строительного капитала государь повелел объявить приглашение к пожертвованиям по всей России. Этим способом собрано суммы по сие время более пятидесяти тысяч рублей серебром. Церковь заложена в 1847 году, к 1858 году она выведена до куполов. Явившиеся по всему зданию сильнейшие трещины заставили остановиться продолжением работы, и, по освидетельствованию повреждений техниками, найдено необходимым разобрать церковь до самого основания, так как самый фундамент оказался вполне недостаточным.

Построением церкви занимается комитет из гражданских сановников и чиновников, два священника Скорбященской церкви участвуют в комитете и доставляют сведения о ходе дела епархиальному начальству, которое до того не обращало ни малейшего внимания на построение храма, так как комитет непосредственно во всем относится к наместнику. Какими бы ни были причины неуспешных действий комитета, но недостаток г. Пятигорска по отношению к церкви остался к 1858 году в том же положении, в каком он усмотрен государем императором Николаем Павловичем в 1838 (sic.) году.

Епископ, посетив церковь Матери Божией Всех Скорбящих, по совещанию с городским духовенством и гражданами нашел возможным распространить церковь и наднести над нею деревянный купол, чтобы отвратить ту невыносимую духоту, которая делалась в церкви, особенно в летнюю жару. Составлен проект, одобренный Ставропольскою строительною комиссиею, жители Пятигорска приглашены к принесению пожертвований.

Воодушевленные благочестивою ревностию граждане в самом скором времени собрали достаточную сумму денег и добыли из гор превосходного достоинства лесной материал. С отъездом летних посетителей деятельно начались работы из материала, благовременно приготовленного, и к несказанной радости жителей двухпридельный обширный храм, увенчанный куполом, совершенно приведен к окончанию и освящен в конце поста святого апостола Филиппа. Праздник

Рождества Христова пятигорцы уже встречали в новом храме, помещающим тройное число народа против прежней церкви.

Кроме деревянного собора имеются в Пятигорске домовая, весьма тесная церковь в военном госпитале и отдельная каменная церковь на кладбище. К крайнему сожалению, эта небольшая церковь, недавно выстроенная из прекрасного местного материала, дала сильнейшие трещины, должно сказать правду — здешние зодчие очень недостаточны.

В окрестностях Пятигорска по станицам Линейного казачьего войска Ессентукской, Железноводской и Кисловодской имеются раскольники. В станице Ессентукской находится единоверческая церковь, впрочем, с малым числом прихожан.

Моздок. Путь от Пятигорска к Моздоку и от Моздока к Кизляру лежит по станицам Линейного войска. Заметкам о последних дадим место после двух названных городов, принадлежащих епархиальному ведомству.

Моздок (ныне заштатный город) был прежде местопребыванием епископа Моздокского и Маджарского. За городом на равнине, орошаемой Терекон, где находился архиерейский дом, ныне находится одна деревянная церковь, при ней городское кладбище. Город населен наиболее армянами григорианского исповедания, занимающимися торговлею и живущими достаточно, русских гораздо меньше, живут они гораздо скуднее. Соборный храм армянский — каменный, гораздо обширнее и великолепнее православного, который деревянный.

За городом на противоположном кладбищенской церкви конце находится деревянная церковь Успения Божией Матери. В ней за правым клиросом в киоте присутствует древняя чудотворная икона Иверской Божией Матери. Исторические сведения о сей иконе имеются следующие:

В двенадцатом столетии знаменитая грузинская царица Тамарь, по кончине первого супруга своего русского князя Георгия Андреевича — сына Андрея Боголюбского, вступила

в брак с князем осетин. Вместе с рукою своею она доставила князю и его народу христианство. Благочестивая царица не щадила ни трудов, ни издержек для водворения и утверждения святой веры между осетинами. В стране их многочисленные развалины свидетельствуют о многочисленности прежде бывших в ней христианских храмов. Соиздание этих храмов приписывается преданием Тамаре.

Предание утверждает, что одни из развалин в Карталинском ущелии составляют остаток храма, в котором помещалась и хранилась икона Иверской Божией Матери — драгоценнейший дар боголюбивой Тамары осетинскому народу. Два раза храм был разрушен до основания пожаром, и оба раза икону Божией Матери находили целою. Шестьсот лет икона пребывала в Карталинском ущелии.

В конце прошлого столетия магометанство при посредстве турецких миссионеров вторглось с величайшим фанатизмом, более политическим, нежели религиозным, в Кавказские горы. Оно уничтожило между народами горскими то слабое христианство, которое еще держалось между ними, держалось более номинально, нежели на самом деле. Осетины склонились к исламу, подобно прочим горцам. Но они, так как и все горцы, не сделались настоящими магометанами. Алкоран им неизвестен по незнанию горцами арабского языка, на котором написан алкоран. Перевода на татарский горцы не имеют. Неизвестен он самим муллам горцев, они считают его недоступною, высшей мудрости книгою.

Магометанство горцев ограничивается соблюдением некоторых наружных магометанских обрядов. Они склонились к некоторым верованиям, внушенным им миссионерами, большая часть понятий прежней неопределенной религии, в которой доселе видны признаки христианства, осталась при них. Главнейшею заботою миссионеров было внушать горцам, что их единственный законный государь есть турецкий султан.

В смутное время в религиозном отношении, т.е. во время проповеди магометанства между горцами в конце прошедшего столетия, икона Божией Матери сохранила верными

христианству многие семейства не только осетин, но и черкесов, сохранила верными посредством дивных знамений.

Наше правительство в 1763 году пригласило горцев-христиан и горцев, желающих принять христианство, переступить через Терек и селиться близ Моздока. Вследствие повторенного приглашения в 1793 году партия горцев накануне преполовения Пятидесятницы прибыла к Моздоку, имея с собою икону Богоматери. Икона ознаменовала чудесами и путь свой и прибытие в православный город.

Преосвященный Гаий, епископ Моздокский и Маджарский, узнав о прибытии знаменитой на Кавказе иконы, вышел к ней для поклонения с духовенством с крестами и хоругвями. Архипастырь внес ее в собор, предполагая здесь предоставить почетное место иконе. Но Богоматерь особым чудом известила епископа, что Она желает пребывать вне города, на том самом месте, на котором Она остановилась и провела ночь на смиренной черкесской арбе — так называется двухколесная телега горцев. Преосвященный Гаий поспешил соорудить часовню на указанном месте, впоследствии прихожане построили деревянную церковь во имя Успения Божией Матери. Икона имеет 1 арш. и 12 вершков вышины, 1 арш. и 7 вершков ширины. Икона, как видно, была написана по золотому фону. Иные утверждают, что она покрылась копотию во время вышеупомянутых пожаров в ущелии Карталинском. Черты лика Божией Матери на иконе — строгие, характер письма — грузинский. Иконописец царицы Тамары, как говорит предание, приуготовлялся к написанию иконы сорокадневным постом и сорокадневными молитвами.

В настоящее время при Успенской церкви имеется прихожан 2 243 лица мужского и 2 155 лиц женского пола, из них осетин и черкесов 1 238 лиц мужского и 1 153 женского пола. Осетины признают икону своею собственностью, питают к ней пламенную привязанность, с которою должно обращаться весьма осторожно и благоразумно, по пылкости, решительности и невежеству азиатцев. Икона славна

в горах. На поклонение ей стекается множество горцев-магометан. Армяне григорианского исповедания чествуют икону наравне с православными.

Икона совершает множество исцелений, под нею на шнуре висят многочисленные серебряные изображения членов человеческого тела, привешенные получившими исцеления. Многие магометане, поражаемые чудесами, совершающимися при иконе, принимают христианство, весьма многие магометане, по той же причине питая доверенность к иконе, питают доверенность и к христианству. Икона — апостол.

Точно! Чудотворная икона Божией Матери совершает в здешнем крае служение апостола, споспешествуя и свидетельствуя христианству знаменами. Нужно, чтоб и человеки оказывали усилия, им свойственные, к святому делу просвещения горцев Светом Христовым. Здесь епископом найдено странное распоряжение, а христиане-горцы найдены по причине такого распоряжения в самом тревожном состоянии. Многие из христиан осетин и черкесов весьма мало понимают русский язык, многие не знают его, женский пол совершенно незнаком с русским языком.

Наоборот, все священники при Успенской церкви были русские, совершенно незнакомые с осетинским и черкесским языками, даже вовсе незнакомые с татарским, общеупотребительным между горцами. По этой причине сношения между пастырями и паствою были крайне затруднительны, во многих случаях совершенно невозможны, особливо женский пол лишен был всякого назидания, всякой духовной пищи. Потребность в этой пище заставляла христиан-горцев приглашать к себе в дома мулл, которые своими наставлениями крайне повредили христианству между женским полом и непременно отвлекли бы от христианства всех моздокских горцев, если б не удерживала их в христианстве икона Божией Матери.

Азиатцы, по необыкновенно пылкому характеру, придя в разгорячение, теряют совершенно здравый смысл и руководствуются единственно темпераментом своим. Их тревожное

положение сделалось известным князю наместнику, и он убедительно просил преосвященного Иоанникия удалить из Успенской церкви того протоиерея из русских, которым горцы были особенно недовольны. Русский протоиерей заменен другим русским протоиереем.

По прибытии епископа Игнатия в Моздок депутация горцев представилась ему для объяснения своего затруднительного положения по невозможности им понимать язык русской речи, на котором говорят их священники, и обратно, не могут быть понимаемы священниками, совершенно не знакомыми с их языком. Горцы жаловались, что они совершенно лишены таинства исповеди, что они совершенно лишены возможности получить желаемые ими понятия о христианстве по невозможности объясняться со своими священниками. Они жаловались особенно на неблагоприятное влияние протоиерея Крастилевского, коего прежний протоиерей родственник. Медленность следствия, производимого о злоупотреблениях прежнего протоиерея, приписываемая влиянию Крастилевского, сильно волновала горцев.

Вследствие фальшивого положения, невыносимого для нетерпеливых и своенравных горцев, они уже замыслили похитить икону и удалиться с нею в горы. Этот умысел сделался известным военному начальству и был бы исполнен пламенными горцами, если б они не были удовлетворены.*

Удовлетворения ожидали они от нового епископа. Епископ предложил горцам священника Варфоломея Синанова из грузин, кончившего курс в Кавказской семинарии в первом разряде, знающего осетинский язык, помещенного по каким-то странным расчетам в селение, соседнее к калмыцким кочевьям в Астраханской губернии. Осетины приняли это предложение с восторгом, другой священник дан им также из грузин, знающий татарский и осетинский языки, протоиерей из русских оставлен до усмотрения. Чтоб утешить

* Наместник Кавказский князь Барятинский лично просил епископа Иоанникия о перемене настоятеля Успенской церкви лицом более благонадежным и поручил начальнику губернии донести ему, когда это требование будет исполнено епископом.

и черкесов, епископ предложил им избрать из среды себя благонравного и способного юношу для приготовления в духовных училищах к служению Церкви.

Предложение это было принято с величайшим удовольствием: они избрали молодого человека из дворянского рода, получившего некоторое образование в моздокском училище гражданского ведомства.

Епископ вошел в сношение с князем наместником о увольнении черкеса из казачьего сословия для поступления в духовное звание. На сие князь изъявил полное согласие и взшел с представлением к военному министру, который доложил о сем государю императору. Его величество благоволил весьма одобрить эту меру. Отчисление черкеса из казачьего ведомства в духовное приводится в исполнение, между тем он по билету, выданному наказным атаманом, живет в архиерейском доме и посещает семинарию.

В Моздоке с чрезвычайною ясностью выяснилась необходимость знания кавказским духовенством татарского языка, как общеупотребительного между горцами. Эта потребность очевидна повсюду в станицах Черноморского и Линейного войска, граничащих с аулами горцев, и в особенности в городах Моздоке и Кизляре. Армяне, составляющие большинство народонаселения в этих городах и торгующие с горскими народами, все знают татарский язык, они с детства изучают его в видах успеха в промышленности. Почему же не изучать его с детства духовенству для успехов христианства?

Моздокское духовное училище помещается в ветхом деревянном домике епархиального ведомства. По тишине, господствующей в скромном Моздоке, стоящем далеко в стороне от большой дороги из С.-Петербурга в Тифлис, а, следовательно, в стороне от современной цивилизации, занятие науками могло бы идти успешно. Несмотря на благонмерность и способность зрителя училища, к 1858 году оно оказалось недостаточным по всем отношениям. Такое слабое состояние его должно приписать двум причинам: скудости содержания и чрезвычайно неудобному помещению.

Ныне первая причина устранена, приняты заботы к устранению и второй. Моздокское училище, находясь в городе, который населен иноверцами, располагаемыми к христианству чудотворною иконою Божией Матери, может оказывать величайшую пользу. Умный зритель понимает это, имея много теплоты сердечной, он готов и может быть полезным для Церкви.

Город Кизляр. Кизляр должен быть назван вполне азиатским или, точнее, армянским городом.

Жителями Кизляра, как православными, так и армянами григорианского исповедания, особенно уважается икона Живоносного Источника, признаваемая чудотворною по ее древности и по преданиям о совершившихся при ней чудесах, которые нигде не были записываемы. Икона сия находится в приходской Живоносно-Источнической церкви и помещается за правым клиросом.

Кизлярский Крестовоздвиженский монастырь должен бы был иметь важное значение в отношении к церковной администрации, так как он находится в городе, населенном иноверцами, на самом конце епархии, в 500 верстах от епископской кафедры. К сожалению, он не удовлетворяет этой цели.

Главною причиною сего должно признать то, что кавказское начальство доселе имело в виду удовлетворение одних военных потребностей и приносило им в жертву все прочее. Недавно начала развиваться здесь гражданственность и гражданский быт начал признаваться существенным для человека, жителя земли. Недавно начала проявляться мысль, что война и войско суть орудия, которыми водворяется и охраняется гражданственность.

При прежде бывшем взгляде на край весьма доходная рыбная ловля отнята у монастыря в военное ведомство. Частные лица, видя этот образ действий, также дозволили себе присваивать монастырские угодья. Нынешний настоятель монастыря игумен Герман — старец деятельный, трезвый, старинных правил — провел двадцатилетнее управление свое в непрерывных процессах. Естественно, что при таком положении

монастырь не получил должного развития, должно считать счастьем, что он не уничтожился.

Собственно русское духовенство в Моздоке и Кизляре, особливо в Кизляре, по малочисленности и бедности русского народонаселения, находится в крайне бедном состоянии. Польза Церкви требует, чтоб оно было поддержано.

Армяне. Здесь представляется весьма нелишним изложить религиозное состояние армян, жительствоющих в значительном числе в Кавказской епархии, а в городах Моздоке и Кизляре составляющих большинство народонаселения. Они не понимают евтихиевой ереси, следовательно, не понимают того существенного догматического различия, которым отделяется их Церковь от Церкви Восточной. Разъединение они приписывают разности в обрядах.

К обрядам они не имеют той особенной привязанности, которая заметна в русском народе. Обряд свой, когда объяснится его несовместность, армяне оставляют легко. Так, они имеют обычай разговляться в Великую Субботу, по окончании богослужения сего дня. Некоторое лицо из их духовенства представило им странность сего обычая, указав на основательность обычая православных, и армяне с любовью, без всяких споров согласились разговляться в день Св. Пасхи, после литургии. Вообще в них заметно непритворное, сердечное влечение сблизиться с православными, с русскими. Обстоятельство это имеет, по мнению моему, особенную важность. Оно важно не только в религиозном отношении, но и в государственном.

Если б Провидение благоволило, чтоб армяне соединились с Православною Церковью, для чего нужно единственно объяснение недоумений с обеих сторон, то государственная польза их в здешнем крае была бы неисчислима. Торговля их обнимает собою не только Кавказский, но и Закавказский край и самые горы. Зная татарский язык, общепотребительный между горцами, они свободно странствуют в горах, посещают аулы и мирных и немирных горцев, завели с ними близкие сношения. Они могли бы быть под наружностью промышленников превосходными миссио-

нерами и превосходными политическими агентами, имея к исполнению всех этих обязанностей отличные, врожденные способности.

Теперь нравственное положение армян — неопределенное. Оно и должно быть таким: у них есть душевное влечение к русским, но недоумения не устранены, единения нет, естественное и логичное последствие этих условий — неопределенность.

Станицы Кавказского линейного войска. Путь от самого Ставрополя, чрез Георгиевск, Моздок, до Кизляра лежит мимо станиц Казачьего линейного войска. Грустное впечатление производит эта область, к которой усиливаются привить протестантское положение, не свойственное Православной Церкви, вопреки желанию народонаселения. Церковный характер области есть характер раскола. Это вполне ясно и ощутительно для всякого, имеющего определенное понятие о Восточной Церкви. Видят и ощущают это сами казаки, из которых весьма многие изучают и изучили веру. Повсюду в станицах встречали епископа с величайшим радушием, в некоторых являлись к нему депутации с изъявлением своего искреннего желания иметь архиерея во главе своей Церкви. Даже был предложен вопрос: “Скоро ли мы будем принадлежать к Православной Церкви?”

Этот вопрос определяет то понятие, которое казаки имеют о религиозном положении своем. Повторяю: многие между казаками очень тщательно изучают веру, их понятия о вере никак не должно сравнивать с понятиями о ней лиц высшего образованного круга. Самое развитие между казаками раскола служит доказательством, что вера составляет для них предмет глубокого, строгого размышления и изучения, отнюдь не такой предмет, к которому они были бы равнодушны, на который они смотрели бы поверхностно и мимоходно.

При всех вышеупомянутых изъявлениях сочувствия епископ отвечал, что настоящее положение церквей Линейного войска есть следствие административных соображений, что в удовлетворение набожному чувству православных,

предписано епископу посетить их храмы и доставить им все желаемое христианское назидание и утешение. Такой ответ если не успокаивал вполне, то налагал на уста молчание. Лицам более образованным он не мог быть и предложен. Здесь всем известно религиозное направление князя Воронцова: он не останавливался публично оказывать особенное внимание и расположение к магометанскому духовенству, давая ему во многих случаях предпочтение перед духовенством православным.

Как три иудейские отрока в печи и плену вавилонском исповедали, что Бог *по истине и по суду навел все это за грехи их* (Дан. 3; 28), так и Кавказское епархиальное начальство должно рассуждать о своем положении относительно церкви Казачьего линейного войска. И в настоящее время имя Крастилевского духовенством войска произносится с ужасом, как бы имя Шамиля. Духовенство это громко рассказывает о бывших злоупотреблениях, а высшие лица, рассуждая о времени разрыва и вспоминая это время, поставляют ненарушимым условием при воссоединении, долженствующем рано или поздно последовать, кротость и сохранение благоприличия при обращении с ними.

Виды административные, в которых князь Воронцов передал церкви целой области в управление пресвитеру, отняв их у епископа в противоположность постановлению Св. Духа, доселе не объяснены. Но они должны же быть объяснены когда-либо, хотя для истории, как нарушение неприкосновенного, святого характера Православной Церкви. Такое объяснение неминуемо должно оказаться весьма затруднительным, а фраза, провозглашающая административное соображение, голословна, а потому неудовлетворительна.

Защитники меры должны представить в причину ее, как они и теперь выставляют, неправильность и несообразность в действиях, которые допустил себе епископ Кавказский. Но это не оправдывает меры, употребленной против таких действий. Церковное предание представляет, что во все

служения, самые святые и высокие, начиная с апостольского, человек вносил злоупотребление и грех, усвоившиеся человечеству. При таких случаях Церковь никогда не останавливалась устранить лицо, злоупотреблявшее служением, но самое служение, как установленное Св. Духом, она постоянно сохраняла неприкосновенным.

Апостол, оказавшийся недостойным апостольского служения, заменен другим апостолом. Патриархи и другие архиереи, впавшие в ересь или обнаружившие деятельность, несообразную с служением, были лишены престолов и санов, престолы и саны их передавались лицам более достойным. Но замещение для целой области епископа пресвитером с употреблением епископа как машины и орудия для освящения храмов, рукоположений и прочего, для чего невозможно обойтись без епископа, есть новость в Православной Церкви. Новость эта представляется ничего не значащею для непонимающих веру. Она имеет огромное значение и в глазах раскольников: ибо учение о епископе принадлежит к одному из важнейших предметов их размышлений и суждений.

Епископ Кавказский исполняет все потребности церковные для области линейных казаков, только не управляет этою своею паствою. Главный священник Кавказской армии находится при штабе армии, в Закавказье — в крае, совершенно отделенном существенным, естественным разграничением от страны, собственно именуемой Кавказом, почти не имеющей натуральных отношений с Закавказьем. Управление церквами из такой дали вполне неестественно и повергает эти церкви в самое бедственное положение во всех отношениях. Казачий атаман, его штаб, главные лица казачьего управления имеют своим пребыванием Ставрополь, окруженный отовсюду станицами и церквами Казачьего линейного войска.

Сношения о делах, происходящих пред глазами, должны делаться с Тифлисом, на расстоянии пятисот верст, за гигантским хребтом седоглавого Кавказа, с главным священником, имеющим дома свою специальную обязанность

и никак не могущим удовлетворять возложенному на него управлению церквями Казачьего войска по самой отдаленности их и отчуждению от него. Положение, для которого так трудно найти смысл, не может быть продолжительным.

Монастыри. В Кавказской епархии имеются к 1 января 1859 года два мужских монастыря и один женский. Из них мужской — Екатерино-Лебяжинская пустынь и в сорока верстах от нее — Мариинская женская — учреждены на особых правах, высочайше утвержденных в положении о Черноморском казачьем войске. Обе находятся не в дальнем расстоянии от Азовского моря, и первая из них может стоять наряду с лучшими монастырями русскими по средствам к содержанию. Управляется она архимандритом, который вместе с тем и благочинный обеих этих пустынь.

Крестовоздвиженский Кизлярский заштатный монастырь находится на противоположной оконечности епархии, неподалеку от Каспийского моря. Монастырь имеет до 2000 рублей серебром ежегодного дохода, но очень потрясен в благосостоянии своим теми процессами о принадлежащих ему угодиях, в которые он был вовлечен.

Близ губернского города Ставрополя, в восьми верстах от него, имеется Иоанно-Мариинская женская община, о возведении которой в монастырь сделано представление в Св. Синод.

Монашество. Монашеская жизнь в обителях Кавказской епархии находится в младенчестве, и трудно, чтобы она в скором времени могла выйти из этого состояния. Для иноческих духовных успехов необходимо мирное состояние обителей. Но обе мужские обители этого мирного состояния не имеют и не предвидится, чтобы могли получить его, доколе светская власть не придет в то отношение к духовной, в каком она находится повсюду в России. А это может совершиться только тогда, когда война престанет быть исключительно началом, целию, извинением — правильным или неправильным — всех соображений и мер. Настоятели здесь нуждаются в познаниях и способностях по преимуществу канцелярских, канцелярские занятия их особенно значительны.

В Екатерино-Лебяжинской пустыни существует под председательством настоятеля комитет, в котором участвуют некоторые светские лица для управления хозяйством монастыря. В этом комитете долгое время господствовало большое разъединение между духовными и светскими членами его, бывшее причиною весьма затруднительной переписки. Ныне при весьма хороших отношениях епископа с главным черноморским начальством это разъединение уничтожено.

Но невозможно сделать никаких существенных изменений в церковном характере, по правилам церковным: ни то, ни другое не ведается и не понимается. Одна приветливость способна действовать с некоторым успехом против власти, находящей в военных соображениях средство быть неограниченною. Одна она может смягчать зло, производимое невниманием к постановлениям Церкви. С терпением и покорностию Промыслу Божию надо ожидать того времени, когда в Черноморском мужском монастыре окажется возможным ввести такой устав, который начертан вообще для всех православных монастырей преданием Св. Церкви, при котором только возможно нравственное и духовное благоустройство в иноческих обителях.

Церкви. В Кавказской епархии состоит всех вообще церквей сто шестьдесят восемь. Народонаселение Кавказа непрерывно и быстро увеличивается новыми выходцами из России, которые прежде всего заботятся, как свидетельствуют многие опыты, об устройении молитвенного дома для удовлетворения духовных нужд. Получив прочную оседлость, они стараются и о построении церквей.

Надзор над церквями производится благочинными не менее четырех раз в год. Церковное письмоводство, коим по малограмотности церковных старост по большей части занимаются священнослужители, находится в удовлетворительном состоянии.

Духовенство. Духовенство Кавказа первоначально собралось в этот отдаленный край из разных мест России. Выходцы эти не отличались особым благонравием, принадлежа

по преимуществу к разряду людей, не надеявшихся на получение хороших мест на родине и устремившихся к пустынному тогда Кавказу с надеждою найти там и приют и довольство. Расчет этот оказался безошибочным. Дети пришельцев, получив образование в учрежденной на Кавказе семинарии, составляют новое поколение уже с своим характером, весьма утешительным, они проходят важное служение свое иначе, нежели как проходили их отцы — проходят весьма удовлетворительно.

На Кавказе — просторно. Кажется, и характеры образуются соответственно простору и довольству: в характере духовенства кавказского заметны особенное радушие, странноприимство, откровенность. Последняя черта особенно поразительна для лица, нового в крае. Между священниками много отличного достоинства людей.

Духовенство, вообще, в отправлении богослужения и назидании пасомых неленостно. Погрешности и упущения, без чего не обходится ни одно человеческое общество, исправляются мерами, в полном обилии доставляемыми нравственным преданием Церкви.

Опыт доказывает, что со времени вступления в поприще деятельности церковной нового поколения, вообще, все духовенство постепенно изменяется, возвышается, облагораживается. Если же еще и проявляются невежество и грубые пороки, то они проявляются преимущественно в духовенстве Черноморского войска, которое составилось из казаков, научившихся читать и писать, но и там в настоящее время нравственное состояние духовенства улучшается вследствие постепенного замещения открывающихся священнических вакансий окончившими курс воспитанниками семинарии.

Духовенство Кавказа, получая жалование от казны и пользуясь подаями от прихожан, по большей части не терпит нужды, кроме Черномории, где оно, не получая жалования, хотя и довольствуется приношениями от прихожан, но приношениями весьма необильными. Некоторые из

духовенства в поддержание себя и к воспитанию детей своих в учебных заведениях, занимаясь скотоводством в небольших размерах, сильно стесняются тем, что в станичных юртах [казачьи станицы со всеми землями — *ред.*] не отведено им ни покосных, ни пашенных мест и при сенокосении всегда достаются на долю духовенства самые невыгодные места.

Недостатка в духовенстве в настоящее время Кавказская епархия не имеет.

Отношение православного духовенства к иноверному и к жителям иноверным, живущим в городе Ставрополе и преимущественно в Кизляре и Моздоке, благоприятны. Это видно из того, что армяне с полною охотою посещают православные храмы, а в городе Кизляре, по ревности к дому Божию, уничтоженному за несколько лет пред сим пожаром, просят облечь их в звание церковных строителей, в чем, конечно, нельзя не видеть влияния на них духовенства.

Богоугодные учреждения. Больниц и богаделен при церквях Кавказской епархии нет, кроме города Екатеринодара, где при Скорбященской церкви богадельня на шестьдесят человек и больница на двадцать пять, под непосредственным надзором войскового начальства.

Раскол. Раскол в Кавказской епархии хотя и незначителен численно, но весьма упорен в заблуждениях. Существенною, главною, почти единственною причиною сего — сопредельные станицы Кавказского линейного казачьего войска. Можно сказать безошибочно, что эти станицы, все без исключения, более или менее заражены расколом. Оттуда исходят ересеучители для совращения в раскол жителей Ставропольской губернии. Совратившиеся в раскол жители сел находят в станицах подкрепление в своих заблуждениях, оттуда получают наставников, которые позволяют себе совершать таинства и утверждать, что только там, в станицах, сохраняется истинная Христова Церковь.

При таком пагубном влиянии станичного раскола православное духовенство встречает непреодолимую преграду в

успехе обращения своих раскольников в недра Православной Церкви. Кроме сего, к прискорбию, на Кавказе открылось новое гнездо для раскола во вновь населенном городе Ейске, куда во множестве стекаются раскольники, пользуясь льготами, высочайше дарованными этому городу, и избегая преследования на прежних местах жительства. Есть уже печальные примеры, что чада Христовой Церкви отторгаются от стада Христова.

Для пресечения сего зла епархиальное начальство отнеслось к г. наместнику Кавказскому с просьбою воспретить принятие в Ейске лиц, которые не представят от прежних своих приходских священников свидетельств о своем православии, и даже вовсе воспретить причисление в г. Ейск раскольников. Протоиерею г. Ейска, лицу весьма деятельному, предписано тщательное наблюдение за раскольниками, предупреждение совращений и увещание заблуждающихся и совращенных.

Увеличение паствы и ее духовное развитие. Кавказ, богатый землями, постоянно принимает к себе новых поселенцев, из которых образуются самостоятельные приходы. Так на землях, принадлежащих калмыкам, кочующим в смежности со Ставропольскою губерниею, поселено по распоряжению правительства несколько станиц, в которых устроятся молитвенные дома, и даже в некоторые определены для исправления христианских треб священники. Кроме того, кавказская иерархия приобрела к Церкви Православной новых чад из иноверных христианских исповеданий и из нехристиан.

К утешению, чувство благочестия в истинных чадах Христовых весьма развито. Каждое поселение епархии заботится о создании храмов для общественных молитв и, не прибегая к пособиям правительства, от избытков своих приносит дары к алтарю, не только достаточные на создание храмов, но и на обеспечение их содержания и ремонта.

Усердие православных к посещению храмов Божиих и исполнению долга христианского, по благодати Божией, не оскудевает. Редки те случаи, чтоб православный христианин

по нерадению или по слабости сознания в необходимости очищения совести исповедию принуждаем был к тому усиленными мерами.

В необразованном классе, чуждом грамотности, нельзя найти отчетливого знания молитв и полного разумения заповедей, особливо же истин веры. Но при всем том твердое убеждение в святости исповедуемой веры глубоко лежит и запечатлено в сердцах православно верующего народа. При благодетельной же попечительности правительства, усиливающего обучение крестьянских детей в школах, и в семейства простого народа входят любовь и обычай к назидательному чтению, доставляющему яснейшее понимание начальных истин веры и заповедей, вместе способствующему к изучению нужнейших молитв.

Замечательнейших пожертвований на храмы Божии было четыре: 1) в 4000 рублей в с. Безопасном крестьянина Лулева; 2) в с. Прасковей крестьянки Терновской — 2000 рублей; 3) в г. Ейске складчиной пяти человек купцов устроен иконостас в 2000 рублей; 4) в г. Екатеринодаре казаком Сесюрею возобновлена церковь на 1287 рублей.

Катехизические поучения введены в шестидесяти шести церквях. Все образовавшиеся в семинариях и кончившие курс обязываются произносить проповеди своего сочинения по назначению епархиального начальства. Для рассмотрения катехизических поучений учрежден в городе Ставрополе особый комитет из лиц, получивших высшее духовное образование, в который и отсылаются они чрез Консисторию. Но общей систематической программы к последовательному произношению катехизических поучений не составлено. Впрочем, о составлении таковой предложено чрез Консисторию комитету. Произносятся эти поучения в праздничные и воскресные дни по окончании литургии.

В Кавказской епархии положено учредить женское училище при Черноморской женской пустыни. Но училище это по новости самой обители не получило еще правильной организации. Составление проекта для сего училища предоставлено предварительно Черноморскому войсковому

начальству, как ближайшим образом знакомому с духом и потребностями местных жителей. Попечительною настоятельницею пустыни уже заведено училище в размере и благоустройстве, сообразных с средствами обители.

Из ведомости, доставленной Палатою государственных имуществ, видно, что в сельских церквях Ставропольской губернии учреждено двадцать училищ для крестьянских детей. Обучением их вообще занимаются приходские священники, с хорошими, по отзыву той же Палаты, успехами, каких можно ожидать при крестьянском быте, при коем на обучение уделяется не более полугодичного времени, а на все остальное время дети отзываются к домашним занятиям и полевым работам. Для многих училищ не устроено приличных помещений, а собирают преподаватели учеников в свои дома.

Заключение. Кавказская епархия только с северо-запада граничит с православным народонаселением — с областью донских казаков. На восточной оконечности своей она примыкает к Каспийскому морю, на западе — к Азовскому и Черному. Значительная часть Ставропольской губернии составляет необитаемую пустыню, и весь край Кавказский наиболее населен по своим окраинам. Самая обширная грань к югу. Здесь соседи русских — горские племена магометанского исповедания. Как Китай отделяется от Монголии стеною, так мирные селения гражданские Кавказского края отделяются от горских народов непрерывною цепью станиц Черноморского и Линейного казачьих войск.

По берегу Каспийского моря граница епархии весьма непродолжительна. По ней между русскими живут в значительном количестве ногайцы и тухмены (туркоманы), народы татарского племени. Пространная северная и северо-восточная граница занята татарами-магометанами, небольшое число калмыков-идолопоклонников (до четырех тысяч душ) коцует на северной оконечности епархии.

Итак, почти всю границу обширной по местности епархии занимают магометане татарского племени или магометане-горцы. Между последними татарский язык — и общепринятый

и общеупотребительный, как между европейцами — французский. Сего мало: горцы в значительном числе, под названием мирных, живут по сю сторону цепи казачьих станиц, внутри страны, или находятся в самой цепи. Также татары живут в значительном количестве в селениях гражданского ведомства, или постоянно или временно, нанимаясь в работники.

Из такого взгляда очевидна главнейшая церковная потребность в настоящее время. Она заключается в том, чтоб основательное изучение татарского языка развито было в Кавказской семинарии, чтоб преподавание этого языка начиналось в духовных училищах, чтоб воспитанники были ознакомлены с языком не только книжным, но и разговорным. Развитие осетинского языка нужно в гораздо меньшем размере, нежели татарский: осетин немного, да и все они, подобно прочим горцам, знают татарский язык.

Познание татарского языка дает возможность священникам иметь общение с горцами и татарами и склонять их к принятию христианства, тем более что эти магометане, как выше было объяснено, имеют о магометанской религии самое сбивчивое и неверное понятие. Познание татарского языка даст священникам возможность буквально исполнять ясное и действительное завещание, данное пастырям Самим Господом: *Идите, научите все народы* (Мф. 28; 19).

Вот та единственная особенность и потребность, которая выставляется на первый план при тщательном рассмотрении Кавказской епархии и нуждается в немедленном удовлетворении. Прочие потребности, которые, впрочем, явствуют из сего отчета, гораздо менее важны. Они могут быть удовлетворяемы, а недостатки и несообразности, существующие в епархии, могут быть смягчаемы и устраняемы постепенно, путем кроткого вразумления. Самое время объяснить для многих то, что для них теперь неясно.

Затем испрошением прощения у Св. Синода в тех погрешностях, которые могут быть усмотрены на поприще 1858 года, и испрошением благословения и молитвенной помощи на открывшееся поприще текущего лета епископ Игнатий оканчивает сей отчет свой.

В дополнение к этому отчету нелишним находим сообщить частное письмо епископа к Якову Алексеевичу Позняку, директору Синодальной канцелярии,¹¹³ от 18 января, за № 7:

“Ознакомившись, вообще, с делами Кавказской Консistorии, считаю нелишним представить взгляд мой на них благоусмотрению Вашего превосходительства.

Здесь духовенство набрано из разных епархий. Нужда заставляла принимать людей без строгой критики, да и невозможно основательно узнать при самой строгой критике человека, пришедшего из дальней страны, не жившего на месте продолжительно. По этой радикальной причине невозможно, чтоб во вновь устроенной епархии, при таком составе духовенства, не было значительных беспорядков. Строгим надзором и взысканиями можно более или менее обуздать безнравственных, но редкие из безнравственных могут совершенно измениться и сделаться нравственными. Следовательно, нужнейший способ исправления духовенства состоит в заменении старых, закоснелых новыми, благонаправленными воспитанниками семинарии. Этот способ требует времени.

Дела Консistorии не так запутаны, и делопроизводство идет совсем не так худо, как это представлялось при борьбе, возникавшей от столкновения страстей, причем с обеих сторон писалось с разгорячением, и многие дела представлены односторонне, а, следовательно, и неправильно.

Так, например, о протоиерее Петрове взято одно дело и представлено с действиями по нему епархиального начальства высшему начальству. Оказывается, Петров был судим по двадцати делам, из коих по каждому имеется распоряжение епархиального начальства, и все эти распоряжения находятся в связи между собою. Исторгнутое из среды этих двадцати дел одно дело и представленное отдельно, точно, не показывая связи между решениями епархиального начальства, дает решению его по одному делу вид странный.

В таком положении, каково дело Петрова, находятся некоторые другие дела. Я приказал все такие разнородные дела об одном лице доложить мне вместе и надеюсь уже в правильном виде представить дела, нуждающиеся в представлении Св. Синоду. Сами изволите видеть, что такой образ действий требует времени. Но он и весьма точен и облегчит труды для самой канцелярии Св. Синода.

Призывая на Вас благословение Божие” и проч.

Вникая в материальный быт чинов, служащих в канцелярии Кавказской духовной Консistorии, епископ препроводил в оную из собственности своей триста рублей серебром при предложении Консistorии следующего содержания¹¹⁴.

“Обращая внимание на затруднительное положение чиновников Кавказской Консistorии, довольствующихся общим окладом жалования, положенным для канцелярий консисторских в России вообще, между тем как в Ставрополе предметы продовольствия несравненно дороже, нежели в России вообще, я счел обязанностию моею явить мое пастырское деятельное участие в положении чиновников Кавказской Консistorии. Удовлетворяя требованию таковой пастырской обязанности моей, я предлагаю Консistorии триста рублей серебром из моей собственности на раздачу чиновникам по расписанию, которое предлагаю Консistorии составить и представить на мое усмотрение.

Уповаем, что с сим скудным даром нашим, яко с даянием архипастыря, внидет благословение Божие, так как, напротив того, даяния незаконные удаляют благословение Божие от тех лиц и домов, коими сии незаконные даяния привлекаются. Доставителю сего предложения и при нем суммы в триста рублей серебром, келейному моему, рясофорному послушнику Иоанну, выдать расписку за подписанием члена Консistorии и исправляющего должность секретаря. 10 марта 1858 года, № 29”.

Личные отношения епископа Игнатия к местным гражданскому и военному начальствам имело решительное влияние

на добрые отношения и всего населения к духовенству. Влияние это особенно проявилось в отношениях Линейного казачьего войска, при объезде епархии, где по предварительному сношению Синода было сделано распоряжение о принятии епископа в церквах станиц, которые он проезжал, совершая обзор епархии.

Особенно замечательна была его беседа с раскольниками станицы Червленной, где командир Горского полка барон Розен пригласил епископа на ночлег в свой дом и представил ему всех офицеров полка и общество чинов-начетчиков по расколу. В конце беседы казаки-раскольники говорили: “Видишь, ты какой простой, владыка! И нас понимаешь, и мы тебя понимаем и говорить с тобою можем — может быть, мы бы и подались на твои слова, да ведь ты сегодня, а завтра на твое место станет другой, который с нами говорить не будет так, как ты, да и слушать-то нас не захочет”.

Двенадцатого мая 1858 года совершено было освящение Георгиевского знамени, высочайше пожалованного Линейному казачьему войску, в станице Михайловской, отстоящей от Ставрополя на семь верст. К празднеству собраны были избранные воины со всех полков, прибыли все штаб и обер-офицеры, коим была возможность оставить свои посты, съехалось и линейное духовенство вдовольном числе. Для совершения литургии был разбит обширный шатер походной церкви. Для совершения богослужения, а затем и церемониала освящения знамени начальство Линейного казачьего войска в лице своего наказного атамана пригласило епископа и с ним все старшее духовенство города Ставрополя, в коем находилась постоянно главная квартира войска.

Встреча епископа была сделана линейным духовенством согласно распоряжению Святейшего Синода. Все обстоятельства, кажется, условились и согласились, чтоб торжеству, вполне особенному по своему характеру, доставить еще и особенное великолепие. Самая погода, умеренно-теплая,

тихая, споспешествовала учредителям праздника, и два хора певчих, каждый по сто человек, составленных из полковых казачьих хоров, с хором певчих архиерейских, исполняли пение богослужения с таким гармоническим согласием, что это небывалое по великолепному величию обстановки церковное празднество привело в восторг все воинское народонаселение и всех присутствовавших при нем.

По окончании продолжительного богослужения была предложена общая трапеза в особой, нарочно устроенной обширной палатке, с одной стороны совершенно открытой. Обедали духовенство и генералитет, военные и гражданские чины, а по обеим сторонам палатки у длинных столов обедали воины, прибывшие из прочих станиц к торжеству. По произнесении тостов за здоровье государя императора, великого князя наследника, князя наместника Кавказского, атаман провозгласил тост за здоровье преосвященного. На тост этот войско отвечало громким продолжительным “ура”, киданием шапок кверху и прочими ему обычными выражениями удовольствия.

При отъезде епископа войско окружило его карету и проводило при криках “ура”, а некоторые всадники сопровождали епископа до самого его дома, выказывая свою удаль и веселость лихим наездничеством и джигитовкой.

При сем случае особенно прямо и ясно выразилось желание не только начальников Линейного казачьего войска, но и самого военного народонаселения иметь епископа во главе их духовного управления. Это желание разделяло и линейное духовенство, тяготившееся отдаленностью управления в Тифлисе и предпочитавшее иметь сношения со Ставрополем, вполне естественным по близости его к станицам войска и по самым житейским нуждам необходимым.

По окончании Божественной литургии пред совершением последования, установленного для освящения знамени, епископ произнес к войску речь, которую начальство войсковое распорядилось немедленно напечатать в нескольких сотнях экземпляров для рассылки по всему Линейному войску. Приводим ее полностью¹¹⁵.

“Братия! — сказал епископ — Христолюбивое воинство славно доблестями своими пред царями земными — оно славно ими и пред Царем Небесным. Доказали это многие воины, доказал это святой великомученик Победоносец Георгий: он начал подвиг свой победами земными — кончил подвиг, восхитив Небо. Святой Георгий — витязь и земной и небесный.

Благочестивейшие самодержцы всероссийские указывают своему воинству на великомученика Георгия как на образец совершенного воина. Они того воина, который окажет высший подвиг, знаменуют именем и иконою великомученика Георгия.

Но здесь представляется особенное зрелище!.. Здесь не один воин из сонма храбрых отличается от прочих друзей своих во имя победоносного Георгия, целое воинство получает знамя, на котором — изображение витязя Божия, на котором — его славное и святое имя. Что значит это? Это значит, что русский царь признал Кавказское казачье линейное воинство совершенным в храбрости, достойным высшей воинской почести и награды. Он признал в этом воинстве каждого воина героем, каждого воина — достойным встать под хоругвь величайшего из воинов — Георгия! Что признал русский царь, то признала вся Россия.

Братия! Многотрудными подвигами, потоками крови вы, отцы ваши и деды стяжали высокую милость православного царя, излившуюся ныне на Кавказское казачье линейное воинство. Ею он награждает и венчает воинство за многолетние подвиги воинства, ею он призывает вас к новым подвигам — уже не только к подвигам по плоти — к подвигам духовным. Вы получили на знамени вашем вождя, способного руководить вас на горы земные и на горы Небесные.

Победоносец Георгий не ведает преград: преград, утесов, пропастей нет для него, все глубины и высоты ему удобоприступны. За ним, братия! За ним! До самых грозных и вожделенных врат в вечность. Карайте, громите врагов царя и отечества, как вы карали и громили их доселе, но вместе потщитесь одержать победу и над невидимым врагом

Бога и человечества — над грехом, убивающим человека вечною смертию.

Каждый из вас да увенчается сугубым венцом, как увенчался неодолимый Георгий, удививший доблестию своею и человеков и ангелов! Каждый из вас да сподобится сказать с дерзновением и радостью: *Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь!* (2 Тим. 4; 7, 8). Аминь!”

Об этом торжестве епископ доносил Святейшему Синоду, коему представил и экземпляр речи его.

Как выражение общего характера действий преосвященного, расположивших к нему общество мирян, приводим и следующий случай. Незадолго до этого времени в Ставрополе скончался от ран один из героев севастопольских: флота капитан 1-го ранга Константин Георгиевич Попандопуло, тело которого, по предложению епископа, 4 марта 1858 года, отпевалось в его Крестовой церкви.

Литургию заупокойную и обряд отпевания совершал епископ Игнатий с торжественностью, которой пожелал он почтить геройские подвиги почившего. Близких родных у Попандопуло не было. Смерть застигла его в Ставрополе, где он, возвращаясь с минеральных вод, вынужден был остановиться и зимовать, по невозможности за болезнью возвратиться в места родины своей. Гроб почившего, поэтому, по преимуществу окружали лишь лица, отдававшие долг заслуге воинской, живое, теплое участие которых выразилось благоговейным и внимательным предстоянием во все время неспешно-величественного богослужения епископа.

Перед отпеванием тела почившего преосвященный краткой речью объединил присутствующих в их готовности с благоговейно-духовным умилением проводить отшедшего воина-героя. Шествуя к совершению последования отпевания тела, епископ, остановившись на амвоне, обратился к предстоявшему собранию военных и гражданских чинов со следующими словами¹¹⁶:

“Благочестивые слушатели! Господь наш Иисус Христос сказал: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15; 13).

Такую высшую любовь явил жизнью своею, доказал смертью своею почивший раб Божий, воин Константин: он положил душу свою за веру, царя и Отечество. Ныне он безмолвствует во гробе, но самое молчание его есть громкая, живая, убедительнейшая проповедь о высокой любви.

Братия! Почившему витязю, принесшему себя в жертву любви, принесем посильный, прощальный дар любви: пролием теплейшие молитвы к Господу, да примет и вселит душу раба Своего в горние обители вечного покоя, откуда навсегда удалены всякая печаль, всякое воздыхание, где жительствует Свет Невечерний и блаженство бесконечное. Аминь”.

После отпевания тело почившего было отвезено на родину его в Крым.

Примечания

¹⁰¹ Алексей (Р. И. Ржаницын, 1813–1877) — архиепископ Тверской и Кашинский, бывший Тульский и Белевский.

¹⁰² Иеремия (И. И. Соловьев, 1799–1884) — первый епископ Кавказский и Черноморский с 1843 по 1849 годы.

¹⁰³ Александр Алексеевич Волоцкой (1806–1875) — сенатор, генерал-лейтенант, губернатор Ставропольского края, уроженец г. Вологды, сверстник и хороший знакомый святителя Игнатия еще с детства.

¹⁰⁴ Речь, произнесенная по прибытии к епархии в Ставропольском кафедральном соборе, 5 января 1858 года // Игнатий (Брянчанинов). Т. 3/4. Слово о смерти. Аскетическая проповедь. М., 1993. С. 5–6.

¹⁰⁵ Иоанникий (И. Я. Образцов, 1790–1880) — второй епископ Кавказский и Черноморский с 1849 по 1857 годы.

¹⁰⁶ Исидор (Я. С. Никольский, 1799–1892) — митрополит Новгородский и С.-Петербургский с 1860 по 1892 гг.

¹⁰⁷ Выписки из годовых отчетов свт. Игнатия Св. Синоду о посещениях им Кавказской епархии и о духовно-христианском состоянии края, в т. ч. за 1858 г.; изложены также в кн.: Соколов. Ч. 1. С. 211–300; ПСТ. Т. 2. С. 468–518.

¹⁰⁸ Предложение свт. Игнатия о значительном преуспевании Консистории в 1858 г. (от 13 янв. 1859 г., № 2). Публикуется впервые.

¹⁰⁹ Александр Иванович Барятинский (1815–1879) — князь, генерал-фельдмаршал русской армии, с 1856 по 1861 гг. наместник Кавказский и главнокомандующий Кавказской армией.

¹¹⁰ Григорий Иванович Филипсон (1809–1883) — генерал-лейтенант, сенатор, с 1858 г. командующий войсками Правого крыла Кавказской линии, в 1860 г. — начальник штаба Кавказской армии.

¹¹¹ Данный материал под заглавием: “Вопрос начальника Кавказской линии [Г. И. Филипсона] и ответ епископа [Игнатия] о Кавказской кафедре по отношению ее к Кавказскому линейному казачьему войску, значение епископа и протоиерея в православной церковной иерархии (20 сент. — 3 окт. 1858 г.)” был полностью (с незначительными расхождениями) опубликован в кн.: Соколов. Ч. 2. Прил. С. 1–13. Документ характеризует состояние кавказской паствы в период управления ею святителем Игнатием и знакомит с его церковно-административными взглядами.

¹¹² Предложение свт. Игнатия на проект здания для помещения Кавказской семинарии (от 18 февр. 1858 г., № 21). Публикуется впервые.

¹¹³ Письмо свт. Игнатия директору Синодальной канцелярии Я. А. Позняку о делах Кавказской Консистории (от 18 янв. 1859 г., № 7). ПСТ. Т. 2. С. 519–520.

¹¹⁴ Предложение свт. Игнатия о раздаче чиновникам Консистории из его собственности трехсот рублей серебром в связи с тяжелым материальным положением чиновников (от 10 марта 1858 г., № 29). Опубликовано в кн.: Соколов. Ч. 1. С. 228–229; ПСТ. Т. 2. С. 524–525.

¹¹⁵ Речь свт. Игнатия перед освящением Георгиевского знамени, высочайше пожалованного Линейному казачьему войску (станция Михайловская, 12 мая 1858 г.). ПСТ. Т. 2. С. 527–528. Рапорт свт. Игнатия о совершении освящения (от 13 мая 1858 г.) см. в кн.: Соколов. Ч. 1. С. 252–254. (В сокр.); ПСТ. Т. 2. С. 529–530.

¹¹⁶ Речь свт. Игнатия при отпевании севастопольского героя, капитана флота I-го ранга, К. Г. Попандопуло в Крестовой церкви г. Ставрополя (4 марта 1858 г.). ПСТ. Т. 2. С. 524.

Приведенный нами годовой отчет епископа Игнатия о состоянии Кавказской епархии за 1858 год составляет как бы программу деятельности епископа, которую он энергично стал приводить в исполнение всеми зависевшими от него средствами, настойчиво, твердо, поборая те препятствия, которые во множестве воздвигали против него неблагонамеренность, интрига и взяточничество.

В Кавказской Духовной семинарии с прибытием нового ректора архимандрита Германа и нового инспектора, назначенного на эту должность из профессоров Новгородской семинарии, соборного иеромонаха Исаакия, дело преподавания и надзора вообще в семинарии, а вместе с тем и нравственный быт учащихся заметно изменился к лучшему. По ходатайству епископа, в непродолжительном времени инспектор был возведен в сан архимандрита.

К первым распоряжениям епископа относится резолюция¹¹⁷, положенная им на журнале семинарского правления относительно наказаний провинившихся воспитанников.

“Желаю, — писал епископ, — чтоб в духовных училищах Кавказской епархии употреблялись следующие наказания:

1. Выговор без употребления бранных слов — слов, только унижающих человечество и подавляющих чувство чести в юношах, каковое чувство, при правильном о нем понятии, есть сокровище.

2. Постановление в угол или к штрафному столу, просто или на коленях.

3. Оставление без обеда и без ужина, на хлебе и воде.

4. Наказание розгами, за исключением воспитанников самой семинарии.

5. Наказание арестом в темной комнате, с полным лишением общения с товарищами и с содержанием на хлебе и воде.

Сей последний вид наказания употреблять преимущественно для воспитанников семинарии, соразмеряя продолжительность наказания важности проступка. В случаях же нарушения правил подчиненности, вежливости пред начальством, благоприличия в храме Божиим, паче же в случаях грубости начальству и при ожесточении продолжать арест до того самого времени, как наказанный вполне смягчится и начнет выражать и приносить искреннее раскаяние. Преждевременное освобождение от ареста лица, пришедшего в ожесточение и оказывающего упорство, наносит существенный вред характеру того лица.

Наказание заушениями, дранием за волосы и за уши да будет извергнуто из духовных училищ. В ту минуту, когда воспитатель собственноручно наказывает воспитанника, в эту жалкую минуту человечество терпит нравственное унижение и в лице воспитанника и в лице воспитателя. Но в лице воспитателя такое унижение несравненно глубже, нежели в лице воспитанника. Воспитатель такими действиями лишает себя уважения воспитанников, их любви и доверенности.

Высокий, благородный характер воспитателя есть главнейшая узда и гроза для воспитанников. Приглашаю воспитателей кавказского духовного юношества на эту высоту, восход на которую преисполнен духовного плода, но не чужд и значительного труда с самим собою. Благочестивый и благонамеренный воспитатель должен положить себе за правило не прибегать в час своего гнева ни к выговору, ни к наказанию. Час гнева есть час безумия для всякого разгневавшегося, хотя бы разгневавшийся принадлежал к первейшим

мудрецам. Наказание да будет плодом зрелого, беспристрастного суждения, только при этом условии оно благотворно для детей и возвышает в мнении их воспитателя. Наказание должно быть не жестоким, но полновесным, наказание слабое балует детей.

Сие мое желание объявить во всех духовных училищах Кавказской епархии”.

Вскоре по вступлении в управление епархией, а именно января 25 1858 года, епископ счел необходимым сообщить письмом за № 11¹¹⁸ князю Барятинскому, наместнику Кавказскому, о нищенском положении, в котором находится Кавказская епископская кафедра. Он пишет:

“Обозрев средства, которые в настоящее время Кавказский и Черноморский епископский дом имеет для содержания своего, я имею честь повергнуть эти средства на благоусмотрение Вашего сиятельства. Картина этих средств неминуемо рождает вопросы:

1. Может ли епископ с присвоенным ему штатом содержать все требуемое от него? 2. Следовательно, самая вновь учрежденная епархия может ли существовать?

Эти вопросы отчасти уже и разрешены тем, что Святейший Синод доселе давал епископу тысячу рублей серебром вдобавок к его жалованию и тысячу пятьсот рублей — на содержание его и архиерейского дома.

К этому считаю нелишним присовокупить нижеследующее: епархиальные штаты утверждены в таком виде в конце прошедшего столетия, когда деньги были несравненно дороже, а предметы потребления несравненно дешевле. С того времени штаты остались неизменными, а недостаток их восполнялся хозяйственными пособиями, т. е. разными угодьями и оброчными статьями, которые наиболее выдавались казною, а иногда приобретались и частным образом.

Из прилагаемых при сем двух ведомостей изволите увидеть и микроскопический размер штатного положения для архиерейского дома и микроскопический размер выделенных ему угодий в пособие штатному положению. При таковых средствах оказывается решительную невозможностью

содержание самого епископа, содержание в особенности эконома, духовника, иеромонахов и прочих чинов собственно дома, каковые должны быть монашествующие, также содержание секретаря и чиновников Консistorии, которой делопроизводство никак не менее делопроизводства губернских правлений. Кафедральный протоиерей и прочие лица белого духовенства, как имеющие сверх жалования содержание от своих приходов, в существовании обеспечены.

Будучи убежден, что Ваше сиятельство желаете существования Кавказской епархии, я счел долгом моим представить воззрению Вашему настоящее состояние средств ее к существованию, единственно с тою целию, чтоб Вы изволили иметь о сем предмете полное и ясное понятие. Позвольте мне, всмотревшись более в дела, взойти к Вашему сиятельству с покорнейшим представлением об обеспечении содержания архиерейского дома. Ныне летом надеюсь лично представиться Вашему сиятельству, и, узнав взгляд Вашего сиятельства на этот предмет, с одной стороны, а с другой, ознакомившись со способами к обеспечению, я полагаю возможным для меня изложить пред Вами дело со всею отчетливостию.

Призывая на Вас обильное благословение Неба с чувствами отличного уважения” и проч.

Одновременно с этим письмом епископ начал переписку о замене штатных служителей при доме деньгами. Переписка эта велась исключительно с гражданским ведомством, и по крайней умеренности требований епископа о замене каждого рабочего платою дому по 40 рублей за человека в год, дело это было окончено с полным успехом. Представление об этом князя наместника было высочайше утверждено, и служители заменены денежным взносом в 1760 рублей серебром в год. Плата эта начала производиться с февраля месяца 1859 года.

При отъезде епископа Игнатия из С.-Петербурга оберпрокурор Синода граф А. П. Толстой неоднократно повторял ему обещание, что и ему, по примеру его предместников, будут выдаваться 1000 рублей серебром в вспоможение

к 285 рублям жалованья, определенного по штату. По приезде в Ставрополь, хотя епископ неоднократно писал, напоминал и просил об отпуске этого обещанного пособия, представляя и крайне скудные средства кафедры, и неустройство ее, и местную дороговизну на все жизненные потребности, и болезненность свою, но все эти напоминовения были тщетны. Очевидно, что вопреки благорасположению к нему митрополита Григория, он был злорадно предан скорби и лишениям через интриги канцелярии синодальной. Подтверждение этого видим и из следующей переписки по поводу устройства помещения для жительства епископа.

Двадцать шестого января 1859 года епископ входил с представлением в Святейший Синод о средствах, коими было выстроено временное помещение епископа, причем просил Святейший Синод о преподании благословения лицам, содействовавшим успеху этого дела пожертвованиями, в чем, впрочем, Синод отказал, сделав епископу замечание за действие неправильное, превышавшее его права по отношению к пожертвованиям из кошелековых сумм приходских церквей. Обстоятельства эти подробно изложены в отчете, а потому здесь не повторяются.

Заметим, однако, что распоряжение епископа было сделано “применительно, — как писал он в своем представлении,¹¹⁹ — к ст. 134-й Устава Консисторий, по тому примеру, как сие прежде делалось в Кавказской епархии и как это делается в других епархиях. В образец избрана мною форма, которая была употреблена в Вологодской епархии (в 1832 или 1833 годах — в котором именно, не упомяну) для исправления кафедрального теплого собора, причем епископ Вологодский и Устюжский Стефан пригласил церкви и монастыри форменными отношениями к пожертвованию на возобновление собора, не имевшего к тому никаких собственных средств, а я, будучи настоятелем заштатного Лопотова монастыря, участвовал во взносе приношений — форма, доставившая делу полную ясность, одобренная

Святейшим Синодом, объявившим свое благословение жертвователям.

Воззвание мое было сделано чрез благочинных, на полученные деньги высланы церквам квитанции... Для производства работ составлена мною особая строительная комиссия. В состав комиссии я пригласил о. о. ректора и инспектора семинарии, священника Феодора Орлова, секретаря Консистории, и главу ставропольского купечества Деревщикова.

Донося о сем Святейшему Правительствующему Синоду, на основании 142-й статьи Устава духовных Консисторий, имею честь повергнуть пред Святейшим Синодом покорнейшую просьбу о том, чтоб Святейший Синод удостоил благословения усилие и усердие кавказской паствы к прочному водворению епархии в крае, что, несомненно, в положительной степени достигнуто устройением весьма скромного, но удобного и прочного приюта для епископа на месте, доставленном также безмездно усердием граждан.

Таковое действие устраняет колебавшееся в течение пятнадцати лет положение епископа на Кавказе, таковое действие может совершенно устранить переписку о выдаче суммы из Святейшего Синода на первоначальное обзаведение епископского дома, каковая переписка деятельно производилась при преосвященном Иеремии и в духовном и в гражданском ведомствах края, несколько замолкла при преосвященном Иоаннии и неминуемо должна бы была возникнуть с новою живостию, по причине того бедственного положения, до которого достиг архиерейский дом... Повергаю пред Святейшим Синодом покорнейшую просьбу о том, чтоб Святейший Синод благоволил объявить благословение за пожертвования кавказскому духовенству, достойному ободрения и нуждающемуся в ободрении, равно и купечеству ставропольскому, которое отвыкло от пожертвований в пользу Церкви и в настоящем случае сделало шаг в новом направлении, на котором оно нуждается в поддержке и поощрении, что неминуемо принесет пользу Св. Церкви и в вещественном и в нравственном отношениях”.

Синод не обратил никакого внимания на нужды епархии, на нужды епископа и кафедры, на пользу Церкви и отдавал епископа и Церковь на ненависть и возможные притеснения, которыми наперекор даже первоприсутствующему митрополиту Григорию, как увидим далее, чиновный люд Синодской канцелярии находил возможность преследовать епископа, ненавистного этому люду за прямоту, за безбоязненную его борьбу с злоупотреблениями этого люда, за настойчивые заботы епископа о благе и его паствы и всего церковного строя.

Одновременно с этим представлением в Синод епископ, стремясь поддержать ходатайство, писал директору канцелярии Синода действительному статскому советнику П. И. Солomon, просил содействия его к удовлетворению этой его покорнейшей просьбы. Письмо это было совершенно бесполезно. Ответом на него было вышеупомянутое замечание Синода. Одинаково безуспешны были ходатайства епископа о том, чтоб ему, по примеру его предместников и согласно обещанию самих обер-прокурора и митрополита Григория, были отпускаемы в пособие тысяча рублей вдобавок к жалованью.

Все эти обстоятельства вынудили епископа по отношению к средствам жизни беспокоить высокопреосвященного Григория просительным письмом, отправленным 2 февраля 1859 года за № 9. Он писал:¹²⁰

“Предместники мои по Кавказской кафедре, преосвященные Иеремия и Иоанникий, в дополнение к окладу епископа, к 285 рублям жалования и к 457 рублям на стол и экипаж, получали 1000 рублей серебром ежегодного вспомоществования. По производстве моем в сан епископа, находясь еще в С.-Петербурге и узнав о бедности кафедры Кавказской епархии, я просил письменно и лично его сиятельство г. синодального обер-прокурора графа А. П. Толстого о том, чтоб мне, по примеру моих предшественников, была выдаваема означенная вспомогательная тысяча рублей. Главнейшим основанием к такой просьбе было мое крайне болезненное состояние. Его сиятельство, по свойственной ему доброте сердца и сознавая всю основательность

моей просьбы, заверил меня честным и благородным своим словом, что просьба моя непременно будет удовлетворена.

По прибытии моем в Ставрополь я нашел епископский дом в несравненно худшем состоянии, нежели в каком полагал найти. Я нашел руину во всех отношениях.

Такое состояние дома усилило нужды епископа. Надеюсь на то, что обещанное вспоможение будет мне доставлено, я был спокоен и даже позволил себе из тех крох, которые остались у меня от дороги, дать триста рублей серебром на канцелярию Консистории, так как чиновники ее терпели особенную нужду по причине необыкновенно суровой и продолжительной зимы 1858 года. Сделаны из упомянутых крох и другие издержки в пользу епархии. Некоторые доходы, которыми сверх вспомогательной тысячи пополнялся оклад епископа и которые соблазняли край, девственный и строго смотрящий на образ действий духовенства, я немедленно отменил. Средства содержания епископа перешли от состояния умеренности к состоянию крайней скудости.

Внезапным сокращением средств к содержанию я был бы поставлен в весьма затруднительное положение, именно по болезнейшему состоянию, давно требовавшему пользования минеральными водами, если б особенная милость Божия не помогла мне неожиданно. Некоторое лицо, весьма мало со мною знакомое, без всякого даже намека с моей стороны, доставило мне тысячу рублей серебром с извещением, что оно делает мне эту помощь, узнав об особенной моей нужде воспользоваться минеральными водами и о неимении к тому средств.

Признаю эту помощь ниспосланную Богом: ибо воды произвели во всем моем организме чудное потрясение, волнение и преобразование, которые продолжаются до сих пор, освобождая меня постепенно, хотя и при мучительном действии от золотушной материи, гнездящейся во множестве во всех членах тела моего. Если не могу признать себя вполне исцеленным по причине застарелости моей болезни и произведенного ею истощания сил, то должен с глубоким

чувством благодарности к милосердию Божию и к орудию этого милосердия признать себя значительно поправившимся.

По возвращении моем в Ставрополь из епархии обширной, с населением редким, хотя и живущим в селениях многолюдных, видя, что вспомогательная тысяча рублей мне не высылается, отчего положение мое делается весьма затруднительным, я изобразил в покорнейшем прошении Святейшему Синоду от 25 сентября 1858 года за № 200 особенность положения Кавказской кафедры и основанное на сей особенности мое затруднительное положение по содержанию.

Такое положение православного епископа весьма естественно в стране инославной и иноверной, в которой он не имеет гражданского значения, неприменимо в стране православной, в России, где епископ необходимо должен сохранить повсюду соблюдающиеся обычаи, например, выезжать в карете, принимать посетителей прилично. А здесь, сверх того, надо особенно приласкать все сословия и все разнообразные управления: ибо, по новости епархии, епископ имеет нужду в особой благосклонности всех сословий и всех управлений.

Содержание, которое прежде получал епископ Кавказский, по скудости своей служило предметом соблазна для здешней публики. Теперь соблазн усилился, потому что полное прекращение содержания, считавшегося скудным, известно всем чиновникам Казенной палаты и Казначейства, а чрез них — всему городу. Тысяча рублей, высылавшаяся собственно епископу, не выслана ни в 1858, ни в 1859 году, а 1500 рублей, высылавшаяся на содержание дома, выслана в 1858 году, но в 1859 уже не высылается.

Сведение о том, что Кавказский епископ поставлен в крайнее затруднение по содержанию, перешло при посредстве лиц гражданского ведомства чрез Кавказские горы, в Тифлис, сделалось там предметом разговора и соблазна. Кавказский наместник князь Барятинский писал к г. синодальному обер-прокурору, прося его исходатайствовать мне

тысячу рублей, которую получали мои предместники в дополнение к своему жалованью. О сем я уведомлен формальным отношением. Мне очень жаль, что князь Барятинский должен был писать о сем графу Толстому, этому не следовало бы быть.

Необходимо, чтоб здесь имели уважение к голосу Святейшего Синода. Степень этого уважения постоянно будет гармонировать с действиями, которые благоугодно будет обнаруживать. Неблаговолением к личности надо жертвовать интересам Церкви. Едва миновавшее моральное положение Кавказского епископа, положение, при котором выразилось совершенное невнимание к нему и к епархии, служит достаточным тому доказательством.

Что ж касается собственно меня, то я не могу довольно нарадоваться, что Господь извлек меня из шумной столицы, для которой я не способен ни по душе, ни по телу. Место здесь весьма спокойное, весьма уединенное. Жители посещают епископа только в великие праздники, тогда собирается их очень много.

На расходы по дому я должен был занять тысячу рублей. Эти деньги надо возратить, что и надеюсь сделать по милости Божией, ибо князь наместник уведомил меня формально, что он ходатайствует пред государем императором о доставлении Кавказскому епископскому дому ежегодного денежного вспоможения из казны вместо угодий, которых край дать не может. Это вспоможение заменит деньги 1500 рублей серебром, высылавшиеся собственно на дом. По сей причине я ходатайствую только о предоставлении мне той тысячи рублей, которая отпускалась собственно епископу.

Примите, Ваше высокопреосвященство, благосклонно письмо сие, как дань, которую я приношу моей обязанности к моему сану и служению. Постараюсь принять все меры, если того сподобит меня Господь, чтоб не сделать чего-либо по увлечению и устоять на церковном поприще, на котором я поставлен. Если же это окажется невозможным, то сию невозможность отселе лобызаю со всею любовью, со всею радостью, яко устрояемую Промыслом Божиим в пользу окаянной души моей, имеющей совлещись

тела и предстать на нелицеприятный суд Божий. Исполнив долг мой, предоставляю остальное воле Божией и благоусмотрению Вашего высокопреосвященства.

В письме моем к г. синодальному обер-прокурору, которое посылаю по сей же почте и о том же предмете, я сослался на сие письмо к Вашему высокопреосвященству. Примите на себя одолжительный труд показать сие письмо графу, так как я не счел приличным писать к его сиятельству того, что помещено здесь и что я мог сказать только пред Вами как пред первосвятителем. Всепокорнейше прошу не давать официальности этому письму, как вполне конфиденциальное, оно написано мною собственноручно.

Поручая себя и вверенную мне паству Вашим святым молитвам и испрашивая Ваше архипастырское благословение, с чувством глубочайшего почтения и преданности имею честь быть” и проч.

Одновременно с этим письмом к митрополиту Григорию епископ Игнатий писал синодальному обер-прокурору от 2-го же февраля за № 11.¹²¹

“Ваше сиятельство, милостивый государь!

Имел я честь утруждать Ваше сиятельство покорнейшею моею просьбою лично и на письме, немедленно по рукоположении меня в сан епископа, находясь еще в С.-Петербурге, о предоставлении мне, по примеру моих предшественников на кафедре Кавказской, тысячи рублей серебром в вспоможение к моему годичному жалованию в 285 рублей. Желательно, чтоб сей последней суммы стало для меня на лекарства по моей болезненности. Просьба моя — следствие нужды. Она милостиво выслушана Вашим сиятельством, и я получил от Вас неоднократно повторенное уверение, что Вы не лишите меня необходимого содержания.

Между множеством дел более важных, которыми Вы заняты, немудрено, что Вы не успели еще обратить внимание на мою покорнейшую просьбу, но я, стоя лицом к лицу

пред крайнею нуждою, снова позволяю себе беспокоить Вас повторением той же просьбы. Подробнее изложил я причины сего повторения в письме моем по сей же почте к его высокопреосвященству митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому. Я просил его высокопреосвященство показать это письмо Вашему сиятельству. Я уверен в доброте Вашего сердца и в том, что Вы не захотите подражать евангельскому богачу, который в краткий срок своего земного обилия не оказал сострадания к затруднительному состоянию ближнего. Так устроилось, что Евангелие о сем событии читалось на той литургии, на которой я рукоположен во епископа.

С чувствами отличного уважения” и проч.

Письма эти имели одинаковую участь с предшествовавшими ходатайствами епископа по сему предмету.

В начале 1859 года епископ, следя за деятельностью лиц его ведомства, вошел с представлением в Святейший Синод о возведении настоятеля тамошнего Крестовоздвиженского монастыря игумена Германа в сан архимандрита, о награждении саном протоиерея законоучителя Екатеринодарской войсковой гимназии кандидата Духовной академии священника Кипарисова и о предоставлении степени магистра инспектору Ставропольского уездного училища протоиерею Иоанну Тихову-Александровскому. Все эти представления утверждены согласно ходатайству епископа, из которого, между прочим, видно, что в епархии Кавказской в то время было всего только три лица белого духовенства, окончивших курс наук в Духовных академиях.

Вскоре за тем протоиерей Тихов-Александровский был представлен и утвержден членом Кавказской духовной Консистории на место протоиерея Гремячинского, который прошением ходатайствовал об увольнении его от этой должности. В представлении своем Святейшему Синоду от 1 мая 1859 года за № 35¹²² преосвященный Игнатий говорит:

“При сем считаю священным и приятнейшим долгом присовокупить, что протоиерей Гремячинский при тех личных

объяснениях, которые он имел со мною по случаю поданной им просьбы, выразил истинно христианское смирение, которое я созерцал с глубоким сердечным умилением и утешением. Протоиерей Гремячинский присоединился к единому сердцу действию со мною в пользу Церкви, и хотя он желает удалиться из Консистории, где уже пребывать ему сделалось как бы неестественным по случаю пересмотра многих прежних дел и изменения по ним решений по последовавшим пополнениям, но расположился со всем усердием участвовать по другим разнородным поручениям, в коих он, по опытности своей и способностям, может быть весьма полезен. Еще прежде протоиерея Гремячинского пришел в мирное душевное устройство протоиерей Макарий Знаменский, с усердием и пользою проходит он возложенное на него служение. Можно безошибочно сказать, что в состоянии беспорядка, мало подающего надежды к исправлению, остался один протоиерей Крастилевский”.

Как выражение отношений лиц, составлявших общество ставропольское, нельзя пройти молчанием, что в это же время, то есть в начале 1859 года, начальник штаба войск Правого крыла генерал-майор Забудский от лица офицеров генерального штаба поднес епископу в дар прекрасно сделанную карту Кавказского края.

В это же время, как видно из отношения епископа к начальнику губернии от 2 мая за № 36, по их взаимному соглашению предприняты и исполнены работы по поднятию арки моста, устроенного на даче архиерейского дома через речку Желобовку, с ветвью дороги на подъезде к Крестовой церкви, и проложению шоссе на самом подъезде как к церкви, так и к дому. Работы эти, введенные в одну общую систему работ с мостовыми работами города, требовали только прибавки двухсот рублей от архиерейского дома к мостовым денежным средствам города и были исполнены с большим тщанием и отчетливостью. Они как бы завершили приведение в благовидную внешность помещения епископа и подъездов к его Крестовой церкви и к дому, им занимаемому.

Не лишено интереса обстоятельство невольного столкновения епископа с обер-священником Кавказской армии Гумилевским, вполне обрисовываемое нижеследующим отношением епископа к начальнику штаба Кавказской армии от 5 июля 1858 года за № 146.¹²³

“Кавказское семинарское правление представило мне от 24 июня сего 1858 года на рассмотрение свой журнал, в статье VII-й которого прописано нижеследующее: «Отношение обер-священника Кавказской армии от 29 мая 1858 года № 1329, коим уведомляется, что он, вследствие отношения правления семинарии от 22 апреля текущего года за № 407, входил чрез начальника штаба Кавказской армии к г. главнокомандующему армиею, который изволил признать, что подведомственное ему духовенство не должно доставлять требуемых Кавказскою Духовною семинариею сведений о раскольниках. В случае же, если б епархиальное начальство или семинария имели надобность в каких-либо сведениях относительно раскольников, то могут обращаться к наказному атаману сего войска, который по своему усмотрению и доставит требуемые сведения, а в случаях надобности войдет предварительно в сношение со мною или испросит разрешения г. главнокомандующего».

При сем обер-священник присовокупляет, что подведомственное ему духовенство в отношении образа действий с раскольниками до настоящего времени руководствовалось и ныне руководствуется правилами и наставлениями, изложенными в секретном предписании Святейшего Синода от 5 апреля 1845 года и что важным пособием духовенству в деле обращения раскольников в Православие служат разосланные им книги: 1) «Истинно древняя и истинно Православная Церковь»; 2) «История русского раскола».

Справка: семинарское правление по поводу улучшения преподавания в миссионерском отделении относилось к г. обер-священнику Кавказской армии от 22 апреля 1858 года № 407 о вменении в обязанность линейному духовенству доставлять правлению семинарии сведения о ходе обращения раскольников и о мерах, какие к тому принимаются.

Определение семинарского правления: «Отношение сие приняв к сведению, приложить к делу».

Не могу не сознаться пред Вашим превосходительством, что мне показалось странным, на каком основании к семинарскому правлению присоединено епархиальное начальство, между тем, как отношения сих двух управлений к ведомству обер-священника вполне различны. Кавказское епархиальное начальство ни в сем деле, ни в каком другом не подало повода, чтоб на него сделано было такое указание. Оно, т. е. собственно Консистория (§ 1 Уст. дух. Консист.), не имеет никакой связи с ведомством обер-священника, а Кавказская семинария воспитывает священно-церковнослужителей для линейного войска, почему правление ее находится по необходимости в непосредственном и частом сношении с начальником линейного духовенства, обер-священником Кавказской армии.

Кавказская семинария состоит, подобно всем прочим семинариям, под прямым и полным начальством Духовно-учебного управления и одной из академий, к округу которой она принадлежит. Местный архиерей имеет право ближайшего надзора за семинариею и проверки ее действий, а в административном, хозяйственном и ученом отношениях она вполне зависит от упомянутых ее начальств и действует по данным ей инструкциям.

Как учение раскольников имеет бесчисленные оттенки, самые разнообразные, то все в России семинарии собирают местные сведения о учении раскольников и собирают именно чрез местное духовенство, как систематически обученное догматам Церкви, чтоб благовременно ознакомить воспитанников с местными заблуждениями раскольников и таким образом приготовить пастырей, способных успешно действовать на раскольников, сообразно местным заблуждениям их.

Так поступила Кавказская семинария. Она входила с представлением о том к Кавказскому епископу, и вследствие ее представления сделано распоряжение, чтоб епархиальные священники тех приходов, в коих имеются раскольники,

доставляли сведения об их заблуждениях, наиболее же об особенностях сих заблуждений прямо в семинарское правление.

На том же основании, с тою же целию, о том же предмете, по порядку, общепринятому во всей России, Кавказское семинарское правление отнеслось к г. обер-священнику Кавказской армии. Оно не имело права не сделать этого! Оно не имело права, даже не могло иметь мысли устранить духовное лицо, когда предметом сношения должны быть догматы веры, и обратиться к светскому лицу. Так оно поступает относительно всех епархиальных ведомств при открывающихся нуждах в сношении. Миссионерский класс семинарии наиболее существует для Линейного казачьего духовенства: в Кавказской епархии раскольников очень, очень мало — почти нет.

Представив Вашему превосходительству в должном виде действия семинарии, я обращаюсь к отношениям собственно кавказского епархиального начальства к г. обер-священнику. Кавказское епархиальное начальство исполняет все нужды обер-священника со всею поспешностию, со всею предупредительностию, со всею любовью. Даже Консистория не вводится в эти дела, для большей поспешности они решаются епископом непосредственно.

Со своей стороны Кавказское епархиальное начальство не беспокоило г. обер-священника ни по делам о раскольниках, ни по каким другим, не имел, к счастью, никаких к тому поводов. И на настоящий отзыв г. обер-священника семинарскому правлению я не обратил бы никакого внимания как на относящийся единственно до духовных воспитанников его ведомства, если б тут не упомянуто было епархиальное начальство, которое в настоящем деле не принимало никакого участия, и если б не представлено было дело в таком виде князю наместнику, коего мнением я дорожу, как сокровищем.

Как г. обер-священник Кавказской армии представлял доклад свой его сиятельству князю наместнику чрез Ваше превосходительство, то я считаю приятнейшею обязанностию

моею покорнейше просить Ваше превосходительство: примите на себя труд доложить его сиятельству это письмо, служащее пополнением и объяснением делу, без какого объяснения и пополнения бросается тень на действия Кавказского епархиального начальства.

Добываемые семинариями сведения, по должном анализе, представляются высшему духовному начальству и служат важным пособием к составлению тех превосходных творений о раскольниках, коими обогатилась русская духовная литература в новейшее время. Вашему превосходительству, столько знакомому с ученым поприщем, вполне очевидна важность сведений живых, добываемых вышеизложенным способом, о учении раскольников семинариями. Такие сведения в учебниках, где излагаются общие заблуждения сект, редко встречаются.

Что делать, когда для духовных воспитанников епархиального ведомства и для духовных воспитанников Линейного войска семинария — одна семинария, исполнив долг свой пред обер-священником и пред воспитанниками своими его ведомства, теперь должна ограничиться книгами о раскольниках, к числу коих принадлежат два прекрасные сочинения, указанные г. обер-священником, и теми местными сведениями об особенностях раскольничьих учений в крае, которые будут доставлены от епархиальных священников. Она устранила от ответственности пред своим начальством за неполноту собранных местных сведений волею князя наместника, объявленную ей в отношении г. обер-священника.

Семинарии едва ли представится случай относиться к г. атаману войска, нужда в этом встречается более для епархиального начальства, которое всегда и поступало соответственно своим обязанностям.

Призывая на Вас...” и проч.

Уезжая из Ставрополя для обзора епархии, епископ сообщил об этом обер-священнику к сведению, определив вместе с тем приблизительно и время своего возвращения на

случай, если бы в этот период времени встретились для духовенства военного ведомства какие нужды в действиях епископской духовной власти. В конце года, осенью, г. обер-священник, объезжая свои церкви, навестил епископа, а из письма епископа к нему от 4 мая 1859 года за № 37,¹²⁴ видим уже значительное изменение взаимных отношений этих двух властей духовного мира в Кавказском крае. Епископ пишет обер-священнику Гумилевскому:

“Ваше высокопреподобие
милостивый государь!

Те знаки искренней братской любви, которые Вы мне оказываете, внушают мне сообщить Вам на благоусмотрение нижеследующее:

Кавказское семинарское правление, руководствуясь предписанием Казанского академического правления, в ведении которого находится Кавказская семинария, просило как Кавказского епископа, так и главного священника Кавказской армии доставить сведения о раскольниках, в их ведомствах состоящих. Так как это требование по новости своей показалось не довольно ясным, то здесь и смешано было действие семинарского правления с кавказским епархиальным, на основании чего последовала известная Вашему высокопреподобию переписка и распоряжение, чтоб семинарское правление относилось о раскольниках к наказному атаману Казачьего линейного войска.

Усмотрев это из журнала семинарского, так как я просматриваю журналы правления, я изложил в письме его превосходительству начальнику штаба Кавказской армии отношения семинарии к епископу и к академическому правлению, от 5 июля 1858 года за № 146. Эти отношения составляют особенность духовного ведомства и, весьма естественно, что они неизвестны кавказскому военному ведомству.

Семинарское правление довело о сделанном распоряжении до сведения казанского академического правления, которое поручило семинарскому правлению сноситься с наказным

атаманом чрез кавказского епископа, так как не принято, чтоб семинарское правление в этих случаях действовало само собою. Сие распоряжение академического правления семинарское правление представило мне в 1 пункте своего журнала от 14 марта. Я дал следующий отзыв: «Не признаю себя вправе переписываться с г. наказным атаманом о делах, касающихся церквей и духовенства Казачьего линейного войска, ибо это было бы явным вмешательством в дело, непосредственно подлежащее главному священнику Кавказской армии». О делах, касающихся Кавказского епархиального ведомства, я всегда исполняю эту мою обязанность.

Семинарское правление вошло ко мне с представлением, чтоб я указал ему путь к получению сведений, в которых оно нуждается, и к исполнению предписания академического правления, вследствие распоряжения Святейшего Синода.

Так как сие обстоятельство получило большую ясность против прежнего, то я обращаюсь к Вашему высокопреподобию с покорнейшею просьбою, не благоугодно ли будет Вам принять на себя труд сношения с наказным атаманом по Вашему ведомству, так как я исполняю это по ведомству епархиальному. Прилагая при сем копию с предписания академического правления кавказскому семинарскому, покорнейше прошу Вас почтить меня уведомлением о Вашем по сему предмету распоряжении.

С чувствами совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть” и проч.

Очевидное нерасположение к епископу канцелярии Синода вынудили преосвященного в нуждах своих, где только представлялась возможность, относиться к наместнику Кавказскому, всегда весьма благосклонно относившемуся к ходатайствам епископа. Таким образом входил он с представлением к наместнику о награде Ставропольского градского головы купца Деревщикова короной на орден Св. Станислава 2-й степени (который Деревщиков уже имел) за его участие в пожертвовании, давшем возможность положить начало устройству хотя не богатого, но приличного

и довольно удобного помещения епископу. По ходатайству епископа, около того же времени, распоряжением князя наместника, оставлено архиерейскому дому в пользование 330 десятин земли при с. Кугульте, отведенные для поселения на них штатных служителей архиерейского дома, которые Палата государственных имуществ предполагала присоединить к своим землям на том основании, что архиерейскому дому назначение штатных служителей людьми заменено отпуском денег: по 40 рублей за человека, и что эта замена уже утверждена высочайшим соизволением.

Дворянство Ставропольской губернии ходатайствовало у его императорского величества об учреждении из их среды особого комитета, который бы составил проект положения об улучшении и устройстве быта помещичьих крестьян. 15 января 1859 года, по совершении торжественного молебствия в кафедральном соборе, комитет этот под председательством губернского предводителя дворянства открыт начальником губернии.

Дело это возбудило множество толков самого возмутительного направления. Епископ, зная это и имея в виду влияние, которое может в этом деле иметь духовенство на крестьян, циркуляром от 17 января, напечатанным в губернской типографии и разосланным во все приходы при пособии гражданских властей с возможной скоростью, объяснил духовенству взгляд свой на это дело, осязательно проведенный из учения евангельского, из слов Самого Господа Иисуса Христа.

Вот содержание циркуляра. Сказав во вступлении об открытии вышепомянутого комитета, он продолжает¹²⁵:

“Весьма естественно, — говорит он в циркуляре от 17 января 1859 года за № 3 — что в этом важном деле, в котором для руководства совестью и разумом особенно нужен благодетельный свет учения Христова, исходящий из Евангелия и преподаваемый Св. Церковью. Как помещики, так и крестьяне будут обращаться к пастырям Церкви за словом назидания, за словом совета, за словом утешения и успокоения. По сей причине я считаю священнейшею моею

обязанностию преподавать церковным пастырям Кавказской епархии во всей ясности и определенности то направление, которое должны они стяжать и постоянно сохранять в своих беседах с паствою по предмету столь важному: по улучшению быта помещичьих крестьян.

Направление в сем обстоятельстве уже преподано Самим Господом нашим Иисусом Христом и хранится, как в сокровищнице, в Божественном Евангелии, в котором внимательный и благочестивый читатель найдет разрешение всех недоумений и наставление к благоразумнейшему и общепольнейшему поведению во всех разнообразных случаях жизни. Святой евангелист Лука повествует (Лк. 12; 13), что однажды приступил к Господу Иисусу Христу некоторый человек и просил, чтоб Господь взошел в дело по разделу имения между сим неизвестным человеком и его братом. Господь произнес в ответ следующие достопримечательные, исполненные глубокой мудрости и святости слова: *Кто поставил Меня судить или делить вас?... Смотрите, берегитесь любостяжания* (Лк. 12; 14–15).

Далее Господь изобразил в притче, всем удобопонятной, как опасна страсть лихоимства, как обманчивы обольстительные мечты, рисуемые этою страстию в воображении, что они никогда не сбываются на самом деле, а только отнимают у клеветаемогося ими человека добродетель и венчающее временную добродетель вечное спасение. Ответ Спасителя нашего и Его поведение в вышеупомянутом случае могут быть, а потому и должны быть, вполне удовлетворительными, вполне определительными образцами для поведения и бесед пастырям Церкви в настоящем отечественном вопросе. Со всею ясностию видно, что ответ Господа человеку, занятому разделом имения с братом, заключает в себе два отдела. Во-первых, Господь упомянул о вещественной части дела, то есть о самом разделе имения, и благоволил отречься от всякого участия в суждении о деле с его стороны вещественной, гражданской. Во-вторых, Господь удостоил всего Своего внимания и глубокого назидания духовную сторону дела, указав, что в этом деле, а, следовательно,

и всяком однородном сему деле должно по преимуществу опасаться и остерегаться увлечения скрытною страстию лихоимства, от которой, как от семени, несомненно, должны родиться другие страсти, более явные, уже очевидно губительные для частных лиц и для общества. Таковы: зависть, подозрение, клеветы, ропот, наконец, явная ненависть, вражда, ссора с их горестными последствиями. Начало этих последствий — страсть лихоимства! И прозорливо указал Господь, яко всеведущий Бог, людям, которым предлежал раздел имения, на сокровенное начало зла, служащее в таких обстоятельствах источником всех прочих видов зла — на страсть к лихоимству.

Мы имеем ум Христов (1 Кор. 2; 16), сказал святой апостол Павел от лица всей христианской Церкви. Мы, христиане, должны мыслить, должны рассуждать, должны говорить, как мыслил, понимал, говорил вочеловечившийся Бог наш. Такое единение с Господом должны по преимуществу тщательно насаждать, тщательно возрастать, тщательно сохранять в себе пастыри Церкви, как носящие на себе священнейшую обязанность руководить к добродетели и спасению все христианское братство. В предстоящем деле беседы, советы, наставления пастырей да будут направлены к уклонению пасомых от увлечения страстьми.

Пастыри! Научайте как помещиков, так и крестьян, которые будут обращаться к вам за советами, чтоб они в кротости духа, в благочестивом самоотвержении обращались с частыми молитвами к Богу, умоляя Его благостыню, да дарует мудро задумать, обработать и совершить великое отечественное дело, долженствующее возвести государство на высокую степень благоденствия.

Научайте овец Христовых, чтоб они постоянно паслись на пажити Христовой, то есть постоянно питали души учением Христовым, которое заповедует тщательно и постоянно сохранять любовь, взаимный мир, милосердие, благость, которое отвергает все страсти, в какое бы благовидное облачение и покров ни одевались эти страсти для обольщения человеков. Где обнаруживается разгорячение,

там непременно тайный двигатель — страсть. Истинная добродетель всегда сопутствуется невозмущенным состоянием духа, тихою и сильною кротостию, которая постоянно служит признаком, что сердце находится под руководством и властью здравого разума.

Пастыри! Неуклонно и свято держитесь преподанного вам здесь направления. Обратите все внимание ваше, чтоб в деле духовная сторона его, порученная вам самим законом Божиим, самим священным призванием вашим, сохранила свое достоинство, указанное ей ясно Евангелием. Благочестивое и богоугодное направление душ, которое вы будете питать и поддерживать, несомненно, подействует благотворительно и на вещественную сторону дела. Вместе с сим тщательно охранитесь не только от вмешательства в гражданские распоряжения и от всякого суждения о них, но и от всяких даже частных и как бы конфиденциальных бесед и советов о вещественной стороне дела. Это воспрещено вам и законом Божиим и законом государственным. С верностию исполняя священный долг наш, возложенный на нас Богом, мы исполним обязанность нашу христиан, которую мы должны Господу, и обязанность подданных, которую мы должны благочестивейшему государю императору нашему. Наш царь, водимый ангельскою добротою своего сердца, желает доставить всем без исключения своим подданным высшее благоденствие.

Консистерия имеет разослать сие воззвание по всем благочинным Ставропольской губернии с тем, чтоб они немедленно сообщили его всем подведомственным им причтам, обязав их подпискою с точностию и неуклонно держаться преподанного здесь наставления. Сообщить его и в семинарское правление для неуклонного руководства им и благовременного ознакомления с ним воспитанников духовного училища — будущих церковных пастырей.

Подлинное подписал Игнатий,
епископ Кавказский и Черноморский.

№ 3.

17 января 1859 года”.

В непродолжительном за тем времени по поводу предположенного правительством освобождения крестьян помещичьих от крепостной зависимости, в “Православном собеседнике” — журнале, издаваемом при Казанской Духовной академии¹²⁶ — стали появляться статьи по этому поводу самого возмутительного содержания. Из них особенно выдавались статьи, озаглавленные “Голос древней Русской Церкви о улучшении быта несвободных людей” и “Слово о освобождении крестьян”. Последняя из них была перепечатана в С.-Петербургских и Московских “Ведомостях”, очень огласилась и возбудила толки и в обществе и в народе, а партия петербургских либералов с восторгом читала эти статьи на своих собраниях.

Кавказская епархия, состоя по учебной части в духовно-учебном округе Казанской Духовной академии, получала журнал “Собеседник” в значительном числе. В статьях не только излагалось учение новое, неслыханное в Православной Церкви, но даже в последней делалось воззвание к сельским священникам, приглашавшее их действовать в духе составителя статьи. Видя необходимость предохранить кавказскую паству от увлечений статьями “Собеседника” к неправильным действиям, епископ признал долгом своим обличительным словом разъяснить пастве своей всю лживость и злоумышленность статей, что он и сделал в предложении Кавказской духовной Консистерии от 6 мая 1859 года за № 916.¹²⁷

Предложение это, отпечатанное в Ставропольской губернской типографии, было разослано всем приходским церквам епархии к сведению и руководству. Вместе с тем преосвященный при частных письмах сообщил копии с этого предложения всем трем митрополитам, экзарху Грузии, обер-прокурору Синода, наместнику Кавказскому князю Барятинскому и еще несколькими немногими ему знакомым лицам местной администрации гражданской и войсковой. Предложение это, как весьма замечательное предсказание всего того, что должно породить такое направление печати, вписывается во всей его полноте. Последствия этого

предложения отозвались преосвященному Игнатию общим неудовольствием на него большинства высшего академического духовенства.

Преосвященный митрополит Филарет вскоре затем явно взял сторону врагов епископа: протоиерея Крастилевского и ректора семинарии архимандрита Епифания, а экзарх Грузии преосвященный Евсевий осенью того года прямо и лично выразил брату преосвященного Петру Александровичу Брянчанинову, начальнику Ставропольской губернии, неодобрительный взгляд свой на это действие епископа. Факты же один за другим последовательно подтверждали справедливость опасений епископа, так что 30 апреля 1861 года, то есть через год после циркуляра епископа, последовал за № 2531 циркуляр обер-прокурора, коим он сообщал епископам, что из многих мест поступают жалобы на неправильное объяснение духовенством всемилостивейшего Манифеста о даровании крепостным людям права состояния свободных сельских обывателей — объяснение, подающее повод крестьянам к волнению. По высочайшему повелению он просил епископов внушить духовенству воздержаться от произвольных, неправильных объяснений означенного Манифеста. “Духовенство, — говорит обер-прокурор, — должно помнить, что главнейшая и существенная обязанность духовных лиц в сем деле — быть не судьями, но миротворцами”.

Копия с предложения епископа
в Кавказскую духовную Консисторию

“В предложении моем духовной Консистории от 17 января сего года за № 3 по случаю открытия в городе Ставрополе высочайше утвержденного комитета по предмету улучшения быта помещичьих крестьян я изложил то направление, которого должно держаться кавказское духовенство в этом важном деле. Предложенное мною направление основано на законах Божиим и государственным. Появление статей о сем предмете в «Православном собеседнике» —

журнале, издаваемом Казанскою Духовною академиею — принуждает меня снова обратиться с архипастырским моим словом к пастырям церквей Богом врученной мне Кавказской епархии. «Собеседник» в статьях своих не только излагает учение новое, неслыханное в Православной Церкви, но даже делает воззвание к сельским священникам,* таким образом в епархию, порученную епископу, вносит свое распоряжение, оставляя, однако, на ответственности епископа последствия этого распоряжения. Таким действием «Собеседник» явно нарушает церковный закон, воспрещающий какому бы то ни было начальству или присутственному месту непосредственно входить, мимо Святейшего Синода и епархиального архиерея, в дела епархии и позволять себе в ней распоряжения (Устав духов. Консист., ст. 2).

Грустно и тягостно произносить обличительное слово! Но вижу в этом совершенную необходимость. Необходимо мне предохранить вверенную мне паству, чтоб кто-либо из духовенства не увлекся статьями «Собеседника» к неправильным действиям, не преступил закона Божия и государственного, не нарушил общественного спокойствия и порядка, не подвергся бедствию и не подверг нареканию Церковь и духовенство. Тем более это необходимо, что статья «Собеседника» «Слово о освобождении крестьян» перепечатана в Санкт-Петербургских и Московских «Ведомостях», очень огласилась в народе и служит поводом к толкам. Я убежден, что кавказское духовенство примет с доверенностию и любовью мое слово, произносимое по внушению любви, по требованию долга.

Государственный закон, определяющий обязанности духовенства по отношению к помещичьим крестьянам, пребывает неизменным. В новейшем издании Свода законов империи 1857 года, присланном Кавказскому епархиальному начальству Святейшим Синодом, вышеупомянутая обязанность духовенства изложена так: «Духовные, особенно же священники приходские, имеют обязанность предостерегать прихожан своих противу ложных и вредных разглашений,

* Православ. собеседник. 1859. Март. С. 354.

утверждать в благонравии и повиновении господам своим, всемерно стараться предупреждать возмущения крестьян и их от того удерживать» (ст. 380, раздел IV, т. XIV). Обязанности помещичьих крестьян изображены так: «Все помещикам принадлежащие крестьяне и дворовые люди должны спокойно пребывать в их звании, быть послушными помещикам своим в оброках, работах и всякого рода крестьянских повинностях и исполнять в точности обязанности, законами на них возложенные» (ст. 378, там же).

В томе XV, раздел IV изложены законы о наказаниях за неповиновение правительству и установленным от него властям. Статья 300 говорит: «Восстанием против властей, правительством установленных, почитается и всякое возмущение крестьян и дворовых людей против своих помещиков, владельцев или управляющих и против волостных и общественных управлений». Порядок, спокойствие и благосостояние государства основаны на повиновении правительству и властям. По этой причине весьма строги и наказания, которым подвергают себя свергающие благое и необходимое иго покорности, равно как и зачинщики или учителя возмущения. Участие в этом преступлении большею частью сопряжено с лишением всех прав состояния, значительное участие влечет за собою самые тяжкие наказания. Очевидно, что всякий, кто бы ни увлекся статьями «Собеседника», будет судим и наказан не по статьям этим, а по закону.

Как же понимать, — спросят здесь, — дело об улучшении быта помещичьих крестьян? Надо понимать его так, как оно есть. Дело поручено государем императором не духовенству. Ход дела духовенству неизвестен, вмешательство в материальную сторону дела духовенству воспрещено. Когда дело приведено будет к окончанию, тогда, разумеется, для управления крестьянами составятся и обнародуются правила. До того времени настоящие постановления, как неотмененные, сохраняют всю свою силу. В отношении к государственным законам статьи «Собеседника» неминуемо принадлежат к вредным разглашениям.

Они не только принадлежат к вредным разглашениям, но и к разглашениям ложным, как это будет объяснено далее. Ложные понятия всегда ведут к бедственным последствиям.

В литературном отношении статьи собеседника — новость в русской духовной литературе. Как новость, они могут показаться особенно занимательными. Иностранная литература богата такого рода сочинениями, над составлением которых неусыпно трудится партия революции и беспорядка. Метод во всех таких сочинениях один: они, выставя злоупотребление властью некоторых лиц, на этом основании восстают против всякой власти, проповедуют равенство и совершенное благоденствие человек на земле.

Революционные сочинения имели и имеют повсюду множество читателей и чтителей. Это естественно: они — произведения разгоряченного воображения, не руководимого ни благоразумием, ни отчетливым знанием — разгорают, воспаляют, увлекают неопытных читателей. Часто действуя, по-видимому, против одного рода власти, они всегда действуют против всех властей, по свойству своего метода.*

Неправильность заключений от частного к общему тщательно твердится и повторяется здоровою логикою: большинство человек не обращает внимания на это правило и не знает его. Ни равенства, ни совершенной свободы, ни благоденствия на земле в той степени, как этого желают и это обещают восторженные лжеучители, быть не может. Это возвещено нам Словом Божиим, доказано опытом. Несвободное состояние людей, имеющее многообразные формы, как это должно быть известно и понятно всякому образованному, есть последствие ниспадения человеческого во грех.**

* «Собеседник» подчинился этому насилию принятого им метода. Признав несвободное состояние, состояние холопа, унижительным и неестественным для человечества, он устами Даниила Заточника называет холопами вельмож и бояр царя. Умалчиваемая здесь мысль очень ясна, очень сильна: она — необходимое последствие сказанного (январь, С. 48).

** Св. Иоанна Златоустого толкование на Послание к Ефесеям, *Patrologiae Cursus Completus. Chrisostomi in Epist. ad Ephes. Homilia XXII.*

Первою властью была объявлена власть мужа, первую зависимость — зависимость жены. С этой минуты власть сопряжена с насилием, подчинение сопряжено с страданием. Такими они остаются поныне, такими останутся до окончания мира.

Спаситель наш даровал человечеству духовную свободу. Но Он не только не устранил никаких властей — Сам во время Своего земного странствования подчинился влиянию властей, злоупотреблявших властью, подчиняясь бремени, которое человечество привлекло на себя грехом. Господь уклонился от всякого вмешательства в временное управление миром, возвестил, что Царство Его — нездешнее (Ин. 18; 36), а неправедному судии Своему сказал, что он не имел бы над Ним никакой власти, если б она не дана ему была свыше (Ин. 19; 11). Отношения власти и подчиненности рушатся с разрушением мира: тогда прекратятся начальство и власть (1 Кор. 15; 24), тогда установятся братство, равенство, свобода, тогда причиною единения власти и подчиненности будет не страх, а любовь. Таким единением поглотятся власть и подчинение: существуя, они вместе уже не будут существовать.

В противоположность Слову Божию революционные писатели провозглашают уничтожение властей, равенство и братство во время жизни мира. Во Франции не раз удавалось мечтателям увлекать народ к усилиям осуществить эту мечту, могущую существовать в одном воображении. Какие же были последствия? Последствиями были потоки крови, потрясение государства внутренним беспорядком. Для исшествия из затруднительного положения народ должен был восстанавливать власть и власти. Опыт доказал, что при восстановлении порядка власть облекается особенными правами и действует с особенною энергиею. *Власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению*, — сказал апостол (Рим. 13; 1–2). Невозможно слабому человеку устранить определение и распоряжение Божии. Доколе человечество подвержено влиянию греха и страстей, дотоле необходимы власть и подчиненность. Они непременно будут существовать в течение всей жизни мира:

только могут являться, являются, будут являться в различных формах.

«Православный Собеседник» в своем «Голосе древней Русской Церкви о улучшении быта несвободных людей» скрыл ход образования в России несвободных людей, а выставил одни злоупотребления. Таким образом, историческая сторона статьи лишена исторической истины. Это должно было послужить для статьи неминуемым источником ложных выводов. Злоупотребления, без которых не может обойтись никакое дело, никакое общество, никакое сословие человеческие, были, но они в сравнении с главным фактом оказываются мелочными частностями.

Россия — с самого начала существования своего почти до новейших времен — представляет собою обширный воинский стан. История ее есть история непрерывающейся войны. Россия то нападает на соседние народы, то отражает их нападения. Два века занимается неумолкающею междоусобною войною, не прекращая войны с соседями. Потом воюет для свержения ига татарского, воюет для восстановления единой державы, воюет для вступления в те пределы, в которых она была при равноапостольном Владимире. Воюет, чтоб открыть себе сообщение с Европою, чтоб занять место в числе ее держав. Наконец, воюет против всей Европы для освобождения Европы.

При военном характере государства невозможно, чтоб военное сословие не первенствовало в государстве. В особенности в древней и средней России военный элемент поглощал, затмевал собою все прочие элементы. По древнему обычаю всех народов пленные обращались в рабов, и этот-то разряд несвободных людей первоначально получил название холопов и халдеев, так как пленные принадлежали наиболее татарскому племени, которое русские называли племенем агарянским, не очень разделяя татар от измаильтян и халдеев, не очень гоняясь за историческою истинною.

Другой разряд несвободных людей составил из изгоев, то есть сирот, нищих и других людей славянского

племени, лишившихся своего крова по разным несчастным обстоятельствам, столько свойственным временам варварства. Богатые бояре и воеводы имели обширные земли. Изгой обрабатывали боярские земли по найму, а некоторые из них кабалились, то есть записывали себя и свои семейства в потомственное владение боярам, находя в это время государственной неурядицы более выгодным для себя принадлежать сильному и доброму боярину, нежели, пользуясь тщетным именем свободы, бедствовать без приюта и оставаться беззащитною жертвою для всякого рода насилий.

С водворением христианства в России военные люди заботились о просвещении своих пленников верою Христовою и давали им оседлость. Земледельцы-христиане — и свободные и несвободные — получили название крестьян, равносильное наименованию христиан. Гораздо более образовалось несвободных людей, когда потомки Рюрика размножились до чрезвычайности, а владения их измельчились до невероятности. Не только ничтожные города, многие волости имели своих отдельных князей. Единодержавие установлялось в России очень медленно: в продолжение двух столетий.

Независимые князья, постепенно делаясь подданными великого князя Московского, не тотчас утрачивали всю власть в своих уделах: в их заведывании оставались сперва города, потом поместья с крестьянами. Необходимость обуздывать своеволие простого народа и невозможность иметь полицию в государстве неорганизованном заставили царя Бориса Годунова прикрепить крестьян к землям. Тогда все крестьяне русские обратились в крестьян несвободных. Какой же факт представляет отечественная история того времени? Во время укрепления крестьян менее чем 1/11 часть их принадлежала к числу несвободных, 10/11 были свободными, т. е. на сто человек свободных не насчитывали десяти человек несвободных.* Несмотря на вышеизложенный ход образования несвободного сословия и на те

* Крестьяне на Руси // Рус. беседа. 1859. Кн. 14. С. 94.

злоупотребления, которыми у свободных отнималась свобода и которые так живописно выставлены «Собеседником», одни из крестьян сделались удельными царя, другие — помещичьими, а некоторые — церковными, так как часть потомства изгоев занимала земли церковные. Набожность царей и дворянства русского, в состав которого вошли все потомки Рюрика, наделила монастыри многими поместьями и деревнями. По простоте нравов и благочестию народа этот порядок держался около двух с половиною столетий, не представляя собою ничего странного.

К царствованию императрицы Екатерины II число помещичьих крестьян уже было гораздо менее числа крестьян, принадлежавших монастырям и архиерейским домам. Россия, постепенно возрастая, ощутила много нужд, которые в состоянии младенчества не ощущала. По этой причине и по духу времени при императрице Екатерине монастырские крестьяне переданы в ведомство государства: вот образование казенных крестьян. Но и эта государыня видела еще нужду в помещиках по недостаточному устройству государства, именно — «по недостатку полиции», как выражалась императрица. Она раздала многие сотни тысяч крестьян лицам, оказавшим особенные услуги государству.

Император Павел I продолжал жаловать своих сановников крестьянами. За всею этою раздачею казенных крестьян помещикам число помещичьих крестьян только сравнялось с казенными.

Со времени Александра I взгляд на предмет изменился: государство окончательно организовалось, полиция из чиновников повсюду устроилась, народ начал выходить из состояния детства, получил новые идеи, ощутил новые потребности. Дворянство начало тяготиться своим состоянием пестунства при крестьянах, крестьяне начали тяготиться стеснением своей свободы, своим патриархальным бытом. Все это стало сильно обнаруживаться и высказываться во вторую половину царствования императора Николая I.

Ныне благополучно царствующий император Александр II застал дело подготовленным и нашел необходимым изме-

нить форму управления помещичьими крестьянами. Какое, в сущности, значение имеет улучшение быта крестьян? Это изменение формы управления ими. Им даруется свобода, но не своеволие. Они выходят из подведомства помещиков, как бы из-под надзора воспитателей и опекунов, в служебное, личное отношение к государству, чрез посредство начальства, которое над ними установлено будет правительством.

Повеление государя ознаменовано счастливейшим началом, великолепным исполнением, изумляющим Европу. Европа привыкла видеть государственные перевороты сопровождаемыми народным смятением, ужасным кровопролитием. В России, напротив того, переворот совершается с ненарушимым спокойствием. Слова государя, что «началом переворота по повелению свыше предупреждается начало его снизу», должны быть начертаны золотыми буквами на скрижалях истории. Надобно бы было «Собеседнику» обратить внимание на эти слова и не начинать того действия, которое государь желал предупредить.

Дворянство содействует — за исключением, может быть, некоторых отсталых личностей — со всею ревностью к благополучному совершению переворота, благодетельного для обоих сословий — и дворянского и крестьянского. То и другое были в отношении патриархальном друг к другу. Этим отношением они стеснялись и связывались. Они переходят теперь к гражданскому отношению. Земледельцы останутся земледельцами, за исключением нескольких тысяч богатых людей, могущих перейти в купеческое сословие. Пред дворянством открывается обширное поприще новой деятельности в стране, преизобилующей материальными средствами.

Эти условия — залог ожидающего дворянского сословие благосостояния, благосостояния совсем в иной форме, более прочного и обширного. Представленное здесь краткое историческое изложение показывает всю односторонность и неправильность взгляда на дело, доставляемые «Собеседником»

читателям его чрез указание на одни частные злоупотребления, которыми сопровождалось приобретение несвободных людей и владение ими.

Судя по этим частностям и не зная метода, которому подчинился «Собеседник», легко можно подумать, что несвободное сословие образовалось единственно чрез насилие, что период владения помещиков крестьянами в России был периодом непрерывного, повсеместного тиранства, а дворянское сословие всегда состояло из лиц самых бесчеловечных и безбожных. По точному исследованию статистиков оказывается совсем противное. Быт помещичьих крестьян, несмотря на частные злоупотребления, в своем общем составе далеко превосходнее быта крестьян во всех прочих европейских государствах. Многие помещичьи крестьяне равняются богатством с первейшими купцами. Но быт этот устарел в нравственном и государственном отношениях.

Благочестие и усердие к Церкви древних русских князей и бояр достаточно доказывается уже тем, что они половину своих крестьян передали монастырям. Беспрекословное и радушное принятие монастырями в свое владение крестьян есть фактический голос древней Русской Церкви — как о самом быте, так и об улучшении быта несвободных людей.

Определив значение статей «Собеседника» по отношению к государственному законодательству, к духовной литературе, к отечественной истории, остается определить значение их по отношению к Божественному Откровенному христианскому учению, к учению Православной Восточной Церкви, хотя это значение уже довольно обнаруживается из вышесказанного. Господь заповедал: *Внимайте же! берегитесь лживых пророков* (т. е. лжеучителей и лжеучения), *которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их* (Мф. 7; 15–16). *Плод же духа, — сказал апостол, — есть любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5; 22).

Учение истинное, богоугодное имеет непременно своим последствием плод духовный, изображенный апостолом. Если же учение не свидетельствуется этим плодом, то оно ложное, хотя бы произносящий носил имя пророка, то есть какое бы то ни было важное и громкое наименование, соединенное с понятием о превосходных знании и учености. Эта заповедь Божия требует особенной рассматрительности, и в начале ее Господь поместил знаменательное слово: «внимайте». Точно: она для исполнения требует тщательнейшего внимания и рассуждения!

Лжеучение весьма часто излагается блистательно и увлекательно. Не всякий может дать лжеучению должную цену по разбору мыслей, в нем заключающихся. Но по плодам своим оно тотчас познается, разоблачается, оценивается. Святой Великий Варсонофий некоторому иноку сказал: «Знай, брат мой, что всякий помысел, которому не предшествует тишина смирения, не от Бога происходит, но явно от левой стороны. Господь наш приходит с тихостью. Все же вражеское бывает с смущением и мятежем. Хотя бесы и показываются облеченными в одежду овчюю, но, будучи внутренно волками хищными, обнаруживаются посредством производимого ими смущения, как сказано: *по плодам их узнаете их* (Мф. 7; 16). Да вразумит Господь всех нас, чтоб не увлечься их правдою» (Ответ 21).

Преподобный Макарий Великий говорит: «Человеку, любящему добродетель, надлежит весьма много заботиться о различении вещей, чтобы он в совершенстве знал различие между добрым и злым и мог распознавать и понимать различные демонские козни, которыми враг обычно развращает под видом многих представлений, предлагаемых уму; ибо во всех случаях полезно быть осторожным во избежание опасных последствий.

По причине слабости ума, опасаясь прельщения, не подчиняйся побуждениям духов, которые могут быть устроены так, будто бы они были и небесными Ангелами. Но стой непоколебимо, подвергая все прилежнейшему исследованию, и тогда, если усмотришь благое, принимай, а если явится зло, отринь его. Ибо не неизвестны действия

благодати, и грех, даже если бы и принял вид благого дела, подать их никак не может.

Так, хотя по апостолу, и может сатана преобразиться в светлого ангела (2 Кор. 11; 14), чтобы таким образом прельстить человека, но даже если бы он и светлые видения представлял, однако благого действия, как уже сказано, подать отнюдь не сможет. Это и служит известным знаком его дел. Ибо ни любви к Богу или ближнему, ни кротости, ни смирения, ни радости, ни мира, ни обуздания помыслов, ни того, чтобы возненавидеть мир, ни спокойствия духовного, ни пожелания небесных действий подать он не может, не может также укротить страсти и похоти, что является явным действием благодати. *Плод духовный*, — говорит апостол, — *есть любовь, радость, мир* и проч. (Гал. 5; 22). Враг особенно удобно может вложить в человека гордость и высокоумие, поскольку он к этому весьма склонен и в этом весьма силен. Итак, по действию познаешь воссиявший в твоей душе умный свет — от Бога он происходит или от сатаны».*

Таково верное и глубокое учение Божие, учение Св. Православной Церкви о началах добра и зла, о самых тончайших необъяснимых помыслах, объясняемых по их плодам и действиям.

Какой же плод статей «Собеседника»? Они напыщают ум, разгорячают воображение и кровь, дают о предметах неправильные понятия, постоянно заключая от частного к целому, нарушают мир между сословиями, влекут их к взаимной вражде и столкновению. Эти последствия уже очень печальны, но за ними в будущем стоят последствия самые мрачные.

Такое действие статей есть верное свидетельство о качестве их по отношению к Богу и к Церкви, о их началах. Всякого блага начало — правильная мысль. Всякого бедствия начало — мысль ложная, по свидетельству Евангелия, которое показывает неразрывную связь лжи с гибелью человечества (Ин. 8; 44).

* Слово IV по московскому изданию 1833 года.

«Собеседник», назвав первую статью свою «Голосом древней Русской Церкви о улучшении быта несвободных людей», не представил, однако, этого голоса в обещанном значении, при котором необходимо изложение учения Церкви — как Вселенской, так и Российской — о том, дозволяется ли в христианстве владение рабами или оно воспрещается. «Собеседник» представил только голос Церкви против злоупотреблений. Приведенные им отцы Российской Церкви восстают с святою ревностью против злоупотреблений властью, а не против самой власти, не против прав ее. В этом они последовали пастырям Вселенской Церкви и великому учителю вселенскому Иоанну Златоустому, особенно чтимому древнею Русскою Церковью, запечатлевшему свои обличения неправды и насилия мученическую кончиною.

Учение Церкви о рабовладении и гражданской свободе — учение, которого точное объяснение так было необходимо для статьи, написанной духовным лицом и от имени всей Церкви — «Собеседник» излагает в своем «Слове о освобождении крестьян». В этом «Слове», чтоб поддержать свое собственное учение и выдать за учение Церкви, «Собеседник» прибегает:

1. К изменению текста в Послании св. апостола Павла к Коринфянам, который читается в славянском переводе так: *Если и можешь быть свободным, больше поработи себя* (1 Кор. 7; 21).

2. К объяснению этого текста противоположно тому, как объясняет его Церковь.

Такое поведение «Собеседника» требует, чтоб здесь изложено было точное учение Православной Церкви о рабстве и рабовладении. Гражданское рабство есть последствие греха — греха в обширном смысле, или той вечной смерти, которою заразился род человеческий в своем корне, в праотцах.* «Собеседник» находит начало рабства в проклятии, произнесенном Ноем на Ханаана, сына Хамова, сбывшемся

над отдаленным потомством Ханаана. Но, сказав это, казанский журнал далее говорит, что начало рабства — грех. «О! — восклицает он. — Если б не было на земле греха, не было бы и рабства!» (Март, с. 335, 336, 337).

Грех, объявший, охвативший человечество и землю, как яд, как зараза, действующие с быстротою электричества, совершил чудовищное превращение в природе человека и в природе земли сряду по падении Адама, сряду по произнесении проклятия на человека и землю Богом, а не во времена Ноя.

Из поведаний библейских видим, что величайшие праведники Ветхозаветной Церкви — Авраам, Исаак, Иаков, Иов — имели рабов и передавали их в наследство своим детям. Этого мало: *Взял Авимелех (царь Герарский), — говорит Книга Бытия, — тысячу дидрахм серебра, и овец, и тельцов, и рабов, и рабынь, и дал Аврааму* (Быт. 20; 14). Авимелех дарит рабов — праведный Авраам принимает в подарок рабов.

Такой же подарок из рабов и рабынь получил великий Авраам от царя Египетского (Быт. 12; 16).

Святая Сарра, супруга Авраама, по причине неплодства своего возводит вместо себя на ложе святого мужа рабыню Агарь, египтянью. Агарь зачала от Авраама и по этому поводу возгордилась. Сарра пожаловалась мужу на поведение наложницы. Авраам отвечал ей: *Вот, раба твоя в твоих руках; делай с нею, что тебе угодно. И Сара стала притеснять ее, и она убежала от нее* (Быт. 16; 1–6). Когда Агарь убежала от Сарры и скиталась в пустыни, явился ей Ангел и сказал: *Возвратись к госпоже своей и покорись ей* (Быт. 16; 9).

Эти события объясняются падением человека. По ним истинный христианин может исследовать всю глубину человеческого падения, так как события касаются величайших ветхозаветных праведников. Достоин замечания, что Ангел Божий заповедует рабе покорность госпоже, огорчившей рабу.

Поведение ветхозаветных праведников относительно их рабов было иное, нежели поведение рабовладельцев-языч-

* См. сноску выше.

ников, которые поступали и ныне поступают с рабами своими несравненно хуже, нежели с домашним скотом. Жителям Кавказа известно обращение соседей горцев с рабами. По особенности отношений ветхозаветных праведников к рабам рабы их названы в Священном Писании «домочадцами». Моисеев закон допускал рабство срочное для израильтянина у израильтянина, допускал в известных случаях и бессрочное (Исх. 21; 2–6). — О бессрочном рабстве умолчано «Собеседником». — Но вообще требовал человеколюбивого обращения с единоплеменными рабами.

Этот же закон говорит: *А чтобы раб твой и рабыня твоя были у тебя, то покупайте себе раба и рабыню у народов, которые вокруг вас; также и из детей поселенцев, поселившихся у вас, можете покупать, и из племени их, которое у вас, которое у них родилось в земле вашей, и они могут быть вашей собственностью; можете передавать их в наследство и сынам вашим по себе, как имение; вечно владейте ими, как рабами* (Лев. 25; 44–46).

Это постановление Моисеева закона умолчано «Собеседником», а оно следует тотчас после тех слов, которые привел «Собеседник» из Левитской Книги, и дополняет понятие о рабстве у израильтян.

Далее Моисей говорит: *А над братьями вашими, сынами Израилевыми, друг над другом, не господствуйте с жестокостью* (Лев. 25; 46). Из этих слов и всего постановления о рабах вполне явствует, что израильский законодатель заботился о том, чтоб поставить израильский народ, как избранный, выше всех прочих народов, а прочие народы пред ним унижить. С этою целию Моисей полагает шестилетний срок рабству еврея у еврея и предоставляет еврею приобретать рабов из других народов в бессрочное и потомственное владение.

Если взглянуть с высоты духовного созерцания на рабство, в особенности на прежнее и современное рабство у язычников, на все другие разнородные бесчисленные бедствия, которым подвергается на земле человечество, то нельзя не сознаться, что оно соделалось чрез падение разрядом существ, отверженных Богом, которых вечные страдания

начинаются с краткого земного странствия и получают полное развитие с вступлением в вечность.

Спаситель совершил искупление рода человеческого, совершил его для всех человеков, но вместе совершил только для тех, которые захотят принять его произвольно. Спаситель оставил скорби земного странствования человеческого, в числе их и рабство, неприкосновенными, требуя от верующих в Него человеков не только сердечной и устной, но и деятельной исповеди своего падения. Деятельной исповеди того, что для человеков необходим Искупитель — исповеди, состоящей в признании земных скорбей справедливым следствием падения и в покорном подчинении им. Сам Богочеловек подчинился этим скорбям, чтоб мы с Ним подчинились им. Он требует, чтоб Его уды — истинные христиане — проводили земное странствование так, как Он проводил. Невозможно удам быть в ином состоянии от Тела и Главы, от Церкви и Христа.

По этой причине св. апостол Петр сказал, что христиане призваны во время своего земного странствования на добрые дела и страдания. *Ибо, — говорит апостол, — и Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его. Он не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его* (1 Пет. 2; 21–22). По какому поводу сказал это апостол? Сказал, обращаясь к христианам, принадлежавшим в гражданском отношении к словию рабов. *Рабы, — говорит он, — со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым* (1 Пет. 2; 18).

Не твое дело, что господин твой бесчеловечен, ему за это судит Бог. Ты неси твой крест, данный тебе Богом для твоего спасения. Неси безропотно, благодаря и славословя Бога с креста твоего, потому что и с тебя потребуется Богом отчет: каково ты нес Богом дарованный крест твой. Спаситель мира установил на земле Свое Царство, но Царство духовное, могущее пребывать во всяком человеческом обществе, как бы это общество по гражданскому устройству своему ни называлось — монархией, или республикою, или чем другим. Потому что Царство Христово, будучи

не от мира сего (Ин. 18; 36), не имеет никакого отношения к гражданской форме государств, доставляя, впрочем, всякому государству самых добродетельных и потому самых полезных членов.

Точно так и свободу Господь даровал духовную, не уничтожив ни одной власти гражданской. Ибо свободный духовно, при всей гражданской подчиненности своей, не подчинен греху и страстям, не подчинен самым разнообразным обстоятельствам и превратностям земной жизни, не подчинен страху, став силою веры во Христа и наслаждением во Христе превыше человеческого страха и превыше всех земных бедствий. Влияние и человеческого страха и земных бедствий служит признаком лицемерного, поверхностного, непонятого христианства.

Если скажут на это, что многие из христиан подчиняются влиянию злочлукений и ниспадают под бременем их, то на это уже имеется готовый ответ Самого Спасителя: *Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их* (Мф. 7; 13–14). *Кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня* (Мф. 10; 38). Слыша эти решительные слова Христовы, лучше плакать пред Ним о своей немоци, нежели витийствовать земным плотским мудрованием и витийством против Креста Христова и против тесного пути — того единственного пути, который вводит во спасение.

Какая существенная причина такового разглагольствования? Отвержение тесного пути, желание пути широкого, отвержение Креста Христова. *Я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира* (Гал. 6; 12–14). Так научает нас апостол. Кто жив для мира, вступается с увлечением и разгорячением в дела его, тот доказывает и показывает этим свою мертвость для Христа.

Церковная новозаветная история представляет многих святых и праведных христиан, которые имели рабов и передавали их в наследство своим детям, что они покупали

и продавали рабов, как, например, отец святого Иоанна Дамаскина купил преподобного Косьму. Некоторый христороубец спросил великого во святых Варсонофия: «Отец мой, я хочу приобрести себе слуг, но сомневаюсь, будут ли они мне полезны. Скажи мне: должно ли их взять? И как мне поступить?» Великий отвечал: «Будем помнить, что и мы имеем Владыку. Если мы будем повиноваться Владыке нашему, то Он сотворит, что и слуги наши будут повиноваться нам. Вот ты слышишь, пооди же и возьми их во имя Господне».*

Из этого видно, во-первых, что первенствующая христианская церковь не возбраняла христианам иметь рабов;** во-вторых, что постановление Моисеева закона о рабстве евреев у евреев не было обязательным для христиан. Те из христиан, которые стремились к христианскому совершенству, давали рабам своим свободу, а имение свое продавали и раздавали нищим, исполняя этим всесвятый совет Господа: *если хочешь быть совершенным, пооди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною* (Мф. 19; 21).

Святой великомученик Георгий пред исшествием на подвиг мученичества освободил всех рабов своих. Так поступали почти все мученики, так поступали все, вступавшие в духовное мученичество, в монашество. Святой Петр Мытарь не только освободил всех рабов своих, но и себя продал в рабство. Святой Павлин, епископ Нолы, продал себя в рабство, чтоб искупить сына вдовицы. Такое поведение многих избранников Божиих, христиан совершенных, отнюдь не было общим правилом для всех христиан. Общим христианским правилом была и есть любовь к ближним — следовательно, и к рабам.

Рабы христиан были по преимуществу домочадцами — они не были рабами. Тот христианин, который позволял себе жестокость относительно рабов, был обличаем и научаем

* Варсонофий Великий. Ответ 656.

** XL правило св. апостолов доказывает, что апостолы не воспрещали и епископам иметь рабов.

Церквию. Жестокие, бесчеловечные, развратные господа между христианскими господами были, но не является ли попрание заповедей Божиих и в прочих всех сословиях? Не являлись ли жестокость и разврат во всех сословиях, между самыми пастырями и архипастырями?

Таков падший человек! Самые ближайшие сношения с Воплотившимся Богом, самый сан апостольский, высочайший из всех санов человеческих, не уклонили от величайшего из человеческих преступлений того человека, который произвольно избрал для себя зло. Божественное новозаветное учение о господах и рабах изложено со всею точностью и удовлетворительностью в посланиях святого апостола Павла. Мы предлагаем здесь это учение, по истолкованию его святым Иоанном Златоустым, общепринятому Святою Церковию и особенно уважаемому древнею Российскою Церковию.

Святой Иоанн Златоуст, приступая к объяснению 13 главы Послания к Римлянам, в которой сказано, что начальство и власти суть Божие учреждение, обращает внимание читателя на предшествующую главу, в которой и верно, и свято, и живописно изображена нравственность истинного христианина. «Заметь, — говорит Златоустый, — как кстати апостол завел речь о сем предмете. После того как предложил слушателям различные требования христианского любомудрия, настроил их жить в мире с друзьями и врагами, научил быть полезными и для счастливых, и несчастных, и для нуждающихся, коротко сказать, для всех насадил уставы общежития, приличные ангелам, истощил гнев, низложил высокоумие и совершенно умягчил их сердца — после всего того предлагает свои увещания о повиновении властям».

Очевидно, что только тот христианин, в душе которого глубоко насаждены правила христианской нравственности, в душе которого преобладает вера, который старается умерщвлять себя для мира, который смотрит на земные человеческие отношения и на земные человеческие положения оком странника, из разума Христова, который проводит жизнь на земле, как в преддверии к вечности, может богоугодно и душеполезно нести иго подчиненности, тогда

как власть земная почти всегда сопряжена с большими или меньшими злоупотреблениями — по свойству падшего человека, по его греховности, по его ограниченности.

Нелишним будет здесь заметить, что святой Иоанн Златоуст объясняет законоположенные Святым Духом отношения властей и подчиненных сряду по окончании веков мученичества, когда власть почти непрерывно в течение трех столетий обнаруживала такое чудовищное зверство и бесчеловечие, какового не представляли летописи мира ни прежде, ни после. Это тот Златоуст, который произнес самые сильные обличения против злоупотреблений богатством и властью и сделался жертвою мести за свои обличения.

Златоуст говорит: «(Апостол), желая внушить, что заповедь его о подчиненности простирается не на одних мирских людей, но на всех — и на священников и на монахов — объявляет о том наперед, говоря так: *Всякая душа властям предержащим да повинуется*. Хотя бы ты был апостол, хотя бы евангелист, хотя бы пророк, хотя бы другой кто — повинуйся. Подчинение власти не подрывает благочестия. Апостол здесь понимает не простое повиновение, но подчинение. Первое основание такого установления, удовлетворяющее разуму верных, состоит в том, что власти учреждены от Бога». Златоуст утверждает, что апостол говорит в этой главе о подчиненности как слуг господам, так и подначальных начальникам. Исчисляя Богом установленные виды начальства и подчиненности, Златоуст упоминает о отношениях между мужем и женою, между сыном и отцом, между старцем и юношею, между рабом и свободным, между начальником и подчиненным, между учителем и учеником.

«Собеседник», располагаясь говорить от имени Церкви о улучшении быта несвободных людей, сохранил ли верность нравственному христианскому началу, изложенному в 12 главе Послания к Римлянам — тому началу, из которого только одного можно рассуждать о предложенном предмете правильно, в характере истинного христианства, в характере Святой Православной Церкви? К сожалению, нет! «Собеседник» отверг назидание апостола, отверг нравственное

начало, предложенное апостолом — он не победил благим злом. Напротив того, он выставил на позор всем свое явное побеждение злом.

Напрасно говорит для него апостол: *Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинаяте, никому не воздавайте злом за зло. Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь* (Рим. 12; 14, 17, 19). «Собеседник» вместо кроткого вразумления ошибающихся вступил в перебранку с светскими писателями, на колкости отвечает колкостями. «Собеседником» унижен святой и важный характер Церкви, искажен ее святой голос, пред которым все благоговеют и умолкают. «Собеседник», отвергнув достоинство, которое ему доставлялось Церковью, дал право светским писателям на резкие ответы. А для ответов может послужить обильным источником метод, употребленный «Собеседником» — метод живописной и красноречивой публикации частных злоупотреблений и заключения о целом от частного.

Потеряв настроение мира и любви, при которых только может разум сохранять верность Божественной Истине — Христу — и единение с Всесвятою Истиною, «Собеседник» не мог не вдаться во все пути ложного умствования. Он позволил себе в разгорячении и увлечении своим изменить слова Священного Писания и дать им произвольное толкование, сообразное своей цели, отвергнув общепринятое толкование Церкви. Между тем как Православная Церковь именно отвергает произвольное, разноречивое толкование Писания, а принимает толкование его святыми отцами.* Слово, изреченное Святым Духом, может быть и объяснено только Святым Духом.

“Вот, — говорит «Собеседник», — прямое учение христианства о рабстве: «Каждый будь верен, — говорит Слово Божие, — тому званию, к какому призван Богом. Рабом ли кто призван — не смущайся, но если можешь сделаться

* В грамоте, вручаемой каждому новопоставленному иерею, говорится: «Подобает иерею вседушно прилежати чтению Божественных Писаний, и не инако сия толковати, но якоже церковнии светила, святии и богоноснии отцы наши, пастыри и учителя, великим согласием истолковали».

свободным, тем лучше умеи воспользоваться этим. Ибо призванный в Господе, то есть в христианстве, рабом есть свободный человек Господа, и призванный свободным есть раб Господа. Вы искуплены дорогою ценою — не делайтесь же рабами человеков (1 Кор. 7; 20–23)».*

В русском переводе Нового Завета, изданном по благословению Святейшего Синода, 21 стих читается так: *Рабом ли ты призван, не беспокойся, но ежели можешь сделаться и свободным, тем больше воспользуйся. Умолчание слова “этим” дает другой смысл! В славянском же тексте читаем: но аще и можеши свободен быти больше поработи себе. И так, в славянском тексте открываем мысль, совершенно противоположную той, которую желает видеть и высказать «Собеседник».*

В изданном по благословию Святейшего Синода в 1765 году толковании святого Иоанна Златоуста на 14 посланий святого апостола Павла упомянутый текст читается так: *Но аще и можеши свободен быти, наипаче употребляй сего. Это самый буквальный перевод с греческого: на краю выставлен также весьма точный перевод, более понятный, более обнаруживающий мысль апостола: больше поработи себе. На сей текст имеется следующее толкование Златоустого: «Это значит: тем больше поработи себя. И почему повелевает пребывать рабом могущему освободиться? Чтоб показать, что рабство не приносит никакого вреда, напротив, приносит пользу. Не неведаем, что некоторые это наипаче употребляй думают сказанным о свободе, говоря: если можешь освободиться — освободись».*

Это изречение было бы вполне противно цели Павла, если б оно имело такое значение. Он не мог приказывать рабу отыскивать свободу в то время, как утешает раба и объясняет ему, что он нисколько не повреждается от рабства. *Употребляй сего* значит: употреби рабство посредством смирения в сильное средство спасения. Слова апостола *вы искуплены дорогой ценой, не делайтесь же рабами человеков* — Златоустый объясняет так: «Это сказано не только

* Православный собеседник. 1859. Март. С. 337.

рабам, но и свободным. Может раб, будучи рабом, не быть рабом, и может быть рабом и тот, кто свободен.

Каким образом можно не быть рабом, будучи рабом? Делая все ради Бога, без притворства, работая не только пред глазами господ: это-то значит работать человекам и вместе быть свободным. Опять: как может кто-нибудь, будучи свободным, соделаться рабом? Это совершается, когда кто-нибудь проходит между людьми служение лукаво — или ради чревообъядения, или ради страсти к деньгам, или с целью властолюбия. Кто таков, тот порабощен более всякого раба».*

Что изъяснение мысли святого апостола Павла понято и преподается Златоустым с совершенною правильностью, это видно из наставления апостола рабам и господам в Послании его к Ефесеянам: *Рабы, — говорит он, — повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, не с видимою только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души, служа с усердием, как Господу, а не как людям, зная, что каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделал, раб ли, или свободный. И вы, господа, поступайте с ними так же, умеряя строгость, зная, что и над вами самими и над ними есть на небесах Господь, у Которого нет лицепрятия* (Ефес. 6; 5–9).

Из послания апостола Павла к Филимону видно не что иное, как уважение апостола к правам господина и ходатайство такого лица, которое могло приказывать, о рабе, соделавшемся из сосуда неправды сосудом Божиим. Непонятно, для чего «Собеседник» приводит это послание в поддержку своей идеи, которой послание явно противоречит.** Разве в надежде скрыть точный смысл послания

* Nomilia XIX.

** Православ. собеседник. 1859. Март. С. 347–348. LXXX Правило святых апостолов законополагает: «Не позволяем в клир производить рабов без согласия господ, к огорчению владельцев их. Ибо от сего происходит расстройство в домах. Когда же раб и будет достоин поставления в степень церковную, каковым явился и сам Онисим (раб Филимона, выставленный «Собеседником»), и господа соизволят, и освободят его, и отпустят из дома, да будет произведен».

от неопытного читателя и представить свой взгляд на предмет взглядам святого апостола Павла.

Также непонятна причина, по которой «Собеседник» приводит учение Господа о духовной свободе, между которою и свободою гражданскою нет никаких отношений.* Имеющий духовную свободу нисколько не нуждается в гражданской: он в рабстве, в тюрьме, в оковах, в руках палача — свободен. Напротив того, лишенный духовной свободы, хотя бы пользовался гражданскою свободою, хотя бы пользовался полным гражданским благоденствием, есть раб греха и страстей, есть узник и раб вечный.

Справедливо замечает блаженный Феофилакт Болгарский, что учение Господа о духовной свободе не удовлетворило таких Его учеников, которые были учениками только по имени и по положению и, не приемля как следует Слова Господня, которое Дух и Жизнь (Ин. 6; 63), желали приспособить это Слово к земному своему благосостоянию, то есть дать слову Божию плотское значение и действие. Знамение Христа — Крест, Слово Христа — Слово Крестное: оно было и есть для иудеев — соблазн, для эллинов — безумие (1 Кор. 1; 23).

Изложенное здесь учение Церкви при всей краткости показывает:

1. Что и Слово Божие и Церковь — как Вселенская, так и Российская — в лице святых отцов, никогда и ничего не говорили о уничтожении гражданского рабства, что между духовною и гражданскою свободою нет ничего общего, что как рабы, так и господа были постоянно научаемы Церковью точнейшему, самому добросовестному исполнению своих обязанностей, что нарушители Христова завещания о любви подвергались обличениям и вразумлениям.

2. Что освобождение рабов всегда признавалось Церковью добрым делом, делом милости, делом братской христианской любви.

Из этого учения Церкви взгляд на настоящее отечественное событие — на дело о улучшении быта помещичьих

* Православ. собеседник. 1859. Март. С. 336–337.

крестьян и о даровании им гражданской свободы — величествен, великолепен. Благочестивейший самодержец российский указал дворянскому сословию совершение великого христианского дела, дела любви. Церковь призывает благословение Божие на великое отечественное дело теплейшими молитвами. Ее пастыри приглашают дворянство к благородному самоотвержению, к пожертвованию, к пожертвованию срочному вещественными выгодами для выгод нравственных, а крестьян наставляют принять дар царя с должным благоговением и смирением — этими верными залогами, что дар будет употреблен благоразумно и полезно.

Не должно думать, что гражданская свобода возвысит нравственно одних крестьян: сословие дворян должно непременно вступить на высокую степень нравственного преуспеяния, отказавшись от рабовладения. Таково свойство самоотвержения и принесения выгод материальных в жертву выгодам духовным: оно возвышает, изменяет, совершенствует человека.

Нельзя оставить без внимания некоторых частных, которыми «Собеседник» усиливается прийти к заключению о целом. С такою целью выставлен «Собеседником» «Плач» Даниила Заточника, ссыльного холопа.*

Заточник представлен невинным страдальцем, плач его разносится по всей древней России, с сочувствием повторяется всем древним русским народом, на голос его отзывается древняя Русская Церковь. Впрочем, ни один церковный писатель с мнением о «Плаче» Заточника не указан. Как ни трогательно это описание, но столько важные факты нуждаются в удовлетворительном доказательстве.

«Собеседник» говорит, что в голосе Заточника слышится какая-то горькая насмешка, что-то вроде сатирического озлобления.**

Неужели никто из современных Заточнику пастырей не понял, что правильное христианское настроение не допускает в душу ни чувства горькой насмешки, ни сатирического

озлобления? Не скорее ли признать клеветой на Церковь приписываемый ей немедленный отклик на голос ропота и злохуления, подобный тому, который услышался из уст одного из разбойников, распятых с Господом? О этом разбойнике Церковь говорит, что он тяжестию хуления низведен в ад.* Она научает чад своих из среды злоключений земных произносить и повторять слова другого разбойника: *Достойное по делам моим приемлю: помяни меня, Господи, во царствии Твоем.*

Одно средство облегчить свое трудное положение, привлечь в душу спокойствие, доставить ей духовное утешение и наслаждение — это признать себя достойным трудного положения, а трудное положение — попусцием Божиим. «Нет ничего крепче смиренномудрия, — сказал преподобный Авва Дорофей, — ничто не побеждает его. Если со смиренным случится что-либо скорбное, он тотчас обращается к себе, тотчас осуждает себя, что он достоин того, не станет укорять никого, не будет на другого возлагать вину и таким образом переносит случившееся без смущения, без скорби, с совершенным спокойствием».**

Каждый должен правильно признать себя достойным скорби и наказания. Каждый зачат в беззакониях и рожден во грехе, имеет внутри себя живущие и действующие греховные страсти, эту греховную заразу, не престающую рождать грех, если не в делах, то в помыслах и ощущениях. Спаситель мира сказал: *Кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня* (Мф. 10; 38).

Крестом, по объяснению святых отцов, названы те скорби, которые Богу угодно попустить нам во время нашего земного странствования. Скорби разнообразны, каждый из человеков имеет свои скорби, скорби наиболее соответствуют страстям каждого, по этой причине каждый имеет свой крест. Этот свой крест повелено каждому из нас принять, то есть повелено каждому признавать себя достойным посланной ему скорби, переносить ее благодушно, последуя

* Православ. собеседник. 1859. Янв. С. 46–48.

** Православ. собеседник. 1859. Янв. С. 47.

* Кондак девятого часа.

** Поучение второе о смиренномудрии.

Христу, заимствуя от Него смирение, посредством которого переносится скорбь.

В вышеприведенных словах Господа заключается страшный приговор на непереносящих скорби терпеливо: Господь отвергает их. Они, произнося из среды скорбей ропот и злоречие, этим самым произносят исповедь, что их разум и сердце не озарены Божественною благодатию, что Господь чужд им, ибо не кто иной, а именно Господь научает смирению истинных рабов Своих. *Научитесь* — не от ангела, говорит Он, не от человека, не из книги, но — *от Меня* — то есть от Моего усвоения вам, осияния вас, действия в вас — *ибо Я кроток и смирен сердцем*, и помыслом, и образом мыслей — *и найдете покой* от борения внутреннего и облегчение *душам вашим* от помыслов (Мф. 11; 29)*. Скорбь потому и называется искушением или испытанием, что она обнаруживает сокровенное устройство души.**

Святой Исаак Сирский говорит: «Всякое затруднительное положение и всякая скорбь, не сопровождаемые терпением, производят сугубое мучение. Терпение человека противостоит его злключениям, а малодушие — мать мучения. Оно рождает в человеке преобладающую его силу уныния, от которого ощущается душевная удава — это предвкушение геенны. Сим наводится на человека дух исступления, от которого исходит тьма искушений: смущение, ярость, хула, жалоба на судьбу, превратные помыслы...

Какое врачевство всему этому? — смиренномудрие сердца. По мере смиренномудрия дается тебе терпение в злключениях твоих. По мере терпения твоего облегчается для тебя тяжесть скорбей твоих, и приемлешь утешение. По мере утешения, получаемого тобою, возвеличивается любовь твоя к Богу. Соответственно любви твоей увеличивается твоя радость, доставляемая Святым Духом. Милосердый Отец наш, когда возблаговолит извести из искушения

истинных сынов Своих, то не взимает у них самого искушения, но подает им терпение в искушении, и они принимают рукою терпения все вышепоименованные блага к утверждению душ своих. Христос Бог Своею благодатию да сподобит и нас по любви к Нему претерпеть с благодарением от сердца все лютое».*

Вот учение Церкви! Вот голос Церкви! Вот ее отзыв на голос Даниила Заточника.

В конце прошедшего столетия некоторое духовное лицо в архиерейском сане подверглось заточению. Затвор был продолжителен и до того строг, что заточенному воспрещены были чернила и бумага. Заточенный скончался в заточении. В его комнате нашли нацарапанную надпись на стене: *Благо мне, Господи, что Ты смирил меня, чтобы я научился уставам Твоим* (Пс. 118; 71).¹²⁸ Вот голос Заточника, который можно и должно признать голосом вполне принадлежащим Церкви! Вот тот голос, на который Церковь должна отозваться отзывом одобрения! Все земные бедствия ничего не значат пред душевным бедствием: пред отчуждением ума и сердца от Богом преданного нам смирения.

На голос Даниила Заточника Церковь может отозваться только голосом болезненного плача о этой заблудшей и омрачившейся душе, которую да покроет милость Божия. Эта милость Божия да избавит от подражания Даниилу всех ныне подвергающихся и впредь имеющих подвергаться тюремному заключению, ссылке и прочим земным, временным бедствиям, да наставит их благодать Божия смирению. А человек доколе будет существовать на земле в состоянии своего падения, дотоле сделает неизбежными и тюрьму, и ссылку, и другие бесчисленные бедствия — последствия падения. Им будет он подвергаться правильно и неправильно: таков человек, такова земная жизнь!

На страницах «Собеседника» явилась невероятная, приводящая в ужас сцена.**

* Прп. Иоанн Лествичник. Слово 25.

** Прп. Каллист и Игнатий. Гл. 16. О том, как подобает доблестно терпеть искушения. Добротолубие. Ч. II.

* Слово 79.

** Православ. собеседник. 1859. Янв. С. 69, 71; Март. С. 342–345.

Это — суд над душою давно умершего господина, суд, воспрещенный Богом как похищение сана Божия, суд над душою, которая давно уже предстала суду Божию и выслушала о себе изречение Божие. Духовное завещание, по поводу которого производится «Собеседником» суд и в котором почивший исповедал и исчислил свои грехопадения, уже оказывается бледным и слабым пред формою суда, произносимого «Собеседником».

Суд и форма, по своему характеру раздражения, выступают на первый план, являются сами преступлением, приводящим в ужас и содрогание тем более, что суд производится с церковной кафедры, во имя Церкви, с явным поправлением закона Божия и закона Церкви, из которых первый воспрещает судить и осуждать, второй воспрещает обнаруживать исповедь грешника. Если исповедь и сохранилась на бумаге, из этого не следует, чтоб относительно ее правило Церкви было устранимо.

Суд выражен с необыкновенною жестокостию. Сочинитель недоволен покаянием грешника, отвергает, уничижает это покаяние, однако не видно, чтоб сочинителю были коротко известны все обстоятельства кончины грешника, чтоб была известна загробная участь грешника. А эти сведения необходимы для точного определения, каково было достоинство покаяния, принесенного грешником. Сочинитель недоволен тем, что дана свобода половине рабов, а другая половина предоставлена остававшемуся семейству господина, считая уже делом доказанным и решенным, что все доселе бывшие рабовладельцы суть преступники и попутатели закона Божия.

Мы веруем, что при покаянии всеильная благодать Божия изглаждает одинаково все грехи, и малые и великие. Подвиги человеческие при покаянии принимаются единственно как свидетельство искренности в покаянии: по этой причине и видим, что пришедшие в вертоград покаяния уже в единодесятый час своей жизни получали такой же пенязь спасения, какой получили и те, которые трудились в винограднике от нежной юности (Мф. 20; 1–16). Достоинство покаяния

может оценить один Сердцеведец-Бог. Его Суд совершенно отличен от суда человеческого: *Человек смотрит не так, как Бог, ибо человек смотрит на лицо, а Бог смотрит на сердце* (1 Цар. 16; 7).

Из Евангелия мы видим, что фарисеи постоянно ошибались в суждениях своих о грешниках, приносивших покаяние. Фарисей Симон погрешил в суждении своем о женщине-блуднице, известной всему городу по ее развратной жизни. В то время, как он соблазнялся и осуждал не только женщину, но Самого Богочеловека, произнесено Господом изречение о грешнице, что ей отпускаются грехи, что она больше любит Бога, чем фарисей, признававший себя праведным, т. е. не видевший грехов своих (Лк. 8). Иудеи роптали на Господа за то, что Он посетил известного грешника, Закхея мытаря. Закхей, приняв Господа, немедленно решился переменить образ жизни и представил свидетельство искренности покаяния почти такое же, какое видно в завещании, на которое негодует «Собеседник». Закхей сказал: *Господи! половину имени моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо. Иисус сказал ему: ныне пришло спасение дому сему, потому что и он сын Авраама, ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее* (Лк. 19; 8–10).

Слово Божие открывает нам, что Закхей точно был грешник, уже погибший, но что покаяние его принято Богом и погибший грешник внезапно причислился к лику спасенных. Очевидно, что люди не могли знать действительности этого покаяния и, преступая заповедь Божию, воспрещающую осуждать, согрешили и пред Богом и пред ближним.

Книжники и фарисеи привели пред Господа женщину, пойманную в прелюбодеянии. Они, требуя суда от Господа, ссылались на закон Моисеев, повелевающий побивать камнями прелюбодеев. Господь сказал фарисеям: *Кто из вас без греха, первый брось в нее камень*. Они, будучи обличаемы совестью, один за другим вышли и оставили несчастную женщину одну пред Господом. Господь изрек ей

прощение в следующей смиреннейшей форме: *Женщина! где твои обвинители? никто не осудил тебя?.. И Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши* (Ин. 8; 3–11). Из этого видно, что причину непомерно строгого суждения ближних есть собственная греховность, на которую не обращено внимания.

Святой Иоанн Лествичник повествует, что в монастырь к некоторому великому отцу пришел для покаяния и пощения в число иноков разбойник. Этот разбойник принес публичную исповедь в своих грехах, самых тяжких, и великий отец увидел явившегося некоторого светоносного мужа, державшего хартию в руках и изглаждавшего написанные на ней страшные грехи разбойника по мере обнаружения их исповедию.* Такова сила исповеди. Она основана на бесконечности цены, которою мы искуплены.

«Собеседник» требует строжайшего покаяния от души почившего, несмотря на исповедь почившего, не только произнесенную пред духовником, но и изложенную письменно во уведение всех. «Собеседник» истязует душу почившего, как она, может быть, не была истязана на пути своем загробном — удовлетворительный ответ «Собеседнику» может дать один всеведущий Бог. Но тот служитель новозаветного алтаря, который увлекается раздражительностью и гневом, не может быть непогрешительным проповедником покаяния, которое — явление любви и милости Божией к падшему и осквернившемуся грехами человеку.

Господь не раз говорил фарисеям: *пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы? Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию* (Мф. 9; 13). Метод «Собеседника» в этом отделе выказывается с особенною яркостью. Сделав выписку из упомянутого духовного завещания, он восклицает: «Можно ли слышать это равнодушно?! Можно ли простить без суда этому умирающему господству?» и прочее.

Точно такие восклицания делает известный французский писатель Ламене, принадлежавший к революционной

* Иоанн Лествичник. Слово 4.

партии, в толковании своем на четырнадцатую главу от Матфея. Такое же рассыпает красноречие, чтоб увлечь читателя к заключению от частного о целом. Революционные писатели во Франции при помощи своего метода, которого нелепость в основании и выводах непонятна для массы, живописно выставляли погрешности властей, этим потрясли власти, живописно выставляли погрешности духовенства, этим потрясли веру в народе, произвели волнение в государстве, подвергли его ужасным переворотам. «Собеседник» очень рассчитывает на эффект выставленной им сцены, потому что повторяет ее дважды — и в «Голосе...» и в «Слове...». В этом расчете он не ошибся. Да покроет милость Божия православную Россию!

Нельзя пропустить без внимания настойчивое желание «Собеседника», чтоб дворянские комитеты обратили внимание на закон Моисеев по отношению к рабам. При этом, как выше замечено, «Собеседник» лишает приводимое им законодательство характера. Православное духовенство не может принять участия в таком требовании, потому что Собор апостолов определительно положил, что для христиан из язычников ни обрядовые, ни гражданские постановления иудеев отнюдь не обязательны (Деян. 15). Иудейский закон о рабах не только не обязателен, но и не применим ни в России, ни в каком другом христианском государстве, подобно обрядовому иудейскому закону.

Понятие, на котором основано Моисеево законодательство о рабах, заключается в том, что один израильский народ есть народ Божий, а прочие народы, отверженные Богом, как бы исключенные из человечества. По этой причине закон Моисеев установил срочное рабство у евреев только для евреев, предоставив приобретать рабов в бессрочное и потомственное владение из соседних народов. Поведение евреев при таком приобретении рабов из соседних народов, обращение с пленными, вообще, обращение с другими народами, расположение к ним — ужасны, они объясняются вышеприведенным порядком. Представим из многих немногие образчики.

Весь народ гаваонитский израильтяне обратили в потомственных рабов. *Прокляты вы, — сказал им победоносный вождь израильский, — без конца вы будете рабами, будете рубить дрова и черпать воду для дома Бога моего* (Нав. 9; 23). По взятии земли Мадиамской израильтяне истребили острием меча всех пленных от младенца до старца, убили всех женщин, оставив в живых только девиц в числе тридцати двух тысяч для рабства (Чис. 31). Это сделано по повелению Моисея. Когда святой царь Давид овладел столицей аммонитян Раввафом, *а народ, бывший в нем, он вывел и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи. Так он поступил со всеми городами Аммонитскими* (2 Цар. 12; 31). В псалмах читаем: *Дочь Вавилона окаянная... Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень* (Пс. 136; 8–9).

Очень понятно, что с искуплением рода человеческого Господом преимущество народа израильского над другими народами уничтожилось. Ценою каждого христианина соделался Господь, а потому христиане всех народов сделались в духовном отношении братьями, равными друг другу: *нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос* (Кол. 3; 11).

По этой причине гражданский закон Моисеев не только не мог иметь места у христиан из язычников, но и от иудеев, принимавших христианство, требовалось оставление этого гражданского закона, отделявшего их от всех народов преимуществом по плоти. *Не думайте говорить в себе: «отец у нас Авраам», — уже говорил фарисеям святой Иоанн Предтеча в самом начале проповеди Евангельской* (Мф. 3; 9).

Плотским преимуществом своим, данным на время, иудеи были чрезвычайно заняты и напыщены. С этим-то преимуществом они не хотели расстаться и ради его отвергли христианство. От Господа Иисуса они ожидали и искали блистательного осуществления по плоти преимущества, предоставленного законом Моисеевым и, услыша Слово

Крестное, требование отречения от плотского преимущества, отвергли Господа. И теперь иудеи ожидают, что они будут удовлетворены именно преимуществом по плоти. Если б они составляли самостоятельное государство, то и теперь они поступали бы с прочими народами по указаниям ветхого своего закона.

Святые отцы Православной Церкви никогда не ссылаются на Моисеев закон в его буквальном смысле, а приводят его и образы исполнения его в смысле прообразовательном и таинственном. Он имеет по отношению к христианству свойство как бы тени, которою изображается не с полной точностью предмет, но неясное подобие предмета.

Так, ненавистью и омерзением, которые имели иудеи к иноплеменникам, изображается та ненависть и то омерзение, которые должен иметь наш внутренний человек к разнородным видам греха. Непощадное истребление языческих народов, заповеданное израильтянам Моисеевым законом, есть образ новозаветной заповеди, повелевающей христианину с решительностью убивать в себе все греховные помыслы и ощущения (Мф. 5). Бессрочное и потомственное владение рабами из других народов есть образ постоянного обладания страстями и преподание способа владеть ими христианскому племени. Под именем дочери Вавилонской разумеется греховная зараза в человеке, от которой рождаются непрестанно разнородные деятельные грехи. Блаженным назван тот человек, который убивает грехи в младенческом состоянии их, в первоначальном помысле, доколе они не возмужали и не усилились в человеке. Под именем камня, о который убиваются такие «младенцы», разумеется Евангельское Учение, на основании которого отвергаются греховные помыслы (Мф. 15; 19), и так далее.

«Собеседник» увлекся в статьях своих иудейским направлением: он хочет, чтоб учение Христово вмешивалось в гражданские дела, подавало свое мнение о гражданском рабстве и в гражданском смысле, а не духовном, доставляло преимущество по плоти и делалось орудием земной цели — короче сказать, чтоб это всесвятое и небесное учение

перестало быть тем, что оно есть — Словом Крестным. По этой причине «Собеседник» обратился к необязательным для христианства и неприменимым к христианству иудейским постановлениям, справедливо надеясь найти в них опору своему плотскому мудрованию и несправедливо навязывая их христианскому обществу.

Вполне излишние заботы! Повеление и воля государя всегда священны для русских, а учение Христово завещает всем христианам неуклонное и решительное повиновение верховной власти во всех ее гражданских распоряжениях.

Святые апостолы, отвергнув на своем святом Соборе требование некоторых иудействовавших христиан, написали послание к христианам из язычников. Это послание начинается так: *Некоторые, вышедшие от нас, смутили вас своими речами и поколебали ваши души, говоря, что должно обрезываться и соблюдать закон, чего мы им не поручали* (Деян. 15; 24). Если в первенствующей Церкви, членами Церкви, от имени Церкви, но самопроизвольно было сделано требование, смутившее общество, то не должно удивиться подобному событию и в наше время — самопроизвольному, но от имени Церкви и членом Церкви. Апостолы далее говорят в послании, что они освобождают христиан-язычников от соблюдения Моисеева закона по воле Святого Духа (Деян. 15; 28).

Призываю духовенство к святому о Господе созерцанию той картины, которую представляет собою человеческое рабство в Ветхом Завете. Взойдем с Моисеем на гору, посмотрим с этой горы на землю обетованную — посмотрим из Моисеева закона на новозаветные таинства. Картина, открывающаяся пред нами, поразительна. Священное Писание, как выше мы видели, исчисляя предметы, составлявшие подарок и царя Герарского и фараона ветхозаветному праведнику Аврааму, в одном разряде с овцами и тельцами поставляет рабов и рабынь. Этого мало! Человек стоит наравне с бездушным веществом — с дидрахмами, то есть с деньгами, с монетою. Что значит это?

Моисей, на закон которого ссылается и опирается «Собеседник», повелевает по случаю упомянутого выше истребления мадианитов, обращение их девиц в рабство и завладение их имуществом. *От воинов, ходивших на войну, возьми дань Господу, по одной душе из пятисот, из людей и из крупного скота, и из ослов и из мелкого скота* (Чис. 31; 28). Далее исчисляются предметы корысти, полученные израильянами: *мелкого скота шестьсот семьдесят пять тысяч, крупного скота семьдесят две тысячи, ослов шестьдесят одна тысяча, людей, женщин, которые не знали мужского ложа, всех душ тридцать две тысячи* (Чис. 31; 32–35). Опять человек в одном разряде с скотами! Что ж это значит?

А это непременно должно иметь свое значение: строки, в которых человек поставлен в один разряд с скотами и бездушным веществом, внесены в Священное Писание по мановению Святого Духа. Это те живописные, осязательные, верные черты, которыми изображается глубина падения человеческого. Как падший ангел, по причине падения своего, причислен к зверям земным (Быт. 3), так падший человек, по причине падения своего, *сравнялся с несмысленными скотами и уподобился им* (Пс. 48; 21). В эту нравственную пропасть низошел Богочеловек для извлечения из нее человека! Он — *Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира* (Ин. 1; 29) — не только принял зрак раба, но и возблаговолит уподобить Себя скоту, уготовленному на заколение, — так выразилось о вочеловечившемся Господе Священное Писание (Пс. 48; 21, по переводу с еврейского).

Первое состояние ума и сердца, производимое осенением их благодатию, первое состояние ума и сердца, знаменующее их исшествие из плотского мудрования, есть нищета духа. Так определил Господь: *Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное* (Мф. 5; 3). Нищета духа есть первое из блаженств, основание всех блаженств, начальное условие их. Когда человек рассматривает свое падшее естество из блаженной благодатной нищеты духа, тогда он видит, что это естество посредством падения утратило

все свое достоинство, соделалось вполне непотребным. При таком взгляде на себя делается понятною необходимость Искупителя.

Точно *нищих духом есть Царство Небесное*, то есть для одних нищих духом доступно истинное познание и принятие Искупителя, Который уже Собою составляет все достоинство обновленного Им человека. *Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа*, — говорит апостол, — *чтобы приобрести в Нем не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере* (Флп. 3; 8–9).

Рационалисты чужды нищеты духа. Они рассуждают и умозаключают о естестве человеческом, отвергая или упуская понятие о его падении. Они видят в этом естестве все возможные достоинства, никак не примечая, что в нем добро перемешано со злом и потому самое его добро соделалось злом, как делается ядом прекрасная пища, перемешанная с ядом.* По этой причине христианство ими унижено и искажено, Слово Крестное ими отвергнуто: они ищут и требуют для падшего естества таких преимуществ, которые тогда только могли бы быть предоставлены естеству, когда бы оно не подверглось падению.

Из ложных идей вышли самые чудовищные действия и последствия. Представив человекам их естество не в том виде, в каком оно есть действительно, доставив человекам положение (этого иногда рационалисты достигали на самое краткое время), которого человечество не может вынести в состоянии своего падения, рационалисты произвели ужаснейшие беспорядки везде, где их учение было принято, и, чтоб возвратиться к порядку, «благородное возвышенное существо», падший человек, ощутил неизбежную нужду и в тюрьме, и в цепях, и в плахе, и в виселице.

Помышления плотские, — говорит апостол, — *суть смерть: а помышления духовные — жизнь и мир, потому что плотские помышления суть вражда против Бога; ибо закону Божию не покоряются, да и не могут* (Рим. 8; 6–7). На этом

* Варсонофий Великий. Ответ 59.

основании апостол обращается от лица Божия ко всем верующим с следующим заветом: *По данной мне благодати, всякому из вас говорю: не думайте о себе более, нежели должно думать; но думайте скромно, по мере веры, какую каждому Бог уделил; не высокоумствуйте, но последуйте смиренным* (Рим. 12; 3, 16).

Воззвание «Собеседника» к сельскому духовенству,* мимо епархиальных архипастырей, с очевидным устранением архипастырей, есть явное и непозволительнейшее нарушение иерархического порядка. Святейший Синод, один Святейший Синод имеет право на такое воззвание, которому обязаны и вниманием и послушанием и архипастыри и пастыри. Академия имеет свое назначение: она должна наставлять порученное ей юношество под главным надзором местного архиерея. Обращение члена академии с воззванием и наставлением к пастырям, ему отнюдь не подведомственным ни в каком отношении, есть превышение права, превышение власти. Таким поведением уже достаточно оценивается и духовное достоинство воззвания.

Мечта, что помещичьи крестьяне с полновластных рук господ, как выражается «Собеседник», перейдут на пастырские руки сельских священников, что власть господ заменится властью духовною,** есть мечта вполне ложная. Помещичьи крестьяне перейдут в гражданском отношении с рук помещиков на руки чиновников подобно тому, как в заведывании чиновников находятся казенные и удельные крестьяне.

При устройстве нового управления помещичьими крестьянами влияние на них чиновников должно быть очень сильно по двум причинам: во-первых, по необходимости приучить крестьян к правильному пониманию и употреблению свободы, во-вторых, по необходимости выполнения пред государством тех условий и вознаграждения тех издержек, которые будут сделаны при даровании свободы.

* Православ. собеседник. 1859. Март. С. 354.

** Там же.

Опытные лица из сельского духовенства, практически знакомые с бытом крестьян всех ведомств, очень понимают то положение, которое их ожидает по отношению к помещичьим крестьянам по даровании свободы. Да руководят они своими советами молодое духовенство, могущее увлечься статьями «Собеседника».

Господь сказал: *Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит* (Мф. 12; 25). Таков должен быть неминуемый плод столкновения сословий — того столкновения, к которому влечет «Собеседник». То же самое предвещает апостол: *если же друг друга угрызаете и съедаете,* — говорит он, *— берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом* (Гал. 5; 15). Апостол показывает и причину, по которой может и должно произойти столкновение. Она заключается в зависти земным преимуществам, а причина зависти есть тщеславие, то есть стремление к земным преимуществам (Гал. 5; 26). Вот побудительные причины виitivityства вообще якобинского.

«Собеседник» видит в настоящем событии падение дворянства, видит в возвышении дворянства, последовавшем в прошедшем столетии, унижение духовенства — и то и другое вполне ложно. Враждебно против Церкви, а следовательно, против духовного и вещественного благосостояния духовенства подействовали европейские учения, они имели влияние на все сословия. Действие европейских учений на Россию непрестанно усиливается — должны усиливаться и последствия этого действия. Минутное противоположное действие ненадежно: оно должно быть уничтожено и увлечено всесокрушающим потоком.

Настоящее событие отнюдь не есть падение дворянства. Дворянство в России не может быть уничтожено по весьма ясной причине — по той, что в обширном Российском государстве между самодержцем и многочисленным народонаселением непременно должно стоять служащее сословие. Могут пасть старинные дворянские роды. Могут явиться новые личности и вступить в дворянское сословие. Но все

это — факты, уже повторявшиеся и повторяющиеся, не уничтожившие сословия, необходимого в государстве.

Когда Россия была погружена в невежество, раздиралась междоусобиями, угнеталась игом татар, естественно, что духовенство занимало в ней самое важное место, связывало между собою отдельные части, входило в дела государственные. Духовенство было пестуном и воспитателем младенчествовавшей России. Столько же естественно, что оно, по учреждении единодержавия, постепенно устранилось от вмешательства в государственные дела, ограничиваясь заведыванием дел собственно духовных.

В прошедшем столетии Россия необыкновенно раздвинула свои пределы, вступила в число первостепенных европейских государств, образовалась по образу этих государств. Опять естественно, что вместе с значением государства возвысилось значение государственных людей и всего служащего сословия. Естественно, что по духу европейской цивилизации православное духовенство еще более стеснилось в круге своих действий.

Что ожидает нас в будущем? Мы видим необыкновенное материальное развитие Европы. Россия, чтоб гармонировать с Европою, поддержать в ней свое значение, должна по необходимости государственной и политической вводить у себя европейское материальное развитие. Материальное развитие охлаждает человека к христианской вере, допуская наиболее одно поверхностное занятие ею. При усилении сношений с Европою неизбежен факт: усиленное вторжение ее разнообразных религиозных учений в наше Отечество. Все эти учения, с папизма до деизма и атеизма — одинаково враждебны православной вере.

Между тем величие России должно возрастать. Положим, что она останется в настоящих ее пределах в течение целого века. Но в это время ее собственное народонаселение должно возрасти, по законам статистики, до 200 миллионов. Россия не нуждается высылать избытки своего народонаселения, подобно другим европейским государствам, за моря. Она может поместить свободно и широко на своем огромном пространстве сотни миллионов.

Соответственно умножающемуся народонаселению и материальному развитию возвышается значение государства. С возвышением значения государства возвышается значение служебного сословия. Уже теперь мы видим сановников с значением, какого не было в начале нынешнего столетия. Таковы: наместник Кавказский, наместник Царства Польского, генерал-губернаторы Новороссийской и Восточной Сибири; их области — целые царства. Они не могут стоять на одной степени с воеводами Димитрия Донского, Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича.

При таком развитии государственным, при таком материальном развитии, при вторжении в Россию европейских учений нет надежды, чтоб духовенство могло возвратиться к тому значению и в нравственном и в вещественном отношениях, которое оно имело в девственной России. Скажут здесь: необходимо улучшить вещественное положение Православной Церкви для самого государственного благосостояния. Так! Но путь к достижению этой цели не тот, который указан «Собеседником».

Сила и существенное значение духовенства заключается в его характере. *Вы — свет мира, вы — соль земли,* — говорит нам, пастырям Церкви, Спаситель (Мф. 5; 13, 14). Окажем нашею жизнью повиновение Христу, стяжем в себе Христа: Он соделает нас светом для мира, солию для земли. Братия наши всех сословий, увидев сияющий из нас свет, ощутив на себе действие благодатной соли, которою мы должны быть пропитаны, воздадут нам все должное и представят нам все нужное для временной жизни. Это обещавал нам Сам Господь. Он сказал: *Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться... Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6; 31, 33).

Напротив того, если мы утратим характер наш, то братия наши ощутят к нам недоверие, отвратятся от нас, окажут нам всякое пренебрежение. И это предвозвещено нам Господом: *Если же соль потеряет силу, — сказал Он, — чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве*

выбросить ее вон на поправление людям (Мф. 5; 13). Увы, братия, если мы замечаем, что человеки презирают и попирают нас, то не вернее ли, не справедливее ли будет, когда мы вместо того, чтоб обвинять в этом другие сословия, обратим взоры на самих себя и постараемся исправить свое земное положение исправлением себя по духу?

Нравственное знамение христианства есть любовь. *По тому узнают все, — сказал Спаситель, — что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13; 35). Это святое знамение должно быть по преимуществу знамением духовенства. Стяжем в себе любовь, будем ее оказывать обильно всем сословиям. Тогда все сословия невольно проникнутся благоговением к нам и удовлетворят всем нашим потребностям. Человек не может не воздать почтения любви, когда увидит ее в своем ближнем, особенно когда увидит ее в пастыре: потому что любовь есть Бог, пред Которым смиряется всякое Его создание (1 Ин. 4; 16). Ему слава во веки веков. Аминь.

При сем предложении препровождается 170 копий с него для таковой же рассылки этих копий, каковая была предписана предложением моим от 25 апреля за № 809.

Подлинное подписал Игнатий,
епископ Кавказский и Черноморский.

№ 916

Мая 6 дня 1859 года”.

Впоследствии из предложения этого, вызвавшего неудовольствие высшего академического духовенства, но оправданного возмущениями крестьян — особенно значительным из них в Казанской губернии, — многие мысли явились в Манифесте 19 февраля 1861 года. Не преминула отозваться на него и газета “Колокол”, издаваемая в Лондоне Герценом. Она обвиняет епископа в доносе будто бы на ректора Казанской академии Иоанна, но как статьи “Собеседника” не были подписаны своим составителем, то и в предложении епископа не поименована была ни одна личность.

Впоследствии сделалось известным, что они принадлежали перу профессора академии Щапова, обличенного в руководительном действии в смутах, выразившихся в Казанской Духовной академии после усмирения волновавшихся крестьян флигель-адъютантом его императорского величества графом Апраксиным. Помещаем полностью как отзыв “Колокола”, так и замечания на него, составленные епископом Игнатием.

Выписка из журнала “Колокол”:¹²⁹

“Во Христе сапер Игнатий!”

“Мы никогда не имели большого доверия к архиереям из саперов. Нам всегда казалось, что люди, наводящие понтонные на временные реки, — скверные понтифексы, когда идет дело о вечных понтонах, по которым души людей должны подыматься в райские селения.

Вот, например, из саперов архиерей Игнатий, бывший архимандрит Сергиевской Лавры и наставитель многих московских магдалин, а ныне преосвященный владыка Ставрополя, написал возмутительный памфлет по поводу крестьянского вопроса. Цель памфлета состоит в христолюбивом доносе на архимандрита Казанской Духовной академии Иоанна, поместившего «Слово о освобождении крестьян» (в январской книжке «Православного собеседника») и в благочестивом рвении доказать, что рабство — установление Божественное, святыми отцами Православной Церкви поддерживаемое, благоверными царями упроченное.

Ржевуский в подряснике уподобляет Казанскую академию и преимущественно автора «О освобождении крестьян» «волкам, являющимся в одежде овчей», восстанавливающим одно сословие против другого, подкапывающим престол, алтарь и проч. Потом ангельского чина сапер вступает в исторические исследования о происхождении крепостного состояния в России, доказывает, что рабство учреждено Самим Богом, что христианин должен только терпеть и не смеет даже думать об освобождении.

Здесь полемика сосредоточилась на тексте апостола Павла (1 Кор. 7; 20–23), где сказано: «если ты раб, не смущайся,

но если можешь сделаться свободным, тем лучше умей воспользоваться». В славянском Евангелии текст этот, как известно, искажен, сказано: *Аще можеши свободен быти, тем паче поработи себя*. Но в русском переводе, сделанном при Александре I библейским обществом и потом запрещенном, он переведен так, как его восстановила теперь Казанская академия, то есть «тем лучше воспользуйся».

К этому придрался во Христе сапер Игнатий и обвиняет академию в том, что она в угоду народу искажила слова апостола. Если б архиерей был мало-мальски добросовестен, то ему стоило только заглянуть если не в греческий и латинский, то во французский или немецкий текст, а он, по крайней мере, по-французски-то знает (этим языком он увещевал магдалин) — там именно сказано так, как сказала академия.

Далее архиерей восстает против прогресса, глумится над тем, что академия употребляет слово это и оканчивает аполгией рабства, доказывая, что нет счастливее состояния, как крепостное право. Мы слышали, что на Алеутских островах и в Камчатке есть закоснелые грешники, не верующие ни в святость рабства, ни в душеспасительство розог, ни в чистоту господских изнасилований, чтобы хоть Ростовцеву похлопотать о переводе туда во Христе сапера Игнатия”.

Замечания на отзыв журнала “Колокол” к Кавказскому епископу Игнатию¹³⁰

“Издатель «Колокола» в отзыве своем Кавказскому епископу Игнатию прежде всего произносит имя Христа, Спасителя людей, с насмешкою. Достоин глубокого сожаления тот человек, который питает в себе такого рода чувство к своему Искупителю и Богу. Тот, кто приемлет наругание близ Искупителя своего и Бога, должен считать себя счастливым в духовном отношении (Мф. 5; 11). Господа современные Ему ругатели называли плотником и сыном плотника — отчего ж епископу Игнатию не выслушать с христианским расположением духа название сапер? У сапера главное орудие — топор, а занятие — по преимуществу занятие плотника.

Биографические сведения, доставляемые «Колоколом» о епископе Игнатии, вполне ложны. Игнатий не служил в саперах. По получении образования в Инженерном училище он только в течение шести месяцев находился в числе инженерных офицеров при постройке Динабургской крепости. Затем, уволившись от службы, обратился в монастырь, будучи двадцати лет от роду, в 1827 году.

Добровольно вступая в монастырь, он вместе с этим добровольно отказался от права иметь крестьян по наследству и от права приобретать их. Игнатий никогда не был настоятелем Московской Сергиевой Лавры и не был знаком с московскими набожными дамами, а в течение двадцати четырех лет был настоятелем Сергиевой пустыни близ Петербурга. Быв настоятелем пустыни, Игнатий доставил многим лицам крестьянского и мещанского сословий переход в свободное сословие, доставил при посредстве ходатайства и при посредстве своих денег. Значит, тратя деньги и усилия на такой предмет, Игнатий фактически доказывал свое сознание, что свобода, правильно понимаемая и употребляемая, есть благо для человека. На такие издержки израсходовано несколько тысяч рублей.

Когда Игнатий вступил в управление Кавказскою епархиею, то одним из первых его действий было соглашение с Палатою государственных имуществ о замене штатных служителей при Кавказском архиерейском доме денежным взносом. Игнатий согласился принять за каждого служителя половину той годичной цены, за которую нанимается рабочий в Ставрополе. Это дело было представлено князем наместником Кавказским государю императору и удостоено высочайшего утверждения.

Издатель «Колокола» столько же несправедлив к статье епископа Игнатия, сколько несправедлив к лицу. Статья епископа — не что иное, как воззвание к кавказскому духовенству, домашний епархиальный документ, неизвестный публике. Осыпая епископа ругательствами, «Колокол» осыпает воззвание клеветами. Неосновательность этих клевет тотчас обнаружилась бы для каждого, если б воззвание было известно.

Такое поведение «Колокола» — не новость в церковной истории. Так, например, партия папистов осыпала клеветами поведение и писание Константинопольского патриарха Фотия за то, что он с энергиею действовал против папистов. Не забыто в числе порицаний, что Фотий был до патриаршества придворным сановником, — почему ж представителю якобинскому не осыпать ругательствами и клеветами епископа Игнатия за то, что он осмелился отверсть уста свои против партии и замыслов якобинских.

«Колокол» говорит, что архиерей Игнатий восстает против прогресса, глумится над тем, что академия употребляет это слово, и оканчивает апологией рабства, доказывая, что нет счастливее состояния, как крепостное право.*

В воззвании епископа слово «прогресс» вовсе не упомянуто. Если под именем прогресса разумеется преуспеяние человечества в христианстве, в добродетели, в науках, в искусствах, то Игнатий сочувствует от души такому прогрессу. Но он враг якобинского прогресса, который стремится к преуспеянию в безбожии, безнравственности, к отвержению всех властей и законов, к гибели человечества нравственной и гражданской.

О крепостном праве обстоятельно изложено в воззвании, что крепостное право несовременно, что уничтожение его есть совершенная необходимость. Правда, в воззвании выражено желание, чтоб уничтожение крепостного права совершено было правительством при сохранении спокойствия в государстве, а не народным бунтом вследствие якобинских возгласов. Это-то и не нравится партии, заграничный представитель которой звонит в возмутительный колокол и призывает крестьян к топорам.

«Колокол» называет воззвание епископа доносом. Донос делается о чем-либо неизвестном, но воззвание сделано тогда, когда якобинская статья была перепечатана в Санкт-

* Мысли, изложенные о крестьянском вопросе в воззвании за два года до высочайшего Манифеста о уничтожении крепостного права, разительно сходствуют с мыслями, изложенными в Манифесте.

Петербургских и Московских «Ведомостях», огласилась, следовательно, по всей России. Воззвание сделано по настоятельной местной потребности и, как выше сказано, единственно к духовенству Кавказской епархии. Епископ сердечно желает, чтоб события доказали, что такое воззвание было лишним, а якобинские статьи безвредны. Надо дожидаться, что скажут события. Между сеятой и жатвой проходит известное время.

В воззвании имя архимандрита Иоанна вовсе не упомянуто — его оглашает издатель «Колокола» и, может быть, несправедливо, потому что статьи «Собеседника» не подписаны сочинителем.*

Статья «Колокола» есть в полном смысле донос и ябеда на епископа Игнатия.

«Колокол», доказав решительное невежество епископа Игнатия именно потому, что он был сапером, принимает на себя скромную обязанность быть его наставником и научает епископа, как ему следовало объяснить 20–23 стихи 7 главы из I Послания к Коринфянам святого апостола Павла. Дивное явление! Ругатель Христа и враг Его принимается объяснять учение Христово. Примером ему, конечно, послужила дерзость того врага Божия, который осмелился Самому Вочеловечившемуся Слову Божию объяснять Слово Божие (Мф. 4; 6).

В воззвании показаны различные переводы текста с объяснением текста святым Иоанном Златоустым. Из этого объяснения видно, что славянский перевод со всею точностью выражает мысль апостола. Епископ Игнатий, признавая совершенную обязанностью своею последовать правилу Православной Церкви, воспреещающему объяснять Писание по произволу, повелевающему неуклонно держаться объяснения,

* Впоследствии сделалось известным, что якобинские статьи принадлежат перу г. Щапова — профессора Духовной академии и университета Казанских, исключенного духовным начальством из духовного звания за попытку произвести возмущение. В содействие г. Щапову увлеклись оба воспитанника Кавказской семинарии, поступившие в Казанскую Духовную академию. Последний факт служит доказательством того, сколько нужно было кавказскому духовенству предостережение от епископа.

сделанного Писанию святыми отцами,* считает непременно долгим своим последовать объяснению упомянутого текста святым Иоанном Златоустым и потому отказывается от внимания объяснению и наставлению, которые предлагаются «Колоколом».

Если б издателю «Колокола» были известны греческий и латинский языки, то он увидел бы, что при объяснении приняты в соображение греческий текст с переводом латинским весьма точным (См. *Novum Testamentum graece et latine. Parisus MРСССXLII*), он остановился бы дать совет о совещании с французским переводом Нового Завета, так как французский язык по своей конструкции никак не может удовлетворить потребности точнейшего перевода, а по необходимости должен прибегать к парафразу. В немецком переводе Нового Завета Лютером в точности передана мысль греческого текста.**

«Колокол» обвиняет Игнатия в том, что он признает якобинское учение подкапывающим престол (государя), алтарь (то есть Церковь) и проч. Это вполне справедливо. Игнатий имеет эти убеждения и останется при них и на Кавказе, и на Камчатке, и на Алеутских островах. Крестьянский вопрос в системе якобинцев только стоит на первом плане, служа ширмой, за которою скрываются другие вопросы.

Якобинцы домогаются захватить в свои руки верховную власть, чего они домогались во Франции и достигли. На клич о свободе обольстились многие добрые люди, многие аристократы: узнали свою ошибку уже на эшафоте. На эша-

* Нелишним будет здесь вынаружить мнение Искандера о писаниях святых отцов. Он называет эту святыню «бреднями Василия Великого и других византийских растлителей ума» [Искандер Герцен / Сост., вступ. ст. Н. В. Елагина. Берлин, 1859. С. 119].

** Издатель «Колокола», стараясь уверить, что апостол Павел в Послании к Коринфянам призывает рабов к свержению рабства, сознается, что апостол иначе думал, пиша к римлянам. Искандер относится о святом апостоле так: «Апостол Павел нанес гораздо менее вреда учению Христову, когда он под именем Саула (Савла) с лютою яростию преследовал христиан, чем когда он, став апостолом, начал искажать самую мысль Христа, втеснив в нее пресловутое учение о необходимости повиновения каждой власти. Этим он сделал Христу больше вреда, чем сам Иуда Искариот» [Искандер Герцен / Сост., вступ. ст. Н. В. Елагина. Берлин, 1859. С. 50–51].

фот сверх чаяния своего должны были вступить и жирондисты. События, допущенные произвольно, влекут за собою насильно другие события, на которые не рассчитывали и которых не предвидели зачинщики первых событий. Таков закон последовательности фактов.

«Колокол» называет воззвание епископа Игнатия памфлетом. Это наименование никак не может принадлежать воззванию. Воззвание написано в самом серьезном тоне, испещрено, так сказать, цитатами из Священного Писания и святых отцов. Отзыв «Колокола» епископу должен неотъемлемо носить имя памфлета, как представляющий собою сплошные ругательство и клевету.

«Колокол» справедливее бы поступил, если б назвал учение, изложенное в воззвании, учением, решительно противоречащим учению и целям якобинцев. А в этом-то и заключается существенная причина «колокольного» гнева. Тут не сапер виноват, не беседы на французском языке с дамами, неприятные для господ строжайшей нравственности — тут виноват обличитель якобинской системы, якобинских намерений. Якобинцы особенно не терпят обличения. Они любят действовать втихомолку, под личиною и личинами, убаюкивая и усыпляя свои жертвы. При таком образе действия они рассчитывают на верный успех, и тот преступник, достойный всех казней, кто заметил бы и открыл их действия.

Издатель «Колокола» говорит о себе в множественном числе, как бы невольно изобличая партию: «Мы никогда не имели большого доверия к архиереям из саперов», называет их «скверными понтифексами». Всякий может ясно видеть, что тут ложь, а не истина, не недоверие, а исступленная ненависть: в России не было архиереев из саперов, а были из военных людей самые достойные святители. Митрополит Киевский Петр Могила вступил в монашество, оставив военную службу. Самый апостол славянский, святой Мефодий епископ, провел молодость в военной службе. Святой Димитрий Ростовский — сын сотника, дворянин. Они с ревностью противостояли современным враждебным Церкви учениям. Не указал, впрочем, «Колокол», к кому из современных епископов он имеет доверенность.

На столбцах громкого журнала обильно расточаются ругательства на митрополита Григория и других иерархов Русской Церкви. Какая бы тому была причина? Они не были саперами! Причина ругательств заключается в том, что эти пастыри — глубокие христиане, произносящие учение, вполне противоположное учению «Колокола», учение, которое действует на умы и сердца, оставляя за «Колоколом» одно поверхностное действие на слух. Как не приходиться в негодование звонящему без умолку в колокол и нетерпеливо ожидающему последствий звона! Христианское учение благонамеренных пастырей обличает пустоту звона, может сделать тщетным самый звон.

Звон сначала заинтересовал новостью своею, но вскоре явилось общее сознание, что «Колокол» — пустейший журнал. Кто знаком с петербургскими сплетнями якобинского кружка, тот найдет их напечатанными в «Колоколе». Начало журнала, как и якобинства, есть ложный образ мыслей. Оружие его — софизмы, ирония, ругательства. Характер — исступленная дерзость, отвержение правды, любви, приличия, благопристойности. Он может действовать увлечением на слабоумных, силы убеждения в нем нет. Напротив того, всякий основательный человек тотчас поймет, как «Колокол» понимает свободу и как пользуется ею, — поймет, что народ, руководимый таким исступленным руководителем, непременно должен прийти в смятение, взяться за топоры и ножи.

«Колокол» — открытый враг и ругатель Христа и христианства. Ненависть «Колокола» к христианскому пастырю есть величайшая похвала для пастыря. Напротив того, похвала «Колокола» пастырю была бы величайшим для него бесчестьем. Христианский пастырь не иначе может заслужить одобрение «Колокола», как изменою христианству.

«Колокол» обвиняет Игнатия в том, что он уподобляет академию, преимущественно же автора «Слова о освобождении крестьян», волкам, являющимся в одежде овчей. Игнатием приведены слова Евангелия и объяснение их святыми отцами в том святом смысле, какой слова имеют в Евангелии, которым всякое лжеучение и все лжеучители, прикрывающиеся личиною истины, именуются волками, одеянными

в овечью кожу, а не в том характере безумного ругательства, направленного будто бы на лицо, который дает им «Колокол». О лице нет ни одного слова в воззвании, а указывается единственно на журнал «Собеседник», в который ворвались якобинского направления статьи.

Игнатий изложил учение святых отцов Православной Церкви о различении ложных и пагубных мыслей от мыслей правильных и добрых. При этом изложении не упомянуты им ни академия, ни автор «Слова», а сказано вообще о лжеучении и указано на статьи, написанные в направлении якобинском, что они принадлежат к пагубному лжеучению и, в смысле Евангелия, суть волки хищные, одетые в овечью кожу. Игнатий и теперь остается при этом убеждении.

«Колокол» выставляет себя защитником Духовной академии и автора статей, а Игнатия — врагом их. Справедливо ли то и другое? Может ли «Колокол» быть защитником Духовной академии, когда академия старается упрочить и развить христианство в отечестве, а «Колокол» старается уничтожить христианство. Это коварная увертка, посредством которой «Колокол» усиливается восстановить академию против епископа Игнатия.

Напротив того, епископ Игнатий ревностно сочувствует преуспеянию духовного образования и источникам его — Духовным академиям. Он до шестнадцатилетнего возраста обучался закону Божию, русской словесности, латинскому языку у профессоров Вологодской семинарии, воспитанников Московской академии. Игнатий, практически знакомый с состоянием христианства в России, ревностно желает, чтоб Духовные академии преуспевали, совершенствовались, процветали более и более: на них основано духовное благосостояние Церкви, на них лежит обязанность противостоять бесчисленным современным лжеучениям, обличать их, охранять от них Церковь.

Современная ученость мира требует непременно соответствующей учености в главном духовенстве. Этой церковной потребности никак не могут удовлетворить наши монастыри, в которых преобладает элемент подвижничества почти исключительно в простейшей его форме. Игнатий в сане епископа

оказывает особенное внимание лицам, получившим образование в академии, как лицам, могущим быть особенно полезными для Церкви. Он и то знает, что якобинская партия желала бы вторгнуться в Духовные академии, новостию идей подействовать на молодых и неопытных. Известно, что увлеченные в якобинство духовные лица, как это видно во Франции, могут очень сильно действовать в видах партии. Итак, вот в чем дело: «Колоколу» искренно желалось бы, чтоб академия, уловленная его удивительною логикою, его неподражаемою добросовестностию, поверила ему на слово, склонилась на его сторону, сделалась его орудием, сочла Игнатия врагом своим и ненавистного для якобинцев Игнатия помогла сбыть на Алеутские острова, согласно предложению «Колокола» и давнишнему общему желанию якобинцев.

«Колокол» усиливается доказать, что мнения якобинских статей, вкравшиеся в журнал Казанской академии, принадлежат академии. Несправедливо. Появление этих статей было только следствием случая: едва они явились, как и перестали являться. Постоянно в Церкви возникали ложные учения, во главе которых часто были высшие лица иерархии, самые патриархи. Ужели по этой причине ложные учения сделались неотъемлемою принадлежностью Церкви, ее учением? Церковь, отвергну их, доказала, что они ей чужды, а они, проповедуя чуждое Церкви, доказали о себе, что они чужды Церкви (1 Ин. 2; 19). Так и академия, отвергну статьи якобинского направления, доказала, что и статьи и направление их ей чужды.

Ложные учения являлись и будут являться: таково свойство падшего духа человеческого. Столкновение ложных мнений с истинными должно быть и в настоящее время. Академии суть арены столкновения мнений произвольного и невольного. По этой причине на них преимущественно обращено внимание высшего духовного начальства.

Видим из церковной истории, что многие достопочтенные и ученые люди ошибались, принимали или и изобретали лжеучения. Когда же они, будучи обличены, отказывались

от своих неправильных мнений, то временное уклонение их от истины не ставилось Церковью им в вину. Одно упорство в ложных мнениях влекло за собою отсечение от Церкви. Но и такое отлучение продолжалось только до времени раскаяния, нераскаянность делала отлучение решительным.

Епископ Игнатий должен отдать справедливость единодушию и единомыслию партии, к которой принадлежит издатель «Колокола». Издатель из Англии требует для Игнатия ссылки на Алеутские острова, то же самое Игнатий слышал в последние дни своего пребывания в Петербурге от якобинцев и от глупцов, увлеченных якобинцами. Это желание выражали ему в глаза. «Вас бы, — сказал ему некоторый добрый, давнишний знакомый, — на Кавказ или в Камчатку». Он отвечал: «С большим удовольствием поехал бы в Камчатку, если б не препятствовало расстроенное здоровье». Судьба избрала для епископа Игнатия Кавказ.

Окончим эти печальные замечания искренним сердечным желанием, чтоб крестьянский вопрос решился благополучно к радости и счастью народа и царя без беспорядков, без потрясений государственных, чтоб звон заграничного якобинского «Колокола» и других якобинских колоколов и колокольчиков не возмущил спокойствия народного, чтоб свобода помещичьих крестьян была для них и для всей России даром царя, а не следствием замыслов, планов, возгласов якобинских.

1860 года февраля __ дня
Ставрополь Кавказский”.

Примечания

¹¹⁷ Резолюция свт. Игнатия на журнале семинарского правления относительно наказаний провинившихся воспитанников Кавказской семинарии [январь 1858 г.]. Опубликовано в изд.: Ставропольский благовест. 1999. № 5 (27 мая). С. 6 (В сокр.); ПСТ. Т. 2. С. 520–521.

¹¹⁸ Письмо свт. Игнатия кн. А. И. Барятинскому, наместнику Кавказскому, о нищенском положении Кавказской епископской кафедры (от 25 января 1858 г., № 11). ПСТ. Т. 2. С. 521–522.

¹¹⁹ Представление свт. Игнатия в Св. Синод с просьбой объявить благословение кавказскому духовенству и ставропольскому купечеству за пожертвования на строительство временного помещения для епископа (от 26 января 1859 г.). Публикуется впервые.

¹²⁰ Письмо свт. Игнатия митрополиту Григорию о затруднительном положении по содержанию Кавказского епископа (от 2 февраля 1859 г., № 9). О неполучении свт. Игнатием 1000 рублей ежегодного епископского вспомоществования, которое получали его предшественники: епископы Иеремия и Иоаникий. ПСТ. Т. 2. С. 537–540.

¹²¹ Письмо свт. Игнатия синодальному обер-прокурору [А. П. Толстому] (от 2 февраля 1859 г., № 11). Просьба о предоставлении епископу 1000 рублей по примеру предшественников. Там же. С. 540–541.

¹²² Представление свт. Игнатия Св. Синоду о увольнении протоиерея Гремячинского из Кавказской духовной Консистории (от 1 мая 1859 г., № 35). Публикуется впервые.

¹²³ Отношение свт. Игнатия к начальнику штаба войск Правого крыла генерал-майору Забудскому (от 5 июля 1858 г., № 146). О доставлении сведений о раскольниках епархии для Духовной семинарии. ПСТ. Т. 2. С. 530–533.

¹²⁴ Письмо свт. Игнатия обер-священнику Кавказской армии Гумилевскому (от 4 мая 1859 г., № 37) с просьбой через наказного атамана доставить семинарскому правлению сведения о раскольниках края. Там же. С. 541–542.

¹²⁵ Под заглавием: “Архипастырские воззвания епископа Игнатия Брянчанинова к кавказскому духовенству по вопросу об освобождении крестьян от крепостной зависимости”. 1. От 17 января 1859 года за № 3 — опубликовано в кн.: Никольский С. Я. Юбилейный очерк: Освобождение крестьян и духовенство. Ставрополь, 1911. С. 7–8. (В сокр.); Соколов. Ч. 2. С. 13–17; Литература и история: (Ист. процесс в творч. сознании рус. писателей и мыслителей XVIII–XX вв.) / Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб., 1997. Вып. 2. С. 332–334. Публ. и примеч. А. М. Любомудрова; ПСТ. Т. 2. С. 393–396.

“В ходе подготовки крестьянской реформы 1861 г. епископ Игнатий, как управляющий Кавказской епархией, счел необходимым вступить в полемику с либеральными, псевдо-христианскими воззрениями на крестьянский вопрос, а затем и с представителем воинствующе-атеистического крыла А. И. Герценом. Эти документы отражают по сути столкновение двух принципиально противоположных воззрений на мир... Одно из них, либерально-просветительское, признает

существующий мир... требующим переделки... Его отличают также вера в социальный и нравственный прогресс, обожествление “прав и достоинства человека”... Иное мировоззрение, церковно-христианское, в котором понятия греха и искупления являются центральными, видит главную цель человека “в обожении”, т. е. во внутреннем очищении... Все попытки обустроить земную жизнь политическими, социальными, экономическими средствами, но вне Церкви, не во имя Христа рассматриваются как проявление человеческой самонадеянности и гордыни” (Любомудров А. М. // Там же. С. 374).

¹²⁶ Православный собеседник / Казан. Духов. академия. — Казань, 1855–1917 — журнал.

¹²⁷ Под заглавием: “Архипастырские воззвания епископа Игнатия Брянчанинова к кавказскому духовенству по вопросу об освобождении крестьян от крепостной зависимости”. З. От 6 мая 1859 года за № 916 опубликовано в кн.: Соколов. Ч. 2. С. 18–47; Литература и история: (Ист. процесс в творч. сознании рус. писателей и мыслителей XVIII—XX вв.) / Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб., 1997. Вып. 2. С. 334–362. Публ. и примеч. А. М. Любомудрова; ПСТ. Т. 2. С. 397–431.

Нужно отметить, что ранее святитель “не участвовал в каких-либо идеологических спорах, но когда статьи с подобными тенденциями стали появляться в духовном журнале, он счел необходимым показать ложность их взглядов”. Он определил, “в чем состояло искажение “Собеседником” православного понимания свободы. Святитель Игнатий решительно разделяет свободу внутреннюю, духовную, и внешнюю, социально-правовую, между которыми нет ничего общего” (Любомудров А. М. // Там же. С. 379, 380).

¹²⁸ Свт. Арсений Мацеевич, митрополит Ростовский, скончался в каземате Ревельской крепости в 1772 году.

¹²⁹ Колокол. Лондон, 1859. 15 авг.; Богосл. вестн. 1913. Февр. С. 196–198. Примеч. еп. Игнатия (Садковского); Отд. отт.: М., 1913; Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1958. Т. 14. С. 140–141; Литература и история: (Ист. процесс в творч. сознании рус. писателей и мыслителей XVIII—XX вв.) / Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб., 1997. Вып. 2. С. 363–364. Публ. и примеч. А. М. Любомудрова; ПСТ. Т. 2. С. 432–434.

¹³⁰ Игнатий (Брянчанинов). Замечания на отзыв журнала “Колокол” к Кавказскому епископу Игнатию // Богосл. вестн. 1913. Февр. С. 198–207; Отд. отт.: М., 1913; Литература и история: (Ист. процесс в творч. сознании рус. писателей и мыслителей XVIII—XX вв.) / Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб., 1997. Вып. 2. С. 364–372. Публ. и примеч. А. М. Любомудрова; ПСТ. Т. 2. С. 434–445.

Обличение зловредного направления в “Православном собеседнике”, сделанное епископом, совпало с другими его мнениями и отношениями, возбуждавшими противление ему в ректоре семинарии архимандрите Германе. Человек молодой, горячий от природы, не чуждый своих сословных антипатий, он стал их проявлять с резкостью, до забвения приличий.

Так однажды на обеде у преосвященного, где кроме него были инспектор семинарии архимандрит Исаакий и соборный ключарь протоиерей Граников и из мирян управлявший губернией брат преосвященного, архимандрит Герман с разгорячением говорил о помещичьем праве как о зле, как бы произвольно измышленном и практикуемом дворянством и призывающем справедливые карательные меры, предлагаемые статьями “Колокола”, совершенно социалистского образа мыслей.

В другой раз также до неприличия разгоряченно, в доме у преосвященного, при посторонних посетителях начал оспаривать против преосвященного мысль и убеждение последнего о необходимости преподавания татарского языка в духовных училищах и семинарии Кавказской епархии, которое он отменил и, вопреки распоряжения учебного академического начальства, самовольно заменил эти часы в семинарии преподаванием французского и немецкого языков.

Такое настроение о ректора объяснялось сближением его, с одной стороны, с директором Ставропольской гимназии

И. М. Неверовым, человеком направления — в религиозном отношении — протестантского, в светском — в направлении Герценовском, и решительно враждебно расположенного как к епископу, так и к брату его, начальнику Ставропольской губернии Брянчанинову, обличившему и восставшему против его системы воспитания юношества, в которой Неверов поставил целию — развитие свободы мыслей, не стесняя их никаким критическим анализом. С другой стороны, о. Герман сблизился с протоиереем Крастилевским, в семействе которого находил приятное препровождение свободного от занятий времени.

В феврале месяце (9 числа) 1859 года за № 1859 обер-прокурор Синода потребовал через епископа мнения семинарского правления и самого епископа о нуждах Кавказской семинарии по предмету ее образовательного благоустройства. 4 мая, за № 38, представляя мнение ректора по сказанному вопросу, епископ, находя это мнение во многих отношениях очень основательным, ограничивал собственные свои замечания нижеследующим¹³¹:

“1. Необходимо семинарии располагать в отдаленных частях города, чтоб воспитанники семинарии имели как можно меньше общения с воспитанниками светских училищ, чтоб они были удалены от светских увеселений, а между тем имели всю возможность пользоваться не только прогулкою, но и созерцанием величия Божия в природе.

2. Нужно, чтоб в семинарии совершалось ежедневное богослужение по благообразному монастырскому уставу и отправляла его чреда человек из тридцати или сорока; это не отвлечет воспитанников от занятия науками, а благовременно ознакомит их с церковным богослужением и доставит много понятий церковных о разных предметах богословия, чего при обыкновенном служении в приходских церквях получить трудно.

Замечено мною в течение моей иноческой жизни, что благолепное служение с особенною силою действует на молодых людей и оставляет на них впечатление на всю жизнь: оно внушает им чувство особенного благоговения ко всему,

относящемуся к Церкви. Такое замечание подкрепляется и наблюдениями здесь: в Крестовой моей церкви заведено монастырское служение, в праздники, кроме певчих, приглашены к нему воспитанники семинарии поочередно, они принимают участие в отправлении благолепного служения с величайшим усердием, даже с разгорячением, чем ясно выражается благотворное действие такого богослужения на их души.

3. Необходимо преподавание пространной церковной истории. Такое преподавание даст воспитанникам решительное православное направление, между тем как ныне во многих заметно направление неопределенное: по причине такого неопределенного направления они не могут действовать сильно на иноверцев. «История» преосвященного Иннокентия — более пространное оглавление истории, чем история: в ней несколько не выражены характеры исторических лиц. По этой причине впечатления, производимые ею, крайне слабы.

4. Необходимо устранить ныне преподаваемую психологию, заимствованную не из церковных источников, а из источников, противных Церкви. Опыт показывает, что лица, заимствовавшие свои познания из преподаваемых ныне учебников психологии, никак не могут примириться с теми понятиями о душе человеческой, каковые доставляются святыми отцами Православной Церкви, приобретшими познания о душе от просвещения свыше.

5. Наконец, для Кавказской семинарии необходимо развить преподавание татарского языка, общеупотребительного между всеми горскими народами. Калмыкский и осетинский языки нужны несравненно менее. О сем подробно изложено мною в моем отчете Святейшему Синоду за 1858 год.

С чувствами ...”

11 мая 1859 года епископ, уезжая в объезд епархии, по изъявленному лично архимандритом Германом желанию обратиться особенное внимание на архиерейский хор, письмом

за № 40 сообщает ему, что он сделал по этому предмету распоряжение приказанием, отданным регенту иподиакону Александру Вербеке, относиться, по распоряжениям певческим хором, к о. архимандриту ректору.

Но это было последнее выражение как бы усилия поддержать ректора в отношениях должных и разумных к епископу. Уже прежде заметил епископ влияние Крастилевского по делам Консistorии на мнения архимандритов Германа и Исаакия и приписывал это их уважению к опытности Крастилевского в делопроизводстве, о каковом замечании своим упомянул в самом отчете своем за 1858 год. С отъездом епископа архимандрит Герман сделал самовольно по семинарии распоряжение об отмене при начале нового курса преподавания в Кавказской семинарии татарского и осетинского языка и в то же время принял покровительственное участие по Консistorии в делах протоиерея Крастилевского. Совокупность враждебных его действий вызвали представление о нем, сделанное епископом в отношении к исправлявшему должность обер-прокурора Святейшего Синода князю С. Н. Урусову от 18 июня 1859 года за № 54. Приводим полностью содержание его¹³².

“Ваше сиятельство!

К огорчению моему я должен известить Вас, что Кавказской Духовной семинарии ректор архимандрит Герман оказывается крайне молодым по уму и сердцу и потому неспособным к прохождению занимаемой им должности. По слабости своего характера он делается орудием неблагонамеренных людей, а когда подчинится таким влиянию и направлению, тогда по пылкости своей действует с опрометчивостью и разгорячением. В настоящее время он поступил под влияние протоиерея Крастилевского и сделался его сильным орудием, не понимая того, что Крастилевский видит выгоду только для своих интриг в восстановлении ректора против епископа, несомненно, сопряженную со вредом для епархии, что и нужно Крастилевскому. Все мои

увещания отвергнуты ректором с пренебрежением и насмешкою.

Он просил дважды моего ходатайства пред высшим начальством о увольнении его от занимаемого им места. Я уговаривал его, я откладывал исполнение его просьбы, но ныне, видя в этой мере необходимое условие спокойствия епархии и спасения самого ректора, имею честь представить желание его на благоусмотрение вашего сиятельства, покорнейше прося о удовлетворении этого желания.

Лично я прощаю ректору все неблагоприятные поступки его относительно меня, ибо вижу в них увлечение и опрометчивость простодушного неопытного юноши — таким я понимаю ректора, подчинившегося влиянию коварных людей, которые с завистью и опасением смотрели на мое искреннее расположение к ректору. Я его полюбил, люблю и желаю ему всего доброго: сердечно сожалею, что он отверг мою любовь для подчинения себя таким людям, которые привыкли устраивать козни ближним и потом смеяться над бедствием ближних, вверившихся их водительству по неопытности своей. С сердечным плачем пишу эти строки, но сердечное чувство должно подчинить благоразумию. Вразумление сделалось необходимым ректору для его собственного благополучия, земного и небесного.

По рукоположении моем во епископа, находясь еще в Петербурге, я ходатайствовал о назначении ректором в Кавказскую семинарию нынешнего инспектора ее архимандрита Исаакия, но по ближайшем рассмотрении местных обстоятельств нахожу, что в Кавказской епархии, в которой пришли в волнение одновременно и Консistorия и семинария, нужен ректор в зрелых годах, с опытностью, с монашеским благочестивым направлением: Кавказ — место разгула и отваги, здесь нужны люди, нравственно сформированные.

С чувством...”

Представление это осталось без последствий, как свидетельствует о том ходатайство по тому же вопросу — о преподавании татарского и осетинского языков в семинарии —

к обер-прокурору Синода от 21 сентября 1859 года за № 94.¹³³
Епископ пишет:

“В Кавказской епархии и в Линейном казачьем войске имеется несколько тысяч осетин-христиан, одноплеменные которым осетины-магометане выражают склонность к принятию христианства. По этой причине преосвященный Иеремия озабочился ввести в Кавказской семинарии преподавание осетинского языка, а как по всей границе епархии живут племена, говорящие татарским языком, то введено было и в семинарии и в Ставропольском уездном училище преподавание татарского языка. Необходимость обучения татарскому языку подробно изложена мною в отчете моем Святейшему Синоду за 1858 год. При преосвященном Иоаннии на преподавание сих языков обращено было менее внимания. Поступивший же сюда вместе со мною ректор архимандрит Герман нашел нужным вовсе уничтожить преподавание сих языков и заменить их преподаванием французского и немецкого.

При обозрении мною епархии в 1858 году я практически убедился в очевидной пользе знания священниками осетинского, особливо же татарского языков, как это изложено в моем отчете, и в бесполезности знания ими французского и немецкого, ибо в Кавказском крае и светские лица весьма мало знакомы с сими языками. Казанское академическое правление также предписало Кавказскому семинарскому правлению поддерживать и развивать преподавание упомянутых восточных языков и отвергло предположение ректора заменить их новейшими языками.

Для осетинского языка встретилось крайнее затруднение в приискании преподавателя. Окончивший курс в Кавказской семинарии воспитанник Кузьмин, по причине крайней болезненности, оказался неспособным к должности преподавателя, а преосвященный Евсевий, экзарх Грузии, коему Святейшим Синодом предписано было приискать преподавателя осетинского языка для Кавказской семинарии, уведомил меня от 14 июля за № 594, что между воспитанниками

Тифлисской семинарии прежних курсов нет желающего занять должность преподавателя осетинского языка в Кавказской семинарии.

По сим причинам необходимость заставила обратить внимание на священника Кавказской епархии Иоанна Синанова, из грузин, прошедшего детство свое в осетинской станице, обучавшегося в Кавказской семинарии с целью быть впоследствии преподавателем осетинского языка, выпущенного во втором разряде по умеренности его способностей и успехов в прочих предметах учения, но получившего по осетинскому языку аттестацию весьма хорошую. Это лицо, по смутным обстоятельствам епархии, уклонено было от своего назначения и ныне состоит приходским священником в селе Ново-Михайловском. Я приглашал Синанова к себе, предложил ему преподавание осетинского языка, на котором Синанов и ныне говорит свободно, в семинарии.

После сего я предлагал это семинарскому правлению с тем, чтобы в то же время предоставлено было Синанову место учителя в Ставропольском уездном училище, ибо на оклад преподавателя осетинского языка (225 рублей) Синанову с семейством нет никакой возможности содержаться. Причиной такого предложения было то, что в самом Ставрополе, при народонаселении в восемнадцать тысяч, находится только три приходские церкви, при коих состоит восемь протоиереев и иереев. Они, кроме занятий по приходу, обременены и другими обязанностями, для исполнения которых едва достает у них сил и времени. Почему нет никакой возможности дать Синанову место приходского священника в Ставрополе как по вышеизложенной причине, так и потому, что нет никакого повода к лишению кого-либо из упомянутых восьми священнослужителей занимаемого ими места, разумеется вывода в село, без крайней для того лица обиды.

Так как я не могу ожидать единодушного действия в видах общей пользы от о. ректора семинарии архимандрита Германа, то покорнейше прошу Ваше сиятельство представить

мое предположение на благоусмотрение Святейшего Синода. При сем имею честь присовокупить, что, кроме священника Синанова, другого лица для преподавания осетинского языка в епархии не имеется, на каком-либо исключительно основании я и рекомендую Синанова, усердно желая, чтоб со временем было приготовлено лицо более удовлетворительное.

С чувствами совершенного почтения”, и проч.

Такой отзыв о враждебном епископу настроении о ректора архимандрита Германа был уже не первым заявлением о нем, вызванным фактическим противодействием архимандрита епископу. По делам Консистории такое же настроение ректора выразилось по делам о протоиерее Крастилевском, по которым мы находим отношение епископа к обер-прокурору Синода от 5 июня 1859 года за № 48. Епископ пишет князю Урусову¹³⁴:

“Известное Синоду столкновение между бывшим членом Кавказской духовной Консистории протоиереем Крастилевским, пользовавшимся неограниченным доверием моего предместника, и бывшим секретарем Консистории Александром Васильевым привело Кавказскую епархию в совершенное колебание и лишило преосвященного Иоанникия самостоятельности по управлению епархией, власть над которою захватил протоиерей Крастилевский в свои руки.

По прибытии моем на Кавказскую кафедру, вследствие словесных и письменных наставлений Святейшего Синода, я обратил особенное внимание на направление протоиерея Крастилевского и, усмотрев из прошедших и текущих дел, что направление Крастилевского решительно сформировалось, что навык его властвовать неограниченно над епископом, Консисторией и епархией неисправим, я вошел с представлением в Святейший Синод о увольнении его от звания члена Консистории, каковое мое представление Святейшим Синодом удостоено удовлетворения.

Между тем, все средства к успокоению Крастилевского в Кавказской епархии остались тщетными. Как человек весьма коварный и довольно понимающий дело, Крастилевский лично от себя не подавал никаких претензий против меры, употребленной относительно его, но избрал путь интриги, увлекаая действовать в свою пользу людей посторонних. Такой образ действий законом причисляется к ябедничеству. В число деятелей Крастилевский поместил и свою супругу, которая, разумеется, действует по его наставлениям.

Образ действий Крастилевского и его агентов изображается в прилагаемом при сем рапорте ко мне секретаря духовной Консистории. Так как описываемое в сем рапорте приключение и действие фактически и живописно изображают характер нравственности и деятельности Крастилевского, то я покорнейше прошу Ваше сиятельство обратить на сей рапорт Ваше внимание и довести оный до сведения Святейшего Синода.

Поведение Крастилевского приняло решительный характер возмущения, действия его прикрываются коварством, но действия его агентов* гораздо открытее. Я никак не теряю надежды обуздать лица, вышедшие и выходящие из порядка, но не иначе как при содействии Святейшего Синода и Вашего сиятельства.

Уже рапорт секретаря даст Вашему сиятельству понятие о нравственном направлении Крастилевского. Следующая выписка из записки, поданной мне бывшим секретарем Васильевым, пополнит это понятие.

«До образования епархии, — гласит записка, — Крастилевский состоял членом Духовного правления, по переименованию правления в Консисторию сделан членом ее. Притеснения и поборы с духовенства и пристрастные действия по Консистории вынудили епископа Иеремию его удалить, и Крастилевский не присутствовал. Дел о нем множество, даже о убийстве смотрителя училищ Устиновского, но все прекращалось деньгами, коих имеет весьма много».

* Ректора и инспектора семинарии, особливо первого.

Проезжая на Кавказ чрез Харьков, я беседовал о Кавказской епархии с ректором Харьковской семинарии о. архимандритом Герасимом, бывшим до того ректором Кавказской семинарии. Он отнесся мне о Крастилевском точно так же, как сказано в записке — даже упомянул о деле Устиновского. По моему наблюдению, Крастилевский имеет сердце самое жестокое, коварен и злонамерен, решительно направлен к самоуправству и своеволию, способен к самым гнусным поступкам и преступлениям.

Событие, описанное в рапорте секретаря, случилось по отъезде моем из Ставрополя. Я не замедлю прислать в Святейший Синод все дело о доставлении места Крастилевскому по увольнении его из Консистории. Из дела виден и образ моих действий, и характер Крастилевского.

С чувствами отличного уважения” и проч.

Вот и упоминаемое в конце этого отношения представление в Синод с делами о Крастилевском, оно отмечено 22 июня за № 59:¹³⁵

“Вверенной управлению моему Кавказской епархии протоиерей Константин Крастилевский, уволенный вследствие моего представления от звания члена Кавказской духовной Консистории, указом Святейшего Синода от 4 ноября 1858 года за № 11099 определен мною настоятелем и благочинным в собор города Моздока, а как Крастилевский от сего места отказался, то, при открывшейся протоиерейской вакансии в г. Георгиевске, перемещен в сей город настоятелем собора и благочинным, но Крастилевский и от сего назначения отказался. При сем Крастилевский требовал себе различных назначений в г. Ставрополе, которых не было возможности исполнить, почему я решился было представить на благоусмотрение Святейшего Синода, что Крастилевский стяжал навык неограниченно властвовать в Кавказской епархии и настойчиво требовать, чтоб исполнялась беспрекословно его воля, правильна ли она будет

или неправильна, а потому просить о перемещении его из Кавказской епархии в другую епархию.

Но после Пасхи сего 1859 года, по получении Кавказским архиерейским домом денежного оклада вместо рыбной ловли и мельницы, по поданному прошению Крастилевским лично мне, причем Крастилевский уверял меня, что он остаток дней своих будет проводить в совершенном спокойствии, занимаясь спасением души своей, я нашел возможным дать Крастилевскому место при церкви Тюремного замка, в которой дотоле отправляли богослужение братия архиерейского дома и пользовались от нее доходами. Сим действием я полагал вполне удовлетворить требованию высокого служения, на меня возложенного, узаконяющего мне делать ближнему всевозможное снисхождение и претерпевать его немощи до той крайней минуты, в которую со всею очевидностию окажется, что эти немощи вредны уже не в частности, а для всего общества.

Крастилевский не преминул доказать, что он не способен быть спокойным и заниматься своим спасением, проведши век свой в приказнических черных занятиях, целью которых было своекорыстие, разные неправды и притеснение ближних. Едва я выехал из Ставрополя для обозрения епархии, как Крастилевский нарушил свое обещание. До выезда моего он намеревался вместе с супругою ехать в С.-Петербург, о чем подавал мне прошение, очевидно для принесения на меня жалобы, как мне о том передавали некоторые лица из духовенства — между ними кафедральный протоиерей — и оглашал духовенство угрозами на меня.

Имеются очень ясные признаки, что Крастилевский составил партию для совокупного действия против меня, так, например, из его прошения видно, что некоторое светское лицо содействует ему деньгами. Существование этой партии, имеющей своих агентов в Петербурге, с ясностью обозначилось при отъезде моем из Ставрополя, особливо же по отъезде. Едва я выехал, как Крастилевский отправил свою супругу с ее братом, чиновником, в С.-Петербург.

Образ отправления этой дамы изображен: 1) в рапорте ко мне секретаря Кавказской Консистории, каковой рапорт препровожден мною к г. исправляющему должность синодального обер-прокурора от 5 июня сего 1859 года за № 48; 2) в письме ко мне протоиерея Крастилевского от 11 июня.

Письмо это, при сем прилагаемое,* есть замечательный документ: в нем Крастилевский живописно изображает самого себя. Крастилевский по наружности выставляет себя и праведником и обиженным, между тем, в сущности сознается, что он без разрешения епархиального начальства отпустил супругу свою, доставив ей удостоверение из полиции, т. е. незаконный вид. Из этого-то письма видно, что Крастилевский очень недоволен тем, что самовольная отлучка супруги его сделалась мне известною. Вообще, в этом письме рельефно изображает себя неблагонамеренный и недобросовестный канцелярист былого времени: это письмо есть верный образчик всех канцелярских трудов Крастилевского. Письмо это вполне разноречит с рапортом секретаря.

Так как действия Крастилевского совершаются пред лицом всего духовенства, то я предложил Консистории рассмотреть такое его поведение. Консистория не могла получить от Крастилевского никакого ответа, о чем и представила мне в протоколе, подписанном четырьмя членами, не подписанном ректором семинарии архимандритом Германом, что имеет свое значение, и сопутствующим мне по епархии ключарем протоиереем Граниковым.

Видя совершенную необходимость обуздать протоиерея Крастилевского, наиболее для всего епархиального духовенства, и убеждаясь самими опытами в моем понятии о нем, что он никак не успокоится, доколе будет находиться в Ставрополе, я всепокорнейше прошу Ваше святейшество о перемещении Крастилевского в другую епархию, так как в Кавказской, где он в течение нескольких десятилетий был полным властелином, весьма затруднительно ему быть вне такого положения.

* Копии с этого письма в бумагах епископа не осталось.

При сем имею честь приложить два дела о Крастилевском: дело о самовольной отлучке его супруги и вышеупомянутое письмо его ко мне, присовокупив при том, что Крастилевский со времени увольнения его от звания члена Консистории по сие время никуда из Ставрополя не отлучался и к выбытию в Моздок и Георгиевск никакого поуждения ему не было чинимо.

Система консисторской деятельности Крастилевского изложена в его письме и рапорте секретаря: она заключается в постоянном устранении епископа от его власти, в усвоении этой власти себе под прикрытием епископского имени, т. е. в совершенном своеволии. К этой системе влечет Крастилевский и учеников своих”.

6 июля 1859 года за № 65 находим предложение, данное епископом Кавказской духовной Консистории¹³⁶.

“Все дела, касавшиеся протоиерея Крастилевского, начиная с указа Святейшего Синода о увольнении сего лица от звания члена Консистории и до рапорта его ректору и инспектору семинарии, препровождены мною на благоусмотрение Святейшего Синода. При сем признаю нужными следующие распоряжения:

1. Протоиерей Крастилевский жалуется на пристрастное действие членов Консистории протоиереев, но сии члены воздержались от всякого постановления в протоколе и предоставили все благоусмотрению епископа, который в свою очередь не счел благовидным для себя дать какое-либо определение на консисторском протоколе, так как определения не постановила Консистория, и представил дело на благоусмотрение Святейшего Синода, посему желание Крастилевского, чтоб члены Консистории протоиереи были удалены от дел, до Крастилевского касающихся, оставить без последствий.

2. Предоставлено мною Крастилевскому предстояние пред прочими лицами белого духовенства по поводу того обета, который он мне лично дал — проводить жизнь свою скром-

но, в богоугождении и богомыслии, — а не с тем, чтоб он противился властям; но как в поведении его оказывается противное, то я нахожу существенно нужным для иерархического порядка предоставить членам Консистории и благочинному градских церквей место выше Крастилевского, как им оно и предоставляется Уставом Консистории.

3. Инспектору семинарии, принявшему рапорт от протоиерея Крастилевского, за таковое превышение власти объявляется выговор, ибо бумаги имеют право принимать только епископ и Консистория (ст. 300, 301, 302 и 303 Уст. дух. Консист.), а отнюдь не член и не некоторые из членов ее в частности.

4. Ректор семинарии, отказавшийся от взаимного действия с членами по предложению епископа и не подавший своего особого мнения, позволивший же себе принять рапорт от Крастилевского, на что он не имел никакого права, тем выказавший себя пристрастным к Крастилевскому и ослушным своему епископу, подвергается выговору и устраняется от присутствия в Консистории впредь до усмотрения, с донесением о сей мере относительно него Святейшему Синоду, что мною и исполнено.

Ректор, не приняв участия в деле Крастилевского, тем оказал непослушание и противление своему архипастырю, не подписав ни одного из протоколов, не подав своего отдельного мнения, выказал свое пристрастное отношение к делу. Следовательно, приняв, не имея на то права, рапорт Крастилевского, коим сей устраняет членов, исполнивших предписание епископа, ректор обнаружил стремление захватить дело в свои исключительно руки и решить его под полным и единственным влиянием самого Крастилевского, которого ректор, судя по его действиям, сделался агентом, орудием, сообщником.

5. Хотя статью 183 Уст. духовных Консисторий ректор семинарии, а следовательно, и инспектор ее не обязываются участвовать во всех заседаниях и делах Консистории, но из статьи видно, что устав и в этом требует порядка и распоряжения, истекающих от епархиального архиерея.

Статья отнюдь не дает права ректору и инспектору по своим интрижным видам то отказываться от дела, то вторгаться внезапно в дело, вступать в борьбу с епархиальным архиереем, расстраивать его самые благие намерения, отталкивать его от управления епархией, стремиться к забранию в свои руки его власти, как на то уже не в первый раз покушается архимандрит Герман.

6. Предлагаю Консистории во исполнение статьи 280-й Уст. не представлять непременно всех дел на рассмотрение ректору и инспектору, а только дела важнейшие, и те, в коих участие сим лицам предложит епархиальный архиерей. Дел, в коих сначала не приняли участия ректор и инспектор, уже не предлагать им впоследствии на рассмотрение и к участию в этих делах не допускать (ст. 316). Ректор и инспектор обязываются доносить мне рапортом, когда преимущественно они обременены училищными занятиями и не могут быть в Консистории, по миновании же трудного времени опять доносить мне другим рапортом о возможности принять участие в делах Консистории, чтоб их служебные отношения были следствием требований службы, а не следствием их интриги или дурачества.

7. Секретарь Консистории имеет тщательно наблюдать, чтоб сей порядок в Консистории соблюдался. При том он имеет вести ведомость, в какие именно дни ректор и инспектор бывают в Консистории, с отметкою, в каких именно делах они принимали участие, и сию ведомость ежемесячно представлять мне на рассмотрение. О получении сего предложения и приведении его в исполнение секретарь имеет донести мне рапортом”.

Рапорт в Святейший Синод об этом обстоятельстве пущен от того же числа за № 64. В нем епископ в дополнение к делам о протоиерее Крастилевском, представленным в Синод при рапорте от 22 июня 1859 года за № 59, представляя по описи и из других дел документы, объясняющие лицо и действия Крастилевского, присовокупил¹³⁷:

“1. Из резолюции моей за № 1629 явствует, что Крастилевскому предоставлено было с перемещением из Моз-

дока, где он не желал быть, в Георгиевск пользоваться доходами Георгиевского собора и оставаться в Ставрополе, доколе домашние дела его требовали, он и не выезжал никуда из Ставрополя.

2. Резолюция моя от 3 июня на консисторском протоколе положена уже тогда, как супруга Крастиевского, не получив ни дозволения, ни паспорта, выехала из Ставрополя, самый протокол Консистории состоялся по отбытии Крастиевской.

3. Ректор и инспектор семинарии не удостоили исполнить ту часть резолюции моей от 3 июня, которая касалась их, что могло бы значительно объяснить отношения этих лиц к Крастиевскому: пренебрежение их исполнить мою резолюцию только обнаруживает их отношение к епископу.

4. Взамен сего упущения ректор и инспектор представили при своем рапорте от 15 июня присланный на имя их рапорт Крастиевского, из чего обнаруживается отношение этих лиц к делу Крастиевского, из них инспектор находится в состоянии колебания, как не подписавший одного протокола и подписавший последовавший протокол, гораздо более имеющий влияние на судьбу дела (протокол сей представлен мною в Святейший Синод при рапорте за № 59).

Рапорт же Крастиевского имеет обычное ему направление: он клонится к удалению епископа от управления, называя обидным действие Консистории, последовавшее вследствие предложения, данного епископом. Члены протоиереи в этом рапорте оклеветаны как якобы действующие пристрастно, ибо они никакого решения в протоколе не положили, а предоставили оное благоусмотрению епископа. Как действовал сам Крастиевский, будучи членом Консистории, когда он постоянно устранял от распоряжений епископа, хотя прикрываясь именем епископа, так и здесь он вводит в это направление неопытных юношей, ректора и инспектора, которые еще в прошлом 1858 году подчинились, несмотря на все мои увещания, его влиянию, как мною было донесено Святейшему Синоду в отчете за 1858 год.

Протоиерей Крастиевский ныне находится в состоянии явного и полного возмущения, уже слабо прикрываемого

коварством. Ректор архимандрит Герман подчинился влиянию Крастиевского со всею пылкостью, безрассудством и упорством неопытного молодого человека. Он в деле Крастиевского уклоняется от суждения с прочими членами по предложению епископа, по рапорту же Крастиевского против прочих членов вмешивается в дело, при том высказав явное неповиновение и противодействие епископу, почему я счел нужным, между прочими распоряжениями, удалить ректора от присутствия в Консистории впредь до усмотрения”.

Летом 1859 года преосвященный объезжал западную часть своей епархии — часть Ставропольского уезда и станции Черноморского казачьего войска, где на берегу Черного моря в одном из уцелевших зданий таможи таманской прожил около месяца и пользовался морскими купаньями. В это время он посетил греческую церковь г. Керчи, куда ездил осмотреть тамошние минеральные грязи и следы нашествия союзных врагов России в 1855 году, овладевших Керчь-Еникалем и Таманью.

Возвратившись из объезда западной части епархии, преосвященный при встрече его духовенством в кафедральном соборе г. Ставрополя был неприятно удивлен тем, что протоиерей Крастиевский по собственному желанию занял место ниже священника Бурнуковского. По дознанию, которое поручено было благочинному, оказалось, что Бурнуковский действовал так по настоятельному требованию Крастиевского. Такой поступок вынудил епископа просить Синод о переводе Крастиевского вовсе из епархии. Рапортом от 7 сентября за № 88 он доносил:¹³⁸

“Так как протоиерей Константин Крастиевский отказался от мест, мною данных ему вне г. Ставрополя, а непременно захотел иметь место в Ставрополе и получил одно из указанных им, а получив его, начал поведением своим являть доказательства, что он не может быть спокойным, находясь в городе Ставрополе, где он долгое время стоял во главе духовного управления и господствовал неограниченно, то я имел честь ходатайствовать пред Священным

Синодом о перемещении его, Крастилевского, в другую епархию, по случаю дачи им, Крастилевским, незаконного вида его супруге и по случаю того поведения, которое он позволил себе при этом по отношению к епархиальному начальству.

В дополнение имею честь представить его поступок с священником Бурнуковским, при чем обнаруживается снова то отношение к епархиальному начальству, которое он себе допускает, которое состоит в неповиновении Консистории и благочинному, в пренебрежении ими, в заменении распоряжения епархиального архиерея своим собственным распоряжением, что на все прочее духовенство действует весьма вредно.

Представляемое мною дело воззрению Святейшего Синода представляется единственно с тою целию, чтоб яснее изобразить пред Святейшим Синодом характер и душевное настроение протоиерея Крастилевского, по рассмотрении коих, я признавал и признаю, что продолжение служения этому лицу в Ставрополе сделалось уже как бы неестественным и невозможным. Соблазн, производимый Крастилевским, вышел из пределов духовного ведомства и служит предметом недоумения и разговоров для публики. Да и предоставление священнику Бурнуковскому места выше себя сделано, очевидно, Крастилевским с целию, чтоб выставить себя пред публикою обиженным, а епархиальное начальство действующим пристрастно, чем, однако же, обмануты немногие даже из низшего класса”.

Представление это оставлено Синодом без последствий.

Осенью 1859 года место ректора Германа, переведенного в Самару на ту же должность, в Ставропольской семинарии занял архимандрит Епифаний Избитский, из дворян Киевской губернии, римско-католического исповедания. Окончив курс наук в Киевском университете, он поступил было на службу учителем, но потом решил переменить вовсе и служебное поприще и веру. Он прибыл в Москву, под покровительством митрополита Филарета, принял Православие и монашество, поступил в Московскую Духовную

академию, где кончил курс наук магистром и вступил в духовно-учебную деятельность. Первое время своего пребывания на должности он показывал большую деятельность по должности своей и под водительством епископа был введен в лучшие отношения с местными властями гражданского ведомства, которые в уважение к просьбам епископа содействовали ему приисканием новых помещений для семинарии. Наем таковых состоялся на двенадцать лет, на выгоднейших для семинарии против прежних условиях: наняты были два дома, из которых один купца Крутицкого, лучший и обширнейший дом в городе, примыкал бок о бок к восточной стороне дачи епископской при Андреевской архиерейского дома церкви, а другой — ассессора Казенной палаты чиновника Щедрина через улицу, напротив этой же церкви. В последнем сделаны были значительные пристройки, по указаниям требований специального размещения семинарского института.

В декабре 1859 года, по покорении Восточного Кавказа и взятии в плен Шамиля, наместник Кавказский князь Барятинский проезжал в Петербург через Ставрополь, где преосвященный Игнатий встретил его в соборном храме и на другой день представлялся ему в его помещении в доме начальника губернии. Наместник же в то же утро навещал его в его вновь выстроенном на пожертвования скромном доме епископа. В это свидание епископ имел случай лично объяснить князю Барятинскому положение Кавказской кафедры и по этому делу подал ему памятную записку, при этом свидании князь наместник выразил епископу живейшее желание его и стремление к распространению христианства между горцами и о намерении его с этой целью устроить в Тифлисе миссионерство.

В извлечениях из годового отчета епископа за 1858 год, при описании им Успенской церкви города Моздока, мы заметили чудотворную икону Иверской Божией Матери, вынесенную горцами из Карталинских ущелий в 1793 году, сделавшуюся предметом благоговейного почитания не только православных христиан горцев, но и самих магометан.

Ветхость и теснота наскоро выстроенного для принятия иконы храма, вместе с торжеством оружия российского в этом крае Кавказа, с падением Ведени и пленом Шамиля и вместе мысль князя Барятинского о распространении христианства православного среди племен горских, подвинули преосвященного на мысль содействовать проповеди слова Божия через посредство чудотворной иконы — апостола, сильного верой, которая утвердилась к ней между горцами непоколебимо. Он замыслил начать дело тем, чтобы воздвигнуть храм, по обширности соответственный многолюдству народного стечения к иконе и по убранству — тому высокому чувству благоговения, с которым прибегают к ней молящиеся. Об этой иконе он составил записку, которую препроводил к начальнику губернии, прося его стать во главе начинания о постройке этой церкви приводимым здесь отношением.¹³⁹

“Ваше превосходительство,
милостивый государь!

В городе Моздоке в Успенской церкви имеется чудотворная икона Иверской Божией Матери. Икона не только уважается православным населением Кавказа, не только привлекает богомольцев из соседних русских губерний и земли Войска Донского, но и в горских народах громка и славна она чудесами своими.

Деревянная церковь, в которой помещается икона, очень тесна и уже ветха. По этой причине давно предположено выстроить каменный храм. Разные обстоятельства затрудняли приведение этого намерения в исполнение. Но эти затруднения миновали.

Между тем счастливейшее событие на Кавказе — покорение всех горских народов Левого крыла, единодушно признавших себя подданными православного царя, равно как и незадолго до того объявленная мне Святейшим Синодом благословенная воля царя о том, чтоб принимаемо было всевозможное старание о доставлении святого христианского верования иноплеменникам, погруженным в идолопоклонство или верующим в нелепые учения и басни

исламизма, открывают обширное поприще для новых, весьма верных соображений. К величайшему утешению моему, 14-го сего декабря я лично услышал из уст фельдмаршала, князя Александра Ивановича Барятинского, что его сиятельство принимает живейшее участие в распространении христианства между горцами. При таких обстоятельствах действие чудотворной иконы на горцев, и ныне сильное, может несравненно более усилиться — повести к самым благоприятным результатам.

Необходимость в построении каменного храма в настоящее время делается ощутительнее и очевиднее. Чтоб дать этому делу скорейший ход, я позволяю себе просить ваше превосходительство, чтоб Вы, исходатайствовав на то дозволение его сиятельства князя наместника, встали во главе сего дела, подобно тому, как построение храма в Пятигорске поручено барону Унгерн-Штерн-Бергу. Сосредоточение всех действий под Вашим управлением поведет к энергичному и быстрому исполнению благочестивого намерения.

С моей стороны, я готов оказывать все зависящее от меня содействие. Первым свидетельством этого содействия да будет то, что я принимаю на себя заботы о составлении проекта новому храму. Я полагаю, изобразив здесь, на месте, архитектурные потребности храма, поручить составление проекта известному профессору Академии Горностаеву, построившему две церкви в Валаамском монастыре и церковь преподобного Сергия в С.-Петербурге, в Сергиевой пустыни, в то время как монастыри эти находились в моем заведывании.

Первые две церкви государь император изволил осматривать при посещении им Валаамского монастыря в 1858 году и остался ими отлично довольным, а церковь в Сергиевой пустыне, по сознанию знатоков архитектуры, есть первая церковь в России в архитектурном отношении. Предполагаемый храм в Моздоке, и по важному назначению, и как памятник великого события, да будет изящным произведением зодчества!

При сем имею честь приложить записку о чудотворной иконе Божией Матери.

С чувствами, и проч.

№ 1

1 января 1860 года”.

Записка о чудотворной иконе Иверской Божией Матери в моздокской Успенской церкви и о необходимости деревянную церковь заменить каменной:¹⁴⁰

“В Ставропольской губернии в городе Моздоке находится деревянная церковь Успения Божией Матери. В этой церкви за правым клиросом, в киоте, присутствует древняя и чудотворная икона Иверской Божией Матери. Исторические сведения о сей иконе имеются следующие.

В двенадцатом столетии знаменитая грузинская царица Тамара, по кончине первого супруга своего, русского князя Георгия Андреевича, то был сын Андрея Боголюбского, вступила в брак с князем осетин. Вместе с рукою своею она доставила князю и его народу христианство. Благочестивая царица не щадила ни трудов, ни издержек для водворения и утверждения святой веры между осетинами. В стране их многочисленные развалины свидетельствуют о многочисленности прежде бывших в них христианских храмов. Созидание этих храмов приписывается преданием Тамаре.

Предание утверждает, что одни из развалин в Карталинском ущелии составляют остаток храма, в котором помещалась и хранилась икона Иверской Божией Матери, как драгоценный дар боголюбивой Тамары осетинскому народу. Два раза храм был разрушен до основания пожаром, и оба раза икону Божией Матери находили целою. Шестьсот лет икона пребывала в Карталинском ущелии.

В конце прошедшего столетия магометанство при посредстве турецких миссионеров вторглось с величайшим фанатизмом — более политическим, нежели религиозным — в Кавказские горы. Оно уничтожило между народами горскими то слабое христианство, которое еще держалось между

ними — держалось более номинально, нежели на самом деле. Осетины склонились к исламу, подобно прочим горцам.

Но они так, как и все горцы не сделались настоящими магометанами. Алкоран им неизвестен, по незнанию горцами арабского языка, на котором написан алкоран. Перевода на татарский горцы не имеют. Неизвестен он самим муллам горцев — они считают его недоступною, высшей мудрости книгою. Магометанство горцев заключается в соблюдении некоторых наружных магометанских обрядов. Они склонились к некоторым верованиям, внушенным им миссионерами. Большая часть понятий прежней неопределенной религии, в которой доселе видны признаки христианства, осталась при них. Главнейшею заботою миссионеров было внушать горцам, что их единственный законный государь есть турецкий султан.

В смутное время в религиозном отношении, то есть во время проповеди магометанства между горцами в конце прошедшего столетия, икона Божией Матери сохранила верными христианству многие семейства не только осетин, но и черкесов — сохранила верными посредством дивных знамений. Наше правительство в 1763 году пригласило горцев-христиан и горцев, желающих принять христианство, переступить чрез Терек и селиться близ Моздока. Вследствие приглашения в 1793 году партия горцев накануне преполовения Пятидесятницы прибыла к Моздоку, имея с собою икону Божией Матери.

Икона ознаменовала чудесами и путь свой, и прибытие в православный город. Преосвященный Гаий, епископ Моздокский и Маджарский, узнав о прибытии знаменитой на Кавказе иконы, вышел к ней для поклонения с духовенством, с крестами и хоругвями. Архипастырь внес ее в собор, предполагая здесь предоставить почетное место иконе. Но Богоматерь особенным чудом известила епископа, что Она желает пребывать вне города, на том самом месте, на котором Она остановилась и провела ночь на смиренной черкесской арбе (так называется двухколесная телега горцев).

Преосвященный Гаий поспешил соорудить часовню на указанном месте. Впоследствии прихожане построили деревянную церковь во имя Успения Божией Матери.

Икона имеет один аршин и двенадцать вершков вышины, один аршин и семь вершков ширины. Икона, как видно, была написана по золотому фону. Иные утверждают, что впоследствии она была подновлена клеевыми красками. Но моздокские осетины утверждают, что она покрылась копотию во время вышеупомянутых пожаров в ущелии Карталинском. Черты лица Божией Матери на иконе строгие, характер письма грузинский. Иконописец царицы Тамары, говорит предание, приуготовлялся к написанию иконы сорокадневным постом и сорокадневными молитвами.

В настоящее время при Успенской церкви имеется прихожан 2243 мужского и 2155 лиц женского пола. Из них осетин и черкесов — 1238 лиц мужского и 1153 лица женского пола. Осетины признают икону своею собственностью, питают к ней пламенную привязанность, с которою должно обращаться весьма осторожно и благоразумно, по пылкости, решительности и невежеству азиатов. Икона славна в горах. На поклонение ей стекается множество горцев-магометан. Армяне григорианского исповедания чествуют икону наравне с православными. Икона совершает множество исцелений, под нею на шнуре висят многочисленные серебряные изображения членов человеческого тела, привешенные получившими исцеления. Многие магометане, поражаемые чудесами, совершающимися при иконе, принимают христианство. Весьма многие магометане, по той же причине, питая доверенность к иконе, питают доверенность и к христианству. Икона — апостол.

Точно! Чудотворная икона Божией Матери совершает в здешнем крае служение апостола, споспешествуя христианству и свидетельствуя оное знаменами. Нужно, чтоб и человеки оказывали усилия, им свойственные, к святому делу просвещения горцев светом Христовым.

Успенская церковь в настоящее время имеет 7143 рубля 29 ¹/₂ копеек в Ставропольском Приказе общественного призрения. Такая незначительность капитала не должна останавливать предприятия. Опыт показал, что построение всех церквей, начатое при ничтожном капитале, совершилось с успехом вполне удовлетворительным: почему духовное начальство никогда не останавливалось разрешать построение храма, хотя бы основная сумма и была весьма малою.

Церковь преподобного Сергия в Сергиевой пустыни начата при капитале в тридцать тысяч рублей серебром, несмотря на то, что на эту церковь употреблены самые ценные материалы. Ее обширный иконостас состоит из дорогих мраморов итальянских и французских, украшен мозаикою, имеет бронзовые Царские врата, а пред всеми иконами большие бронзовые подсвечники. Пол подобен цельному разостланному узорчатому ковру: это сплошная разноцветная мраморная мозаика. Живопись в иконостасе и по стенам стоит тридцать тысяч рублей серебром, гранитная работа — двадцать тысяч. Храм преподобного Сергия устроен по подобию древнейших христианских храмов, построенных равноапостольным императором Константином Великим и его преемниками.

Полагаю новому храму в Моздоке дать то расположение, какое имеет соборный храм в Большом Тихвинском монастыре, применительно, где присутствует знаменитая чудотворная икона Тихвинской Божией Матери.

Необходимо иметь в виду, что при храме, в одной связи с храмом, должны быть крещальни для мужского и женского пола. А устройство крещален, устройство обширной паперти для приходящего народа весьма удобно при упомянутом расположении храма. В архитектурном значении такой проект может быть поэтически изящен. В экономическом он потребует наименьших издержек, может быть окончательно выстроен и отделан, за исключением стеной живописи, в три года”.

Предложение епископа было принято и одобрено князем наместником, который исходатайствовал высочайшее соизволение на открытие повсеместной подписки в России на сооружение сего храма. Подписка шла весьма успешно. Профессор Горностаев прислал составленный им проект здания, который был представлен к утверждению князю Барятинскому и по распоряжению его — уже по отъезде епископа на покой — был переделан при Главном управлении.

Окончив в 1859 году обозрение епархии, епископ 9 ноября за № 105 дал предложение Ставропольской Духовной семинарии, в котором излагает потребности епархии, найденные им по предмету пополнения личного состава клиров церковных.¹⁴¹

“Кавказская епархия постоянно терпит значительный недостаток в причетниках. Приглашение причетников из других епархий сопряжено не только с большими затруднениями канцелярскими, но и с значительными издержками, которые падают на попечительство, что неминуемо сопряжено с чувствительными лишениями для лиц духовного звания, пользующихся пособием попечительства. Причина недостатка причетников заключается в том, что духовные училища и семинарии почти вовсе не доставляют их для епархии.

Далее: епархия — скажу к величайшему моему утешению — имеет, при ничтожных исключениях, весьма хороших священников, особливо из воспитанников семинарий — как кавказской, так тамбовской и воронежской. Но по отношению к диаконам оказывается весьма желательным, чтоб они были более образованы и более возвышенны в нравственном отношении. Причина сего недостатка по отношению к диаконам заключается в том, что в диаконский сан поступают лица единственно из причетников, а не из воспитанников семинарии.

Вследствие сих наблюдений и того, что в настоящее время все священнические вакансии замещены, предлагаю семинарскому правлению усилить разборчивость по отношению к воспитанникам как семинарии, так и духовных училищ. В первый разряд должны быть включены воспитанники

весьма хороших способностей, весьма хороших успехов в науках и весьма хорошего поведения, недостаточно хорошее поведение должно и весьма способного ученика лишать помещения в первый разряд. Во второй разряд должны быть помещаемы лица, заслуживающие хорошей аттестации по способностям и успехам, весьма хорошей — по поведению. К третьему разряду должны быть отчисляемы лица довольно хороших способностей и успехов при поведении весьма хорошо и хорошо.

По переходе воспитанников из училищного ведомства в епархиальное, священнические места предоставляются первоначально одним ученикам первого разряда. Когда ученики первого разряда будут размещены, тогда только могут быть принимаемы прошения о местах учеников второго разряда. Ученикам же третьего разряда предоставляются штатные диаконские места.

Для того, чтоб епархия не терпела нужды в причетниках, предлагаю семинарскому правлению сделать распоряжение, чтоб учеников как в семинарии, так и в училищах, оказывающихся неблагонадежными по поведению и малоуспешными по лености, немедленно из семинарии и училища исключать и передавать в епархиальное ведомство. Хотя труды воспитанников, участвующих в архиерейском хоре, и будут приниматься во внимание при предоставлении мест, но с справедливым соображением успехов в науках, особливо же благоповедения. Предложение сие объявить воспитанникам семинарии и копию с него препроводить в Консисторию к соображению, при требовании мною от Консистории справок по поводу подачи воспитанниками просьб о предоставлении им мест”.

В августе 1859 года взятием крепости Гуниб и пленом Шамиля совершилось окончательное действие покорения Восточного Кавказа. Орден Андрея Первозванного был наградой, присланной главнокомандующему, лично участвовавшему в этой экспедиции. 25 августа в Ставропольском кафедральном соборе праздновалось торжество это богослужением

и благодарственным молебном. По заамвонной молитве епископ произнес речь на текст:¹⁴²

“Господь крепость людям Своим даст, Господь благословит людей Своих миром (Пс. 28; 11).

Благочестивые слушатели! Святые и верные слова эти произнес боговдохновенный пророк, царь израильский Давид. Он одержал многие победы, смирил многих врагов Израиля под ноги Израиля, доставил государству границы, которые указывались существенною потребностью государства. По совершении трудного, обширного, славного подвига Давид как бы оглянулся на свои победы и завоевания и, рассмотрев цель и плод побед и завоеваний, узрел и признал в цели и плоде их — в мире — Божие благословение. Господь, дарующий людям Своим крепость на бранном поле, являет Свое благословение им в благотворном мире.

Возлюбленные братия! Взорам нашим предстоит подобное зрелище. В прошедшем мы видим ряд походов, ряд кровопролитных сражений, ряд громких торжеств. Видим ту крепость православных воинов, которую вложил в сердца их Господь, Господь, *опоясал их силою на брань (Пс. 17; 40)*. В настоящем мы созерцаем благодатное действие мира. Пред нами повторяется событие пророческих слов: *Перекуют мечи свои на орала, и копья свои — на серпы: не поднимет народ на народ меча (Ис. 2; 4)*, ибо *Господь благословит людей Своих миром (Пс. 28; 11)*.

Какое дело было первым делом героя царя в первые, девственные минуты дарованного Богом мира? *Воздайте Господу славу и честь*, — воззвал победоносный царь к победоносному, обладаемому им народу! *Воздайте Господу славу имени Его, поклонитесь Господу во святом дворе Его (Пс. 28; 2)*. Подобный призыв по причине подобных событий мы слышали ныне и на призыв собрались во святой храм, чтоб принести благодарение и славословие Всесильному и Всеблагому Богу, даровавшему крепость людям Своим, благословившему *людей Своих миром*.

Глас Господа на водах, — восклицал в священном восторге пророк-полководец, достигший с мечом в руке и берегов Средиземного моря, и берегов Евфрата. *Глас Господа крепок. Глас Господа великолепен. Глас Господа сокрушает кедры. Глас Господа высекает пламя огня. Глас Господа потрясает пустыню (Пс. 28; 3–8)*. Вдохновенный пророк в современных ему событиях, в которых он был главным деятелем, видел волю Господа, видел действие Господа, слышал таинственный, но всемогущий глас Господень, распоряжающийся судьбами царств и народов, судьбами вся земли.

В настоящее время не тот же ли всемогущий глас слышится каждым благочестивым слушателем? Глас Господень на бесчисленных горах Кавказа! Глас Господень на застывших от века водах, которыми украшены главы Кавказа, сияющие белизною и гордо воздымающиеся превыше облаков, как бы с намерением коснуться неба! Глас Господень над глубокими пропастями Кавказа, над непроходимыми дебрями его, над отвесными скалами и утесами!

Глас Господень над разноплеменными народами Кавказа! Тщетно уповали они на высокие горы, на темные леса, на непроницаемые ущелия, на стены из скал и утесов. Тщетно считали их непреодолимыми оградами хищнического своеволия! Глас Господень!.. И на глас Господа изменяется неизменявшееся доселе. Кавказ склоняет чело под благодетельную для него власть. Дикие народы принуждены отвергнуть буйную вольность для подчинения и последующего за подчинением наслаждения истинною свободою. Истинная свобода человека состоит в принятии и усвоении человеком закона Христова (Ин. 8; 32).

Вознесем благодарение и славословие Господу за излинные на нас благодеяния! Излиты они в крепости, дарованной братиям нашим, христолюбивым воинам, излиты они в благословении нас вожделенным, счастливейшим миром. Вознесем теплейшие молитвы о благочестивейшем самодержавнейшем великом государе нашем императоре Александре Николаевиче! По верховным попечениям его величества поступил в

достояние наше благонадежный мир со всеми обильными и разнообразными последствиями его, стекающимися в одно общее последствие — благоденствие страны.

Вознесем усердные молитвы о знаменитом вожде кавказского воинства и правителе Кавказского края, совершившем великое дело покорения Кавказа — дело, над которым первые полководцы России трудились полвека! Всеблагий Бог да дарует избранному, увенчанному блистательным подвигом вождю создать на успехе военном преуспеяние христианское, чтоб дело земное было вместе и делом небесным, дело временное — делом вечным. Аминь”.

В конце года, около половины декабря, главнокомандующий наместник проезжал через Ставрополь в Петербург. В Ставрополе оставался он два дня по военным делам, потребовавшим особого внимания, вследствие покорения абадзехов. В это пребывание епископ подал ему записку о потребностях Кавказской епархии следующего содержания:¹⁴³

“1. Необходимо развить в Кавказской семинарии преподавание татарского языка — так, как это было предположено при учреждении семинарии. Татарский язык есть общепотребительный между горскими народами. Знание его доставит возможность кавказскому духовенству иметь близкие сношения с этими народами и ознакомить их с христианством.

2. Необходимо дать жалование православному духовенству городов Моздока и Кизляра. В сих двух городах совершается наиболее обращение горцев в христианство, по причине уважаемых ими икон Иверской Божией Матери в Моздоке и Живоносного Источника в Кизляре. Православное духовенство в сих городах очень бедно, так как большинство жителей состоит из армян.

По скудости содержания принимают места в сих городах духовные лица только самого умеренного образования, не имеющие надежды на получение лучших мест. Чтб привлечь на эти места людей, удовлетворительно образованных и потому могущих действовать с большею силою

в пользу Православной Церкви, необходимо дать безбедное содержание. О сем сделано Кавказским епископом Игнатием представление в Святейший Синод от 30 апреля 1859 года за № 2058.

3. Необходимо Кавказскому епархиальному управлению, то есть епископу с его штатом, священно-церковнослужителям кафедрального собора, членам Консистории и консисторской канцелярии предоставить жалование западных епархий, так как лица, составляющие Кавказское епархиальное управление, не имеют тех домашних источников содержания, какими пользуются лица епархиальных ведомств внутри России, а содержатся единственно окладом, получаемым от казны. В этом отношении положение их точно такое же, как и духовенства западных епархий, чем логически доказывается, что им должно дать такое же содержание.

Хотя архиерейский дом и получил вместо рыбных ловень и мельницы (что имеют все архиерейские дома в России) денежное ежегодное вспомоществование в 3800 рублей серебром, но из этих денег сама малейшая часть может быть обращена на содержание лиц, принадлежащих дому. Все деньги поглощаются требованиями дома и будут поглощаться ими долгое время. Требования сии заключаются в следующем:

1. Временный приют епископа нужно отштукатурить снаружи и внутри, отделать, меблировать.

2. Крестовую церковь нужно расширить и сделать удобною для праздничных, высокаторжественных, торжественно-траурных служений зимою, ибо город не имеет теплой приличной церкви для сих служений. Кафедральный городской собор — холодный, и служение в нем зимою невозможно.

3. Нужно завести для сих служений соответствующую ризницу.

4. Нужно привести в благоустройство братские помещения и устроить помещение для певчих.

5. Нужно завести библиотеку.

По окончании такового устройства, ремонт упомянутых построек, ризницы, библиотеки, певческих одеяний должен потребовать всю вышеозначенную сумму — 3800 рублей.

На покупку и устройство помещения для епископа, на Крестовую церковь, на помещение для епископского штаба, на ризницу и библиотеку доселе в течение шестнадцатилетнего существования Кавказской епархии не отпущено от казны ни одного рубля, ни одного гроша, несмотря на бесчисленные представления епископов и многократное ходатайство светского кавказского начальства. Все, что сделано поныне, сделано на пожертвования, добровольно принесенные и испрошенные посредством сборщиков у граждан г. Ставрополя, у поселян Ставропольской губернии и у черноморских казаков. Они все сделали, что могли. Дальнейшее обременение их доставлением приношений оказывается вполне неудобным и даже невозможным”.

По возвращении князя наместника из С.-Петербурга в Тифлис Департамент общих дел Главного управления отношением от 13 апреля 1860 года за № 2283 уведомил, между прочим, епископа, что князь наместник в бытность его в С.-Петербурге ходатайствовал о назначении жалования духовенству городов Моздока и Кизляра. Обер-прокурор Святейшего Синода уведомил его сиятельство, что Святейший Синод всегда имел в виду, но к удовлетворению сего не мог принять никаких мер, по недостаточности денежных способов. Уведомляя о том, что этот отзыв обер-прокурора ему, епископу, сообщен, он в представлении своем к наместнику от 9 мая за № 19 прибавляет¹⁴⁴: “Как в настоящее время, по замирении Левого крыла, Вы изволили обратить особое внимание на распространение христианства между горцами, а Моздок и Кизляр суть единственные на Левом крыле пункты Кавказского епархиального ведомства, в которых совершается обращение горцев, то я считаю обязанности своею просить ваше сиятельство, дабы Вы благоволили обратить на сие дело милостивое внимание Ваше к ускорению выдачи жалования вышеупомянутому духовенству. Ибо средства к содержанию оно-

так скудны, что никто из доброкачественных и удовлетворительно образованных лиц духовенства не изъявляет желания на занятие священнических мест в Моздоке и Кизляре, за исключением моздокской Успенской церкви, более других доходной. По сей причине в Кизляре и Моздоке священники самого умеренного образования, далеко уступающего сельским священникам епархии, а потому обращение горцев в христианство не может быть ими совершаемо с успехом. Искренне желал бы я, чтоб Ваше сиятельство чрез кого-либо из доверенных лиц удостоверились в положении кизлярского и моздокского духовенства. Бедность, под игмом которой они тщетно стонут, невероятна. Представление в Святейший Синод о назначении жалования моздокскому и кизлярскому духовенству сделано мною от 2 мая 1859 года за № 2058. Копия с сего представления при сем прилагается.

С чувствами отличного уважения” и проч.

В этом же вышеупомянутом сообщении Департамента общих дел Главного управления наместника Кавказского от 13 апреля 1860 года за № 2283 департамент сообщил епископу, что и на ходатайство князя наместника об увеличении окладов содержания Кавказскому епархиальному управлению обер-прокурор Синода отозвался о постоянном имении Святейшим Синодом сего обстоятельства в виду и о невозможности в настоящее время увеличить оклады по недостаточности денежных способов. Указывая на это уведомление, епископ пишет князю Барятинскому от 10 июня 1860 года за № 20:¹⁴⁵

“Из этого усматривая, что Святейший Синод находит записку, представленную мною Вашему сиятельству, основательною, я признаю себя обязанным представить на благоусмотрение Вашему сиятельству нижеследующее.

С самого учреждения Кавказской епархии гражданское начальство Кавказа ходатайствовало (как это видно из переписки, сохранившейся в гражданском ведомстве и в Консistorии) о том, чтоб доставлено было вновь учрежденному епархиальному ведомству потребное количество денег —

как на обзаведение, так и на содержание. Вследствие таких ходатайств отпускаемо было моим предместникам преосвященным Иеремии и Иоанникию по 1000 рублей серебром в дополнение к их личному жалованию и 1500 рублей серебром на содержание дома. На обзаведение же ничего не было отпущено.

В такой крайности предместники мои должны были прибегнуть к единственному средству: к приглашению к пожертвованиям. С особенною деятельностью занимался устройством епархии преосвященный Иеремия. С отбытием его деятельность очень ослабела, и многие дела пришли в запутанное положение. Все, что ни сделано для епархиального Кавказского ведомства, сделано на сумму, приобретенную пожертвованиями. Епархия учредилась без всякого денежного содействия со стороны правительства. Между тем, капиталист из купечества Волобуев, очень поддерживавший преосвященного Иеремию, скончался. С кончиною Волобуева пожертвования уменьшились гораздо более, нежели наполовину, а впоследствии, при ослаблении деятельности духовного начальства, и вовсе прекратились.

По прибытии моем в Ставрополь я нашел епархиальное ведомство в бедственном положении:

1. По переданным хозяйственным статьям в ведомство архиерейского дома, без должной определенности и оконченности, возникли вопросы, а по лесной даче возник даже процесс, что коротко известно Вашему сиятельству, так как я для разрешения сих запутанностей должен был неоднократно обращаться к особе Вашей.

2. Временный приют преосвященного — деревянная теснейшая хижина, пожертвованная Волобуевым уже довольно ветхою, пришла в крайнюю ветхость. Дом архиерейский во всех отношениях был в самом скуднейшем положении (ибо, как выше сказано, ходатайство об отпуске суммы на обзаведение в течение четырнадцати лет оставалось тщетным). Положение лиц, состоявших при доме, было невыразимо бедственное, ибо нищета, нищета в полном смысле слова, подействовала на нравственность, как она и

всегда действует, зловердно, пагубно. В особенности это очевидно на служащих в консисторской канцелярии чиновниках, которые от скудости содержания и голодны и наги.

Положение тем более сделалось стеснительным, что отпуск вспомогательной 1000 рублей серебром, которую получали мои предместники, был прекращен. Я был оставлен на 280 рублей серебром годовичного содержания, между тем как цены в Ставрополе на все предметы продовольствия после войны необыкновенно возвысились. Ходатайства Вашего сиятельства о предоставлении мне помянутой 1000 рублей, которую получали мои предместники, остались безуспешными. 1500 рублей серебром, отпускаявшиеся на содержание собственного дома, отпущены были при мне только на 1858 год. Затем отпуск этих денег прекращен в уповании, что дом получит деньги взамен хозяйственных статей от Черномории.

При приезде моем в Ставрополь я не мог остановиться в хижине, пожертвованной Волобуевым, по тому совершенному состоянию расстройств, в которое она была приведена. Купец г. Стасенков предложил мне свой дом на полугодовичное время, а купечество г. Ставрополя предложило сделать пожертвование для исправления хижины, пожертвованной г. Волобуевым, на каковой предмет оно собрало до 4000 рублей серебром.

Когда прикоснулись к хижине, то оказалось, что лес в ней наполовину сгнил, что исправление ее невозможно, что вполне необходимо выстроить новый приют. Доставленная купечеством сумма оказалась недостаточною для новой постройки по необыкновенной дороговизне строительных материалов в Ставрополе. Почему я должен был прибегнуть — как это и предместники мои сделали — с воззванием к епархиальным церквам о посильном вспоможении из кошелековых сумм и к сбору посредством сборщиков. Медлить было невозможно, потому что наем квартиры при жаловании из 280 рублей серебром, при прекращении выдач вспомогательных сумм и при совершенном расстройстве хозяйства был невозможен.

При таком пособии, почерпнутом единственно в пределах Кавказской епархии, устроен весьма скромный, но весьма удобный домик для епископа. Другого, столь скромного, архиерейского дома не имеется в России. Но сей дом, как деревянный, не мог быть выстроен и отделан окончательно в одно лето. По высушке и осадке он нуждается в оцекотурке и в прочей значительной отделке, также в мебелировке. Пожертвованная сумма была достаточна только на постройку и необходимейшую мебель. Для окончательной отделки и снабжения мебелию необходимо не менее 4000 рублей серебром.

Сверх того, братские келии и прочие службы, принадлежащие дому, находятся в самом недостаточном состоянии. Представляется особенно необходимым распространение Крестовой, находящейся при доме, церкви, так как город Ставрополь имеет крайнюю нужду в поместительном теплом храме, в котором бы могли собираться служащие лица и публика зимою в праздничные и табельные дни для участия в торжественном богослужении. Ныне отправляется торжественное богослужение в церкви, временно устроенной в зале над лавками гостиного двора — крайне неудобной и уже приходящей в ветхость.

Я был бы очень доволен, если б описанное мною положение архиерейского дома и вообще епископской кафедры в Ставрополе удостоено было личного взгляда Вашего сиятельства в проезд Ваш чрез Ставрополь, или если б оно было поверено кому-либо из доверенных лиц, состоящих при Вашем сиятельстве. Уменьшение же потребностей дома невозможно. Ибо число служащих при архиерее исчислено правительством, положено по штату и быть сокращено никак не может, так как при уменьшении числа служащих непременно должен бы был по необходимости измениться самый чин богослужения, отправляемого архиереем, определенный неизменяемым уставом Православной Церкви.

Я счел себя обязанным изложить пред Вашим сиятельством с такою подробностью положение Кавказского епархиального ведомства и служащей основанием сему ведомству

епископской кафедры в дополнение к записке, поданной мною Вашему сиятельству в проезд Ваш чрез Ставрополь 15 ноября 1859 года, по той важной причине, что между множеством дел и при удовлетворении всем потребностям вновь возникающих епархий (это видно из положения дел вновь открытой Таврической епархии), Кавказская епархия, если она не будет подавать голоса о своих нуждах и о своем крайне затруднительном положении, то ее положение может навсегда лишиться благотворного внимания высшего начальства. Именно потому, что молчание о затруднительнейшем положении может быть признано за устранение этого затруднительнейшего положения какими-нибудь домашними средствами.

На сих основаниях снова повергаю пред Вашим сиятельством покорнейшую просьбу: примите на себя труд, который неминуемо должен отозваться в духовном и нравственном отношении самым благотворным образом на всем народонаселении Кавказа! Примите на себя труд и заботу вывести Кавказское епархиальное ведомство из того положения томительной неопределенности и колебания, в котором оно страждет в течение семнадцати лет во вред себе, во вред православному народонаселению, во вред самому Православию.

При сем имею честь приложить:

1. Копию с 3-го пункта записки (с принадлежащими к ней приложениями), поданной мною Вашему сиятельству 13 декабря 1859 года, в проезд Ваш чрез Ставрополь.

2. № 14 «С.-Петербургских сенатских ведомостей», из коего видно, что оклад, о котором я ходатайствую для Кавказской епархии, именно есть тот, который дан для вновь учрежденной Таврической и высочайше утвержден 16 ноября 1859 года, между тем как все предметы продовольствия несравнимо дороже на Кавказе, чем в Тавриде.

3. Сравнительную ведомость, из которой видно, насколько цены на предметы продовольствия возвысились на Кавказе в течение последних десяти лет. Из сей ведомости изволите увидеть, в какой крайности находятся лица Кавказского епархиального ведомства относительно своего содержания.

Положение многих из них можно безошибочно назвать бедственным.

Призывая на Ваше сиятельство обильное благословение Неба с чувствами отличного уважения” и проч.

Одновременно, именно 13 апреля 1860 года, с этим формальным отношением епископ писал князю Барятинскому письмо вполне конфиденциально. Приводим его в его полном содержании¹⁴⁶:

“Милостивый государь
князь Александр Иванович!

Снова представляя Вашему сиятельству ходатайство о назначении удовлетворительных окладов для Кавказского епархиального ведомства как о не терпящей отлагательства необходимости, я считаю необходимо нужным изложить здесь, в сем конфиденциальном письме, некоторые данные, объясняющие дело, но не имеющие места в официальной бумаге.

Не имею намерения жаловаться на кого-либо, как монах, устраняя всякую жалобу и всякий ропот. Вместе с тем, как епископ, я должен объясниться искренне, потому что мое положение, если оно получит характер фальшивый, должно непременно отозваться в самом исполнении моих обязанностей весьма неблагоприятно, то есть фальшивое положение епископа должно быть очень вредным для епархии.

Покорнейше прошу Ваше сиятельство уничтожить это письмо или сохранить его без всякой огласки как написанное единственно по доверенности к благородным правилам Вашим.

Гражданская история человечества свидетельствует непрерывным рядом фактов, что страсти человеческие постоянно препятствовали преуспеянию человечества. Зависть, недоброжелательство ближнему, близорукое самолюбие, стремясь сделать зло человеку, наносило вред делу и обществу. К несчастью, христианская церковная история представляет то же печальное зрелище.

Святой старец Серафим Саровский, смотря на это зрелище оком ума, очищенного и озаренного святостию, говаривал: «Надо изучать историю христианства не из пустой и тщеславной любознательности, но чтоб ведать, каким обураваниям подвергались Церковь и различные члены ее во все времена и из этого ведения почерпать силы и мудрость, необходимые для перенесения современных бурь и для управления собою во время этих бурь».

Странно желание испорченного грехом сердца человеческого! Желание сделать зло ближнему, желание насладиться созерцанием затруднительного положения, в которое поставлен ближний удавшеюся злонамеренностию! Странно это желание, но оно существует.

Всякий христианин может и обязан дать должную цену этому желанию. Признак христианского сердца есть любовь. Сердце, преисполненное ощущений, противоположных любви, само свидетельствует о своем достоинстве. Христианство требует терпения по отношению к ближним, уклонившимся от любви к злобе. Но оно же, как духовный свет, требует, чтоб око души — ум — ясно видел злобу и предохранил от нее и человека и общество. Иначе легко можно увлечься злобою, принести себя в жертву злонамеренных людей, принести в жертву им общественную пользу и благосостояние. Можно даже сделаться участником в их действиях, потому что люди злонамеренные всегда прикрывают свои действия всевозможною ложью, всевозможною хитростию, бессовестным лицемерством.

Святой апостол Павел сказал: сам сатана принимает вид светлого ангела (для удобнейшего погубления человеков), а потому неудивительно, что служители его принимают вид служителей правды (2 Кор. 11; 14—15). Церковная история показывает, что в вышеупомянутый образ действий увлекались и патриархи, и митрополиты, и архиепископы, и прочие первейшие духовные сановники. Причина такого увлечения в духовном мире всегда была одна и та же: забвение Неба и стремление к приобретению земных преимуществ.

Пробыв четверть столетия в Сергиевой пустыни на самом берегу житейского моря и по положению, невольно доставшемуся мне на жребий, возбуждав внимание многих (то есть зависть и недоброжелательство), я гляжу и на настоящее поведение многих по отношению ко мне отнюдь не как на новость, не как на неожиданную странность. Так должно быть, потому что на сем свете всегда было так и всегда будет так. Но пусть скажут что-нибудь факты.

Двум предместникам моим к ежегодному жалованию по штату в 280 рублей серебром выдавалась вспомогательная 1000 рублей серебром, сверх того, на архиерейский дом выдавалось 1500 рублей серебром. Отъезжая из Петербурга, я просил, чтоб и мне продолжали выдавать ту 1000 рублей, которая выдавалась лицу епископа, так как известно было Святейшему Синоду, что епархия вообще пришла в значительное расстройство. Мне дано было честное слово, что просьба моя будет исполнена.

Прождав около года и видя, что эта 1000 рублей не высылается, я снова ходатайствовал о выдаче ее. Ваше сиятельство изволите также ходатайствовать о том, чтоб она была мне предоставлена. Ходатайство осталось тщетным, несмотря на то, что первенствующий член Синода митрополит Григорий, муж праведный, семидесятивосьмилетний старец, желал, чтоб ходатайство было уважено. Другие деньги — 1500 рублей серебром, отпускаящиеся на содержание дома, — были отпущены только в первый год (1858) моего пребывания на Кавказской кафедре, в том предположении, что Ваше сиятельство доставит на содержание дома угодия или вместо них деньги.

Доставленные на этот предмет Вашим сиятельством 3800 рублей серебром начали выдаваться с половины 1859 года. Извольте судить, в какое затруднительное положение я был поставлен таким распоряжением, в котором нельзя не видеть притеснения и недоброжелательства, принадлежащих, разумеется, некоторым лицам в частности.

По прибытии из С.-Петербурга в Ставрополь я просил выдачи двойных прогонов и двойного жалования по праву для всех, определяемых на службу в здешний край.

В том и в другом мне отказано. Но ректору и инспектору семинарии, несмотря на то, что они получают гораздо большее жалование, чем я, выданы и двойные прогоны и двойное жалование. Так же поступлено относительно секретаря Консистории.

Из этого исключительного поведения по отношению ко мне нельзя не видеть цели: цели привести меня к крайности и вовлечь в какие-нибудь величайшие неприятности. Но Бог послал добрых людей, которые помогли и лично мне, и архиерейскому дому. Останавливаюсь указать на другие факты по моему служению здесь, которые приводят к тем же заключениям, чтоб не сделать письма моего слишком пространном и не погрешить пред скромностию.

Основываясь на этих фактах, я имею право безошибочно предполагать, что и настоящий уклончивый ответ г. синодального обер-прокурора состоялся единственно под влиянием партии, потому что положение епархии, на обзаведение которой ничего не было отпущено, которой дано содержание непомерно скудное, такое положение не может не быть ясным.

Положение всех лиц епархиального ведомства стесненное, положение многих лиц в полном смысле бедственно. Так, например, эконома дома получает в год жалования 14 рублей 34 коп., духовник — 8 рублей, каждый крестовый иеромонах — 6 рублей, каждый иеродиакон — 6 рублей, каждый келейник — 2 рубля. Есть ли в этих окладах смысл? Когда я приехал в Ставрополь, то нашел, что монашеская братия дома ежедневно ходила по городу, ища себе обеда и ужина, ибо в доме, по его бедности, не было требуемой правилами иноческой трапезы. Какая могла быть при этом беспорядке нравственность иночествующей братии? Какой соблазн для жителей видеть иноков в неопрятнейшей одежде, ежедневно таскающихся по городу, ищущих насущного хлеба! Я тотчас прекратил это, но трапеза для братии потребовала значительной издержки.

В подобном положении находятся чиновники Консистории. Из суммы, назначенной для чиновников и канцелярских служащих (1042 руб. 45 коп.), помощник секретаря может

получить 120 рублей, столоначальник — 100 рублей, писарь — 72 рубля в год. Чем тут содержаться, особливо семейному человеку? По причине таких окладов взяточничество было чрезвычайно развито в Кавказской Консistorии. С обузданием этой нравственной болезни, особенно позорной и вредной в духовном судилище, чиновники консistorской канцелярии поставлены в тяжкое положение. Я стараюсь им помогать даже из своих крох, но помощь моя не может быть не ничтожною. Эти лица питаются только надеждою, что Ваше сиятельство исходатайствует им увеличение оклада. Если б они узнали об отзыве синодального обер-прокурора, то пришли бы в совершенное уныние, тем более что цены на все потребности непрестанно возрастают в Ставрополе.

Менее других лиц епархиального управления нуждаются протоиереи, члены Консistorии, потому что им предоставлен приход, с которого они пользуются доходами от требоисправлений.

Для меня было бы вполне утешительным, если б сказанное мною о затруднительном положении Кавказского епархиального ведомства в форменном отношении и в сем конфиденциальном письме было подвергнуто проверке Вашим сиятельством чрез доверенное лицо. Это лицо представило бы Вам картину непрерывного труда, лежащего на епархиальном ведомстве, и необыкновеннейшего стеснения, в котором оно находится, стеснения, не известного в светском кругу.

Из такого состояния только Вы, Ваше сиятельство, можете извлечь Кавказское епархиальное ведомство и устранить ту невозможность, которая изложена в отзыве г. синодального обер-прокурора, ибо если Святейший Синод не имеет в настоящее время суммы, то, как мне кажется, можно б было назначить оклад для Кавказской епархии из государственного казначейства, с тем чтоб оклад сей при первой возможности был внесен в ту сумму, которая отпускается государственным казначейством в ведомство Святейшего Синода. Иначе можно полагать с достоверностию,

судя по предшествовавшему образу действий, что для удовлетворения потребностям Кавказской епархии никогда не будет свободной суммы.

Призывая на Ваше сиятельство обильное благословение Неба с чувствами отличного уважения” и проч.

Как письмо это, так и вышеприведенное представление за № 20 епископ препроводил при отношении от 10 июня за № 21 к управляющему гражданской частью Кавказа статс-секретарю А. Ф. Крузенштерну, прося его вручить их князю наместнику. Это ходатайство, подкрепленное участием фельдмаршала, увенчалось успехом, но уже тогда, когда преосвященный Игнатий оставил Кавказскую кафедру, теперь одну из самых обеспеченных в материальном отношении.

Отношением от 26 января 1860 года за № 9 епископ благодарил управляющего гражданской частью Кавказского наместничества статс-секретаря А. Ф. Крузенштерна за уведомление о всемилостивейшем пожаловании ставропольского купца почетного гражданина Деревщикова орденом св. Станислава 2 степени, украшенным императорской короной, за его влиятельное содействие, как гражданского головы, к денежным пожертвованиям, сделанным обществом на поправку временного приюта, заменявшего в Ставрополе архиерейский дом.

К числу замечательных документов, оставшихся в черновых бумагах по кончине епископа, находим его рапорт № 12 в последних числах января 1860 года в Святейший Синод с представлением дела о злоупотреблениях настоятеля моздокской Успенской церкви и благочинного протоиерея Братановского.

Из самого рапорта видно, до какой степени при предместнике епископа Игнатия была распущена администрация епархиальная в угоду влияния Крастилевского, который в этом деле покровительствовал Братановскому как близкому родственнику своему (родной племянник его), против очевиднейших злоупотреблений Братановского, вызвавших личное вмешательство князя наместника Кавказского, потре-

бовавшего от епископа вывода Братановского из Моздока и поручившего гражданскому губернатору проследить за исполнением его просьбы и ему о времени исполнения донести. Рапорт этот вносим полностью. Все черновое изложение представления писано собственноручно епископом Игнатием¹⁴⁷.

“Вверенной моему управлению Кавказской епархии, села Кугульты, Казанской церкви протоиерей Димитрий Братановский подал мне 20 января сего 1860 года прошение, в котором он, оставаясь недовольным моим решением дела о злоупотреблениях по свечной операции в бытность его, протоиерея Братановского, настоятелем моздокской Успенской церкви и благочинным над церквами города Моздока и окрестностей, просит о пересмотре дела в Консistorии. Но как дело по Консistorии совершенно окончено, сверх того, отдельно от решения Консistorии завершено моею резолюцией, несогласною с решением Консistorии, а потому уже не может подвергнуться никакому изменению в епархиальном ведомстве, то я счел необходимо нужным представить дело на благоусмотрение Святейшего Синода, искренно желая, чтоб была открыта возможность смягчить судебный приговор над протоиереем Братановским еще более, нежели сей приговор смягчен мною.

Признаю нужным пополнить обстоятельства дела нижеследующим объяснением:

А. Недостаточность протокола, составленного консисторскою канцеляриею, произошла от того, что упущено было сделанное мною распоряжение, изображенное в предложении моем Консistorии от 13-го января 1859 года за № 2, по каковому распоряжению следует все протоколы, прежде предложения их к прочтению и подпису членов, пересматривать и приводить в порядок в литературном отношении члену протоиерею магистру Иоанну Александровскому.

Такое распоряжение оказалось необходимым вследствие усмотрения мною малограмотности канцелярских чиновников Консistorии, по причине каковой малограмотности

для них весьма затруднительно составление в логичном порядке протоколов, отчего и юридическое достоинство сих актов весьма терпит, что доказывается вполне протоколом ныне представляемого дела воззрению Святейшего Синода. Также при составлении протокола вовсе не обращено внимания ни на дело о выводе протоиерея Братановского от моздокской Успенской церкви, ни на дело о поступках Шатинова, священника той же Успенской церкви, которое должно признать встречным делом, ныне рассматриваемому, а потому имеющим с ним неразрывную связь.

Б. Основанием к положению именно той резолюции, коею мною завершено дело, а не иной, с одной стороны, было усмотренное мною лично при обозрении епархии затруднительное положение протоиерея Братановского, перемещенного из города в село, лишеного должностей настоятеля и благочинного, при пятерых детях, а с другой стороны, были следующие обстоятельства, обнаруживаемые делом:

1) Священники моздокской Успенской церкви Варфоломей Синанов и Иоанн Шатинов заметили, что ктитор той церкви Никита Кличев (ныне умерший) не показывает по книгам тех поступающих во вторичную продажу свечей, которые оставались на подсвечниках незажженными по недостатку мест, а потому требовали, чтоб он таковые свечи, прежде продажи их, приводил в известность.

Но Кличев такого настояния священников не исполнил, почему священники Синанов и Шатинов, а также и меньший причт не стали подписывать статьи в приходно-расходных книгах за март месяц 1856 года и о причине неподписа объяснили благочинному протоиерею Братановскому рапортом от 14 апреля того же года за № 3 (рапорт значится в деле на листе 8).

Благочинный Братановский не только не устранил указанного беспорядка, клонившегося к явному злоупотреблению интересом церковным, но, представляя епархиальному начальству объяснения причта и ктитора при рапорте от 21 апреля за № 106 (рапорт на листе 6), доносил о действиях

священника Синанова и других членов причта как о нарушениях порядка.

2) За апрель месяц того же года священно- и церковнослужители опять отказались от подписи статей, заметивши за ктиторм Кличевым неправильные действия при продаже огарков: ибо вместо одного пуда и десяти фунтов огарков, собранных в марте месяце, Кличев показал при продаже только тридцать три фунта, включительно с огарками за февраль месяц.

О сем они объяснили протоиерею Братановскому рапортами от июня 1-го дня за № 16 и от 17-го дня за № 19 (рапорты на листах 21 и 24). Протоиерей Братановский, отобравши от ктитора Кличева объяснение, представил оное вместе с рапортами священно- и церковнослужителей преосвященному Иоанникию при рапорте своем от 21 июня за № 158 (рапорт на листе 19), в котором, оправдывая действия ктитора Кличева, о священно- и церковнослужителях отозвался так: «Я из действий священно- и церковнослужителей усматриваю, что они о том только и думают, чтобы производить беспорядки».

3) За май и июнь месяцы священно- и церковнослужители также отказались от подписи приходно-расходных книг и в рапорте своем июня 10-го дня за № 29 (рапорт на листе 28) благочинному протоиерею Братановскому объяснили, «что они за означенные месяцы не утверждают подписью статей, потому что ктитор Кличев за май месяц представил откладных свечей только один фунт, тогда как они сами были очевидцами того, что количество подобных свечей 7-го, 8-го и 9-го чисел мая, при постоянно отправляемых ими молебнах, было весьма много — не фунт, но пуд и, быть может, еще более, хотя они не взвесили оных в то же время за недостатком времени.

Это показание свое они подтверждают еще следующим обстоятельством: 3-го числа июня месяца после Божественной литургии они видели в одном из ящичков, где собираются огарки, множество свечей, при посторонних свидетелях, как-то, при осетине Стефане Сахугове, казаке Луковской

станции Маркине и осетине Сергии Стефанове. Оказалось таких за одну обедню 210 пяташных, тридцатигривенных на ассигнации, и две десятикопеечных серебром, что составляет более трех фунтов».

Протоиерей Братановский, служа при той же церкви и непосредственно распоряжаясь действиями ктитора, не мог не видеть того беспорядка, на который неоднократно и так настойчиво указывали священно- и церковнослужители, но он, представляя преосвященнейшему Иоанникию рапорт священно- и церковнослужителей и вместе объяснение ктитора Кличева, в рапорте своем от 15 июля за № 217 донес, что священник Синанов, а с ним и другие члены причта действуют против ктитора Кличева, якобы единственно по нерасположению к нему, и что таковые беспорядки тогда только прекратятся, когда ктитор Кличев заменен будет другим, вновь избранным ктиторм.

4) Священно- и церковнослужители жаловались на неправильные действия церковного старосты Кличева и на потворство благочинного протоиерея Братановского Кавказской духовной Консистории рапортами: а) июня 24-го дня за № 18; б) июля 23-го дня за № 31 и в) августа 11-го дня за № 34 (рапорты на листах 16, 34 и 36). Консистория, по рассмотрении рапортов как священно- и церковнослужителей, так и благочинного протоиерея Братановского, журналом постановила (журнал на листе 38):

«Предписать благочинному протоиерею Братановскому указом, чтоб впредь церковный староста свечи, оставшиеся несожженными на паникадилах, откладывал после каждой службы отдельно от других, в особом месте, и по окончании месяца или менее, смотря по приходу свеч таковых, свесив при священно- и церковнослужителях, и сколько таковых окажется записывать в приходно-расходные книги особою статьею, равным образом и деньги, вырученные за них».

5) Прихожане Успенской церкви, подозревая ктитора Кличева в злоупотреблении свечной продажей, подали благочинному протоиерею Братановскому прошение (прошение

на листе 51) августа 6-го дня, коим просили его дозволить им проследить за действиями ктитора при продаже свечей, особенно в воскресные и праздничные дни, для чего они из среды себя избрали четырех человек, известных своим беспристрастием.

Протоиерей Братановский не только не допустил прихожан следить за действиями ктитора, но, донося об этом преосвященнейшему Иоанникию в рапорте своем от 8 августа за № 229 (рапорт на листе 49), отозвался так: «Что прихожане не ведают сами, что пишут и чего просят, и что такое расстройство в прихожанах зависит от его сослуживцев, из коих он подозревает диакона Бразделова».

6) Следственное дело, произведенное о священнике Шатириове, показывает, до какой степени протоиерей Братановский защищал противозаконные действия ктитора Кличева по свечной продаже, потворствовал ему. 18-го числа марта месяца священники Шатириов и Синанов заметили, что ктитором Кличевым собрано с подсвечников несожженных свечей довольно много, а потому стали советовать ему, чтоб таковые свечи прежде употребления их в продажу приводились в известность посредством веса при священно- и церковнослужителях. Таковой совет со стороны священников был даваем с целью предотвратить злоупотребления, могущие произойти при совокупной продаже прибыльных свечей с неприбыльными.

Когда же священник Шатириов, видя уклончивость ктитора от исполнения, стал требовать настоятельно, то ктитор Кличев подал на него благочинному протоиерею Братановскому донесение, исполненное клеветы. Протоиерей Братановский в отмщение священнику Шатириову за таковые действия против ктитора запретил ему священнослужение и требоисправление по приходу с лишением доходов, а преосвященнейшему Иоанникию донес, что Шатириов по действиям своим становится хуже и хуже и что в настоящее время он к соблазну многих учинил в церкви крик и бунт. Под каковым запрещением священник Шатириов находился

дотоле, пока не оправдан был следствием (в деле священника Шатириова рапорт на 1 листе).

Священник Шатириов разрешен в священнослужении, но как оценен епархиальным начальством жестокий и противозаконный поступок протоиерея Братановского против Шатириова, этого в деле не видно. В протокольном реестре за 1858 год против номера, под которым значится записанным означенный протокол, имеется отметка рукою бывшего секретаря Васильева следующего содержания: отослан обер-прокурору Святейшего Синода 24 мая за № 47.

7) Протоиерей Братановский с ктитором Кличевым, может быть, и далее действовал бы ко вреду Церкви, к расстройству причта и прихожан Успенской церкви, если бы сами прихожане не употребили деятельных мер к открытию и уничтожению злоупотребления. Это объясняется следующими фактами: священник Иоанн Шатириов рапортом 22 апреля 1856 года за № 2 (рапорт на листе 13) донес Консистории, что в городе Моздоке 3 апреля был продавец свечей, приказчик купца Киселева, Степан Поскребетов, от которого он слышал при свидетелях, что в ноябре месяце прошедшего, т. е. 1855, года ктитор Тапсиев, предместник Кличева, купил десять пудов свечей, а огарков продал торговцу девять пудов, но проданных огарков показано по книгам только два пуда, покупка же десяти пудов свечей вовсе не показана. Кроме того, сверх десяти пудов свечей, купленных у Поскребетова ктитором Тапсиевым, в ноябре же месяце того же года куплено у купца Сухова пять пудов, каковые значатся и по книгам.

Вследствие чего Шатириов просил Консисторию ускорить исследованием прописанных обстоятельств в том уважении, что он, Шатириов, за указание им на злоупотребления, совершаемые вновь определенным ктитором Кличевым по распоряжению благочинного протоиерея Братановского состоит под запрещением. Кавказская духовная Консистория на основании такового донесения указом от 30 октября того же года за № 3582 (журнал на листе 14) предписала благочинному

священнику Попову, что ныне кафедральный протоиерей, произвести следствие.

По прибытии следователя Попова в город Моздок ктитор Кличев, по совету протоиерея Братановского, это видно из объяснений Кличева, свечи, скрываемые в доме своем для секретной продажи, а также и огарки, опасаясь обыска, отправил на хутор, находящийся вне города Моздока. Жители, постоянно следившие за действиями ктитора, произвели в означенном хуторе обыск, где отыскавши спрятанные свечи и огарки, эти свечи и огарки, а при них и самого ктитора Кличева представили в полицейское управление. Свечей найденных оказалось: разной величины из белого воска шесть пудов и пять с половиною фунтов, да один фунт огарков (акт поверки свечей на листе 138).

Ктитор Кличев, после столь ясной улики его в злоупотреблении, в поданном следователю благочинному священнику Василию Попову объяснении 22 декабря (объяснение на листе 102) показал, что по истечении марта месяца он, Кличев, докладывал протоиерею Братановскому о приращении прибыльной суммы, что протоиерей Братановский приказал остаток денег, не вошедших в запись по книге, вырученных за откладные свечи, хранить особо в кладовой, а также уменьшать продажу свечей. Из таковых денег протоиерей Братановский при выезде из Моздока в город Ставрополь взял у Кличева сто рублей на неизвестные расходы.

Кроме того, в ноябре месяце из той же суммы куплено для протоиерея Братановского дров на четыре рубля серебром, в декабре на два рубля семьдесят пять копеек, сахара на семь рублей пятьдесят копеек, и по приезде его из Ставрополя по приказанию его отдано ему пятьдесят рублей, всего шестьдесят четыре рубля двадцать пять копеек серебром. Таковое показание он еще подробнее высказал при допросе его следователем, под увещанием священническим (показания на листе 227). После такового дознания, учиненного ктитором Кличевым, нельзя не видеть причины, побудившей протоиерея Братановского, защищая действия

ктитора, недобросовестно действовать против своих сослуживцев, клеветать на них и разными путями способствовать удалению их из прихода.

Ктитор Кличев, только что поступивший на должность, не мог действовать самостоятельно, без руководства настоятеля церкви. Прихожане Успенской церкви, по изобличении ктитора Кличева в святотатстве, немедленно устранили его от должности, избрав на место его из осетин Дмитрия Бугулова (выбор нового ктитора на листе 53). Но как протоиерей Братановский своими действиями навлек на себя сильное подозрение в участии с Кличевым по злоупотреблению церковною суммою, то означенные прихожане в прошении, поданном преосвященному Иоанникию 29 декабря 1856 года (прошение на листе 77), жалуясь на недобросовестные действия протоиерея, просили удалить его, так как они не могут уже иметь должного уважения к особе его.

С таким же прошением прихожане обращались и к господину наместнику Кавказскому князю Барятинскому. Из отношения г. Ставропольского гражданского губернатора от 8 мая 1857 года за № 2030 к преосвященному Иоанникию видно, что его сиятельство, приняв во внимание жалобу прихожан Успенской церкви, при свидании с преосвященным изволил лично объяснить ему о сей жалобе и при том поручил гражданскому губернатору донести ему о последствиях распоряжений со стороны духовной. Вследствие такового настояния господина наместника Кавказского протоиерей Братановский был из города Моздока выведен в селение Кугульту.

8) Из сравнения доходов церковных — как свечных, так и кошельковых, бывших во время служения при Успенской церкви протоиерея Братановского с ктитором Кличевым, с доходами, оказавшимися по удалении их и оказываемымися по настоящее время, усматривается значительная разница. В 1856 году при протоиерее Братановском от свечной продажи прибыли показано было 722 рубля 2,5 копейки, по удалении же его из Моздока прибыльной суммы за 1857 год, при новом настоятеле церкви и ктиторе, оказалось 1 869 рублей, 61 копейка, а в 1858 году — 2 032 рубля, 8,5 копеек.

Такая же разница видна и по кошельковому сбору. Свечей с огарками в продаже в 1856 году показано было 30 пудов, 21,5 фунтов, с переменою же протоиерея и ктитора свечей с огарками в продаже оказалось: в 1857 году 97 пудов и 1 фунт, в 1858 году 98 пудов, 37 фунтов.

9) Ктитор Кличев в показании своем, при увещании его духовным отцом, говорит так: «Он, по приказанию протоиерея Братановского, тайно от причта брал у продавца Павла Ромашева свечи, месяца чрез два — по полу-пуду, по десяти фунтов и по пуду. Подлинное количество их было записываемо самим протоиереем, и продавая эти свечи наравне с церковными, деньги за них он откладывал особо, не опуская их в кружку, а храня в кладовой церковной» (показания на листе 228). По клировым ведомостям за 1859 год протоиерей Димитрий Авраамов Братановский значится 44 лет, поведения весьма хорошего. За исключением прописанного здесь обстоятельства по другим делам судим и оштрафован не был.

В заключение сего рапорта моего считаю долгом моим довести до сведения Святейшего Синода, что кафедральный протоиерей Василий Попов, очень знакомый с делом, уклонился от участия в суждении о нем, так как он производил исследование о злоупотреблениях ктитора Успенской церкви Кличева (лист 267). Два члена, ректор и инспектор, не были знакомы с делом в соприкосновенности к прочим, объясняющими его, делами, окончанным задолго до поступления их в Консисторию. Само настоящее дело признавалось, по взглядам Консистории в прежнем ее составе и направлении, окончанным: оно возбуждено, между прочим, по настоянию самого протоиерея Братановского, желавшего снять с себя всякое пятно и получить право на награды.

В том же отношении к делу, в каком находились ректор и инспектор, находился и секретарь Консистории: сие видно из объяснений, поданных мне о ректоре и о инспекторе, равно как и секретаре Консистории, каковые объяснения при сем прилагаются. Упомянутый в объяснении

секретаря столоначальник Судного стола Зайцев принадлежал к системе протоиерея Крастилевского и чиновника Альбанова, но не мог быть уволен скоро из Консистории, крайне затрудняющейся в приискании чиновников для своей канцелярии, по скудости окладов, а уволен при первой возможности.

Кроме упомянутых трех объяснений, представляются при сем в особенном тюке для поверки моего рапорта следующие дела Кавказской Консистории:

1) дело о злоупотреблении церковными свечными суммами и другими церковными вещами по моздокской Успенской церкви;

2) дело о якобы противозаконных поступках священника моздокской Успенской церкви Иоанна Шатирова и о запрещении ему, Шатинову, священнослужения благочинным протоиереем Братановским. В сем деле протокола Консистории не имеется, который, как значится в деле, препровожден бывшим секретарем г. Васильевым к г. обер-прокурору Святейшего Синода;

3) дело о выводе протоиерея Братановского из города Моздока в село Кугульту;

4) выписка из отчетов о количестве проданных свечей и вырученной за них суммы по Успенской моздокской церкви с 1850 по 1859 год.

Дела, показанные здесь под №№ 2 и 3, равно как и выписка, показанная под № 4, представлены мне при рапорте секретаря Консистории Тихона Григорьевского от 28 января сего, 1860, года за № 6, каковой рапорт присовокуплен мною к упомянутым делам. Сведение, дважды упомянутое в сем моем рапорте и находящееся в рапорте секретаря Григорьевского, что подлинный протокол из дела о священнике Шатинове препровожден бывшим секретарем Васильевым к господину обер-прокурору Святейшего Синода, весьма важно, ибо сей протокол и критика на него г. Васильева могут в значительной степени объяснить дело.

При личном посещении мною Моздока в 1858 году я нашел осетин и черкесов, прихожан Успенской церкви, в

состоянии величайшего азиатского негодования против протоиерея Братановского. Это чувство негодования выразилось и против протоиерея Крастилевского, коего Братановский — племянник. Такое нравственное состояние осетин и черкесов, которые могли решиться на самый неприятный и громкий поступок, заставило Кавказского наместника князя Барятинского настоятельно просить моего предместника преосвященного Иоанникия о удалении Братановского из Моздока и поручить начальнику губернии наблюдение за исполнением этой просьбы.

Вашего святейшества и проч.
№ 12
1860 года”.

В конце 1860 года его императорское высочество великий князь Константин Николаевич запиской от 7 октября за № 2263 препроводил экземпляр составленного адмиралом графом Путятиным проекта преобразования морских учебных заведений с учреждением в Петербурге новой гимназии, прося епископа, в особенное личное одолжение его высочеству, сообщить ему совершенно откровенно свои замечания на этот проект не позже 1-го числа наступающего января 1861 года, что преосвященным и исполнено. Письмо великого князя:

“Препровождая Вашему преосвященству экземпляр составленного адмиралом графом Путятиным проекта преобразования морских учебных заведений с учреждением в Петербурге новой гимназии, прошу Вас принять на себя труд — в особенное личное мне одолжение сообщить совершенно откровенно Ваши замечания на этот проект. Я был бы особенно благодарен, если б получил оныя не позже 1-го числа будущего января.

№ 2263.
7 октября 1860 года
На подлинном подписано:
Константин”.

Ответ епископа Игнатия:¹⁴⁸

“Ваше императорское высочество!

Исполняя волю Вашу, имею честь представить мои примечания на проект преобразования морских учебных заведений.

Проект составлен при таком обилии теоретических познаний, при таком обилии практических познаний, доставленных опытом и наблюдательностью, что он представляется внимательно прочитавшему его изящным, стройным, целым, радующим взор ума и прочностью своею, и определенностью, и размерами. Здравая критика должна, по мнению моему, не предпринимать тщетных усилий к изысканию недостатков, но оценить труд и высказать пред публикою полное сочувствие к нему как к одному из залогов государственного благосостояния.

Очень может случиться, что при приведении проекта в исполнение некоторые мелочи потребуют изменения, но изменения потребуют ничтожные мелочи, которые и могут быть примечены только при применении проекта к делу. Проект можно уподобить кораблю, тщательно выстроенному на берегу и благовременно обеспеченному против трудностей плавания, против бурь и ветров. Таков проект и в отношении к исполнению его и в отношении к возражениям, если б они возникли против него.

Этим кратким отзывом я мог бы ограничиться: он вполне и со всею искренностью выражает то сознание, которое образовалось во мне от прочтения проекта, но не могу воспретить себе и нижеследующих указаний на некоторые частности проекта, возбудившие во мне особенное утешительное сочувствие. Указания послужат фактическим свидетельством пред Вашим императорским высочеством того, что я исполняю Вашу волю — говорю со всею откровенностью. Указания эти малочисленны: окажите милостивейшую снисходительность к неспециалисту! Уже тридцать три года отделяют меня от мирской жизни и ее занятий, даже ученых.

1. Проект устраняет прежний порядок приема воспитанников и предоставляет тому, кто считает себя способным, взять, так сказать, штурмом помещение в корпус на публичном состязательном экзамене. Нельзя не порадоваться этой мере, результаты которой должны быть исполнены обильной пользы, общественной и частной. Для ратоборства на экзамене явятся одни способные к морской службе, одни любители моря. Если же явится на экзамен тот, кто имеет о себе ложное понятие, признавая себя способным и будучи неспособен, такому доставится правильное понятие о себе. Это для молодого человека — великое благодеяние.

Прежний порядок приема вполне неоснователен. Принимали за заслуги отца, дяди, по протекции: попадало много детей в специальное училище без всякого призвания, без всяких способностей к наукам, преподаваемым в училище. Какие были последствия? Из сорока, примерно, учеников в классе учились должным образом десять. Прочие не занимались или занимались поверхностно, по недостатку способностей или будучи увлекаемы призванием к другим предметам. Мертвость неспособных и нежелающих учиться очень вредно действует на способных и любителей науки.

По выпуске из специального училища все, не чувствовавшие призвания к роду службы и неспособные к нему, спешили при первой возможности перейти в другой род службы, к которому они чувствовали склонность и способность, тем более что неспособные к одному разряду наук часто бывают весьма способны к другому. Правительство тратилось напрасно, тщетно трудясь над специальным образованием неспособных к нему многих молодых людей, а для этих молодых людей драгоценные годы, проведенные в училище, были невозвратно потеряны.

Новый способ приема устраняет невыгоды — и служебную и частные. В морские училища вступает группа молодых людей с односторонним исключительным направлением, с способностями, соответствующими направлению. Это

доставит единство обществу учащихся: оно, как единомысленное общество живых членов, должно оказать несравненно лучшие успехи в науках, нежели общество с направлением разносторонним и с многими мертвыми членами. Чтоб сохранить энергию в обществе учащихся, необходимо без всякой задумчивости исключать из него тех членов, в которых начнет замечаться мертвость.

2. Столько же важен по отношению к служебной и частной пользе тщательный медицинский осмотр вступающих в учебное заведение. Родители, родственники и протекторы отдают в училище дитя, лишь бы поместить его куда-нибудь, по большей части не зная состояния здоровья дитяти, суммы его телесных сил и того, каких сил и какого здоровья требует род службы, предназначаемый для дитяти. По этой причине случается, что дети слабых сил и здоровья, но способные и прилежные, усиливаются учиться хорошо, оказывают хорошие успехи, поддерживаются начальством, но постепенно, неприметным образом истощаются, теряют окончательно здоровье и на всю жизнь делаются бесполезными для себя и для общества.

3. Нельзя не порадоваться от души предполагаемому соединению в морских училищах теоретического преподавания с обильным практическим. Это предположение проекта должно быть принято всеми специальными военными учебными заведениями — так оно верно! Такой обильнейший плод ясно усматривается в результатах его всяким, опытно знакомым с недостатками прежнего преподавания!

В старинные времена инженерный офицер впервые видел крепость тогда, когда приезжал в нее на действительную службу. Коротко известное ему из науки и по чертежам делалось вполне новым, когда он в первый раз видел это коротко известное в натуре. Таково свойство способности человека воспринимать впечатления. Получить впечатления от чертежей — совсем не то, что получить впечатления от самих предметов. Стяжавший впечатления от чертежей и имеет только впечатления чертежей. Впечатления от предметов ему надо приобретать снова, потому что

предмет и чертеж предмета суть два различествующих между собою предмета, а отнюдь не одно и то же.

Это относится ко всей материальной стороне и фортификации, и артиллерии, и мореходного искусства. Даже изучение деятельного богословия является совершенно иным в результатах своих, когда не довольствуются одним теоретическим изучением христианских добродетелей, а к теоретическому присовокупляют практическое. Чертежи очень помогают точнейшему изучению предмета, когда он известен в натуре. По этой причине при осмотре предметов особенно полезна съемка их от руки, как то с решительностью доказал самый опыт. Такая съемка не отнимает много времени, но обыкновенно усиливает впечатление, производимое предметами, развивает понятие о предметах и изоощряет способности.

Например, кто ознакомился из науки с артиллерийскими орудиями и рассмотрел их по чертежам, тот имеет о них теоретическое полное познание. Кто, сверх того, имел возможность осмотреть орудия в натуре, тот имеет о них познание уже более отчетливое и самостоятельное. Кто же потрудился заняться съемкою орудия от руки, тот только — можно с достоверностью сказать — изучил их окончательно и вполне удовлетворительно. Правильная съемка отнимает много времени для одного какого-либо предмета и препятствует ознакомлению с другими предметами, столько же нужными. Она должна быть известна офицерам, назначенным не для чертежной, в известной степени, но съемке от руки необходимо дать развитие.

Способность подчиняться впечатлениям так важна в человеке, что даже при изучении математики те учащиеся, которые изучают ее единственно по книге, оказывают гораздо меньшие успехи, нежели те, которые принимают на себя труд собственноручно на бумаге или на грифельной доске практиковаться в математических выводах. Занимавшиеся при помощи сего способа сознавались и уверяли, что анализ какой-либо теоремы, тщательно ими написанный на бумаге или на доске, напечатлевался по подобию картины

в их воображении и способствовал самому ясному пониманию истины, заключающейся в теореме.

Способность принимать впечатления особенно сильно действует в детях и молодых людях. Этою способностью, хотя и большею, но ограниченной, по ограниченности всех свойств человека, надо пользоваться весьма благоразумно и осторожно, не тратя ее понапрасну, не допуская её развлекаться по множеству предметов, но сосредоточивая ее на существенно нужном по назначению человека.

Надо ожидать величайшей пользы, если стены комнат в морских училищах усеяны будут правильными рисунками знаменитейших европейских судов, гаваней, приморских крепостей. Дитя, в минуты свободы рассматривая рисунки для удовлетворения любопытства, незаметно для самого себя подвергается полезнейшим впечатлениям. Рисунки должны быть правильны. Рассматривание рисунков, при составлении которых допущена свобода воображения художника, столько же вредно для правильности понятий о предметах, сколько чтение исторических романов для приобретения и сохранения верных познаний в истории.

Самый плац или двор, где играют дети, должен быть наполнен моделями пушек, батарей и прочих предметов, впечатлениями которых должно наполняться воображение детей. По возможности все эти предметы должны быть в натуральном виде для правильности впечатлений и столько простой работы и дешевой цены, чтоб могли быть удобно починены и заменены новыми в случае повреждений.

Во времена оные в Инженерном училище имелись весьма дорогие затейливые модели некоторых европейских крепостей; даже дома, находившиеся в крепостях, были и в моделях, и в домах была мебель. Эти дорогие модели показывались тщательно посетителям училища, а учащиеся почти не видали их, будучи недопускаемы к ним с тою целию, чтобы кто-нибудь из них по неосторожности не повредил столика или стулика в каком-нибудь домике драгоценной модели.

4. Положенное проектом количество наук для морских учебных заведений и распределение преподавания их заслуживает полного одобрения. Доселе не обращалось было должного внимания на то, что излишество познаний отнимает у них качество. Ум человеческий, если представлено ему будет обширное поприще деятельности в длину и ширину или на поверхности, никак не может действовать в глубину. Или ум, приобретая во множестве познания, не может приобретать познаний основательных.

При таком, можно сказать, великолепном благоустройстве, которое ожидает морские учебные заведения, нельзя не пожелать, чтоб в свое время учебные руководства явились в печатных книгах, а не в одних литографированных записках. Печатные учебники составятся по естественному ходу дел человеческих несравненно отчетливее, нежели записки, неизвестные публике. Преподавание получит большую определенность и положительность.

5. Проект проникательно усмотрел важное условие в душе человеческой, ее естественную логику, отменив телесные наказания, дав прочим наказаниям благородный характер необходимых последствий справедливости и цели исправления, в чем заключаются уважение и любовь к человечеству, воспретив действие по увлечению страстей, в чем заключается презрение и ненависть к человечеству.

Увлекающийся страстию и необдуманностию при выговоре или наказании, во-первых, унижает и попирает человечество в самом себе, а потом в лице, подвергшемся взысканию, смешивая порок с человеком, между тем как существенная цель всякого исправления и состоит в том, чтоб отделить порок от человека. Замечено, что выговор имеет самое спасительное действие, когда делающий его энергически выставляет черную сторону порока и его пагубные последствия пред впадшим в порок, выражая вместе с этим искреннее чувство сожаления и благожелания к впадшему в порок. Столько же спасительно действие наказания, когда при назначении и исполнении его действие истекает из вышепредложенного взгляда и ощущения.

Действующего так можно уподобить вытаскивающему погрязшего в болото, очищающему его от грязи и тины, в которые он попал. Но тот, кто при выговорах и наказаниях смешивает порок с человеком и принадлежащее пороку приписывает лицу, по всей справедливости может быть уподоблен нашедшему своего ближнего погрязшим в болоте, пришедшему за это в негодование на ближнего и затем втоптавшему его еще глубже в зловредную грязь и тину, в которых можно даже утонуть.* И топят ближних своих, не подозревая этого свойства в своих действиях, многие, думающие исправлять их.

При тщательном, долговременном практическом изучении наказаний для молодых людей должно сознаться, что только два наказания должны быть допущены как существенно нужные и полезные: выговор и арест. Арест непременно должен сопровождаться диетой и удалением от всякого, самократчайшего по времени, общения с товарищами и со всяким лицом, могущим повредить безрассудным соболезнованием и советом тот образ мыслей, который должен сформироваться у арестованного во время его ареста.

Диета необходима по той причине, что при ней только ум виновного может возобладать над своим душевным волнением и ожесточением. Удаление от общения с товарищами и со всеми посторонними лицами необходимо потому, что разумно наказанному чрезвычайно вредно, когда он услышит, что он наказан слишком строго, что он страдает невинно, что подвергнувшие его наказанию — такие и такие. Безрассудное соболезнование уничтожает цель ареста, заключающуюся в том, чтоб молодой человек одумался, сознал свой поступок и раскаялся в нем. Чтоб помочь ему в этом, должен посещать его наставник, который обязан с крестостию внушать ему всю несообразность и низость его поступка и советовать ему принести чистосердечное раскаяние, потому что только при искреннем раскаянии возможно прочное исправление.

* Эта мысль принадлежит преподобному Антонию Великому. См. «Достопамятные сказания отцов», гл. 29.

Относительно подвергнувшегося аресту необходимо соблюдать кротость, соединенную с твердостью. Кротость спасительно действует на наказанного, фактически удостоверяя его, что к нему нет враждебного чувства, а твердость необходима для того, чтоб наказание принесло плод свой. Иначе оно может быть только вредным. Срок ареста должен быть определен раскаянием арестованного. Когда он принесет раскаяние, то это служит признаком, что врачевство — наказание — произвело спасительное действие; дальнейший прием лекарства был бы вполне нелогичен. Напротив того, выпуск из-под ареста прежде принесения раскаяния арестованным может подействовать на его нравственность весьма вредно.

В некоторой иноческой обители настоятель занимался по преданию Православной Церкви нравственным воспитанием молодых людей, вступивших в эту обитель. Помощником его был иеромонах весьма благочестивой жизни, сочувствовавший ему в его занятии. Наказаниями были выговор в вышеприведенном духе и арест. Иеромонах посещал трижды в день арестованного, доставляя ему все нужное, наблюдая, чтоб предписанная диета сохранялась в точности, чтоб устранение от общения со всеми, не понимающими таинств исправительной системы, соблюдалось со всею строгостью, увещавая самую кроткою и назидательною беседою арестованного, чтоб он сознал себя виновным, а наказание справедливою мерою и раскаялся.

После каждого посещения иеромонах приходил к настоятелю и передавал ему о состоянии арестованного, называя его незрелым или зрелым. Незрелым назывался тот, кто признавал себя правым, наказанным излишне строго, кто осуждал начальство. Созревшим назывался пришедший в сознание виновности своей и в раскаяние. Созревший, по докладе о нем иеромонаха настоятелю, обязывался написать к настоятелю письмо, в котором излагался взгляд, приобретенный арестованным во время ареста на его поступок, раскаяние и обещание исправления.

После сего иеромонах выводил заключенного из уединения его и представлял настоятелю, который уже со всею

любовию и участием делал ему наставление о преимуществах добродетельной жизни и о средствах, вспомоществующих молодому человеку стяжать благонравие. После сильного наказания необходимо явление любви, хотя и в весьма серьезной форме, как после операции нужны мягчительные и целительные пластырь и мазь. Таков совет св. Иоанна Лествичника.*

Выпускать незрелого из-под ареста — значит нанести ему и его товарищам величайший вред, как доказали единогласно все опыты. Вышедший из уединения с чувствами самомнения и ожесточения усваивает себе эти чувства. Усвоение этих чувств кладет печать на его характер и дальнейшее поведение. Он получает нерасположение к начальству, настроение своего духа он сообщает товарищам.

«Нечто взяли! — в таком роде обыкновенно выражается незрелый по выпуске из-под ареста пред товарищами своими. — Морили целые сутки, или двое, под арестом, безбожные! Сами бы попробовали на одних щах и хлебе с водою побыть! Допытывали, допрашивали — ничего не сказал! Прав да прав, да и только! Скажи-ка я, что такой-то нищий принес мне водки! Нищего ушлют, оставят без насущного хлеба и лазейку плотно закупорят — тут и пропадай все.

Странное и глупое требование людей, отживающих век, от молодого человека, чтоб он никогда не повеселился в просторе души. Без простора нет веселья. Я сказал им: хоть неделю держите, а я ничего знать не знаю — вам показалось, что я пьян! У вас обо мне, не знаю с чего, самые дурные мысли! Между тем я получил письмо, что мой дядюшка, который был мне вместо отца, умер, и от печали я сделался сам не свой... При этих словах я навзрыд заплакал. Плачу, а в душе хохочу! Поверили дураки, выпустили. Вот как надо с ними делать! Не то, что такой-то: посидел всего восемь часов и расплылся, все им сказал, а они уж, известно, по-своему распорядились».

* Лествица. Слово к пастырю.

Грех имеет свою логику, свою правду, свою силу слова! Такой яд быстро разливается в обществе юности, а потому одно условие освобождения от ареста есть истинное раскаяние, фактически доказываемое немедленным исправлением. Неспособный к раскаянию должен быть тотчас исключаем из общества, как должен знать о себе, что он неисправим, и как верный залог общественного повреждения. Молодежь сметлива. Если она увидит, что власть начальника и воспитателя, несмотря на свою кротость, исполнена твердости и решительности, что она не колеблется ни нежностью, ни лестью, заставляющими начальника отступить от требований благоразумия и истинной любви, то получает уважение и доверенность к власти и принимает относительно ее стройное почтительное положение. Кроткая вежливая просьба начальника признается приказанием, которое надо исполнить и исполнить.

Свойственно человеку думать о ближнем так, как о нем думали или думают, поступать с ближним так, как с ним поступали или поступают. Особенно дитя смотрит почти всегда на своих воспитателей и учителей без анализа, с доверчивостью и усваивает себе на всю жизнь их понятия и правила. По этой причине на начальнике учебного заведения и его помощниках лежит важная обязанность стяжать христианские нравственные правила и со всею тщательностью наблюдать, во-первых, за собою, удерживая себя от увлечения страстями, в особенности удерживая себя от всякого действия в минуту увлечения страстию. Человек не может не иметь страстей, надо научиться владеть ими.

Образ обращения и действия воспитателей по отношению к воспитанникам впоследствии будет служить руководством для воспитанников в обращении и в образе действий их относительно человечества. Надо иметь убеждение — а оно очень скоро приобретает наблюдением за собою и за другими — что во время увлечения гневом человек говорит и делает одни глупости, что в то время, когда он увлекается тщеславием, тогда он делается смешным и очень способным к обольщению. Начальники, предающиеся этим двум страстям

пред своими подчиненными, теряют их уважение и уничтожают искренность в их отношениях с собою. Телесные наказания, жестокие выговоры, проявление страстей в воспитателе, проявление его эгоизма действуют убийственно на нравственность воспитанников.

Неправильный взгляд на человека видел в таком обращении необходимое условие подчиненности — опыт показывает совершенно противное. Нет ничего вреднее для подчиненности и вообще для нравственности человека, как лишение его прав, принадлежащих ему, может быть, непонимаемых им с отчетливостью, но непременно ощущаемых в душе. Человек, которого права попораны, теряет уважение к правам других. Воспитанник, дитя и юноша имеет свои права как человек и гражданин. Ему необходимо дать правильное понятие о этих правах, ввести его в правильное познание прав, принадлежащих его ближним, усвоить ему уважение прав. Чтоб он уважал права других, необходимо уважать его права.

Какое гражданское общество должно признать истинно свободным? То, которому доставлены все права, которыми только можно пользоваться на земле человеческому обществу безвредно для себя; которого члены получили правильное понятие о правах своих и свято хранят эти права во всех своих взаимных отношениях. Такого состояния не может достичь общество иначе, как правильным воспитанием юношества в нравственном отношении.

Воспитанный в таком направлении молодой человек делается наилучшим подчиненным. Понимая и уважая права гражданского общества, в том числе и свои, он будет понимать и уважать права своего начальника, он будет ненарушимо хранить их, исполнять его приказания одинаково и пред глазами его и вне его взоров. Такой образ воспитания формирует характеры благородные, с искренностью и прямою, неспособные к лести. Воспитатель имеет необходимую нужду научиться различению слова искреннего и прямого от слова дерзкого, различению уважения и вежливости от ласкательства, непременно соединенного с неблагонамеренностью.

Всему этому может наставить наблюдение за собою при свете Евангельского учения. Предпринявший изучение высокой науки в самом себе — христианской психологии — сколько ни будет усовершенствовать себя, всегда найдет необходимым еще большее совершенствование и будет пользоваться всеми способами, доставляющими ему совершенное познание. Одним из важнейших средств к изучению человека в самом себе есть искренность с нами наших ближних. Словом прямым никак не должно оскорбляться, лишь бы оно не было вместе и дерзко. Отвергающий искренность и прямому ближнего отвергает свое нравственное совершенствование и, как нравственность не может быть без движения, подвергается нравственному упадку.

Когда при воспитании, при неправильном понятии воспитателя о подчиненности, будут попораны все права воспитанника, будет втоптан в грязь то уважение, которое он должен иметь к себе как к человеку, как к образу Божию, тогда в воспитаннике уничтожается чувство чести. Здесь говорится не о тщеславии и любви к почестям, но о сознании и чувстве своего назначения и достоинства, своих прав. С утратою чувства чести, с утратою сознания прав своих в молодом человеке уничтожается сознание прав всего человечества.

Добросовестность, благонамеренность, стремление к общественному благу заменяются унижительным, мелким эгоизмом. Подчиненность заменяется одною человекоугодливостию, столько порицаемою в Священном Писании,* состоящею в угождении страстям начальника при полном презрении к нему, ко всем его предначертаниям, распоряжениям и приказаниям. Человекоугодливость пресмыкается пред начальством в глазах его, льстит ему, лицемерствует и притворяется. За глаза она насмехается над ним, хвастается своим умением обманывать, дурачить его своими нарушениями его воли, своим искусным искажением и уничтожением его планов.

* Пс. 52; 6. Гал. 1; 10. Еф. 17; 6. Кол. 3; 22.

Благополучие и достояние ближних, благополучие и достояние государства не составляют неприкосновенной святости для потерявшего честь и совесть, для потерявшего понятие о правах. Он над всем смеется, как утративший уважение ко всему, и считает глупостию не принести в жертву, когда на то представляется случай и возможность, общественную пользу своим эгоистическим, гнусным, по их низости и зловредности, видам. Вся забота утратившего честь заключается в том, чтоб соблюсти некоторую благовидность при помощи лжи, лицемерства, обмана, клеветы и прочих подлостей.

Воспитание, которое проект предполагает доставить молодым людям в морских учебных заведениях, ручается за то, что эти заведения доставят государству должностных людей, высоко ценящих благо ближнего и общественное. Замечено, что шалунами обыкновенно бывают не занимающиеся науками. Спасительна мера для общества молодых людей немедленно исключать из этого общества членов, оказавшихся малонадежными по способностям и поведению, а не тратить понапрасну времени и трудов на исправление неисправимых, отравляющих все общество.

Скажут: такое исключение из общества может слишком уменьшить общество, а желающих вступить в него напугать и отклонить от вступления. Опыт доказывает противное. Повторим: молодежь сметлива. Можно ручаться, основываясь на опытах, что исключение немногих членов приведет оставшихся к необыкновенной бдительности над собою, сделает наказания почти ненужными и крайне редкими, а чрез это возвысит общество в нравственном отношении, вселит уважение и доверенность к нему в публике, привлечет в него множество самых полезных членов.

Этим ограничиваю мои замечания. Мне остается принести Вашему императорскому высочеству всесовершенную признательность за доставление мне истинного сердечного утешения ознакомлением меня с проектом преобразования морских учебных заведений. В нем я нашел опору многим моим думам, нашел отчетливо изложенным то, что осознал

безотчетливо, нашел много наставлений, которые пригодятся мне, если на то последует Божие благоволение, в моем служении. Остается мне пожелать, чтоб предначертание Вашего высочества увенчалось благополучнейшим успехом, по заветанию Священного Писания, которое говорит: *Начавший в вас доброе дело будет совершать его* (Флп. 1; 6).

Призывая на это дело всеобильное благословение Божие, с чувствами глубочайшего почтения и всесовершенной преданности имею счастье быть Вашего императорского высочества...”.

Но скорби не оставляли преследовать епископа Игнатия. Помянутый циркуляр, обличивший направление журнала Казанской Духовной академии, вооружил против него почти всех епископов, воспитанников Духовных академий, а кончина митрополита Новгородского и С.-Петербургского Григория лишила его единственного человека, принимавшего в нем дружественное и искреннее участие, основанное на единении духовном. В это лето 1860 года жена Крастилевского нашла доступ и покровительство своему супругу у митрополита Филарета Московского. Такое же покровительство нашел в лице московского святителя и ректор семинарии архимандрит Епифаний Избитский, вставший в ряду недовольных и искавший, так сказать, случая огласить свое нерасположение к епископу Игнатию.

Неудовольствие защитников Казанской академии против епископа усугубилось обстоятельством, которое епископ не счел возможным скрыть и должен был довести до сведения Синода, как факт, огласившийся во всем образованном обществе Ставрополя. Профессор Казанской академии Гусев, присланный в 1859 году для обревизования Ставропольской семинарии, на испытании воспитанников, в присутствии всех преподавателей семинарии и воспитанников учеников богословского отдела, кощунно отозвался о поведаниях библейских. Слова его повторялись одними кощунно, а благочестивыми христианами — с великою скорбью. Гусев, однако, получил награду — орден Св. Владимира 3-ей степени и сряду, однако, должен был оставить службу при академии.

Успешное влияние интриг ректора архимандрита Епифания в соединении с протоиереем Крастилевским при митрополите Филарете выразилось, с одной стороны, неподвижностью в Синоде исхода дела Крастилевского, с другой, нахально дерзкими безнаказанными действиями архимандрита Епифания, до того забывшегося, что в один из высокопраздничных дней, по окончании Божественной литургии в летнем кафедральном соборе, он, сослуживший епископу, вследствие спора с кафедральными священнослужителями, в присутствии командующего войсками генерал-адъютанта графа Евдокимова и всего военного и гражданского начальства, сопровождавших епископа к экипажу, подбежал к дверцам кареты и, остановив весь разъезд, с великим раздражением стал объяснять жалобу свою.

Епископ сказал: “Здесь не место — мы задерживаем всех” и приказал ему ехать в архиерейский дом, чтобы там объяснить ему случившееся. Оказалось, что архимандрит заносчиво оскорбил кафедральных священнослужителей и потому получил предложение епископа две недели не выезжать из дома. Взыскание это, естественно, не умиротворило архимандрита Епифания, опиравшегося на давнее покровительство митрополита Филарета.

Отношения митрополита Исидора к преосвященному Игнатию были также неблагоприятны. Они выразились довольно резко в проезде митрополита из Тифлиса на Киевскую кафедру. В видах поощрения и большего развития воспитанников семинарии старшего курса, епископ Игнатий ввел обычай призывать к себе на духовную беседу и рассуждения о предметах веры воспитанников семинарии богословского курса, отличающихся благонравием и успехами в науках, по засвидетельствованию ректора, и в сопровождении профессоров. Беседы эти происходили за вечерним чаем, сопровождаемым угощением фруктами и разными сластями.

Такое обращение епископа с своими подчиненными показалось митрополиту Исидору до неприличия фамильярным,

и он, при свидании с ним в г. Георгиевске, не остановился сделать ему словесный строгий выговор, на который епископ отвечал одним молчанием. Особенная неуместность этого обстоятельства и бестактность, чтобы не сказать недуманность, выговора состояла в том, что он был сделан в присутствии начальника губернии генерал-лейтенанта Волцкого, нашедшего нужным успокаивать митрополита, убеждая его удовлетвориться молчанием епископа.

Когда преосвященный митрополит Исидор занял место вскоре за тем почившего Санкт-Петербургского митрополита Григория, епископ Игнатий письмом просил митрополита Исидора о переводе его в одну из епархий восточной России, где бы он мог присмотреть себе монастырь, чтобы поселиться в нем на покое. Просьбе этой митрополиту Исидору угодно было дать тот смысл, что будто бы преосвященный Игнатий просил очистить ему вакансию на Воронежскую кафедру, а потому, так как кафедра эта занята, то и просьба преосвященного удовлетворена быть не может. Иронический тон письма не оставлял никакого недоразумения. Напрасна была просьба его об этом же к Филарету Московскому.

Между тем, преосвященного постигла очень тяжелая болезнь — натуральная оспа, при сильном горячечном состоянии. Болезнь длилась, выздоровление хотя наступало, но медленно, силы его стали видимо слабеть, и он решился проситься прямо на покой, в уже знакомый ему Николо-Бабаевский монастырь Костромской епархии. В конце июля 1861 года подал о том рапорт в Синод и обратился со всеподданнейшим письмом к государю императору.

Вот содержание этого письма¹⁴⁹:

“Августейший монарх,
всемиловитивейший государь!

Чувствуя изнеможение сил от болезненности, продолжающейся около сорока лет, и постоянно питая в душе моей желание окончить дни в уединении, я подал в Святейший Синод рапорт, в котором, донося о состоянии своего здо-

ровья, прошу об увольнении меня от управления епархией и о предоставлении мне в управление общежительного Николо-Бабаевского монастыря на Волге, в Костромской епархии, по тому образцу, как это делалось для многих архиереев, уволенных от дел епархиальных. То милостивое внимание, которого удостаивали меня Ваши августейшие родители, называя меня своим воспитанником, позволяет мне обратиться к Вашему императорскому величеству со всеподданнейшею и убедительнейшею просьбою. Не во внимание к какой-либо заслуге или достоинству, коих нет у меня, в память Ваших почивших родителей окажите мне милость, повелите удовлетворить моему прошению, даруйте мне просимый приют, в котором я мог бы окончить дни мои, вознося недостойные и убогие молитвы к Богу о благоденствии Вашем и всего Вашего августейшего дома, о покое и вечном блаженстве Ваших приснопамятных родителей.

С чувствами верноподданическими благоговейнейшего уважения и совершеннейшей преданности имею счастье быть и проч. 24 июля 1861 года”.

Августа 5-го состоялось увольнение с назначением пенсии по тысяче рублей в год, впоследствии она по высочайшему повелению увеличена прибавкою пятисот рублей в год.

19 сентября 1861 года государь император посетил Кавказ, но в Ставрополе не был, а, осматривая вновь покоренные земли за Кубанью, спрашивал у графа Евдокимова (главная квартира которого была в Ставрополе) о преосвященном и через него прислал ему орденские знаки Св. Анны 1-ой степени, которые уже не застали владыку в Ставрополе, а отправлены были ему по почте на новое место жительства.

При отъезде из Ставрополя, также как и прежде из С.-Петербурга, у преосвященного не имелось собственных денежных средств. Он должен был опять прибегнуть к посторонней помощи, чтобы рассчитаться с некоторыми долгами и покрыть путевые издержки. На пути следования через Москву он остановился у старого знакомца своего преосвященного

Леонида, епископа Димитровского, викария Московского.¹⁵⁰ При представлении своем митрополиту Московскому он докладывал ему свои замечания о грустном и несоответственном цели воспитании юношества, приготавливающегося к служению Церкви, и о губительном вторжении в среду воспитателей, а потому и воспитываемых, идей самых враждебных, противоположных духу христианства в его церковно-православном учении.

Владыка Московский высокопреосвященный Филарет сознавал истинность этого явления, свидетельствованного множеством фактов, и вместе оправдывал свое невмешательство в дело духовно-учебное старостию своею и своим отдалением от центра духовно-административного.

На другой день после свидания с высокопреосвященным, епископ Игнатий подвергся нервному удару в правую ногу (ichias), что заставило его отнестись к медицинской помощи и продлило пребывание его в Москве на целых две недели. Хотя множество поставленных пиявок ослабили действие удара, но с того времени преосвященный постоянно чувствовал слабость и болезненность в этой ноге.

Для полноты очертания плодов деятельности епископа Игнатия на Кавказской кафедре здесь уместно будет сказать, что множество следственных дел, тянувшихся производством часто по предлогам не только неуважительным, но даже и умышленно недобрым, множество неудовольствий между прихожанами и духовенством и еще большее число дел, возникших от враждебных столкновений уездных гражданских властей с духовными — или были прекращены примирением враждовавших сторон, или разобраны и решены окончательно. Из множества их ко времени выбытия епископа на покой осталось сравнительно ничтожное число неоконченных, так что вообще, можно сказать, все отрасли епархиального управления оживились самою энергично-благотворною деятельностью.

Занятия по управлению епархией не изменяли его обычного келейного дела, его главного иноческого подвига в постоянном самонаблюдении. Он продолжал внимательно изучать жизнь монашество как науку жизни, ведущую

к христианскому совершенству. Здесь кроме устно сказанных им поучений, преимущественно из опытов аскетического подвига, он написал всю книгу, озаглавленную им: “Приношение современному монашеству”, составившую 4-ый том его творений, изданную в 1867 году.¹⁵¹ В ней преподает он современному монашеству советы жизни иноческой в правилах наружного поведения и во внутренней душевной деятельности, применительно к тем многообразным служениям, какие возлагаются на монашествующих в наше время.

Здесь же составил он слова: “О различных состояниях естества человеческого по отношению к добру и злу”,¹⁵² “О чувственном и духовном видении духов”¹⁵³ и “О спасении и христианском совершенстве”.¹⁵⁴ Слово о видении духов составлено преосвященным на основании учений святых отцов Вселенской и Восточной Церкви, подтвержденных и уясненных его собственными опытами. В опыты эти он введен был перстом Промысла Божия и, изведывая их в течение большей половины своей духовной жизни, изображал их в своих книгах, рассматривая и описывая их как с духовной, так и физической стороны.

Здесь же в Ставрополе по поводу нового догмата, введенного Римскою Церковью в учение о рождестве Божией Матери, по просьбе местных благочестивых православных христиан,* им изложено: “Учение Православной Церкви о Божией Матери”¹⁵⁵, помещенное в конце “Аскетической проповеди”, составляющей 3-ий том сочинений епископа Игнатия издания 1867 года.

Примечания

¹⁵¹ Замечания свт. Игнатия о нуждах Кавказской семинарии по предмету ее образовательного благоустройства (от 4 мая 1859 г., № 38). Ответ на требование обер-прокурора Св. Синода А. П. Толстого. ПСТ. Т. 2. С. 543–544.

* Главным образом, Григория Ивановича Филипсона, командовавшего тогда войсками Правого крыла Кавказской линии.

¹³² Представление свт. Игнатия к исправляющему должность обер-прокурора Св. Синода князю С. Н. Урусову о ректоре семинарии архимандрите Германе (от 18 июня 1859 г., № 54). ПСТ. Т. 2. С. 546–547.

¹³³ Ходатайство свт. Игнатия к обер-прокурору Св. Синода А. П. Толстому о преподавании татарского и осетинского языков в семинарии (от 21 сент. 1859 г., № 94). Там же. С. 557–559.

¹³⁴ Отношение свт. Игнатия к исправляющему должность обер-прокурора Св. Синода кн. С. Н. Урусову по делу о протоиерее Крастилевском (от 5 июня 1859 г., № 48). Там же. С. 544–546.

¹³⁵ Представление свт. Игнатия в Св. Синод с делами о протоиерее Крастилевском (от 22 июня 1859 г., № 59). Там же. С. 548–550.

¹³⁶ Предложение свт. Игнатия Кавказской духовной Консистории по делу протоиерея Крастилевского (от 6 июля 1859 г., № 65). Там же. С. 552–554.

¹³⁷ Рапорт свт. Игнатия в Св. Синод по делу о протоиерее Крастилевском (от 6 июля 1859 г., № 64). Там же. С. 550–551.

¹³⁸ Рапорт свт. Игнатия в Св. Синод о переводе протоиерея Крастилевского в другую епархию (от 7 сент. 1859 г., № 88). Там же. С. 556–557.

¹³⁹ Отношение свт. Игнатия к начальнику губернии [П. А. Брянчанинову] о постройке каменной церкви в г. Моздоке для иконы Иверской Божией Матери (от 1 янв. 1860 г. № 1). Там же. С. 563–564.

¹⁴⁰ Игнатий (Брянчанинов). Записка о чудотворной иконе Иверской Божией Матери в моздокской Успенской церкви и о необходимости деревянную церковь заменить каменной (от 1 янв. 1860 г.). Там же. С. 565–568.

¹⁴¹ Предложение свт. Игнатия Ставропольской Духовной семинарии о потребностях епархии по пополнению личного состава клиров церковных (от 9 нояб. 1859 г., № 105). Там же. С. 559–560.

¹⁴² Под заглавием “Речь преосвященного Игнатия, епископа Кавказского и Черноморского, на торжество по случаю покорения Восточного Кавказа, произнесенная 25 авг. 1860 года в Казанском кафедральном соборе г. Ставрополя Кавказского” опубликовано в кн.: Соколов. Ч. 1. С. 295–296. (В сокр.); Там же. С. 554–556.

¹⁴³ Записка свт. Игнатия наместнику Кавказскому кн. А. И. Барятинскому о потребностях Кавказской епархии (дек. 1859 г.). Там же. С. 561–563.

¹⁴⁴ Представление свт. Игнатия наместнику Кавказскому кн. А. И. Барятинскому об ускорении выдачи жалования моздокскому и кизлярскому духовенству (от 9 мая 1860 г., № 19). ПСТ. Т. 2. С. 568–569.

¹⁴⁵ Представление наместнику кн. А. И. Барятинскому о бедственном положении архиерейского дома и епископской кафедры в Ставрополе (от 10 июня 1860 г.). Там же. С. 569–573.

¹⁴⁶ Письмо (конфиденциальное) свт. Игнатия наместнику Кавказскому кн. А. И. Барятинскому о положении Кавказского епархиального управления (от 10 июня 1860 г.). Указанная дата — 13 апр. 1860 г. — вероятно, ошибка переписчика. Там же. С. 573–577.

¹⁴⁷ Рапорт свт. Игнатия в Св. Синод с представлением дела о злоупотреблениях настоятеля моздокской Успенской церкви и благочинного протоиерея Братановского (янв. 1860 г., № 12). Публикуется впервые.

¹⁴⁸ Прижизненную публикацию ответа свт. Игнатия см. в кн.: Замечания разных лиц на проекты преобразования морских учебных заведений адмирала графа Путятина, 1860–1861. Ч. 2. Подлинные отзывы в алфавитном порядке. СПб., 1861. С. 499–510. Опубликовано также в кн.: Соколов. Ч. 2. С. 48–58; ПСТ. Т. 3. С. 506–517.

¹⁴⁹ Письмо публиковалось в тексте “Жизнеописания епископа Игнатия Брянчанинова...”, изданном в 1881 г. и первом томе “Аскетических опытов” во всех собраниях сочинений святителя, начиная с 1886 г. В ответ на это письмо “высочайшим указом, данным 5-го августа 1861 года, епископ Кавказский Игнатий, согласно его прошению, всемилоостивейше уволен от управления епархией и, согласно его личному желанию, определением Св. Синода от 9 авг. 1861 г. за № 1752 пребывание ему назначено в Николаевском Бабаевском монастыре Костромской епархии, который предоставлен был преосвященному Игнатию в главное управление с тем, чтобы настоятель и братия монастыря состояли к нему в таких же отношениях как бы к епархиальному преосвященному, с пользованием лучшими келиями, отоплением, освещением, прислугою и экипажем, но без штатного по монастырю содержания” (Соколов. Ч. 1. С. 297).

¹⁵⁰ Преосвященный Леонид (Л. В. Краснопевков, 1817–1876) — епископ Дмитровский, архиепископ Ярославский. Познакомился в 1836 г. в Троице-Сергиевой пустыни с архимандритом Игнатием, который наставил его на иноческий путь. Скончался при объезде своей епархии в Николо-Бабаевском монастыре, накануне отслужив панихиду на могиле своего духовного наставника. Опубликовано 8 писем к нему свт. Игнатия за 1859–1867 гг. (Собрание писем. 1995. С. 56–66).

¹⁵¹Т. 4. Приношение современному монашеству, заключающее в себе правила наружного поведения для новоначальных иноков и советы относительно душевного иноческого делания/Предисл. и примеч. авт. Спб., 1867.

¹⁵²Слово о различных состояниях естества человеческого по отношению к добру и злу//Игнатий (Брянчанинов). Т. 2. Аскетические опыты. М., 1993. С. 362–412.

¹⁵³Слово о чувственном и духовном видении духов//Игнатий (Брянчанинов). Т. 3/4. Слово о смерти. Аскетическая проповедь. М., 1993. С. 3–67 1-й паг.

¹⁵⁴Слово о спасении и христианском совершенстве//Игнатий (Брянчанинов). Т. 2. Аскетические опыты. М., 1993. С. 328–361.

¹⁵⁵Изложение учения Православной Церкви о Божией Матери//Игнатий (Брянчанинов). Т. 3/4. Слово о смерти. Аскетическая проповедь. М., 1993. С. 398–437 2-й паг.

ВНикола-Бабаевский монастырь преосвященный приехал 13 октября 1861 года.¹⁵⁶ С ним прибыли: управлявший при нем Кавказским архиерейским домом игумен Иустин, присный духовный сын епископа, ризничий иеромонах Каллист, из послушников Сергиевой пустыни, иеромонах Феофан, состоявший духовником при Андреевской церкви Ставропольского архиерейского дома, из иноков Никифоровской пустыни Олонецкой епархии, и несколько послушников. Последние состояли на Кавказе под духовным руководством иеромонаха Феофана, который, равно как и игумен Иустин и иеромонах Каллист, пользовался сам советами и духовными наставлениями владыки Игнатия. Таким образом, все лица, прибывшие с Кавказа в Бабаевскую обитель, составляли одну духовную семью, и их дружный образ действий скоро повлиял на весь внутренний и внешний быт обители.

Время основания Никола-Бабаевского монастыря с точностью определить нельзя, потому что письменные документы его истреблены многократными пожарами. Известно, что местность, занимаемая ныне Бабаевским монастырем, принадлежала Московскому Никола-Угрешскому монастырю, основанному великим князем Димитрием Иоанновичем Донским. Основание Бабаевского монастыря, таким образом, должно отнести ко временам преемников Донского. Никола-Бабаевский монастырь по уставу своему есть общежительный, а по иерархическому значению — заштатный.

В монастыре имеются две чудотворные иконы: 1) Иверской Божией Матери и 2) Святителя Николая Чудотворца, особенно чтимая народом как в городах Ярославле и Костроме, так и во всей окрестной местности. При иконе этой имеется частица мощей угодника Божия, хранящаяся в особо устроенной серебряной раке. Местное предание говорит, что частица эта святых мощей святителя пожертвована князем Потемкиным Таврическим, которому в окрестностях монастыря принадлежало более двенадцати тысяч душ крестьян. Князю частица эта прислана была в дар от папы, а князем прислана в обитель через управлявшего его имениями Аладова. Сама же икона святителя обретена на бабайках — веслах, сделанных из цельного бревна, употребляемых на плотах, в кои связываются бревна, сплавляемые по реке на продажу, и которые при вводе плотов в речку Солоницу складывались за ненадобностью близ монастыря на правом берегу речки при впадении ее в реку Волгу. По этой причине и икона и обитель названы Бабаевскими.

Место, на котором расположен монастырь, довольно живописно. Его составляет мыс, образуемый впадением речки Солоницы в реку Волгу, которыми отделяется Костромская губерния от Ярославской. Монастырь стоит в 100 сажнях от реки и речки, глубокой в ее устье. Противоположные левые берега и реки и речки — заливные луга, принадлежащие соседним селам и деревням Ярославской губернии. Южная сторона монастыря украшается прилегающей к ней дубовой рощей, западная — пашенным лугом и обильными источниками ключевых чистейших вод, исторгающихся из недр земли и текущих ручьем в Волгу. Грунт земли песчаный, с раскинутыми по нему каменными грядами булыжника, встречающегося и в весьма значительной величины камнях, которые в деле — в обтесанном виде — подходят под вид гранита цвета большей частью серого с синим или красноватым отливом. Почва земли много благоприятствует тому, что в климатическом отношении монастырь отличается здоровым воздухом.

За обеими реками монастырь владеет в Ярославской губернии небольшими сенокосными лугами. Жители Ярославля

издавна расположены к Николо-Бабаевскому монастырю и с особенным благоговением и верой чтут имеющуюся в нем святыню — чудотворную икону святителя Николая. По-видимому, выгодное положение обители, стоящей на полпути между двумя губернскими городами — Ярославлем и Костромой — и при одном из первых водных сообщений, на котором имеет свою пароходно-пассажирскую пристань, должно наекать на материальное благосостояние ее, но на самом деле было не то. Пришельцы с Кавказа застали этот общежительный монастырь всего с шестьюдесятью рублями наличных денег, при двух тысячах рублей долга, притом перед самым вступлением в зиму без всякого запаса хлеба и заготовки дров. Хлебопашеством в монастыре вовсе не занимались.

Быстрому благоустройению обители много помогло то обстоятельство, что еще до приезда преосвященного Игнатия бывший настоятель ее игумен Парфений, по собственному желанию и просьбе, был перемещен епархиальным начальством в Надеевскую пустынь той же Костромской епархии и должность его была сразу занята игуменом Иустином. Благочинным монастыря был назначен иеромонах Каллист, а иеромонах Феофан сделан вторым духовником.

Чин богослужения, порядки келейного жительства, братская трапеза и жилища — все было поведено к улучшению. С открытием весны заведено правильное хлебопашество на земле, прилегающей к монастырю (около восьмидесяти десятин частью болотной, частью наносно-песчаной), для чего была произведена разбивка полей, прорыты каналы для осушки болот и через них болотные воды спущены в Волгу.

В то же время начата перестройка келий, предназначенных епископом для него самого. Он выбрал себе две комнаты просторные, высокие, обращенные окнами на юг, в черный двор, в корпусе келий, названном “больничным”, по устройству в нем в восточной оконечности корпуса церкви, примыкающей к ней своей западной стеной. Корпус этот выстроен вертикально к течению реки Волги от запада к востоку, а потому великолепная картина Волги закрыта для

обитателя этих келий, ему видны только вершины древних дубов монастырской рощи, примыкающей к черному двору, обставленному рухольным амбаром, погребом-ледником, баней с прачечной, дровяными сараями и по переднему фасаду корпусом, в котором живут рабочие и помещаются мастерские.

Одновременно с келиями владыки начато капитальное исправление корпуса братских келий и настоятельских. Корпус этот, с одной стороны, обращенной к Волге — двухэтажный, с другой, обращенной внутрь монастыря — одноэтажный, его нашли нужным сшить поперечными железными полосами, так как он от сырости места и от неравномерной осадки значительно истрескался в этом направлении. Гостиница для приезжающих, расположенная у самой ограды монастыря, была вся переделана внутри и по возможности прилично меблирована.

В первый год по прибытии владыки Игнатия на Бабайки посетил его старинный друг М. Чихачев, и это свидание их было последнее в жизни. Обоими признано было, что последнему не надо покидать своего места жительства — Сергиевой пустыни, в которую он положил все свое состояние и пользовался в ней всеобщим уважением братства и теми удобствами, какие необходимы были для него в болезненной старости.

В конце июня 1862 года приехал в Бабаевскую обитель на жительство родной брат владыки Петр Александрович Брянчанинов. Испросив увольнения от службы с должности Ставропольского гражданского губернатора, он поселился в монастыре на правах богомольца.

В мае 1862 года епископ Игнатий посетил преосвященных Платона в Костроме, Нила в Ярославле и Ириней в Толгском монастыре близ Ярославля, после этой поездки уже никуда не выезжал из монастыря, кроме прогулки в экипаже по окрестностям монастыря в хорошую погоду. В семь часов утра он пил чай, который признавал необходимостью как средство, согревающее кровь, и говаривал: “Вот что значит старость: не напившись чаю, и Богу не способна помолиться!” С 9-ти часов принимался за дела, или выходил к

литургии, или осматривал производящиеся работы, принимал посетителей, по большей части крестьян больных, пользовавшихся от владыки медикаментами (гомеопатическими).

Таких больных стекалось очень много, один из келейников записывал имена их в книгу, лета и род болезни, а владыка отмечал какое кому дать лекарство, число приемов и диету, если таковая оказывалась нужной. Лечение шло успешно, но через три года было прекращено по причине многолюдного стечения больных, нарушавших уединение святителя. В исходе 12-го часа дня владыка обедал. Стол его был простой, и кушал он очень умеренно. В 3-м часу кушал чай, к которому всегда призывал кого-либо из братии и завершал угощение душеспасительной беседой. После вечерни до 8-ми часов принимал всех, имевших к нему духовную нужду иноков и послушников, а также и посторонних посетителей. С 8-ми часов вечера владыка запирался в своих келиях, он спал обыкновенно не раздеваясь, на ночь надевал валеные сапоги по причине болезни ног, издавна простуженных. Такова была обстановка келейной жизни преосвященного Игнатия на Бабайках.

Июня 29-го 1863 года Бабаевская обитель была осчастливлена посещением его императорского высочества государя наследника цесаревича Николая Александровича. Его высочество прибыл из Ярославля на пароходе к одиннадцати часам утра. От пристани он изволил ехать в монастырь с графом Сергеем Григорьевичем Строгановым в монастырском фаэтоне. Владыка в полном облачении со святым крестом в руках и святой водой встретил его на паперти церкви святителя Николая, провел к предназначенному ему месту против чудотворной иконы святителя и тотчас же начал литургию. Богослужение совершалось величественно, в отличном порядке, и крылосные пели удачно. После литургии его высочество почтил преосвященного своим посещением и принял приготовленный ему и свите его в келиях епископа рыбный завтрак.

В половине 2-го часа пополудни его высочество отправился в дальнейший путь на Кострому. По отбытии дорогого гостя Ярославское городское общество на особом пароходе,

сопровождаящее цесаревича до монастыря, пожелало отслужить благодарственный о здравии его высочества соборный молебен, в конце которого была коленопреклоненно принесена напутственная о путешествующем молитва.

С приездом преосвященного Игнатия в монастырь стечение народа к богослужениям значительно увеличилось. Церковь святителя Николая, вмещающая не более шестисот человек, стала тесна, вся монастырская братия и окрестные жители стали выражать желание построить новый храм вместо пришедшего в опасное состояние соборного храма Иверской Божией Матери шестипридельного, в четырех приделах которого уже воспрещено было отправлять богослужение, так как образовались большие трещины по всем направлениям каменных сводов. Явился жертвователем — подрядчик каменных работ ярославский мещанин Федотов, обещавший всю каменную работу исполнить своими рабочими безвозмездно и дать на начальное действие тысячу рублей.

Преосвященный вызвал из С.-Петербурга знакомого ему архитектора, профессора Академии художеств И. И. Горностаева¹⁵⁷, и передал ему свою величественную идею нового храма, которую тот осуществил в своем проекте. Чтобы разобрать разрушившийся соборный храм, надо было исходатайствовать через обер-прокурора Святейшего Синода высочайшее разрешение, а также подлежала высочайшему утверждению постройка нового храма. Между тем, монастырю необходимо было спешить с разборкой храма, так как рабочие Федотова в случае неразрешения готовились отправиться в Петербург на свои заработки, тогда и Федотов вынужден был бы отказаться от обещанного, что составило бы большую потерю для храмоздателей.

В субботу на первой неделе Великого поста государь по приобщении Святых Таин благоволил вспомнить, что у обер-прокурора есть нужные к докладу дела и потребовал представить их. Обер-прокурор, директор его канцелярии, начальник отделения — все, через руки которых шло дело о Бабаевском храме, были в этот день причастники. Государь принял во внимание пожертвование Федотова и благоволил

разрешить разборку старого храма. В тот же день разрешение было передано по телеграфу через Ярославль в Бабаевский монастырь. Вся братия монастыря были причастники, но владыке об этом было доложено на другой день — в воскресенье, в неделю Православия, после литургии, которую он совершал сам. Таким образом, совершилось достойное замечания событие: первый шаг к сооружению нового храма был сделан лицами, которые все без изъятия только что сподобились причаститься Святых Христовых Таин — видимый признак благословения Божия на начатое дело.

С понедельника второй недели поста началась разборка старого храма, дело шло быстро. Кирпич заготавливался на заводах, устроенных при монастыре, добывался на месте дикий камень, который пошел в цоколь здания, распланирована была местность, так как новый храм воздвигался немного далее вглубь берега, размеры фундамента обозначены. Твердый грунт не требовал свайных укреплений, предположено было с наступлением весны приступить к сооружению здания.

Ждали утверждения проекта, которое замедлилось. Министр путей сообщения находил, что архитектурные линии в нем слишком смелы, чтобы могли быть благонадежно исполнены. Только по личным объяснениям архитектора Горностаева министерство согласилось на утверждение. Таким образом, проект храма в честь чудотворной иконы Иверской Божией Матери был приготовлен ко всеподданнейшему докладу, который в свою очередь разными случайностями оттянулся до конца мая и лишь в 21-е число того месяца, день празднования иконы Божией Матери Владимирской, государь изволил утвердить проект. “Над построением храма Богоматери, — писал владыка своему брату, — очевиден перст Богоматери. Даруется человекам, труждающимся в деле, помощь, вместе даруется им побороться с препятствиями и поскорбеть для их же душевной пользы, чтобы очистить дело от примеси тщеславия и других увлечений, чтобы оно было совершено в богомудром смиренномудрии. Таков обычный ход дел, покровительствуемых Богом”.*

* Собрание писем. 1995. С. 759.

Сооружению нового храма доставляли денежные средства расположенные к монастырю граждане гг. Ярославля и Костромы. Преосвященный ярославский Нил (в миру Николай) сочувственно отнесся к желанию граждан ежегодно переносить с крестным ходом чудотворную икону святителя Николая из Бабаевского монастыря в Ярославский кафедральный собор. Костромской преосвященный Платон выразил свое одобрение, и Святейший Синод указом от 4 июля 1866 года уважил и разрешил ходатайство ярославского архiepастыря. С тех пор икона эта носится ежегодно в Ярославль, встречаемая и провожаемая десятками тысяч жителей.¹⁵⁸

Живя на покое в Бабаевском монастыре, освобожденный от обязанностей служебных, преосвященный Игнатий отдавал все свободные часы своего дня пересмотру и пополнению своих аскетических сочинений. Труды по напечатанию их принял на себя поселившийся при нем родной брат его П. А. Брянчанинов. Между всеми изданными в это время сочинениями особенно замечательным является «Слово о смерти», в первый раз напечатанное издателем журнала «Домашняя беседа»¹⁵⁹ Аскоченским. Оно вместе с некоторыми другими сочинениями епископа Игнатия подверглось рецензии, составленной священником Павлом Матвеевским и помещенной в сентябрьской книжке духовного журнала «Странник» за 1863 год¹⁶⁰, тогда издававшегося протоиереем Гречулевицем. По важности обвинений, возводимых печатно священником на епископа, преосвященный Игнатий не счел возможным оставить ее без отзыва, который и был напечатан в журнале Аскоченского «Домашняя беседа» под псевдонимом «Православного»¹⁶¹. Прилагаем его во всей его полноте.

**Отзыв Православного на рецензию «Слова о смерти»
и других сочинений епископа Игнатия священником Павлом
Матвеевским, помещенную в сентябрьской книжке
за 1863 год духовного журнала «Странник».**

«В сентябрьской книжке духовного журнала «Странник» мы прочитали рецензию сочинений епископа Игнатия, сде-

ланную священником Павлом Матвеевским. По важности обвинений, возводимых печатно священником на епископа, рецензия эта не должна быть оставлена без отзыва.

Священник начинает разбор с поучений епископа, видит в них, и справедливо, аскетическое направление. Оно должно характеризовать сочинения епископа, прошедшего жизнь в уединении монастырском, возванного к служению святителя уже в преклонных годах. О поучениях священник не сказал ни добра, ни худа. О поучении 13-м по Пятидесятнице он выразился: длинное-предлинное. Для определенности приговора прибавим: дельное-предельное, заслуживает оно внимания современных христиан. Священник присовокупляет, что оно, будучи длинное-предлинное, по этой причине осталось даже непроизнесенным. Откуда почерпнул он это сведение? Мы знаем, что указываемое поучение и некоторые другие, напечатанные и ненапечатанные, написаны именно для келейного чтения. Священник сам видит в нем это свойство, называя его нравоучительным размышлением. Рецензия с первых слов выразила свои направление и характер.

Священник не сочувствует «Слову о смерти», составленному епископом. Он не согласен с мнениями епископа, как говорит: 1) о телесности души и духов; 2) о чувственности рая; 3) о нахождении ада внутри земли и 4) о расположении злых духов и мытарств в воздухе. Основываясь на сделанных им возражениях, священник возлагает на епископа обвинение — не прямое — в ереси (с. 30) и в том, что теория его примыкает к новейшему материалистическому взгляду и, так сказать, подает ему руку (с. 34). Рассмотрим достоинство обвинений священника.

«С одной стороны, — говорит священник, — автор сознался, что Св. Писание и св. отцы постоянно называют духов бесплотными, а с другой, он ничем не может доказать, чтоб они называли духов бесплотными только относительно... Понятие относительности есть произвол, ничем не оправдываемый» (с. 30). Далее священник говорит, что на основании такого произвола можно вдаваться в заблуждение

и что впади в него древние еретики: «ведь они старались, — говорит он, — при помощи своеобразной системы толкования опираться свои заблуждения на Св. Писание» (с. 30). Очевидно, это относится к епископу.

В «Богословии» преосвященного Антония¹⁶², которое по определению Святейшего Синода служит учебным руководством во всех семинариях России, преподается следующее учение о ангелах: «Они бестелесны. Впрочем, святые отцы понимают бестелесность ангелов в смысле ограниченном, именно, что они бестелесны только по сравнению с нами, облеченными грубою и тяжкою плотию. Святой Иоанн Дамаскин говорит: бестелесным и невещественным называется ангел по сравнению с нами. Ибо все в сравнении с Богом, Единым Несравнимым, оказывается грубым и вещественным. Одно только Божество в строгом смысле невещественно. Они невидимы. Впрочем, и сие свойство принимается отцами ограничено. Ангел, душа, демон, — говорит св. Дамаскин, — хотя и не имеют грубости телесной, но также имеют вид и ограниченность, свойственные своей природе. Одно Божеское Существо неописанно, совершенно безвидное, необразно и неограниченно».*

Это учение проповедуется по определению Святейшего Синода во всей России, это учение преподается всем юношам, приготовляющимся быть пастырями народа, преподается для собственного знания их и для научения народа. Где ж произвол в понятии о относительной бесплотности духов, произвол, в котором обвиняет священник епископа? Поспешил священник сказать, что епископ ничем не может доказать, чтоб Св. Писание и св. отцы называли духов бесплотными только относительно! Поспешил священник обвинить епископа, что епископ поспешил возвести на степень положительности мнение о телесности души и духов (с. 38). Вся Православная и Восточная Церковь исповедует

* Издание седьмое 1857 года. Известно, что «Богословие» преосвященного Антония переведено на греческий язык для руководства им в преподавании. По такому значению этого «Богословия» в Православной Церкви мы будем часто ссылаться на него и объявлять его учение как учение Церкви.

невидимость и безвидность духов по отношению к нам и вместе исповедует, что они имеют вид и ограниченность, свойственные своей природе. Епископ Игнатий последует со всею точностию верованию Православной Церкви, а священник Матвеевский уклонился от нее по произволу своеобразным и опрометчивым толкованием недоступного для постижения человеку, проводящему жизнь посреди житейских попечений (Преподобный Макарий Великий. Беседа 21, гл. 4).

Священник говорит, якобы епископ сознался, что Священное Писание и святые отцы постоянно называют духов бесплотными. В «Слове о смерти» нет этого сознания, которое было бы признаком колебания в мнении. Положительно изложено вышеприведенное учение в том смысле, в каком оно возвещается Церковью. И Писание и отцы постоянно называют духов бесплотными, не входя в определение этой бесплотности как общеизвестной. Очень редко и очень немногие из отцов занимались разрешением собственно этого вопроса.

Священник осудил своевольное и своеобразное толкование Св. Писания. Он сделал это правильно, потому что Св. Церковь принимает Писание не иначе, как по объяснению его св. отцами. Даже в грамоте, которая выдается архиереем каждому священнику по рукоположении, вменяется ему в обязанность объяснять Писание не произвольно, а в том смысле, в каком оно объяснено отцами Церкви. После правильного суждения, в противность этому правильному суждению, священник внезапно увлекся к своеобразному объяснению значения в человеке души и духа, противному учению не только отцов, но и самого Св. Писания. Он утверждает, что в Писании повсюду значение духа и души в человеке тождественно.

Писание не держится скрупулезно точности в выражениях, сохраняя всегда точность в смысле. Оно употребляет слово «дух» для обозначения всей невидимой части человеческого существа, употребляет оно для той же причины и слово «душа». Такое значение имеет слово «дух» в изречении

Спасителя: *Отче! в руки Твои предаю дух Мой* (Лк. 23; 46). Такое значение имеет слово «душа» в изречении Спасителя: *Душу Мою полагаю за овец, имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее* (Ин. 10; 15, 18). В таком же значении употребляются наиболее эти слова св. отцами. Но то же Св. Писание не без важной причины разделяет в человеке душу от духа (Сол. 5; 23 и Евр. 4; 12).

Разделяют душу от духа и св. отцы, когда это требуется для глубокого объяснения аскетического невидимого подвига. Духом называется словесная сила души человеческой, в которой напечатлен образ Божий и которою она отличается от животных; животным Писание также приписывает души (Лев. 17; 11, 14). Мы оставляем дальнейшее суждение об этом предмете, так как в «Слове о смерти» о нем ничего не говорится. Довольно сказать, что священник принял первый образ употребления этих слов Писанием и отцами, а второй отверг, не дав ему никакого значения. Он усвоил себе односторонний взгляд свой, как бы решительно правильный, для созидания на нем возражений против «Слова о смерти», что дальше будет видно.

Пока укажем на явление, достойное особенного внимания. Священник, только что произнесший приговор, что произвольное толкование Св. Писания вводит в заблуждения, сам при посредстве произвольного толкования достигает ереси, впадает в богохульство. Как вы думаете, что он утверждает? Он утверждает, что духи отличаются от Бога по воле и уму — только! (с. 30, 1-я строка снизу.) Иначе сказать, духи такого же естества, как и Бог, духи такие же Боги, но не столько умные и могущественные, как главный Бог. Ошибаетесь, священник, тяжко ошибаетесь. Бог отличается от сотворенных духов Существом Своим. Столько нелюбимый вами преподобный Макарий Великий говорит: «Ни ученые премудростию своею, ни разумные разумом своим не смогли понять тонкости души, или сказать, каким образом она существует, кроме тех, которым чрез Духа Святого открыто постижение и точное души познание. Но ты здесь размысли, рассуди и внимательно слушай, что она

есть? Он — Бог, а она не Бог; Он — Господь, а она — раба; Он — Творец, а она — тварь; Он — Создатель, а она — создание. Нет никакого подобия между естеством Его и ее» (Беседа 49, гл. 4. Эта цитата помещена в «Слове о смерти»).

Видим и в богословии св. Иоанна Дамаскина постоянное предостережение, чтоб духи по какому-либо недоразумению не были поставлены в один разряд с Богом (Точное изложение Православной веры. Книга 1-я, гл. 13, XIV; Книга 2-я, гл. 3, 12). В книге 4-й, главе 13 св. Иоанн говорит: «Благий, Всеблагий и Преблагий Бог, будучи весь благодать, по безмерному богатству Своей благодати, не потерпел, чтоб благо, то есть естество Его, пребывало одно и никто не был причастником Его. Для сего Он сотворил умные и небесные силы, потом видимый и чувственный мир, наконец, человека из умного и чувственного естества. И так все сотворенное им, по самому бытию, участвует в Его благодати, потому что Он для всех есть бытие, все в Нем существует не только потому, что Он привел все из небытия в бытие, но и потому что сила Его сохраняет и поддерживает все Им созданное. Особенно же участвуют в Его благодати живые существа, как по бытию, так и по причастию жизни, и еще более существа разумные как по сказанным выше причинам, так и потому, что имеют разум, ибо последние (т. е. существа разумные) несколько ближе к Нему, хотя Он несравненно выше всего».

Погрешность, погрешность величайшей важности — признание ангелов такими же духами, каков Бог, — принадлежит всем, признающим неограниченную бестелесность сотворенных духов. Приписать духам неограниченные свойства, значит, приписать им неограниченное естество. Это приводит в величайшее затруднение материалистов, знающих основательно математику и химию. Приписание неограниченной тонкости существам ограниченным — нонсенс. Этот нонсенс противоречит неоспоримым выводам математики и осязательно доказанным результатам химических исследований. Математик и химик, услышав чуждое смысла учение

о духах, отвергают существование духов. Иное поведение невозможно для математика и химика, того требуют усвоенные ими понятия и убеждения. Вот какая теория примыкает к новейшему материализму и подает ему руку — употребляем выражение священника (с. 34).

Напротив того, учение о духах Православной Церкви удовлетворяет требованию математики, находящей в предметах ограниченных ограниченные свойства, удовлетворяет требованию химии, видящей во всяком ограниченном предмете соответственную ему вещественность. В чем заключается материализм? Преимущественно в отвержении духов. Отвергают духов даже многие из признающих христианство. Затем многие отвергают вочеловечение Бога, но собственно Бога отвергают одни легкомысленные. Все мужи ученые, занимающиеся исследованием законов вещества, находящие свою славу в открытии частицы этих законов, которых разнообразие и множество неисчислимы, сознают существование того неограниченного Ума, Которым составлены эти законы, служащие зеркалом, отражением, свидетельством этого Ума. Если бы западная схоластика не унизила христианства, не было бы деистов, или их было бы очень мало.

Священное Писание нигде не занимается отдельным решением вопроса о бесплотности духов, но вопрос этот вместе с тем решен в Писании со всею ясностью, решен в той системе, в которой решены многие другие вопросы, решен именно так, как объясняют его отцы. *Дух плоти и костей не имеет*, — сказал Спаситель, — *как видите у Меня* (Лк. 24; 39), т. е. духи не имеют человеческой плоти. Бесплотны, как не имеющие этой плоти, а не как чуждые всякой вещественности. Сравнение: *как у Меня* есть сравнение с человеческою плотию Господа. В Евангелии Луки повествуется, что архангел Гавриил был послан Богом в Назарет, что он взошел к Божией Матери, что говорил с Нею, что по окончании благовестия вышел от Нее (Лк. 1; 26–38). Вот зависимость ангела от пространства и времени!

В Евангелии Марка сказано, что когда мироносицы вошли в гробовую пещеру, в которой было положено тело Господа, то увидели юношу, т. е. ангела, сидящего с правой стороны. Этот юноша был одет в белую одежду и говорил с женами (Мк. 16; 5, 6). Вот вид ангела! При другом посещении гроба мироносицами предстали им два мужа в блистающих одеждах и говорили с ними (Лк. 24; 4, 5). Мария Магдалина при особенном посещении своего гроба Господня увидела двух ангелов в белом одеянии: одного в головах, другого в ногах, где лежало тело Иисусово (Ин. 20; 12). Вот точнейшее определение отношения ангела к пространству! Ангел при явлении своем Гедеону, судии Израильскому, имел жезл в руке своей, когда он прикоснулся этим жезлом к приготовленной жертве, жертва воспламенилась (Суд. 5; 21). Ангел при явлении своем лжепророку Вааламу имел меч в руке (Числ. 22; 31). Сколько различных свойств, принадлежащих духам, вынауривается из приведенных мест Св. Писания!

Как видно из Писания, что духи подчинены пространству и времени, хотя в несравненно меньшей степени, нежели мы, так научает этому и православное богословие. Оно говорит: «Необычайная скорость и быстрота, с которою ангелы переносятся с места на место, доказывает, что они не стеснены, подобно нам, формами пространства и времени. Однако и сие свойство допускает ограничение. Св. Дамаскин говорит опять: ангелы ограничены, ибо когда находятся на небе, не бывают на земле, и когда Богом посылаются на землю, не остаются на небе и не могут в одно время быть и действовать здесь и там» (§ 97, ст. 6, с. 96).

Что странного видит священник в учении Великого в преподобных Макария, когда сей отец, согласно с Св. Писанием, для точного объяснения незнающим, исчисляет члены духов, говоря, что они имеют очи, руки и прочие члены, какие имеет человек, облеченный в свое тело (с. 29)? Разве мироносицы и прочие святые, упоминаемые Писанием, видели ангелов в образе юношей и мужей без глаз, без носа,

без рук? Что странного видит священник в поведении св. Андрея, когда этот угодник Божий, подобно поведению Св. Писания, говорит, что ангел подал ему руку? Учение св. Макария решительно согласно с учением Св. Писания, и оно, по особенному значению его, приведено в «Слове о смерти». Св. Макарий говорит, что ангелы и души имеют свой вид и что этот вид есть вид человека в его теле (Беседа 7). В этом виде являлись ангелы мироносицам, апостолам и другим лицам, по поведению Св. Писания (Деян. 1; 10; и 10; 30; Суд. 13; 6, 10 и пр.). Что находит странного священник в рассказе прп. Феодоры, увидевшей ангелов в образе юношей с прекрасными лицами и волосами, в блистающих, как молния, одеждах, препоясанных по сосцам золотыми поясами? Что тут странного, когда точно такими видели ангелов мироносицы по повествованию Евангелия?

Священник относится о учении св. Макария с иронией. Еще с большею иронией он относится о доказательстве свойственной духам вещественности повествованиями, встречающимися в жизнеописаниях некоторых святых, о том, что святые, говорит священник, или сами били злых духов или были биты от них (с. 29). Для усиления иронии священник извратил слова епископа и представил мученический подвиг аскетов чем-то вроде глупой драки. В «Слове о смерти» читается: «Многие из них (святых) претерпели лютые биения от бесов (например, Антоний Великий). Другие, получив силу от Бога, подвергали биению падших ангелов (см.: Житие св. Андрея 2 дек., св. мц. Иулиании 21 дек.). Преподобный Антоний Великий был дважды истерзан духами, преподобный Макарий Великий был подобен тени от жестоких терзаний, претерпенных им от духов» (Алфавитный Патерик).

Борьба с духами в помыслах и ощущениях свойственна всем христианам, проводящим жизнь по заповедям Божиим. Явная борьба попускается от Бога преуспевшим аскетам, чтоб соделать их способными к приятию христианского

совершенства (Прп. Макарий Великий. Слово 7, гл. 14–16; Слово 4, гл. 6–7). *Облекитесь*, — говорит апостол, — *во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной* (Еф. 6; 11–12). Описанием той и другой борьбы преисполнены жития святых и аскетические творения их. Тон насмешки священника по отношению к этой брани приводит к мысли, что священник не верит ей, подобно многим мудрецам нашего времени.

Выше сказано, что священник усвоил себе односторонний взгляд на значение слов «дух» и «душа» в Св. Писании в противоречие Писанию, которое употребляет эти слова в двойном значении. В оправдание свое он говорит, что только в двух местах Писание отделяет душу от духа (с. 31). Это оправдание бессильно. Только в одном месте Писания троичность и единство Лиц в Боге выражены с полной ясностью и определенностью (Ин. 5; 7). Этим нисколько не ослабляется свидетельство Писания. Взгляд свой священник приписывает Писанию (с. 32), как Лютер приписывал свои мнения Евангелию. Называя уже этот взгляд, собственный свой, мнением Писания, он говорит, что «на основании Св. Писания большинство св. отцов допускало совершенную невещественность души и духов, но пока мысль Церкви об этом предмете не была определена точно, иные из древних отцов и учителей позволяли себе думать несколько иначе».

Священник указывает на Иустина, Иринея, Кесария, допускаящих, хотя в неопределенных выражениях, вещественность ангелов и души (с. 32). В выноске, состоящей из двух строк, он говорит, что мысль Иустина, Иринея и Кесария привел св. Иоанн Дамаскин в своем «Точном изложении Православной веры». Но, продолжает священник, знаменитейшие отцы и учителя Церкви, истинные столпы веры — св. Игнатий Богоносец, Афанасий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст и другие — были решительно того

мнения, что ангелы и души невещественны. В выноске против этого места священник говорит, что «по множеству мест он не решается делать выписок из этих отцов» (с. 32). Примем этот труд на себя.

Возьмем для этого житие преподобного Антония Великого, так как в житии много поведается о духах. Написано оно св. Афанасием Великим, патриархом Александрийским, истинным-истинным столпом Церкви. Святой Афанасий Великий говорит: «Антоний поведал о себе, что он часто видел диавола таким, каким действием Божия откровения видел его и Иов. Глаза его подобны взору денницы, из уст его исходят огненные струи. Волосы его также рассыпают огонь, из ноздрей его исходит дым... (Vita beati Antonii, caput XVI. Patrologia. Tom JXXIII). Они, духи, иногда являясь, поют с приятностию, часто, когда мы читаем, отвечают подобно эху на последние слова (там же и в той же главе). Часто приходят ночью, принимая вид ангелов Божиих, хвалят подвиг, удивляются постоянству, обещают будущие награды... Вид святых ангелов приятный и спокойный, потому что они не спорят, не кричат, ниже слышен голос их, но, приходя в молчании и с тихостию, сообщают сердцу радость, веселие, благонадежие, потому что с ними Господь, источник и начало радости... их благодать такова, что если кто, по причине немощи человеческой, придет в страх от сияния их, они тотчас отъемлют этот страх от сердца» (там же, caput XVIII).

Святой Иоанн Златоуст в 53-й беседе на Евангелие Матфея говорит: «Лежащие на одре с великою силою потрясают его и страшно взирают на предстоящих, когда душа силится удержаться в теле и не хочет разлучиться с ним, ужасаясь видения приближающихся ангелов. Если мы, смотря на страшных людей, трепещем, то какое будет наше мучение, когда увидим приближающихся ангелов, грозные и неумолимые силы, когда они душу нашу повлекут и будут отторгать от тела». В толковании на 41-й псалом он говорит: «Сколько демонов носится в этом воздухе? Сколько противных властей? Если бы только Бог позволил им показать

нам их страшный и отвратительный образ, то не подверглись ли бы мы умопомешательству? Не погибли бы?» — Вот выписка из отцов, на полную достоверность которых ссылается священник.

Святой Игнатий Богоносец, по повествованию историка Никифора (Книга 13, гл. 8), установил в Церкви пение на два лика вследствие Божественного откровения (нелишне будет читателю обратить внимание на то, что Иов, Антоний Великий, Игнатий Богоносец видели духов по Божественному откровению), в котором он видел ангелов, поющих таким образом. (Преосвященный Филарет в «Историческом учении об отцах Церкви» говорит, что св. Игнатий, по свидетельству Сократа, в подражание пению чинов ангельских, ввел пение антифонное в Церковь Антиохийскую. Том 1, § 19, с. 21, изд. 1859 г.)

Заглянем же и в книгу св. Иоанна Дамаскина: посмотрим, точно ли он основывает свое учение о духах и душе на творениях Иустина, Иринея и Кесария? В главе о ангелах Дамаскин ссылается на Афанасия Великого, Феодорита и Немезия. Писатели, выставленные священником, вовсе не упоминаются (Книга 2-я, гл. 3). В главе о человеке, в которой излагается учение о душе, Дамаскин ссылается на Афанасия Великого, Григория Богослова, Максима Исповедника и Немезия, опять о писателях, выставленных священником, нет помину (Книга 2-я, гл. 12).

В православном «Богословии» сказано в решительное противоречие поведению священника, что святые отцы понимают бестелесность ангелов в смысле ограниченном. Отчего такое противоречие в ссылке на св. отцов? Оттого, что только при внимательном чтении и изучении св. отцов делается ясным их точное мнение о духах, о которых они, как и Писание, говорят как о существах бестелесных в общих выражениях, не останавливаясь на определении степени их бесплотности и изредка говоря так, что мнение их обнаруживается с ясностию, требуемою при разрешении настоящего вопроса.

(Например, св. Василий Великий говорит в «Беседе на то, что Бог не есть причиною зол»: «Что ж касается его, диавола, естества, то оно — бесплотное, по словам апостола: *потому что наша брань не против крови и плоти, но против духов злобы* (Еф. 6; 12). Место начальства его в воздухе, как тот же апостол сказал: *по воле князя, господствующего в воздухе* (Еф. 2; 2)». Очевидно, что св. Василий называет диавола бесплотным сравнительно с нами, имеющими плоть и кровь, и указывает его место, что свойственно одним ограниченным существам, подчиненным пространству и времени. Далее в этой же беседе св. Василий Великий говорит, что полчища демонов, подчиненных князю их, пребывают в воздухе, что под словом «воздух» надо разуметь все пространство, находящееся между небом и землею.)

Приведенное нами в весьма сокращенном виде место из сочинений Афанасия Великого есть единственное в сочинениях этого отца, в котором духи описываются так отчетливо. Весьма, весьма немногие из отцов, и то из аскетических отцов, взошли в подробное объяснение духов и души. Первое место между этими объяснениями занимает объяснение Макария Великого. Оно имеет для аскетов величайшую важность и по необыкновенному обилию благодатных даров, которыми был преисполнен этот угодник Божий, полную достоверность. Он был отцом отцов, наставником святых и преподобных.

Обратимся к рецензии. Основавшись так правильно на Св. Писании, сославшись так удачно на св. отцов, столпов Церкви, уклонившись так благовидно от цитат, спрятав так искусно великого отца Иоанна Дамаскина в едва заметную выноску, оклеветав его, священник с торжеством победителя, держа в деснице неумолимую секиру правосудной, умнейшей, запасшейся всеми нужными познаниями цензуры, судит уже преподобного Макария Великого как обвиненного и уличенного, поставляет на суде своем вопрос: «Как же св. Макарий Великий мог усвоить себе образ мыслей, столько не согласный с понятиями величайших отцов христианства» (с. 32)? Вопрос этот решается священником так: «Он

мог найти убеждение в телесности души и духов, столько распространенным между скитскою братиею, что и сам усвоил его», — и пр. (с. 33).

Мы, с своей стороны, находим нужным, во-первых, заметить, что при путешествии Макария Великого в скитскую пустыню она была необитаема иноками, что он жил в ней отшельником, что впоследствии пустыня эта населилась приходившими к нему и предававшими себя его руководству аскетами, а не такими личностями, которые бы способны были руководствовать его. Его называли земным Богом, до такого он достиг совершенства. Чудотворцы находились в безусловном повиновении у него. Находим нужным, во-вторых, спросить самого Макария Великого, откуда он заимствовал учение о духах и душе? «От Святого Духа», — отвечает Великий Макарий. «Редкие, — говорит он, — даже из святых сподобляются этого опытного и вместе благодатного познания. Оно достояние самых совершенных христиан» (Беседа 7). Подлинные слова Макария святого помещены в «Слове о смерти». Божественную благодатию отцам было открыто то, к чему чрез пятнадцать веков пришла и наука.

Полемику против вещественности духов, им свойственной, полемику, которую священник признает основанною на Св. Писании и на св. отцах, он завершает сообщением сведения, которому усиливается придать величайшую важность сведения, скрывавшегося доселе в неизвестности. Скрывалось оно в неизвестности не от кого-либо — от всей Православной Церкви. Он говорит: «Наконец, Церковь, находя это мнение неосновательным, на Седьмом Вселенском Соборе, Втором Никейском, в четвертом заседании, провозгласила не вещественность ангелов и души» (с. 33).

Где помещено это определение Седьмого Вселенского Собора и в таком ли характере, в каком выдает священник? Его нет в канонах Седьмого Вселенского Собора, его нет в полном собрании правил вселенских и поместных соборов и святых отцов, правил, которыми руководствуется Восточная Церковь и которые изданы от Святейшего Си-

нода.¹⁶³ Его нет в описании деяний собора в церковной истории преосвященного Иннокентия¹⁶⁴, его нет в церковной истории Флери¹⁶⁵, в которой четвертое заседание описано очень подробно. Флери делает следующее замечание в главе об этом заседании: «Кажется, что в значительном числе епископов, присутствовавших на соборе, не было ни одного достаточно опытного в критике, потому что собором было принято много подложных сочинений. Это не имеет никакого влияния на определение собора, потому что оно достаточно утверждено на сочинениях истинных» (т. 3, кн. 44, гл. 32). Предметом собора было восстановление почитания икон, каноны собора относятся единственно до благочиния церковного.

Где же почерпнул священник сообщаемое им сведение? У иностранного и инославного писателя Лаббея в деяниях собора, вероятно, на латинском языке. Если так, то сведение, голословно высказанное, не имеет для нас никакого веса. Для веса, особенно для веса, который придается священником, необходимо, чтоб сведение было изложено отчетливо, подробно, верно. Неужели собор отверг учение преподобного Макария Великого, преподобного Кассиана Римлянина, святого Иоанна Дамаскина? Неужели собор нашел, как нашел священник, что эти святые отцы противоречат прочим святым отцам? Неужели собор сделал извлечение из этих отцов, как делалось на всех соборах и как сделано на этом соборе в отношении к почитанию икон: сличил учение одних отцов с учением других, сличил учение с учением и на основании этого сличения дал постановление, которым разрешается седмивековое церковное недомыслие? Неужели это важнейшее постановление, если б оно состоялось, пребыло неизвестным в России? Если б оно точно существовало, то «Богословие», в котором помещено учение о духах св. Иоанна Дамаскина, названное, вообще, учением отцов, никак бы не было принято в всеобщее учебное руководство и Российской и Греческой Церковью. Тут кроется подлог. Если сказано было что о бесплотности

духов, то сказано так, как исповедовалось всегда в Церкви. Напротив того, книга святого Иоанна Дамаскина «Точное изложение Православной веры»¹⁶⁶ напечатана по определению Святейшего Синода.

В предисловии к книге сказано: «Святой Иоанн Дамаскин есть один из великих учителей Церкви, которого труды и подвиги посвящены были пользе современников его и душеспасительны были и будут последующим чадам Церкви Христовой... Истины Слова Божия св. Дамаскин объясняет самим Словом Божиим, вместе с сим призывает в пособие и здравое размышление, просвещенное светом откровения, а в том и другом случае чаще всего повторяет слова предшествовавших ему учителей Церкви... Книга о Православной вере составляет сокровищницу отеческих мыслей о предметах веры. Св. Дамаскин соединил воедино все бывшие до него соборные и отеческие определения догматов веры и не только собрал изречения отеческие, но и проник дальновидным зрением в самый дух учителей веры, открыл глубины духа разновременных глубоких учителей веры».

Сочинения св. Макария Великого не были известны Дамаскину, что легко могло случиться в то время, когда книгопечатание еще не существовало. По крайней мере, Дамаскин ни разу не сослался на них, и не видно, чтоб заимствовал из них свое учение. При изложении его указаны им отцы вышепоименованные, наиболее те, которых священник называет величайшими. (Доселе такого подразделения мы не слышали. Великими Церковь назвала тех святых, которые в подвиге своем превзошли других. Такими были некоторые из святителей, из мучеников, из иноков. Между дарами Святого Духа нет того столкновения, которое вводит священник, хотя эти дары различны, как нет разногласия между членами тела, хотя служение их различно. Этому научает нас Св. Писание (1 Кор. 12; 4–30).

Святители в писаниях своих наиболее опровергали современные им лжеучения и преподавали нравственность, общеназидательную для всех христиан. Аскетические писатели,

напротив того, не занимаются рассматриванием догматов веры и преподают правила нравственности и подвижничества, исключительно нужные для аскетов. Великие между иноками были выше по личному благодатному преуспеянию, нежели великие между святителями. Таково мнение святого Григория Богослова и других отцов. Польза Церкви, принесенная святыми святителями, была обширнее.) Сочинения преподобного Макария Великого всегда признавались Церковью возвышеннейшим аскетическим творением. Они содержат учение о совершенном христианстве. Аскетические писатели последующих времен говорят о них с величайшим уважением и ссылаются на них со всею доверенностью. Беседы его дважды были переведены в Московской Духовной академии¹⁶⁷. Слова, где также помещено учение о духах, издаются от Святейшего Синода.¹⁶⁸

Окончив полемику о вещественности духов на основании Св. Писания и св. отцов, на основании богословия, священник переходит к полемике на основании науки и собственных соображений. Любопытно и философское соображение автора, — говорит священник (с. 29). Предоставляем прочесть кому угодно это соображение и в «Слове о смерти», и в рецензии священника. Священник не узнал значения критикуемой им статьи. Это — извлечение из математической теории о бесконечном, о величинах конечных, о отношении их к бесконечному, о взаимном их отношении между собою, а отнюдь не произвольное соображение. Великолепна теория положительной науки математики: открывает эта теория возвышеннейшие понятия, к которым иным путем, кроме основательного изучения математики, достигнуть невозможно. Чтоб объяснить сколько-нибудь для всех и каждого, каким образом отвлеченные понятия удобнее, подробнее, отчетливее изображаются числами, нежели словами, укажем на общепринятый обычай в учебных заведениях изображать числами способности, прилежание, успехи в науках, состояние нравственности.

Сделаем еще какое-нибудь применение из упомянутой теории к относительной бесплотности духов. Для этого возьмем отношение чисел к человеческой способности исчислять. Все числа могут быть исчислены, потому что все числа исчислимы по неотъемлемому свойству своему. Вместе с тем исчисляемые числа, достигнув известной величины, делаются неисчислимыми для человека, по невозможности человека исчислить их. Таким образом, исчисляемые числа могут быть вместе и неисчислимыми.

Подобно этому невещественные духи по отношению к человеку вместе вещественны по отношению к самим себе. Это доказательство необыкновенно сильно, потому что степень невещественности духов по свойству математики со всею верностью может быть изображена числом. Будучи изображена числом, она получает неотъемлемое свойство ограниченности по ясному, положительному закону математики. Далее, все числа, столько разнящиеся между собою, равны пред бесконечным, потому что разность между бесконечным и каждым числом, как бы оно ни было велико, есть бесконечное. Бесконечным со всею верностью и точностью, невозможными для слов, изображается Бог. С такою же точностью числа изображают различное значение тварей. Итак, разность между Богом и всеми без исключения тварями, столько различествующими между собою и столько превосходящими одна другую, бесконечна. Не то же ли возвещает богословие, что объясняет математика из своих выводов, имеющих неопровержимую положительность по свойству средств, которыми приобретено знание?

Священник против извлечений из положительной науки выставляет свои философические соображения (с. 33). Эти соображения заключают в себе несколько вопросов, разрешение которых принадлежит физике и химии. Из самих вопросов видно, что давший их не знаком с этими науками. Трудно рассуждать о веществе без помощи наук, объясняющих его. Священник понимает вещество в том грубом, стесненном значении, в каком понимали его до явления в конце прошедшего столетия химии, до тех гигантских

успехов, которые сделаны ею вслед за ее рождением. Вещество может быть невесомым в противность мнению священника. Оно может не подлежать нашим чувствам в противность этому мнению. Оно при изменениях своих весьма часто, почти всегда не сохраняет всех своих свойств. Что значит вес какого-либо вещества? Это степень его притяжения к земле, потому что тяжесть есть сила притяжения земли, которую земля привлекает к себе тела, принадлежащие ей. Так воздух может быть взвешен, потому что имеет тяжесть, а не потому что его взвешивают в физическом аппарате, как думает священник. Если б средство к взвешиванию и не было изобретено, то свойство быть взвешенным оставалось бы при воздухе.

Свет, напротив того, называется в химии веществом невесомым. Свет, которым озарена земля, принадлежит солнцу, какое его отношение к силе притяжения земли и существует ли оно, нам неизвестно. Между тем, свет действует на земле как вещество: разлагается разнообразно земными телами и производит цвета. Цвета, священник, происходят от разложения света, а не от действия воздуха, как вам представилось. Вещество, пребывая тем же веществом, но в разных видах, может иметь разные свойства: так вода имеет различные свойства в различном химическом соединении с теплотой. Она имеет одни свойства, находясь в виде льда, другие, находясь в жидком виде, еще другие, перешедши в вид паров.

Химия достигла самых утонченных разложений вещества, она ясно видит, что разложения могли бы быть продолжены, но человек, по ограниченности способностей своих, не может привести в исполнение разложения, которое было бы возможно по свойствам вещества. Он останавливается. Как числа, достигши громадных размеров, делаются для него неисчислимыми, так и вещество в своих возвышенных разложениях недоступно для него, недоступно и для его телесных чувств, и для его постижения.

Хотя химия и называет некоторые вещества началами, но так называет их — это ее учение — по той причине, что

они не разложены и не видится возможности разложить их. По такому опытному понятию, доставленному наукою, в которой постоянно опыт идет рядом с суждением и которая признает правильным только то суждение, которое подтверждено опытом, мы приходим к заключению, что материя может быть, в известном состоянии своем, не способною к подчинению нашим чувствам, а в других случаях мы можем подвергаться ее действию и вместе нисколько не понимать этого.

Таковы отношения наши к безжизненному веществу. Что ж сказать об отношениях к органической силе, которую растения живут, животные живут, чувствуют, действуют? Органическая сила — эта жизнь тел — совершенно непостижима для человека. Тем непостижимее жизнь души человеческой, в особенности же жизнь человеческого духа. В «Слове о смерти» сказано то, что открыто Св. Писанием и св. отцами, собраны некоторые сведения, доставленные наукою и опытом. Важный опыт умолчан. Так как о нем сделан вопрос в рецензии, дадим на него ответ теперь. Спрашивает священник: «Когда отсекают у тела руку или ногу, что делается с соответствующим членом души» (с. 34)? Отвечаем: по опытам известно, что член этот остается на своем месте. Лишенные рук и ног явственно ощущают присутствие этих членов и способность действовать ими, способность, остающуюся в бездействии по причине отнятия орудия ее — телесного члена.

1) Священник говорит: не знаем, занимают ли ангелы и души какое место в пространстве (с. 34)? Это со всею ясностью видно из приведенных мест Евангелия и из учения отцов Церкви. Когда ангелы сидели в гробовой пещере, в которой положено было тело Господа, то они занимали известное пространство. Что этого проще и яснее? Душа каждого человека во время его земной жизни занимает пространство, ограничиваемое его телом, из тела она не выходит. Что этого проще и яснее? Писание называет тело хижиною, т. е. местом жительства души (2 Пет. 1; 13). Учение «Богословия» об этом предмете нами уже приведено.

2) Священник говорит: «Если вы даете хотя малейшую вещественность душам и духам, то должны отказать им в вечном продолжении их бытия» (с. 34). Да! В «Богословии», столько раз цитированном нами, читается: «Ангелы одарены бессмертием. Впрочем, бессмертны ангелы, по словам св. Дамаскина, не по естеству, а по благодати, ибо все, имеющее начало по естеству, имеет и конец» (§ 97, с. 97). По воскресении и обновлении благодатию и тела наши, оставаясь телами, будут бессмертны. Создан человек и по телу бессмертным. Если тела наши сотворены бессмертными, если по воскресении они опять будут бессмертны, то откуда священник заимствовал свое возражение? Очевидно, из усвоенных им превратных устарелых понятий о веществе, заимствованных у западного схоластизма, а современную наукою сложенных в архив как пригодных лишь для истории науки. Противореча науке, священник вместе противоречит и учению Православной Церкви, противоречит «Богословию», по которому обучают во всех семинариях и которое должно бы быть известным ему.

3) Священник говорит: «Наконец, и здесь главная трудность: как изъяснит автор из вещественности души все ее свободные и разумные обнаружения — действия мысли, чувства, желанья» (с. 34)? Очень просто и легко. Ведь тело имеет свои чувствования, которые совершенно отличаются от телесной вещественности, исходя, впрочем, из нее. Подобно этому и душевные чувствования и движения отличаются от ее сущности. Органическая сила, жизнь, недоступна для понятия человеческого, как сказано выше по определению науки: она непостижима в червячке, мухе. Как они движутся? Как чувствуют? Как действуют? Непостижима она в теле человеческом, тем непостижимее в душе, еще непостижимее в духе. Как рождается мысль? Как она летает свободно по вселенной, притом пребывая при уме? Какое отношение к уму сердца, которое своими чувствованиями соотнобразуется с мыслями?

Действие души на тело — ясно. Тело во всем объеме своем ощущает это действие. Когда душа выйдет из тела,

прекращается ее действие на тело. Имеется и действие духов на тела человеческие и вообще на вещество. Так онемел Захария от действия на него ангела (Лк. 1; 20–22), так воспламенилась жертва Гедеона от прикосновения к ней жезла, который держал в руке явившийся к нему ангел, так ангел прикоснулся широте стегна Иаковля *и повредил состав бедра у Иакова, когда Ангел боролся с Ним* (Быт. 32; 25). Так ангелы в Содоме, простерши руки, вовлекли Лота во внутренность дома и затворили двери дома, а людей, собравшихся к дверям дома, поразили слепотою (Быт. 19; 10). Так читается во второй книге Царств (24; 16–17), в описании моровой язвы: *И простер Ангел Божий руку свою на Иерусалим, чтобы опустошить его; но Господь пожалел о бедствии и сказал Ангелу, поражавшему народ: довольно, теперь опусти руку твою. Ангел же Господень был тогда у гумна Орны Иевусеянина. И сказал Давид Господу, когда увидел Ангела, поражавшего народ.* Так ангел Господень восхитил Филиппа с дороги из Иерусалима в Газу и поставил его в Азоте (Деян. 8; 39), так ангел толкнул в ребра апостола Петра, так по действию ангела спали железные цепи с рук Петра (Деян. 12; 7).

О действии демонов также упоминается в Писании: сатана связал тяжким недугом женщину, исцеленную Господом (Лк. 13; 16), на праведного Иова он навел тяжкую болезнь (Иов. 2; 7), демон любил Сарру, дочь Рагуила, убивал мужей ее, убежал в Египет, когда обонял курение (курение вещественное), был связан ангелом (Товит 6; 7–8). Поведанное здесь Св. Писанием о духах с совершенною сходственностью поведается и св. отцами. Для тех, которым непонятно или очень мало понятно неодушевленное вещество, тем более непонятны естество и свойство сотворенных духов.

Объяснение словами тщетно там, где нужно объяснение из аскетизма. Церковь воспевает своему мудрецу: «Деяние обрел еси богодухновенне, в видения восход» (тропарь священномученику). Полезно всем, имеющим богословские познания по букве и решающимся судить единственно из них о сочинениях аскетических, обратить должное внимание

на следующее прекрасное место одного из наших современных церковных писателей: Проспер Аквитанский, один из пламенных читателей Августина, в 432 году подверг строгому рассмотрению мысли (преподобного) Кассиана, или, как выражался он, «собеседника» (collator). Но Кассиан основывался в своих мыслях на опыте людей, «проходивших степени жизни духовной со вниманием, и, имея в виду Августина, замечал, что благодать далеко менее можно защищать пышными словами и говорливым состязанием, диалектическими силлогизмами и красноречием Цицерона, чем примерами египетских подвижников» (Историческое учение об отцах Церкви Филарета, архиепископа Черниговского. Т. 3, § 202, с. 55, изд. 1859 г.).

Западная Церковь не любит Кассиана по многим причинам, она причислила его к еретикам, как сказано в «Слове о смерти». Но Восточная Церковь чтит его между святыми, и между такими святыми, которые заслуживают по писаниям своим особенного уважения и доверенности чад Церкви (Лествица. Слово 4). Приведенный нами писатель говорит в той же статье: «Кассиан защищает правоту среднего пути между путем Августина и путем Пелагия, и Церковь Восточная никогда не одобряла крайностей Пелагия и Августина».

4) Во второй выноске (с. 32) священник делает наивный вопрос о том, с которого именно времени газы, пары, воздух, ветер, человеческое дыхание перестали называться духом? Хотя это известно всякому, знающему историю химии, но, не желая отзыв оставить неполным, отвечаем: в конце прошедшего столетия, когда внезапно родилась новая наука — химия, в особенности с того часа, как воздух разложен графом Левуазье на кислород и азот, этим низведен от достоинства начала к сложности, от духа — к материи. В радости, дошедшей до исступления, об открытии, долженствовавшим изменить все понятия человека о веществе, граф бегал по улицам Парижа и кричал: открыл, открыл! Тогда пали в прах понятия, пред которыми благоговело человечество в течение тысячелетий, понятия о четырех сти-

хиях и другие вымыслы и предположения, которыми заменялись точные сведения за неимением их. (Изложение Православной веры св. Дамаскина. Книга 2, гл. 8, 9, 10).

С приятностью и уважением читаются указанные здесь и подобные возглашения науки-младенца как результаты первых попыток ума человеческого, но последование им в настоящее время было бы смешным, чуждым смысла. К таким высоким понятиям почтенной древности, которые признавались неприкосновенною истиною и которые не имеют никакого основания, принадлежит знаменитое понятие о простоте веществ и существ. После разложения воздуха, при успехах химии, поддерживаемой математикой, понятие о простоте пало. Простым, то есть бесконечно тонким, чуждым всякой сложности, может быть только одно бесконечное. В число высоких познаний священника, видимо, входит и почившая теория о простоте в ограниченном. Руководствуясь этим понятием, схоластики заявляли простоту духов наравне с Богом.) Отсюда и начало материализма в настоящем развитии его: схоластика западных богословов оказалась слабою для противоборства против него, оказалась слабою по той причине, что основывалась на разуме и учениях человеческих, отвергнув учение Духа, пренебрегнув им в гордыне своей.

Мы уже сказали, что священник Матвеевский не сочувствует изложенному епископом Игнатием учению о чувственности рая. Впрочем, священник не очень усиливается опровергнуть это учение и на рецензию его посвящает краткую статью. «После того, — так начинает он эту статью, — как составитель «Слова о смерти» допустил вещественность души и духов, неудивительно, что он признал и чувственность рая: ведь вещественные души, разлучась с телами, требуют себе вещественного местопребывания» (с. 34). Очень верно. Читаем в «Богословии»: «Для духов (святых ангелов) должен быть где-либо свой особый мир, занимающий известное место во вселенной, который именуется в Св. Писании третьим небом (2 Кор. 12; 2) и небом небес (3 Царств 8;

27)». Точно то же должно отнести к душам отшедших отсюда святых человеков. Священник говорит: «Церковь не высказала, что такое рай и где он находится». Правда ли это?

Священное Писание прямо говорит: *И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке* (Быт. 2; 8). Оно говорит о деревьях райских (Быт. 2; 16–17; 3; 2–3; 7; 22). Оно повелевает о употреблении в пищу райских плодов человеками, которые были в теле, следовательно, вкушали пищу вещественную. Так всегда признавала и Церковь, не заботясь тщетно определить выражений как о месте, так и о веществе рая, неясных для нас в настоящем нашем положении. В «Слове о смерти» приведены отцы и жития святых, которыми подтверждается и несколько объясняется поведание Писания.

Священника сбивают с толку его отсталые понятия о веществе. Он признает вещество в одном видимом мире, за пределами наших телесных чувств ему нужно решительное отсутствие вещества, соответственно отжившему понятию о веществе. Все ограниченное — вещественно, положительно говорит наука. Опровержений, представляемых незнанием, в полученных его неопровержимых истинах, она принять не может. Опровергающий вещественность в ограниченном есть пред судом науки или решительный нигилист, или только деист.

Понятие о сотворенных духах и о не видимом нами мире, как бы о чем-либо решительно отвлеченном, равновесно опровержению существования невидимого мира и сотворенных духов. (Будут же человеки по воскресении своем наслаждаться блаженством рая в телах своих! Будут же человеки по воскресении своем мучиться в аде с телами своими! Огонь адский уготован для падших духов: этот огонь будет жечь и человеков в телах их, и духов бесплотных. Также райские наслаждения будут общие у духов и у человеков. В настоящее время, до воскресения, человеки наслаждаются в раю и мучаются в аде одними душами своими. Это засвидетельствовано Св. Писанием со всею ясностью и простотою, требующими прямого понимания и приятия

верного, как говорит о вечном блаженстве и о вечной муке святой Тихон Воронежский. Для такого понимания необходимо признание для невидимого нашими телесными очами мира свойственной ему вещественности.) Существование чего-либо ограниченного вместе вполне невещественного — нонсенс.

В такой же краткой статье рассматривается местонахождение ада (с. 35). Священник, приведши слова епископа: учение, что ад находится внутри земли, есть учение Православной Церкви, делает вопрос: «Но где же, в какой символической книге, в каком катехизисе высказано это учение?» По особенному значению вопроса, которым священник усиливается ниспровергнуть мнение епископа, также имеющее свое значение, должно рассмотреть, каким образом один пришел к своему мнению, а другой к опровержению этого мнения таким вопросом, который заставляет предполагать, что мнение составлено без всякого основания. Места Священного Писания и свидетельства святых отцов в обильном количестве, не заключающие в себе ничего спорного, напротив, имеющие самый ясный и определенный смысл, на которых епископ основал свое мнение, можно видеть в «Слове о смерти».

Места, приведенные из Священного Писания, священник называет весьма спорными и, чтоб уловить в свое мнение читателя, в выноске пишет: «Например, что за доказательство: *ты земля и в землю отойдешь* (Быт. 3; 19)? Читатель догадывается, какой смысл дает сочинитель последним словам» (с. 35).

Неблаговидно, очень неблагоприятно выставлен епископ и в отношении к благоразумию, и в отношении к добросовестности. Что это за доказательство?! — повторим слова священника. Если б оно было выставлено одно? — дополним слова священника. В «Слове» приведены решительные места Писания, не нуждающиеся ни в каком объяснении, как, например, слова пророка Исаии: *во ад сойдешь и во основания земли* (Ис. 14; 15), или слова апостола Павла: *Господь сошел в преисподние места земли* (Еф. 4; 9). К словам из

книги Чисел: *Земля разверзлась под ногами их и сошли живые во ад* (16; 29–33), — присовокуплена ссылка на них святого Димитрия Ростовского, выразившего со всею определенностью мысль, что ад находится во внутренности земли.

К словам из книги Иова, называющего *ад землю вечной тьмы* (10; 20–22), присовокуплена ссылка на них святого Кирилла Александрийского, также выразившего со всею определенностью, что ад находится внутри земли и проч. и проч. Так много свидетельств Св. Писания и св. отцов, подтверждающих мнение епископа, что нет возможности не согласиться с ним. (Даже блаженный Августин, западный писатель, сказавший в сочинении своем на книгу Бытия (Кн. 12, гл. 33, 34), что ад не находится внутри земли, исправляет это мнение в своих *Retractiones* (Кн. 2, гл. 24) и говорит, что ему следовало бы сказать совершенно противное, т. е. что ад находится внутри земли.

Как священник Матвеевский выражает особенную доверенность к свт. Афанасию Великому, то здесь нелишним будет упомянуть, что этот святитель положительно утверждает о местонахождении ада внутри земли (Послание к Антиоху, ответ на вопрос 19-й). Того же мнения и св. Василий Великий (На пророч. Исаии 5, 14). Признаемся: непонятно требование оглашения Катехизисом учению, оглашаемому в Церкви во всеуслышание всенародное на торжественнейшем пении Пасхальной утрени «Снизшел еси в преисподняя земли» и проч. Учение, в Церкви провозглашаемое, нельзя не называть учением Церкви.)

Какое же значение имеет приведенный священником текст в «Слове о смерти»? Он помещен в начале статьи о аде, в предисловии, как содержащий в себе неясное указание, приготавливающее к тому, что с особенною удовлетворительностью объяснено последующими местами Св. Писания. Сделано это согласно с правилами литературы. Удостоверится в сказанном нами всякий, кто прочитает в «Слове», оговариваемое священником действие епископа. Священник

требует в вопросе своем, чтоб была представлена символическая книга в подтверждение мнения епископа. В «Слове» представлена цитата из «Изложения Православной веры» св. Дамаскина, которого церковное значение тщетно хотел стоптать священник.

Представлена также цитата из «Слова о исходе души» св. Кирилла Александрийского, имеющего не меньшую церковную важность. Св. Кирилл председательствовал на Третьем Вселенском Соборе. На последующих соборах читались его сочинения как содержащие самое правильное учение веры и делались из них выписки для противоборства еретикам и для вспоможения соборам к составлению их постановлений. Упомянутое слово св. Кирилла печатается во всех Псалтирях с исследованием по распоряжению Св. Синода, на него сделана ссылка и в «Богословии» преосвященного Антония и в «Богословии» преосвященного Макария. Прочие отеческие церковные свидетельства и многочисленны и весьма важны. Цитата из святого Иоанна Златоустого, приводимая священником, выписана им из «Слова о смерти», но священник значительно сократил слова Златоустого, лишил их того смысла, который они имеют, и направил в своем смысле. Совестно обличать такой образ действия. Читатель может видеть в «Слове о смерти» мнение Златоустого о месте ада.

В рецензии того отдела в «Слове о смерти», в котором с особенною подробностью рассматриваются мытарства, священник говорит: «И о мытарствах, и о жилище злых духов наша Церковь не произнесла своего суждения, а потому и мы не знаем, что сказать об этом. Впрочем, думаем, в строго богословском сочинении едва ли не лучше обходить такие и подобные вопросы простого любопытства, не имеющие нравственного значения и говорящие только воображению» (с. 35, 36).

Учебник богословия не самое ли строгое богословское сочинение, тщательно избегающее всякого излишества? В обоих учебниках, из которых один назначен для духовных

семинарий, а другой для духовных академий, изложено учение о мытарствах. «Частный суд над душами, — возвещает первое из упомянутых нами руководств, — предваряется, по учению Православной Церкви, истязанием их на так называемых мытарствах, чрез которые они, восходя от земли в сопровождении ангелов, проходят воздушное пространство и на которых злые духи задерживают их и обличают все грехи, сделанные ими в жизни» (§ 341, с. 244).

Из приведенных цитат достойно замечания, как не имеющееся в «Слове о смерти», мнение св. Златоустого, который говорит в слове о памяти умерших, что «по разлучении с телом душа имеет великую нужду в помощи о заступлении ангелов, дабы препроводить ее мимо старейшинств и властей и невидимых миродержцев воздуха сего». (В этой цитате достойны замечания те выражения, которые употребил Златоуст. Такой способ выражаться объяснен в отзыве.) Упомянув о Ефреме Сирине, «Догматическое богословие» говорит, что у него много подобных мест, доказывающих всеобщность в его время мнения о мытарствах (§ 341, с. 245).

В «Православно-догматическом богословии» преосвященного Макария¹⁶⁹ говорится о мытарствах очень пространно. В сущности изложены те же мысли, какие и в «Догматическом богословии» преосвященного Антония. Говорится, что учение о мытарствах, основанное преимущественно на Св. Предании и согласное с Св. Писанием, издревле существует в Православной Церкви (Т. 5, § 250, с. 77). Приводятся в свидетельство этого учения до 20-ти святых отцов, сделаны ссылки на разные молитвы и песнопения церковные.

В «Слове о смерти» приведено 14 цитат из писаний и житий св. отцов. Как же поверить священнику, позволяющему себе говорить, что Церковь не произнесла своего суждения ни о мытарствах, ни о жилище злых духов? Как согласиться с ним, что такие и подобные вопросы лучше обходить? Как обходить их, когда они имеют решительное влияние на нашу вечную участь? Как обходить их, когда

св. отцы советуют постоянно помнить суд, ожидающий каждого человека на гранях вечности? Как обходить, когда Св. Писание наставляет вспоминать для того, чтоб воздерживать себя от впадения в грехи и не утратить спасения? Как признать, согласно желанию священника, не имеющим нравственного значения то, что, по мнению всех святых, имеет величайшее нравственное значение? Сколько полезно размышлять о смерти, о рае, о аде, о мытарствах, всякий может увидеть в «Слове о смерти» из множества помещенных в нем благодатных святых наставлений, произнесенных отцами Церкви, призывающих к этому душеспасительному размышлению.

Окончив отзыв на рецензию священником Матвеевским «Слова о смерти», рассмотрев тщательно рецензию, мы видим себя в необходимости обозреть ее в общем ее смысле. Чего желал священник, о том ведает его совесть и Испытующий сердца. Мы не можем не обратить внимания на результаты, к которым он приходит, и на способы действия, которыми он идет к своим результатам. Учение о мытарствах он отвергает, говоря от имени Церкви, от имени богословия, говоря вместе против Церкви и против богословия, противореча их и догматическому и нравственному учению, попирая его. Отвергнув местонахождение ада нечестными средствами, которые мы были вынуждены раскрыть, священник не сказал никакой своей мысли о аде. Неужели, по мнению его, нет ада, а грешники мучаются только совестью, как ныне думают многие, очень многие? Так думать свойственно для утративших совесть, утратившие совесть этим уничтожили орудия своего мучения. Отвержение чувственного рая сделано с большим спокойствием духа. Рай не то, что ад, не внушает страха. Перенестись на небо желательно для всех, но мысль о помещении во внутренность земли ужасна. Низверженный в такую темницу, конечно, не изыдет из нее (Мф. 5; 26).

Стараясь ввести учение, противное Церкви, противное богословию, общепринятому Церковью, противное Св. Писанию

и св. отцам, употребляя для этого те средства, которые мы удостоились созерцать, кощунствуя над борьбою аскетов с демонами, священник, естественно, наводит на мысль, что он очень колеблется в убеждении о существовании духов, по обычаю многих современников.

В странном характере обрисовывается отношение священника к св. отцам Православной Церкви. Он делает вид, будто уважает их, называет некоторых из них столпами Церкви, но на всем пространстве рецензии своей не приводит ни одного свидетельства из св. отцов. В этом настояла крайняя нужда. «Слово о смерти» преисполнено цитатами из отцов, на которых писатель «Слова» основывает свои мнения. Писатель «Слова» даже не говорит своих мнений, а выставляет и объясняет мнения св. отцов. Необходимо было священнику, усиливавшемуся отвергнуть «Слово» во всех частях его, привести хотя одну цитату из отцов и противопоставить отцам, приведенным писателем «Слова». Он не мог отыскать ни одной благоприятной для себя цитаты. Отговорившись от представления свидетельств из отцов, он только наименовал некоторых из них, в которых полагал найти опору. Из этих отцов сделана выписка, и что ж? Выписка эта становится сильнейшею защитой за писателя «Слова о смерти», сильнейшим оружием против священника. Отцы, указанные священником, встали, как и должно было ожидать, в один святой сонм с отцами, приведенными епископом в пространных цитатах. Оказывается, что священник оклеветал всех святых отцов без всякого исключения. Для достижения своих целей он хотел ввести их в столкновение, выказать их в ложном виде читателям, выказать вражду и разноречие там, где Божественною благодатию даны священные мир, союз, единение мыслей.

Священное Писание объясняется священником произвольно, против правил Церкви и не согласно с учением Церкви. Учению Церкви, выраженному в ее богословии, он решительно противоречит. Воззрение на «Слово о смерти», воззрение, которое он в начале рецензии назвал исходящим

из богословской точки зрения (с. 28), мы признаем в догматическом отношении протестантским, а в аскетическом — принадлежащим к области падшего архангела, к области, в которую взошли духи и человеки, произвольно подчинившиеся этому архангелу (Ин. 8; 44).

Средства, употребленные против «Слова о смерти», — те самые средства, которые были употреблены протестантскими ересиархами, характер рецензии — характер полемики этих ересиархов. Рецензия вполне заслуживает схоластического наименования диссертации, это *Dissertatia Dissonens*.

«Слово о смерти», будучи сочинением аскетическим, носит наименование всех подобных сочинений, написанных аскетами Православной Церкви. Нет в нем ничего нового, это сборник мнений св. отцов Православной Церкви о предметах, о которых говорит «Слово». Говорит оно о них с аскетическою целию, с целию привести читателя к самовоззрению, к страху Божию, к благочестивой жизни, к покаянию. По такому значению своему «Слово о смерти» драгоценно для всех истинных христиан, заботящихся о своем спасении и желающих иметь то понятие о смертном таинстве и загробной жизни человека, которое доставляется изучением св. отцов Православной Церкви, что возможно не для всякого, как то видим на священнике Матвеевском. Не останавливаемся объявить наше мнение о протестантизме, впрочем, нами заимствованное: «протестантизм — прикрытый атеизм».

Что сказать в ответ на мнение, выраженное священником, о «Чаше Христовой», сочинении епископа Игнатия? Для ответа употребим слова Святого Евангелия: *Ты рекл еси* (Мф. 26; 25)".

Впоследствии составлено было преосвященным Игнатием особое «Прибавление к Слову о смерти», это прибавление вошло в издание «Аскетических опытов» 1865 года в конце 2-го тома,¹⁷⁰ а потом вновь значительно пополненное автором было издано вместе со «Словом о смерти» отдельной книжкой по кончине его, в 1869 и 1880 годах.¹⁷¹

Книгопродавец-издатель И. И. Глазунов¹⁷², старинный знакомец владыки Игнатия, вошел с ним в соглашение о напечатании всех его сочинений, принимая издержки издания на себя, и тем ввел преосвященного в усиленное занятие пересмотром, исправлением, пополнением и приведением в одно целое всех статей, писанных им в разное время в сане архимандрита, а потом и епископа. Таким образом, составились первые два тома под названием “Аскетических опытов”, изданные в 1865 году; последние два: “Аскетическая проповедь” и “Приношение современному монашеству”, состоящее в советах наружного поведения и духовного делания, — напечатаны в 1867 году, перед самой кончиной владыки¹⁷³. Пятый том под названием “Отечник”, содержащий изречения святых отцов и повести из жизни их, издан также Глазуновым уже по кончине составителя¹⁷⁴.

Кроме этих пяти томов, после кончины преосвященного были изданы отдельными книжками статьи, приготовленные покойным к изданию, но не успевшие ко времени напечатания первого издания его сочинений, именно: 1) “Судьбы Божии”¹⁷⁵; 2) “О терпении скорбей”¹⁷⁶; 3) “Странник”, напечатанный при брошюре “О молитве Иисусовой” в 1867 году¹⁷⁷; 4) “Об отношении христианина к страстям его”; “Таинственное объяснение 99-го псалма” и “Голос из вечности” изданы были в 1870 году отдельной брошюрой, озаглавленной “Три статьи, не бывшие в печати”¹⁷⁸, и, наконец, 5) “Письма к мирянам”, изданные настоятелем Сергиевой пустыни архимандритом Игнатием вторым в 1881 году при жизнеописании епископа Игнатия.¹⁷⁹

В предисловии первого тома автор объясняет причины, побудившие его к изданию своих сочинений, именно: он признает себя обязанным дать христианскому обществу отчет в соглядании им земли обетованной, точащей духовные блага, какой является иноческая жизнь, проводимая по учению и преданию Восточной Церкви и созерцаемая в живых представителях ее. В этом предисловии говорится, что разнообразные статьи “Аскетических опытов” были составляемы по поводу возникавших вопросов в обществе иноков

и боголюбивых мирян, находившихся в духовном общении с автором. Все они, в целом составе, изображают православный христианский подвиг в его порядке, постепенности, остерегают подвижника от увлечений и заблуждений, от несвоевременного стремления к высоким духовным состояниям, научают полагать прочное основание на делании Евангельских заповедей, на покаянии и покаянном плаче.

Здесь не уместно привести слова самого преосвященного Игнатия, не раз в откровенной беседе повторенные им брату его Петру Александровичу, что он ни о каком духовном делании никогда не позволял себе говорить, а тем более писать, не проверив своим собственным опытом того учения или делания и его последствий, которые он передавал слушателю или читателю, указывая в то же время на Писания Священное и отеческие, говорившие о том же предмете, что, впрочем, ясно усматривается и из самих творений его.

Задолго до кончины своей преосвященный Игнатий стал готовиться к ней и в разговорах своих часто касался распоряжений на случай смерти. За пять лет (в 1862 году) он сделал духовное завещание, засвидетельствованное 20 июля 1863 года в Костромской палате Гражданского суда, коим все свои сочинения передавал в собственность и распоряжение брата своего Петра Александровича Брянчанинова.*

В августе 1864 года он говорил своему брату: “Матушка наша была также больна перед смертью, как и я, все на ногах, и аппетит был порядочный, а пришло время — в три дня болезнь покончила все дело. Прошу: когда я буду умирать, не вздумайте посылать за доктором, дайте мне умереть христианином, не подымайте суматохи. О кончине моей родных не уведомлять и к похоронам их не ожидать, а предав земле, тогда уведомите... Я тебе говорю вперед, чтоб ты знал и чтоб об этом в час болезни предсмертной не забыть и не заботиться. О том, как и где похоронить меня, ничего не говорю и не завещаю, потому что не желаю связывать действий ближних за пределами

* Собрание писем. 1995. С. 723–724.

моей жизни и притом в том, что никогда почти не исполняется”.

Наступил 1866 год, печатались 3-й и 4-й тома творений преосвященного Игнатия, его “Аскетическая проповедь” и “Приношение современному монашеству”, или “Советы”. Между тем физические силы его самого видимо упали, так что приезжавшие из Петербурга для посещения его духовные дети поражались той перемене, какая представилась им при виде духовного отца их, изнуренного болезнью и преждевременной дряхлостью. Несмотря, однако же, на такое падение физических сил, душевная бодрость не оставляла его. “Не бойтесь, — писал он одному из своих духовных чад, занимавшемуся корректурой издаваемых его сочинений, — я не умру до тех пор, пока не кончу дела своего служения человечеству и не передам ему слов истины, хотя действительно так ослабел и изнемог в телесных силах, как это Вам кажется”.

14 августа 1866 года посетили Николо-Бабаевскую обитель их императорские высочества государь наследник Александр Александрович и великий князь Владимир Александрович. Владыка, поднося цесаревичу святую икону благоверного князя Александра Невского, встретил его следующей речью: “Всемогущий Бог, в трудные времена России осенивший небесным благословением и небесною помощью благоверного великого князя Александра Невского, да осенит этим благословением и эту помощь и Ваше императорское высочество в предстоящем Вам великом служении Богу и человечеству”. Потом, вручая Владимиру Александровичу икону святого равноапостольного князя Владимира, сказал: “Ваше императорское высочество! В древности два великие князя — равноапостольный и Мономах — носили имя Владимира. Благочестием, мудростью, мужеством ознаменовалась жизнь их. И ныне великий князь, носящий имя, вождь для России, да возрадует Россию этими качествами, столько благодетельными для народов, когда народы озаряются ими из святилища — из царственного дома”.

Келейная беседа владыки, которого почтили своим милостивым посещением высокие гости обители, касалась монастырей. “Монастыри — лечебницы, — говорил преосвященный, — это приют для людей, которые, сознав бессилие свое сохранить себя, душу свою, живя в мире, идут в это убежище и приносят в него свои понимания, свои привычки, свои пороки, свои страсти, развитые тем образованием, которое они получили в мире, поэтому нравственное состояние монастырей находится в совершенной зависимости от нравственного настроения народа.

Народ развращается, развращаются и монастыри. В них много вкралось предосудительного, много дурного, но при всем том они сохраняют характер свой убежища желающим сохраниться от конечной гибели, они больницы для душ безнадежно больных. Вот, например, Ваше высочество изволили заметить сегодняшнего диакона”. “Да, — сказал государь наследник, — отличный голос!” “Хотя он, — продолжал владыка, — имеет дарование, но по болезненному пристрастию к вину требует надзора за собою — няньки. И неужели же бросить этого человека на его произвол — на его гибель? А сколько здесь калек, сирот, нищих? И все заняты, все направлены к охранению их в духе христианском, в духе Православной Церкви, и потому как ни слабы монастыри, но слабость их происходит от ослабления общей нравственности, причем они сохраняют, относительно, свой характер лечебницы. Отличительная нравственная черта которых — верность Церкви Православной и престолу. Извольте, Ваше высочество, обратить внимание на то обстоятельство, что нет другого сословия, кроме монашеского, в котором не было бы ков на измену престолу.

Монашество и монастыри потому особенно гонимы партиями злонамеренными, что они преданы вере и престолу и поддерживают эти чувства в тех, которые сближаются с ними и подчиняются их духовному направлению. Одною ногою я уже стою в могиле и для себя ничего не ищу, и мне нечего искать, а докладываю Вашему высочеству сущую истину ради истины, умоляю Ваше высочество: поддержите

монастыри по тому благу, которое приносит их существование”. Их высочества обошлись очень благосклонно с владыкой, утешили его своим вниманием к словам его. Посещение их оставило самое приятное впечатление в преосвященном, он называл его своим окружающим “зрением восходящих светил”.

Примечания

¹⁵⁶ “Суровый подвиг аскетизма личного, подвиг молитвенный и перенесение скорбей телесной болезненности, заботы о благоустройении и преуспейании обители, попечение о своем брате подвижнике, памятование о местах своего жизненного служения, усиление переписки в назидание ближним, литературно-аскетическая деятельность, постоянное памятование о смерти и необходимости достойного приготовления к ней — вот в каком направлении может быть представлено содержание жизни преосвященного Игнатия Брянчанинова в Николо-Бабаевском монастыре с октября 1861 года по 30 апреля 1867 года” (Соколов. Ч. 1. С. 315–316).

¹⁵⁷ Иван Иванович Горностаев (1821–1874) — академик архитектуры, художник. Автор многих столичных зданий, а также построек Николо-Бабаевского и Усть-Медведицкого монастырей, работал в Троице-Сергиевой пустыни. Возрождал византийский и традиционный русский стили в архитектуре.

¹⁵⁸ Описание одной из таких встреч иконы чудотворца Николая в монастыре после месячного пребывания ее в Ярославле см.: Праздник в Ярославле // Домашняя беседа. 1865. Вып. 46. С. 1344–1347. В статье рассказывается о молебне, совершенном еп. Игнатием, приведена его речь ко всем собравшимся.

¹⁵⁹ Слово о смерти, составленное Игнатием, бывшим епископом Кавказским и Черноморским, ныне пребывающим на покое в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии. СПб.: изд. В. Аскоченского, 1862. 194 с. Др. изд.: СПб., 1863.

¹⁶⁰ Матвеевский П. [Рецензия] // Странник. 1863. Т. 3. Сент. Библиогр. С. 26–28.

¹⁶¹ Отзыв на рецензию сочинений преосвященного Игнатия, сделанную священником Павлом Матвеевским // Домашняя беседа. 1864. Вып. 3. С. 63–70; Вып. 4. С. 91–101; Вып. 5. С. 127–132. Подп.: Православный Отд. отт.: СПб., 1864. Под назв.: Отзыв Православного

на рецензию Слова о смерти и других сочинений епископа Игнатия священником Павлом Матвеевским, помещенную в сентябрьской книжке за 1863 год духовного журнала “Странник”.

¹⁶² Антоний (Амфитеатров Я. Г.). Догматическое богословие Православной Кафолической Восточной Церкви с присовокуплением общего введения в курс богословских наук, составленное ректором Киевской Духовной академии, доктором богословия архимандритом Антонием. Киев, 1848. Др. изд.: СПб., 1849; М., 1852; СПб., 1862. Указанное святителем издание 1857 г. в РНБ отсутствует.

¹⁶³ Книга правил св. апостол, св. соборов вселенских и поместных и св. отец. СПб., 1839. На церк.-слав. яз. Др. изд.: СПб., 1843; М., 1862; 1866; 1893; 1992.

¹⁶⁴ Иннокентий (Смирнов И. Д.). Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII века в пользу духовного юношества. Отд. 1–2. СПб., 1817. Др. изд.: СПб., 1820–1821; 1823; 1834; 1838; 1842; 1849; 1857.

¹⁶⁵ Fleury C. Histoire du christianisme (connue sous le nom d' ecclésiastique). Vol. 1–6. Paris, 1836–1837.

¹⁶⁶ Иоанн Дамаскин. Точное изложение Православной веры: Пер. с греч. М., 1844. Др. изд.: М., 1855; СПб., 1894; Ростов н/Д., 1992.

¹⁶⁷ Макарий Египетский. Преподобного отца нашего Макария Египетского, нареченного Великим, духовные преподобные беседы о совершенстве, христианам приличном.../Пер с греч. еп. Моисея. Ч. 1–2. М., 1820. Др. изд.: М., 1839; 1851.

¹⁶⁸ Макарий Египетский. Слова преподобного отца нашего Макария Египетского/Пер. с греч. иеродиака. Германа. СПб.: изд. Св. Синода, 1817.

¹⁶⁹ Макарий (Булгаков М. П.). Православно-догматическое богословие: В 5 т. СПб., 1849–1853. Др. изд.: СПб., 1856–1857; 1868; 1883; 1895; Коломна, 1993; М., 1999.

¹⁷⁰ Отдельное издание “Прибавления” вышло до 1865 г. см.: Прибавление к слову о смерти. Взгляд на мнение западных о духах, аде и рае и особо дополнительные свидетельства (цитаты) о местонахождении ада и рая. Составленное Игнатием, епископом, жительствовавшим на покое в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии. СПб., 1864.

¹⁷¹ Слово о смерти и прибавление к нему. 2-е изд. испр. и доп. Ярославль, 1869. Др. изд.: СПб., 1881, 1886, 1900.

¹⁷² Иван Ильич Глазунов (1826–1889) — представитель издательской и книготорговой фирмы Глазуновых, основанной в 1782 году и издававшей собрания сочинений русских писателей, труды истори-

ков, педагогов и пр. Свт. Игнатий отмечал в письме от 18 апр. 1863 г.: “Сердечно радуюсь, что Ивану Ильичу пришла благая мысль издать мои сочинения на свой кредит. Смею думать, что он сделает благодеяние всему отечественному христианскому обществу, доставив духовное чтение не из того образования, которое дает школа, сообщающая одни знания по букве, но которое приобретено монастырскою жизнью” (Собрание писем. 1995. С. 570).

¹⁷³ Сочинения епископа Игнатия: В 4 т. СПб.: тип. И. И. Глазунова, 1865–1867.

¹⁷⁴ Избранные изречения св. иноков и повести из жизни их, собранные епископом Игнатием/Вступ. и заключение авт.-сост. СПб.: тип. И. И. Глазунова, 1870. На шмуцтителе загл.: Отечник, составленный епископом Игнатием.

¹⁷⁵ Судьбы Божии: Предсмертное творение епископа Игнатия (Брянчанинова), жительствовавшего на покое в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии/Предисл. П. А. Брянчанинова. СПб.: тип. И. И. Глазунова, 1867.

¹⁷⁶ О терпении скорбей, учение святых отцов, собранное епископом Игнатием, жительствовавшим на покое в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии/Предисл. П. А. Брянчанинова. Ярославль: тип. Г. В. Фальк, 1868.

¹⁷⁷ О молитве Иисусовой: Беседа между старцем и учеником его. СПб.: тип. И. И. Глазунова, 1867.

¹⁷⁸ Три статьи, не бывшие в печати, епископа Игнатия (Брянчанинова). Ярославль: изд. П. Брянчанинова, 1870.

¹⁷⁹ Игнатий (Брянчанинов). Письма к мирянам//Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова и письма преосвященнейшего к близким ему лицам. СПб., 1881. С. 1–144 2-й паг.